

УДК
К 64
89.087

П. Б. КОНОВАЛОВ

ХУННУ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Улан-Удэ, 1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт общественных наук

П. Б. КОНОВАЛОВ

ХУННУ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ

(Погребальные памятники)

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ, 1976

Введение	3
Глава I. Краткая история изучения хунну	8
Глава II. Погребальные памятники хунну	20
Общие сведения о распространении и типах могил. Топография могильников	20
Ильмовая падь	25
Черемуховая падь	80
Дэрестуйский Кулдук	134
Глава III. Погребальный обряд хунну	150
Устройство могил и обряд захоронения в Ильмовой и Черемуховой падах	151
Устройство могил и обряд захоронения Дэрестуйского Кулдука	165
Глава IV. Погребальный инвентарь хунну	173
Предметы вооружения и доспехов	173
Предметы конского снаряжения	180
Предметы сбруи и одежды	183
Предметы одежды и украшения	185
Предметы быта и культа	193
Глава V. Некоторые итоги исследования	207
Список сокращений	220
Таблицы иллюстраций	221

Ответственный редактор
доктор исторических наук профессор

Е. М. Залкинд

Коновалов Прокопий Батюрович

ХУННУ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

(Погребальные памятники)

БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ СО АН СССР

89087

Редактор ред-изд. отдела филиала С. С. Имхелова

Редактор издательства Э. Н. Тюменцева

Техн. редактор Б. Г. Цыренова

Корректоры Г. П. Карнышева, Е. И. Борисова

Сдано в набор 13/IV-1976 г. Подписано к печати 24/XII-1976 г.
Формат 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 21,70. Уч.-изд. л. 20,27. Тираж 1000 П-04840.
Цена 1 р. 52 коп. Заказ № К-112.

Иркутская областная типография № 1 областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.
Бурятское книжное издательство, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Abstract

Abstracts provide necessary evidence regarding the research project and are an essential part of the research process. They are also a key component of the research process.

Abstracts are a key component of the research process. They are also a key component of the research process.

Abstracts are a key component of the research process. They are also a key component of the research process.

Abstracts are a key component of the research process. They are also a key component of the research process.

Abstracts are a key component of the research process. They are also a key component of the research process.

Abstracts are a key component of the research process. They are also a key component of the research process.

Abstracts are a key component of the research process. They are also a key component of the research process.

и восточных соседей — дунху, сяньби. Но в конце I века из восточных племен усилились сяньбийцы, которые и нанесли северным хунну окончательное поражение в 93 году н. э.

После разгрома осколки хуннских войск двинулись на запад, покоряя и втягивая в орбиту своего движения наиболее активную часть племен степной полосы Евразии, что и получило название «великого переселения народов».

Европа, испытавшая в IV—V веках н. э. сокрушительные набеги неведомых гуннов (хунну), описанные в трудах античных авторов о Скифии и Кавказе, только в XVIII веке, после знакомства с сочинениями китайских летописцев, узнала о существовании народа с подобным именем в центре Азии. Хотя сходство названий, зафиксированных восточными и западными источниками, служило, казалось бы, вполне надежным основанием для отождествления европейских гуннов и азиатских хунну, в исторической науке с тех пор обсуждался вопрос о происхождении и взаимном отношении этих двух народов. Дискуссия эта, на наш взгляд, имела под собой достаточно серьезные основания. Продолжительность (три с половиной века) движения хунну на запад до окончательного их поражения в Западной Европе и громадные пространства, через которые прошли они, смешиваясь с различными племенами в местах длительного пребывания, не способствовали однозначному решению этих вопросов.

Однако как бы ни решался вопрос об идентичности хунну и гуннов и их этнической принадлежности, всегда было очевидно (таковы были исторические факты), что вся проблема складывается из двух частей: первой — относящейся к области центральноазиатской истории, и второй — входящей в сферу европейской медиевистики. Совершенно ясно было также и то, что вопрос об азиатских хунну является основным и составляет самостоятельную проблему. И поэтому здесь мы вправе оставить в стороне вопрос о западных гуннах и обратиться целиком к восточным хунну.

Хотя изучение истории и культуры хунну базируется на двух видах источников — письменных и археологических (обстоятельство не столь уж частое в науке, но весьма благоприятное), до сих пор в хуннологии остается много неясного, в том числе и самые важные вопросы — ранняя история или формирование этой культуры, этническая и языковая принадлежность ее носителей и наследие ее в истории и культуре народов Центральной и Средней Азии и Южной Сибири.

Как бы ни были важны письменные источники, они не дают нам всесторонней характеристики хуннского общества, они неполны и не всегда объективны. История археологического изучения хунну доказывает это со всей очевидностью. Научные труды, созданные на археологическом материале, намного обогатили наши знания и представления о хунну. В них хуннские памятники совершенно справедливо рассматриваются как единый ярко выраженный археологический комплекс, характеризующий весьма самобытную древнюю культуру.

Вместе с тем надо отметить, что все выводы и построения ученых основаны, как правило, на материалах лишь нескольких наиболее выдающихся памятников хунну — таких, как могильник Ноин-Ула в Монголии и могильники Ильмовая падь и Дэрестуйский Кулдук, как Иволгинское городище в Бурятии. Если наиболее яркие и эффектные находки из этих памятников широко вошли в научный оборот и стали почти хрестоматийным материалом, переходящим из одного сочинения в другое, то многочисленные ранее известные и ряд вновь открытых памятников на территории Бурятской АССР и МНР оставались и поныне

остаются мало исследованными, а имеющиеся материалы из них недостаточно использованы в литературе.

Из вышесказанного становится понятным, что при обращении к хуннской теме все ошутимее становится потребность в массовом, серийном материале, так необходимом для надежного обоснования многих предположений и выводов. Необходимо расширять фронт работы, вести параллельные исследования могильников и поселений, словом, изучать культуру хунну систематически и углубленно, привлекая материалы со всей территории ее распространения, выявляя в ней и общее, и особенное.

С исследованием поселений забайкальских хунну дело обстоит лучше. Начиная с 1949 года систематично и планомерно, хотя и с перерывами, ведутся раскопки сначала Иволгинского городища, а в последние годы — поселения в Дуренах на Чикое. Что же касается открытых еще в конце XIX века хуннских кладбищ Юго-Западного Забайкалья, то они были подвергнуты лишь самому предварительному обследованию и поныне составляют громадный, еще не разработанный археологический фонд.

Назревшую задачу продолжить исследования этих памятников взял на себя Институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1965—1972 годах под руководством автора проведены полевые изыскания на юге Бурятии, в местах наибольшего распространения памятников забайкальских хунну. Кроме общего обследования и картографирования памятников автором проведены стационарные раскопки в трех местах: Черемуховой и Ильмовой надях близ г. Кяхты и Дэрестуйском Култуке в низовье р. Джиды, близ с. Дэрестуй. В результате проведенных работ получен достаточно большой свежий материал, не только значительно пополнивший вещественные источники по хунну, но и вызвавший необходимость в свете их заново пересмотреть и оценить весь накопленный ранее археологический материал.

Если в вещеведческом отношении работы Ю. Д. Талько-Грынцевича — первооткрывателя хуннских древностей, не заслуживают какого-либо упрека, то существенным упущением в его изысканиях было отсутствие специального интереса к устройству погребальных сооружений в целом. Это определило применение способа раскопки могил так называемым «колодцем», исключавшего возможность проследить связь между наружной и внутренней конструкцией памятников. В раскопках Ю. Д. Талько-Грынцевич не практиковал также метода сплошной расчистки объекта с целью точной фиксации в чертежах и фотоснимках. Лишь в одном случае, судя по публикации, им составлен план-схема наружной кладки могилы, но это не документальный чертеж, а схема. Той же схематичностью и приблизительностью характеризуются его наброски внутренней обстановки могил. В результате, раскопав большое количество могил, Ю. Д. Талько-Грынцевич не выяснил многих подробностей устройства и обряда погребения хунну. Разумеется, это не вина исследователя, который отнюдь не был профессионалом в археологии, а его беда: такова была методика работы на любительском уровне.

Таким же способом — «колодцем» были «разработаны» П. К. Козловым и А. Д. Симуковым ноннулинские курганы, кроме одного, раскопанного под руководством специально приглашенного в экспедицию в качестве консультанта археолога С. А. Теплоухова.

Не лишены были некоторых недостатков и раскопки Г. П. Сосновского и Ц. Доржсурэна. При всем авторитете Г. П. Сосновского, внесшего огромный вклад в изучение памятников забайкальских хунну, приходится отмечать иногда неточность его полевых наблюдений. Впрочем,

они объясняются, пожалуй, кратковременностью и небольшим объемом раскопочных работ, имевших по существу разведывательный характер и, к сожалению, более не возобновлявшихся.

Ц. Доржсурэн, признавая основные погрешности предыдущих исследователей, в своих работах, однако, не раскрывает собственных методических приемов и даже не приводит графической документации материалов. Это делает малоубедительной, в частности, его классификацию наземных сооружений рядовых могил, раскопанных им на территории Монголии.

Возобновление исследования могильников хунну требовало от нас методически продуманного подхода к полевым работам. Одной из главных и вместе с тем трудных задач было изучение внешнего устройства могил, то есть выяснение формы или, если угодно, архитектуры надмогильных кладок и сооружений.

Трудность заключалась не только в естественном разрушении, но и в том, что почти все хуннские могилы, как правило, разграблены. В такой ситуации только вскрытие могил широкими площадями и самая тщательная расчистка всей их поверхности могли дать картину первоначальной конструкции и последующего ее разрушения. Именно этого способа вскрытия мы и придерживались.

При раскопке могил в глубину мы также применяли метод «широкой расчистки», согласно которому могильная яма расчищалась не по ее контурам, а значительно шире. Это обеспечивало, во-первых, простор и хорошее освещение для работы и, во-вторых, точность контуров ямы и грабительского хода. Многократная послойная фиксация (в чертежах и фотоснимках) при таком способе расчистки позволяла получить строго согласованную в плане и разрезе документацию раскапываемых могил.

В основу монографии, таким образом, легли новые материалы раскопок автора. Наряду с ними в работе использованы доступные ему вещественные материалы из хранилищ Ленинграда, Улан-Удэ и Кяхты, а также архивные и печатные источники, относящиеся к хуннским захоронениям Забайкалья и Монголии.

Автор намерен дать полное описание нового материала, систематизировать и обобщить его вместе с соответствующими опубликованными и неопубликованными данными, наконец, исследовать и рассмотреть все это как исторический источник.

Собранный материал позволяет нам впервые в литературе посвятить специальную главу погребальным обрядам хунну, в которой, думается, необходимо рассмотреть устройство могил, ритуалы захоронения, выявить общие черты и частные варианты погребального обряда в различных местах сосредоточения могильников.

Появилась также возможность сделать свод погребального инвентаря хунну, произвести посильную его классификацию, установить серии тех или иных категорий вещей и, насколько позволяют обстоятельства, решить вопросы сравнительного анализа его на фоне соответствующих данных из сопредельных территорий.

Автор сознает, что не все поставленные задачи решены в равной мере, одни элементы обряда выяснены и описаны лучше, другие — хуже, одни категории вещей представлены большой серией, другие — малой.

В целом же изложенный в основных главах материал, кажется, дает возможность шире и по-новому осветить некоторые стороны культуры хунну. Для более полного и всестороннего обобщения проблемы ряд вопросов нуждается в дополнительном историко-археологическом исследовании. И потому в заключительной главе мы пока ограничились обобщением основных аспектов истории и культуры хунну, выводами,

данной ими материальной культуры и ее места среди других степных культур.

Разумеется, не эти выводы и заключения автор считает главными в предлагаемой работе: они не могут быть бесспорными и исчерпывающими. Главное здесь, очевидно, заключается в новом документированном материале, дающем представление о материальной культуре хунну и позволившем впервые дать систематическое описание их погребально-го комплекса (обряда и инвентаря).

Автор глубоко благодарен учащимся школ, техникумов, училищ, вузов Улан-Удэ, Усть-Орды, Кяхты, Иркутска, Читы, а также всем, кто по долгу службы принимал участие в раскопках, помогал в камеральной обработке и подготовке иллюстративного материала.

Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю академику А. П. Окладникову, ответственному редактору и коллегам, сделавшим ценные замечания при подготовке рукописи.

Глава I

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХУННУ

Политическая и военная история хунну хорошо известна по письменным источникам. Китайская историческая литература полна сообщениями о династиях вождей хунну, о многочисленных победах и поражениях не только в хунно-китайской борьбе, но и в войнах на дальних западных и восточных пределах хуннских владений — с племенами дунху, ухуань, сяньби, усунь, юэчжи и другими. В ней уделено также место, хотя и фрагментарно, описанию нравов и обычаев, образа жизни и военной организации хунну.

Все эти сведения мы находим в трудах китайских историков-летописцев, современников самих хунну, с которых и следует начинать историографию хуннской проблемы. Основателем хуннологии можно считать автора «Исторических записок» («Ши-цзи») Сыма Цяня, жившего во II веке до н. э. Последователем Сыма Цяня был историк Бань Гу, написавший в конце I века н. э. «Историю династии Хань» («Хань-шу»). Историком Фань Е в V веке н. э. написана «История поздней династии Хань» («Хоу-Хань-шу»). Можно также назвать много более поздних сочинений, в которых содержатся известия о хунну из исторических преданий, летописей и сочинений древних историков и философов¹.

Достоянием европейской, а затем и мировой науки китайские исторические сочинения стали в XVIII веке благодаря переводам французских миссионеров, которые позволили французскому Дегиню составить первую сводку истории кочевых народов Центральной Азии под названием «История Хуннов, Тюрков, Монголов и прочих восточных татар до и после Рождества Христова»². Продолжателями его дела явилась целая плеяда европейских ученых XVIII—XIX веков, занимавшихся центральноазиатскими проблемами. Э. Паркер, де Гроот, Н. Я. Бичурин, каждый самостоятельно, перевели на свой язык те сведения из китайских летописей, которые имеют отношение к многочисленным племенам Центральной Азии, в том числе и к хунну.

Среди европейских исследователей следует отметить выдающуюся заслугу русского ученого Н. Я. Бичурина (Иакинфа). Знаток китайского языка, длительное время проживший в Китае и осуществивший перевод многих китайских сочинений о кочевниках, Н. Я. Бичурин поднял изучение Центральной Азии на ступень выше современной ему европейской науки. Его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» открыл целую эпоху русского востоковедения и до сих пор служит важнейшим источником для кочев-

¹ См.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. Изд. 1-е. СПб., 1851; изд. 2-е. М.—Л., 1950; В. С. Гаскин. Материалы по истории сюнну. М., 1968, вып. 1; 1973, вып. 2.

² I. Deguignes. Histoire des Huns, des Turks, des Mongols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'a present. Paris, 1756—1758.

никоведения вообще и истории хунну в частности. Со времен Н. Я. Бичурина приоритет самого глубокого и всестороннего изучения Центральной Азии в историческом и даже в естественно-географическом отношении всецело принадлежит русской и советской науке.

Кроме разработки политической и военной истории хунну, важнейшей задачей хунноведения всегда было выяснение их этнической принадлежности. В попытках решить этот вопрос ученые опирались лишь на лингвистические данные — немногочисленные хуннские слова и краткие тексты, зафиксированные в китайских письменных источниках. Скучность этих данных и возможность различного их толкования не столько помогали решению вопроса, сколько усложняли его. Назревала необходимость привести в порядок все высказанные мнения и дать им оценку.

Обстоятельный обзор литературы, вышедшей до 1925 года, сделал К. А. Иностранцев в своей книге «Хунну и Гунны»³, содержание которой определено ее подзаголовком: «Разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов». Это замечательное сочинение, подвергнувшее обстоятельному анализу все существовавшие к тому времени концепции, завершает длительный период историографии хунну, который базируется исключительно на письменных источниках.

Теория славянского происхождения хунну давно отмерла, финская близка к этому, но тюркская и монгольская все еще имеют своих сторонников и противников. Интересно отметить, что, по сообщению Ц. Доржсурэна, монгольские ученые придерживаются теории монголоязычности хунну, но в последнее время некоторые китайские исследователи писали о тюркоязычности хунну, что свидетельствует о влиянии на них теории европейских ученых, главным образом советских тюркологов⁴.

Археологические памятники хунну впервые были открыты в конце XIX века в Юго-Западном Забайкалье Ю. Д. Талько-Грынцевичем, жившим в то время в старинном забайкальском городе Троицкосавске и работавшим в тех краях уездным врачом. Человек высокообразованный, антрополог, любитель старины, он с большим энтузиазмом занимался изучением древностей и объездил почти все Юго-Западное Забайкалье. Объектом его особого внимания оказались могилы древних обитателей, которые он раскапывал в большом количестве. Многолетние систематические исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича явились, по словам А. П. Окладникова, поистине основополагающим вкладом в археологическое изучение Забайкалья⁵.

Как выясняется теперь, в шестнадцати пунктах в междуречье Джиды, Селенги, Чикоя и Хилка Ю. Д. Талько-Грынцевичем раскопано около 100 хуннских могил «в срубках» и «гробах». Но самые крупные по масштабам раскопки были произведены в местности Ильмовая падь в 23 км к северу от Кяхты, где им раскопано 33 могилы «в срубках», и в местности Дэрестуйский Култук на левом берегу р. Джиды, где вскрыто 26 могил «в гробах»⁶. Остальные обследованные им памятники расположены в местностях Хара-усу, Гуджир-мыгэ, Оргойтон, Ургун-хун-

³ К. А. Иностранцев. Хунну и Гунны. Л., 1926.

⁴ См.: Ц. Доржсурэн. Умард Хунну (Северные хунну). Улаанбаатар, 1961.

⁵ См.: А. П. Окладников. Кяхтинский музей краеведения и его вклад в археологию Забайкалья.—«Труды Кяхтинского музея краеведения им. акад. В. А. Обручева и Кяхтинского отд. Геогр. о-ва СССР», т. 18. Улан-Удэ, 1961.

⁶ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади.—«Труды ТКОРГО», 1898, т. 1, вып. 2.

дуй, Царам, в окрестностях Усть-Кяхты (в Бору, на Увале, на западной стороне Увала, в Липовском), Суджи (Средние Суджи, Убур Суджи), Бурдун, Эдуй и Сухой ручей⁷.

По широте охваченной территории и по объему произведенных раскопок исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича весьма значительны. Им открыто подавляющее большинство всех известных ныне местонахождений памятников хунну в Забайкалье, кроме найденного позднее Иволгинского комплекса (городище с могильником) под г. Улан-Удэ, территориально далеко оторванного от основного центра сосредоточения хуннских памятников.

В одной из своих статей и итоговой работе⁸ Ю. Д. Талько-Грынцевич сделал попытку классифицировать обследованные им памятники. Могилы «в срубах» и «в гробах» он относил к разному времени, не видя между ними никакой связи. Погребения «в срубах» он предположительно, но совершенно правильно связывал с хунну, а захоронения «в гробах» склонен был связывать с киргизами или тунгусами. Позднее выяснилось, что хунну принадлежат и те, и другие. Так в прогнозах этого ученого сказались глубина и широта его познаний, а в его ошибках — неизбежные трудности первооткрывателя.

Нельзя сказать, что первые открытия кяхтинского ученого вызвали оживленную реакцию, — скорее до некоторого времени они не были соответствующим образом оценены в научных кругах. Однако последующие археологические открытия в Монголии — раскопки хуннских курганов в горах Ноин-Ула, произведенные в 1924—1925 годах экспедицией П. К. Козлова с участием археологов С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, вызвали огромный интерес к забайкальским памятникам, ибо предварительное сравнение показало бесспорное их родство с монгольскими⁹.

С. А. Теплоухов уже тогда относил все находки из Северной Монголии, Юго-Западного Забайкалья, Минусинского края и Алтая к одной культуре и предполагал ее принадлежность хунну¹⁰.

Предыстория открытия хуннских памятников Монголии такова. Приблизительно в 130 км к северу от Улан-Батора и в 250 км к югу от Кяхты в лесистых падах Гуджиртэ, Цзурумтэ и Судзуктэ горного массива Ноин-Ула по системе р. Хара еще в 1912 году техником-золото-промышленником общества «Монголор» А. Я. Баллодом, производившим в этих местах поиски золота, были встречены старые, громадных размеров ямы, заросшие кустарником и вековым сосновым (большой частью) лесом. Приняв эти объекты за следы старинных горных разработок, разведчики золота заложили в двух из них шурфы и обнаружили множество разнообразных предметов материальной культуры, свидетельствующих о наличии там захоронений. 9 марта 1913 года А. Баллод написал в Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества (ВСОРГО) письмо под заглавием «Древние могилы неизвестной народности на вершинах притоков р. Хара в Монголии», в котором просил ученых объяснить значение его находок. Вслед за этим А. Бал-

⁷ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.—«Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 3; 1900, т. III, вып. 1; 1900, т. III, вып. 2—3; 1901, т. IV, вып. 2; 1903, т. VI, вып. 2.

⁸ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами.—«Труды ТКОРГО», 1905, т. VIII, вып. 1; его же. Население древних могил и кладбищ забайкальских. Верхнеудинск, 1928.

⁹ См.: П. К. Козлов. Северная Монголия. Ноин-Улинские памятники.— В кн.: Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925; С. А. Теплоухов. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула.— Там же; Г. И. Боровка. Культурно-историческое значение находок экспедиции.— Там же.

¹⁰ С. А. Теплоухов. Указ. соч., с. 20—22.

лод отправил в Иркутск собранные им коллекции, и между ним и ВСОРГО завязалась переписка.

По сообщениям Я. Н. Ходукина¹¹, ВСОРГО пытался изыскать возможности для производства раскопок, ища содействия у ученых специалистов и научных учреждений. Но дальше переписки дело не пошло: средств у ВСОРГО не оказалось, а Академия наук, куда он обратился, не смогла ассигновать в годы первой мировой войны необходимых средств. «На целый десяток лет отодвинулось дело, начатое, и довольно удачно, А. Я. Баллодом. И чтобы оно воскресло вновь, понадобилась железная воля, неослабевающая энергия старого исследователя П. К. Козлова»¹².

Экспедицией П. К. Козлова в Ноин-Уле было раскопано, кроме баллодовского, еще 6 больших и 4 малых погребения, напоминавших по внешнему виду аналогичные могилы Ильмовой пади. Все курганы, за исключением одного, раскапывались сравнительно узким «колодцем» размером 2,2 × 2,2 м, что, конечно, не давало возможности всесторонне обследовать памятник. Лишь один курган был раскопан под руководством С. А. Теплоухова способом «открытой разработки» с целью выяснения всех деталей погребального сооружения. Но, как нам кажется, эта попытка не увенчалась полным успехом: взаимосвязь наружной и внутренней конструкции кургана показана лишь в самых общих чертах¹³. Впрочем, возможно, таково было устройство этого погребения вообще, или исследователям помешала его разрушенность.

Однако внутри ноинулинских могил, несмотря на их большую глубину, были прослежены фундаментальные погребальные камеры в виде двойного бревенчатого сруба (наружного и внутреннего) с деревянным саркофагом внутри. Наряду с внушительными размерами курганов и оригинальностью погребальных камер внутри могил исследователей поражали богатство и пышность обряда захоронения, что дало основание считать ноинулинские памятники погребениями хуннских вождей и знати.

Огромной удачей была также находка в одном из погребений (курган № 6) лаковой чашечки с китайской надписью, по которой ученым удалось с большой точностью датировать раскопанные курганы рубежом нашей эры. Надпись, прочитанная сначала профессором Кюммелем (Берлин), затем японским археологом Умехарой в 1928—1930 годах, указывала дату изготовления чашечки — 2 год до н. э. и место, куда она предназначалась — дворец Шанлинь¹⁴. А. Н. Бернштам¹⁵, сопоставляя вещи из 6-го кургана и сведения из «Цянь Хань-шу» предполагает, что в данном случае мы имеем дело с захоронением хуннского шаньюя Учжюлю Жоди, который в 1 году до н. э. побывал на приеме у китайского императора во дворце Шанлинь и умер в 13 году н. э. Если это так, а доводы А. Н. Бернштама, на наш взгляд, весьма убедительны, то Ноин-Ула дает нам редчайший случай установления абсолютной даты археологического памятника.

Ноинулинские находки вызвали в свое время сенсацию в научных кругах. Они демонстрировались на международных выставках в Берлине (1929 г.), Ленинграде (1935 г.) и Лондоне (1937 г.). Кроме предварительных сообщений П. К. Козлова, С. А. Теплоухова и Г. И. Бо-

¹¹ Я. Н. Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск, 1926.

¹² Там же, с. 9.

¹³ См.: С. А. Теплоухов. Указ. соч.

¹⁴ См.: К. В. Тревер. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг.—«Сообщ. ГАИМК», 1931, № 9—10.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историческо-археологическое значение.—«Изв. АН СССР», отд-ние обществ. наук, 1937, № 4.

ровки¹⁶, в отечественной и зарубежной печати появился целый ряд научных работ, посвященных этим находкам¹⁷.

Наиболее систематизированная, но все еще не полная публикация материалов экспедиции была сделана К. В. Тревер на русском и английском языках¹⁸, а историко-археологическая оценка основных категорий вещей была дана А. Н. Бернштамом¹⁹. Самое же полное освещение и детальный анализ ноннулинских материалов сделаны позднее С. И. Руденко²⁰. В большинстве остальных указанных работ нашли интерпретацию отдельные предметы, наиболее выдающиеся в культурно-историческом, искусствоведческом, художественном, технологическом и других отношениях.

Одним из важных и дискуссионных вопросов, широко обсуждавшихся в мировой литературе, была трактовка богатейшей орнаментики тканей и ковров, а также некоторых художественных изделий из металлов с точки зрения их сюжета и стилистики. Обсуждая проблему так называемого «скифо-сибирского» культурного единства кочевников, казавшуюся тогда многим несколько абстрактной, советские исследователи ставили вопросы о конкретно-исторических особенностях материальной культуры хунну.

В свете замечательных открытий в Северной Монголии по-новому должны были заговорить забайкальские материалы, добытые в свое время Ю. Д. Талько-Грынцевичем. И вместе с тем стала очевидной необходимость их пополнения новыми данными. Поэтому в программе работы специальной Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1928—1929 годов, возглавляемой Г. П. Сосновским, были предусмотрены исследования хуннских памятников. Г. П. Сосновскому удалось произвести раскопки II погребения на самом крупном кладбище хунну в Ильмовой пади²¹ и положить начало изучению хуннского поселения на р. Нижней Иволге вблизи г. Улан-Удэ. Кроме того, этой экспедицией

¹⁶ См.: «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии...», Л., 1926.

¹⁷ См.: W. Jelts. Discoveries of Kozlov expedition. Burlington, 1926 (Reprinted from the Burlington Magazine, of April 1926); П. Толль. Скифы и гуны. Прага, 1928; М. Н. Ростовцев. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; M. Rostovtzeff. The animal style in South Russian and China.—«Princeton Monographs in Art and Archaeology», XIV. Leipzig—London, 1929; К. Тревер. Находки из раскопок в Монголии.—«Сообщ. ГАИМК», 1931, № 9—10; Camila Trever. Excavation in Northern Mongolia (1924—1925). Leningrad, 1932; A. Alföldi. Die geistigen Grundlagen des hochasiatischen Tierstiles.—«Forschungen und Fortschritte», 1931, № 20; A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.—«Archeologia Hungarica», 1932, vol. 9; A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933; A. Salmony. Der erste Fund von Noin-Ula.—«Artibus Asia», 1930—1934, № 2—3; J. Werner. Zur Stellung der Ordosbronzen. Eurasian Septentrionales Antiques, IX. Helsinki, 1934; А. Н. Бернштам. К вопросу о социальном строе восточных гунов.—ПИДО, 1935, № 9—10; его же. Изображение быка в находках ноннулинских курганов.—ПИДО, 1935, № 5—6; «Историческая правда в легенде об Огуз-кагане».—«Сов. этногр.», 1935, № 6; его же. Гуннский могильник Нойн-Ула...; его же. Очерки истории гунов. Л. Изд-во Ленингр. ун-та, 1951; Намори, Канда и Каямото. Отчет об исследовании древних могил у деревни Охри, волости Дагонганмэи, уезда Дагонгун, провинции Пхен ан Намдо в 1930 г. Сеул, 1935 (на японском языке); Ashton and Gray. Chinese Art. London, 1936; К. Кононов. Восстановление первоначальных окрасок ковра из Нойн-Улы. М.—Л., 1937; Mc. Govern. The Early Empire of Central Asia. The University of North Carolina Press, 1939; S. Umemura. Studies of Noin-Ula finds in Northern Mongolia. Tokyo, 1960; The Togo Bunka publication, series A, N 27; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноннулинские курганы. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1962.

¹⁸ См.: К. В. Тревер. Находки из раскопок в Монголии; его же. Excavation in Northern Mongolia...

¹⁹ См.: А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Нойн-Ула...

²⁰ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов... М.—Л., 1962.

²¹ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади.—«Сов. археол.», VIII, 1946.

было обнаружено одно местонахождение с остатками захоронений, предположительно, хунну в местности Хара-Бусун на правом берегу Чикоя²².

Таким образом, работы первой Бурят-Монгольской экспедиции наряду с большими успехами в археологическом изучении края ознаменовались введением в науку одного из важнейших памятников хунну — Иволгинского городища. Следует отметить, что открытие этого памятника связано с успешно начинавшим в то время свою деятельность Бурят-Монгольским научным обществом, по инициативе которого Монгольской комиссией АН СССР было принято решение об организации упомянутой экспедиции. Первые сведения об Иволгинском городище появились в печати благодаря В. В. Попову, члену этого общества, осмотревшему городище по сигналам местных жителей²³.

Уже предварительное обследование вновь открытого памятника хунну — оседлого поселения дало значительные материалы для суждения об уровне развития этого народа, оставившего и многочисленные могильники на территории Забайкалья и Монголии. В находках Нижне-Иволгинского поселения Г. П. Сосновским отмечен ряд бесспорных аналогий с предметами из погребений Ноин-Улы и Ильмовой пади. «Хотя вещевой комплекс с Иволгинского городища и немногочислен по составу предметов, но все же достаточно характерен для того, чтобы его можно было на основании сравнения с инвентарем гуинских могил в Забайкалье и Северной Монголии отнести к I в. до н. э. — I в. н. э.»²⁴, — писал он в первой своей публикации об этом памятнике.

Кроме Иволгинского, в Забайкалье известно еще одно поселение на левом берегу Чикоя у с. Дурены, где еще во времена Ю. Д. Талько-Грынцевича были произведены первые сборы подъемного материала, а в 1925 году Г. Ф. Дебецом раскопаны остатки трех жилищ — землянок²⁵. Материалы из Дурен были рассмотрены Г. П. Сосновским в его статье «О поселении гуинской эпохи в долине р. Чикоя»²⁶, где автор отмечает их сходство с инвентарем Дэрестуйского могильника.

После Г. Ф. Дебеца и по сей день на выдувах Дуренского поселения неоднократно производились сборы подъемного материала разными исследователями, чьи коллекции поступали в Кяхтинский музей. В целом находки из Дурен — разнообразная керамика, железные и бронзовые изделия, бусы из цветных камней, сошники, шлак, следы очагов, кости животных и другие — свидетельствуют о больших размерах поселения, способного дать при обстоятельном его обследовании богатейший материал об оседлой культуре хунну.

Своими раскопками в Ильмовой пади и на Иволгинском городище, а также внимательным изучением материалов Ю. Д. Талько-Грынцевича из Дэрестуйского Култука и других местонахождений на юге Бурятии Г. П. Сосновский подтвердил первые предположения ученых о родстве монгольских и забайкальских погребений и принадлежности их хунну²⁷. Собранный им материал, в особенности новые данные из Иволгинского городища, раскрыли перед исследователями такие ранее неизвестные стороны жизни хунну, как оседлость, земледелие, ремесло,

²² Архив ЛОИА, архив Г. П. Сосновского, ф. 42, д. 207, 208.

²³ См.: «Отчет о деятельности Бурят-Монгольск. научн. о-ва им. Д. Банзарова за 1926—1929 гг.». Верхнеудинск, 1929.

²⁴ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище.— ПИДО, 1934, № 7—8.

²⁵ Материал Г. Ф. Дебеца хранится в Музее антропологии и этнографии и Эрмитаже в Ленинграде, дневник Г. Ф. Дебеца — в Иркутском краеведческом музее, а выписки из него имеются в архиве ЛОИА, архив Г. П. Сосновского, ф. 52, д. 210.

²⁶ Г. П. Сосновский О поселении гуинской эпохи в долине р. Чикоя.— КСИИМК, XIV, 1947.

²⁷ См.: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1—2.

строительство и прочие, которые, однако, нуждались в дальнейшем более подробном исследовании. Анализируя весь материал из поселений и погребений, Г. П. Сосновский пришел к выводу о полукочевом характере хозяйства хунну. Тезис этот обстоятельно развивался им в ряде статей, посвященных истории скотоводства в Прибайкалье и Забайкалье, а также в неопубликованных его работах²⁸.

Смерть Г. П. Сосновского помешала довести до конца задуманную им сводную работу по хунну. Однако все материалы, накопленные к тому времени разными исследователями, были собраны и систематизированы в рукописи «Гуннские памятники Забайкалья»²⁹.

Исследования Г. П. Сосновского следует рассматривать как начало качественно нового этапа изучения хуннской проблемы на базе целого комплекса археологических памятников.

Археологические исследования 20—30-х годов в Забайкалье и Минусинском крае (С. В. Киселев, Г. П. Сосновский), Алтае (С. И. Руденко, М. П. Грязнов, С. В. Киселев) и Средней Азии (М. П. Грязнов, А. Н. Бернштам) дали советским ученым много материалов для изучения внутренних процессов кочевых обществ и их социально-экономической истории. Широкое сопоставление археологических данных из этих областей способствовало правильному пониманию общих закономерностей, а на их фоне — конкретных путей развития отдельных культур, их взаимовлияний и взаимоотношений.

В этом аспекте А. Н. Бернштам на максимально широком историческом фоне обобщил письменные источники и археологические материалы о хунну в своих «Очерках истории гуннов»³⁰. Книга эта подытоживает многолетние исследования автора по хуннской проблеме и дает последовательную историю восточных и западных гуннов. Но автор не стремился к исчерпывающему изложению истории зарождения, развития и упадка первого в Центральной Азии государства, а основной его задачей было теоретически обобщить и оценить с марксистско-ленинских позиций историко-социальное значение и последствия хуннских завоеваний. Задача эта была решена А. Н. Бернштамом смело и оригинально. С точки зрения постановки и характеристики важнейших проблем, связанных с хунну, с эпохой «великого переселения народов», книга А. Н. Бернштама явилась значительным вкладом в науку, хотя в ней имеются и весьма спорные положения.

Большое место в книге уделяется разработке среднеазиатского этапа их истории, являющегося связующим звеном между центральноазиатскими хунну и их восточноевропейскими потомками. Однако прямая связь с хунну открытых А. Н. Бернштамом так называемых подбойных или катакомбных захоронений в Семиречье и Центральном Тянь-Шане³¹ оспаривается исследователями среднеазиатских древностей³².

Хотя в книге А. Н. Бернштама недостаточно использован археологический материал, устарели трактовки некоторых явлений, в целом она является удачной попыткой связать археологические данные с пись-

²⁸ Архив ЛОИА, ф. 42, д. 220, 275.

²⁹ Там же, д. 219.

³⁰ А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951.

³¹ См.: А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940; его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.—«Сов. археол.», XI, 1949; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.—МИА, 1952, № 26.

³² См.: С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника.—КСИИМК, 1956, вып. 64; его же. Средне-азиатские подбойные и катакомбные захоронения.—«Сов. археол.», XXVI, 1956; Г. А. Акишев и К. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.

менными источниками, и невозможно назвать ее шагом назад в хунологию, как это сделал Л. Н. Гумилев³³.

В то время, когда А. Н. Бернштам писал свои «Очерки истории гуннов», в Забайкалье уже велись новые раскопки Иволгинского хуннского городища. Спустя 20 лет после первых раскопок Г. П. Сосновского исследование этого памятника было возобновлено в 1949 году второй Бурят-Монгольской археологической экспедицией, возглавляемой А. П. Окладниковым³⁴. Инициатива возобновления и расширения археологических работ на этот раз исходила от Бурят-Монгольского института культуры и экономики при поддержке Республиканского и Кяхтинского краеведческих музеев и диктовалась назревшей необходимостью продолжить систематические исследования по археологии Забайкалья.

В четырехлетней программе новой академической экспедиции значительное место было уделено раскопкам хуннского поселения, которыми руководил в 1949—1950 годах В. П. Шилов. Предварительные отчеты о двухлетних раскопках на городище появились в местной и центральной печати³⁵. Общая оценка проделанной работы и краткие выводы опубликованы в отчетах руководителя экспедиции А. П. Окладникова и в «Истории Бурят-Монгольской АССР»³⁶. Разнообразный вещественный материал, ярко рисующий культуру и образ жизни обитателей городища, существенным образом пополнили картину, нарисованную Г. П. Сосновским³⁷.

С 1955 года в течение многих лет с небольшими перерывами и по сей день ведутся систематические исследования этого памятника под руководством А. В. Давыдовой, сначала силами Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, затем — Ленинградского университета.

В 1956 году параллельно с раскопками городища начались раскопки одноименного могильника, расположенного рядом и связанного с этим поселением. Теперь городище и могильник составляют единый археологический комплекс уникального значения. Городище с многочисленными жилищами, мастерскими по обработке железа, бронзы, камня, кости и керамики, со сложным ремесленно-земледельческим и скотоводческим хозяйством и могильник, оставленный населением городища, дают прекрасные возможности для понимания многих сторон жизни хунну, не отраженных в письменных источниках. Весь материал, полученный из Иволгинского комплекса, позволяет датировать время его существования в пределах II—I веков до н. э.³⁸

Бурят-Монгольской археологической экспедицией, руководимой А. П. Окладниковым, было открыто еще два хуннских памятника. На правом берегу р. Джиды ниже местности Хара-усу обнаружен могильник Хужир-дэби, по всем признакам аналогичный погребениям Дэре-

³³ Л. Н. Гумилев. Хунну. М. Изд-во вост. лит., 1960, с. 9.

³⁴ А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1951, т. VIII, № 5; его же. Работа Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг.—«КСИИМК», 1952, вып. XLV.

³⁵ См.: А. В. Давыдова, В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г.—«Зап. БМНИИ», 1951, т. XIII; 1952, т. XIV.

³⁶ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Улан-Удэ, 1959.

³⁷ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище.— ПИДО, 1934, № 7—8.

³⁸ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище.—«Сов. археол.», XXV, 1956; ее же. Новые данные об Иволгинском городище.—«Труды БКНИИ», вып. 3. Улан-Удэ, 1960; ее же. The Ivolga Gorodishche—a monument of the Hung-nu culture in the Trans-Baical region. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 20. Budapest, 1968; ее же. Раскопки Иволгинского могильника.—«Археол. открытия 1970 года». М., «Наука», 1971.

стуйского Култука и Гуджирмыгэ, находящимся по соседству³⁹. Собранные на нем разнообразные вещи погребального ритуала, в том числе совершенно новые, ранее не встречавшиеся в хуннских могильниках, дали интересный дополнительный материал для характеристики хуннской культуры.

Другой могильник обнаружен в Черемуховой пади недалеко от знаменитой Ильмовой пади. Находясь в глуши лесистого горного массива Бургултай, до 1950 г. эти могилы, по-видимому, не попадали в поле зрения исследователей. Но в указанном году по сообщению охотников, случайно обративших внимание на «странные ямы» в верховье Черемуховой пади, А. П. Окладников и Р. Ф. Тугутов зафиксировали там новый могильник. Первые раскопки в Черемуховой пади были произведены в 1957 году под общим руководством А. П. Окладникова Кяхтинским краеведческим музеем при участии его директора Р. Ф. Тугутова и антрополога Н. Н. Мамоновой (Институт этнографии, Москва), принимавшей ранее участие и в рекогносцировочных работах 1955 года⁴⁰.

Одновременно с археологическими работами в Бурятии в 50-х годах, почти через 30 лет после раскопок П. К. Козлова, были возобновлены исследования памятников хунну в Монголии. Но надо отметить, что еще в 1926—1927 годах, сразу же после экспедиции П. К. Козлова, в Ноин-уле были продолжены археологические работы сотрудником Комитета наук МНР А. Д. Симуковым, раскопавшим по одному кургану в падах Судзуктэ и Цзурумтэ. Находки Симукова были очень интересными, особенно из богатого погребения с тканями, коврами, лакированной чашечкой с иероглифической надписью и другими предметами. Расшифровка надписи на чашечке снова показала дату ее изготовления — 1 год н. э. (ср. дату — 2 год до н. э. на чашечке, найденной экспедицией П. К. Козлова), что является еще одним успехом в датировке хуннских памятников⁴¹.

В 1952 и 1956 годах сотрудник Комитета наук МНР Х. Пэрлээ обнаружил и предварительно обследовал 4 городища хунну в Центральном, Хэнтэйском и Чойбалсановском аймаках МНР⁴².

В 1954—1957 годах Ц. Доржсурэн велась археологические разведка и раскопки хуннских погребений в Центральном и Архангайском аймаках. Им обследовано 5 могил и 8 так называемых «жертвенных мест» в Ноин-уле (падь Судзуктэ) и 26 рядовых погребений в местности Гол-мод в бассейне р. Хуни-гол⁴³.

По результатам исследований монгольских археологов и используя советскую и зарубежную литературу о хунну, Ц. Доржсурэн написал книгу «Умард хунну» («Северные хунну») ⁴⁴. Труд этот является первой сводкой археологических данных о хунну в Монголии, значительная часть которых была собрана самим автором, с привлечением всех имеющих к тому времени публикаций по забайкальским памятникам.

Труд Ц. Доржсурэна представляет опыт широкого обобщения не только археологического материала, но и критического использования

³⁹ А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии.

⁴⁰ См.: Н. Н. Мамонова и Р. Ф. Тугутов. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади.—«Археол. сб. БКНИИ», вып. I. Улан-Удэ, 1959.

⁴¹ Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 61—62.

⁴² См.: Х. Пэрлээ. Хун нарын гурван хэрмийн улдэц. (Остатки трех городищ хунну).—ШУХХ. Улаанбаатар, 1957; его же. Хэрлэн Барс гэдэг эвдэрхий хотыг малтан шинжилсэн тухай. (О раскопках развалин Хэрлэн Барс-хот)—ШУХБ. Улаанбаатар, 1957.

⁴³ См.: Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на р. Хунигол (1954—1957 гг.).—«Монгольский археол. сб.». М., Изд-во АН СССР, 1962.

⁴⁴ Ц. Доржсурэн. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961.

письменных первоисточников. В нем на основе описания могильников и поселений автор дает датировку памятников, характеристику социально-экономического и политического строя и культуры северных хунну. В этой книге учтены все хуннские памятники Монголии и Забайкалья. Это дало возможность ее автору значительно шире, на большом фактическом материале осветить жизнь, быт, экономику, социальную структуру и духовную культуру хуннского общества. Сильной стороной книги Ц. Доржсурэна является хорошо разработанная датировка памятников с его дополнительными аргументами и интересными сопоставлениями письменных и вещественных данных, хотя и в пользу уже существующей датировки отдельных вещей.

Исследования хуннских памятников на территории МНР продолжают. Имеются предварительные сообщения об открытиях в 1971 году Советско-монгольской историко-культурной экспедицией под руководством А. П. Окладникова погребений хунну в местности Тэвшуул Убурхангайского аймака в предгорье Монгольского Алтая⁴⁵ и в 1972 году — еще четырех хуннских городищ в Центральном, Хэнтэйском и Восточном аймаках страны⁴⁶.

Активизация и успехи хуннской археологии в 50-х годах вновь усилили внимание к ней мировой исторической науки. Значительно оживилась работа в этой области науки в Японии. В связи с хуннскими памятниками Монголии и Забайкалья постоянный интерес у японских археологов вызывают древности Внутренней Монголии, Маньчжурии и Кореи. В работах С. Умехары и Р. Фудзиты⁴⁷, Н. Эгами и С. Мицуно⁴⁸ опубликованы отдельные предметы, аналогичные находкам из хуннских погребений. Специальные статьи, посвященные хунну, имеются у Н. Эгами⁴⁹. И наконец, С. Умехара в 1960 году осуществил свое давнее намерение опубликовать материалы Ноин-улы, с которыми он ознакомился, будучи в Ленинграде в 1928 и 1930 годах⁵⁰.

Пристальное внимание к азиатским хунну и их вкладу в историю Европы со стороны венгерской науки выразилось в появлении на страницах научных журналов целой серии публикаций и статей, посвященных различным археологическим находкам на территории Юго-Восточной Европы, связываемых венгерскими учеными с историей западных гуннов⁵¹. В 1961—1962 годах была организована совместная Монголо-

⁴⁵ См.: В. В. Волков. Раскопки в Монголии.— В кн.: Археологические открытия 1971 года, М., «Наука», 1972, с. 554.

⁴⁶ См.: Э. В. Шавкунов. Обследование гуннских городищ в Монголии.— В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., «Наука», 1973, с. 506.

⁴⁷ См.: С. Умехара и Р. Фудзита. Обзор древностей культуры Кореи. Тесэн кобунка сокан, 1947, т. I; 1959, т. III (на японск. яз.).

⁴⁸ См.: Н. Эгами и С. Мицуно. Inner Mongolia region of the Great Woll.— «Archaeologia orientalis», seria B, vol. 1. Tokyo—Kioto, 1935 (на англ. яз.).

⁴⁹ См.: Н. Эгами. Древняя культура Севера. Эпоха Фу. (Исследования о культуре сюнну). Кодай хоку-хо бунка. Токио, 1948 (на япон. яз.); его же. Экономическая жизнь сюнну.— «Зап. Ин-та восточной культуры при Токийском ун-те», 1956, XI. Токио (на япон. яз.); Труды XXV Междунар. конгресса востоковедов», т. 5. М., 1963 (на рус. яз.).

⁵⁰ S. Umehara. Studies of Noin-Ula finds in Northern Mongolia.— «The Togo Bunka publication», Series A, № 27. Tokyo, 1960 (на япон. яз.).

⁵¹ I. Harmatta. The golden Bow of the Huns.— «Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae», t. 1. Budapest, 1951, fasc. 1—2 (Гуннский золотой лук. Резюме на рус. яз.); I. Harmatta. The dissolution of Hun Empire. Hun Society in the age of Attila.— «Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae», t. 11. Budapest, 1952, fasc. 4. (Распад гуннской державы. Резюме на рус. яз.); Gy. Laszlo. The significance of the Hun Golden Bow.— «Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae», t. 1, Budapest, 1951. (Значение гуннских золотых луков. Резюме на рус. яз.); I. Nemeskeri. An antropological Examination of Recent Macrocephalic finds.— «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 11. Budapest, 1952, fasc. 1—3. (Новые макроцефальные находки гуннского времени. Резюме на рус. яз.); Г. Ме-

Венгерская археологическая экспедиция, результаты которой частично нашли свое освещение в отчетах И. Эрдейи, Л. Ференци, Т. Тота и М. Füres⁵².

И наконец, в свете вышеупомянутых археологических изысканий 50-х годов возникла необходимость вновь систематизировать письменные и вещественные данные по истории и культуре хунну. Этим, по-видимому, можно объяснить появление таких книг, как «История хуннов» Ф. Альтхайма, «Хунну» Л. Н. Гумилева, «Культура хуннов и ноинулинские курганы» С. И. Руденко и «Материалы по истории Сюнну» В. С. Таскина, «Мир хуннов» О. Мэнчен-Хэлфена⁵³.

Книга Л. Н. Гумилева «Хунну» — это систематическое изложение истории восточных хуннов с древнейших времен до распада их государства и изгнания сяньбийцами. Автор предпринял попытку вновь сделать сводку всех письменных источников и максимально подробно изложить политическую и военную историю хунну. Книга написана преимущественно по данным исторической литературы с привлечением археологической. Экскурсы Л. Н. Гумилева в археологию Центральной Азии и Южной Сибири в связи с историей хунну иногда поверхностны и страдают, на наш взгляд, произвольной трактовкой некоторых вопросов, в особенности связанных с предысторией этого народа.

Совсем другого характера работа С. И. Руденко «Культура хуннов и ноинулинские курганы». В ней впервые в полном объеме показаны и подвергнуты всестороннему анализу материалы Ноин-улы, добытые экспедицией П. К. Козлова. На их основе, а также по данным, полученным в Забайкалье, С. И. Руденко детально разобрал и описал материальную культуру хунну в отличие от предшествовавших ему авторов, которых больше привлекала политическая история хунну и в меньшей степени интересовала их культура. Однако книга написана без учета новых материалов, добытых при раскопках в Ноин-уле А. Д. Симуховым, Х. Пэрлээ и Ц. Доржсурэном, не учтены в ней и некоторые новейшие данные раскопок Иволгинского городища с могильником. Впрочем, отмеченное упущение не умаляет ценности этой содержательной и богато иллюстрированной книги, представляющей собой добротный, можно сказать, археолого-этнографический очерк о хунну.

га и. Гунно-германские могильные находки из с. Сирмабешене ком. Боршод.— «Archaeologiai ertesito», vol. 79, 1952, 2 szam. (на венгер. яз. Резюме на рус. яз.): F. Althelm. Das Auftreten des Hunnen in Europa.— «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, 1952, t. II, fasc. 4. (Первые следы появления гуннов в Европе; резюме на рус. яз.); Д. Чаллань. Аварское погребение с сожжением в Багуйфалу. Мат-лы к погребальным обрядам и археол. памятникам кутургур-болгар (гуннов).— «Archaeologiai ertesito», vol. 80, 1953, 2 szam (на венгер. яз.; без резюме); То же. Определение археологического наследия кутургурских болгар (гуннов).— «Archaeologiai ertesito», vol. 90, 1963, 1 szam, (на венгер. яз.); К. Шаги. Могила гуннской эпохи в г. Кестхей.— «Archaeologiai ertesito», vol. 82, 1955, 2 szam (на венгер. яз.; резюме на рус. яз.).

⁵² И. Эрдейи. Раскопки в Ноин-Уле. Отчет Монголо-Венгерской совместной археологической экспедиции 1961 г.— «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, 1952, t. IV, fasc. 3—4, (на венгер. яз.); И. Эрдейи. Отчет о работе монголо-венгерской экспедиции 1961 г.— «Archaeologiai ertesito», vol. 89, 1962, 1 szam, (на венгер. яз.); И. Эрдейи и Л. Ференци. Отчет о работе монгольской экспедиции 1962 г.— «Archaeologiai ertesito», vol. 90, 1963, 1 szam, (на венгер. яз.); T. Toth. Paleoantropological Finds from the valley Hudjirte (Noin-Ula, Mongolia).— «Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae». Budapest, 1962, t. 14, fasc. 3—4. (Палеоантропологические находки из долины Гуджиртэ, Ноин-Ула, Монголия), (на англ. яз.).

⁵³ F. Althelm. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959; Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962; В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну. М., 1969, вып. I; 1973, вып. II; O. Maenchen-Helfen. The world of the Huns. University of Carolina Press, Los Angeles, London, 1973.

В «Материалах по истории хунну», подготовленных В. С. Таскиным, собраны основные сведения из китайских источников в новом переводе. Появление такой книги обусловлено необходимостью в связи с успехом археологии, этнографии и лингвистики пересмотреть и уточнить переводы Н. Я. Бичурина, чей труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» в некоторых отношениях, естественно, устарел.

В предисловии и примечаниях к своему труду В. С. Таскин указывает на недостатки и ошибки переводов Н. Я. Бичурина и на основе внесенных им исправлений дает в качестве введения сжатый исторический обзор истории хунну с древнейших времен до начала их упадка и очерк политической организации хуннского государства. Работа В. С. Таскина является весьма ценным пособием и значительным вкладом в хуннологию.

И наконец, из изданий общего характера, где освещена история хунну, отметим «Всемирную историю»⁵⁴, «Очерки истории СССР»⁵⁵, «Историю Бурят-Монгольской АССР»⁵⁶ и «Историю Сибири»⁵⁷, в которых использованы наиболее важные письменные и археологические источники.

Таковы в общих чертах основные этапы изучения хуннской проблемы и ее историографическое наследие на сегодняшний день. Подводя итог описанию исследований наших предшественников, можно отметить следующее. Описание хунну занимает значительное место в древней и средневековой китайской историографии. На ней базировалась европейская литература о хунну вплоть до конца XIX века. В последней пашли всестороннюю интерпретацию письменные источники, по которым воссоздана военная и политическая история хунну, главным образом, периода их расцвета и упадка, дополняемая часто точными датами и конкретными именами предводителей. Но как бы добросовестно ни были переработаны эти источники, они не в состоянии дать нам полного и живого представления о хунну, их культуре и физическом облике.

Качественно новый этап в разработке хуннской проблемы начался с открытием археологических памятников. Археология пополнила и подкрепила наши знания о хунну конкретными вещественными доказательствами и в ряде случаев внесла существенные поправки и уточнения в скупые и трафаретные упоминания письменных источников. Она, таким образом, дает исследователю практически неисчерпаемые возможности. Однако эти возможности становятся осуществимыми только с развитием науки вообще и археологической методики в частности.

В конечном же счете изучение хунну все же базируется на двух видах источников: письменных и археологических, что бывает не столь уж часто в науке. Комплексное изучение всех источников по истории хунну, постоянно пополняемых новыми открытиями, безусловно обогатит наше понимание исторического процесса Центральной Азии и прольет свет на еще не выясненные стороны культуры кочевого объединения, оставившего яркий след в истории Азии и Европы.

⁵⁴ «Всемирная история», т. II. М., 1956.

⁵⁵ «Очерки истории СССР», кн. I — «Первобытнообщинный строй». М.—Л. Изд-во АН СССР, 1956.

⁵⁶ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Улан-Удэ, 1959.

⁵⁷ «История Сибири», т. I. Л., «Наука», 1968.

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ХУННУ

Общие сведения о распространении и типах могил. Топография могильников

Археологическими изысканиями охвачены основные районы распространения хуннских древностей (см. табл. 1 и 2). На севере они простираются почти до Байкала, на юго-западе — до Монгольского Алтая, на востоке захватывают Восточный аймак МНР. Материалы, связанные с культурой хунну, имеются среди экспонатов краеведческих музеев Среднегобийского, Южногобийского и некоторых других аймаков МНР.

Итак, хуннские памятники встречаются на огромной территории юго-восточной части Центральной Азии, включающей всю Монголию и Юго-Западное Забайкалье. Изучены они очень неравномерно. Из поселений обследовано лишь Иволгинское городище, расположенное на крайних северных пределах хуннских владений. Все более или менее изученные могильники находятся в долинах р. Селенги и ее многочисленных притоков, в местности с горно-степным ландшафтом.

Хотя общее количество выявленных погребальных памятников хунну велико, несомненно, многое еще не найдено или, что много хуже, разрушено самой природой или людьми. Тем не менее 1427 известных хуннских могил, подсчитанных нами (см. табл. 1 и 2), составляют громадный археологический фонд, почти третья часть которого, как видно из таблицы, уже раскопана различными исследователями.

Среди древностей Забайкалья и Монголии хуннские могильники выделяются своеобразным внешним видом и топографическим положением. К сожалению, все они разграблены¹, а иногда, сверх того, еще и разрушены выдувами и пахотой.

Процесс разрушения и давность обследования забайкальских памятников побудили автора осмотреть все «хуннские места» на территории Бурятии с целью их классификации и картирования². Это дало возможность сделать предварительное заключение об особенностях отдельных групп погребений.

Подавляющее большинство памятников, кроме Иволгинского комплекса, находится на сравнительно небольшой территории южной Бурятии, ограниченной треугольником Дэрестуй — Кяхта — Бичура, в междуречье Джиды, Селенги, Чикоя и Хилка (см. рис. 1). По топографическому положению различаются две группы памятников: могильни-

¹ Ограбление могил происходило, как показали раскопки, вскоре после захоронения.

² См.: П. Б. Коновалов. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича. (Археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье). — «Труды БИОН», вып. 12, сер. востоковеден. Улан-Удэ, 1969.

Сведения о распространении и исследовании могильников хунну в Забайкалье
(Бурятская АССР)

Местонахождение (название) могильника	Администра- тивный район	Всего насчиты- вается могил	Раскопано могил						Всего					
			Талько- Грынцевичем (1896—1902)	Сосновским (1928—1929)	Окладни- ковым, Тугутовым, Мамоновой (1950—1957)	Давыдо- вой (1949— 1970)	Коноваловым (1965—1971)	больших малых						
			больших	малых	больших	малых	больших	малых	больших	малых				
Иволгинский	Улан-Удэ	> 216	—	—	—	—	—	—	—	216	—	—	216	
Дэрестуйский	Култук	> 32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32
Хара-Усу	»	> 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Хужир-Дэби	»	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	?
Гуджир-Мыгэ	»	> 30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Оргойтон	»	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Ургун-Хундуй	Кяхтинский	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Царам и Хухундэр	»	20 + 8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Усть-Кяхта	»	> 13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Средние Суджи	»	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Убур Суджи	»	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Ильмовая падь	»	> 300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Черемуховая падь	»	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Бурдун	»	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Хара-Бусун	»	> 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Эдуй	Бичурский	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Сухой ручей	»	> 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего		> 866	2	1	12	2	216	1	40	369	1	40	369	

Сведения о распространении и исследовании могильников хунну в Монголии

Местонахождение (название) могильника	Административный район	Всего насчитывается могил	Козловым, Тепло- уховым, Боровкой (1924—1925)		Симуковым (1926—1927)		Доржсурэнгом (1954—1964)		Всего
			больших	малых	больших	малых	больших	малых	
Ноен-уул	Центральный	230	9	4	2	1	14	30	
Сельбе	»	> 11	—	—	—	—	—	—	
Хуний-гол	Архангайский	300	—	—	—	1	26	27	
Сэбийн бэлхийн	Центральный	Сведений нет	—	—	—	—	—	—	
Баянцогт сомон	»	»	—	—	—	—	—	—	
р. Ингэг	»	»	—	—	—	—	—	—	
р. Гашуун	Архангайский	»	—	—	—	—	—	—	
Онгон сомон	Сухэбаторский	Есть только подъемный материал	—	—	—	—	—	—	
		> 541	9	4	2	2	40	57	

Примечание: кроме того, мы не располагаем сведениями о количестве могил, исследованных В. В. Волковым в 1971 году, у горы Тэвш-уул Убурхангайского аймака МНР.

ки, расположенные в лесистых падах, в глубине горных массивов, вдали от больших рек, и могильники, расположенные вблизи рек на открытых склонах или на ровном месте.

К первым относятся могилы в Ильмовой и Черемуховой падах, в Суджи, Цараме, Оргойтоне, Эдуе, Ургун-Хундуе и Бурдуе. Последний отличается от остальных тем, что находится на открытой местности, хотя также удален от воды.

По наружному виду все эти могилы однотипны. В большинстве своем это невысокие насыпи из камней и земли в виде кольцевого вала вокруг неглубокой пологой впадины. Разница между углублением и возвышением в зависимости от размеров могил — в среднем 30—50 см, но нередко доходит до 1 м. У некоторых же насыпь почти не заметна и выглядит как наброс камней вокруг едва заметной впадины. Могилы, находящиеся в лесу, обычно профилированы резче, чем могилы, расположенные на открытом месте. По погребениям, утратившим первоначальную форму, трудно судить о их внешнем устройстве, но изредка среди камней, беспорядочно выступающих вокруг ям, прослеживаются четырехугольные очертания, хотя чаще наземная часть могил воспринимается как беспорядочный разброс камней.

Из основной массы малых или рядовых могил в некоторых местах, а именно в Ильмовой пади, Цараме, Оргойтоне, Ю. Д. Талько-Грынцевич и Г. П. Сосновский выделяли крупные сооружения в виде обширных курганообразных насыпей диаметром до 20—25 м со впадинами посередине. Отличительной особенностью этих погребений, кроме внушительных размеров, было наличие у некоторых примыкающей к ним с южной стороны насыпи в виде хвоста или шлейфа. У самых крупных могил по краям основной насыпи, а также «шлейфа» кургана, как бы обрамляя их в виде ограды, из земли выступают камни, напоминающие фундаментальные кладки. Однако без расчистки определить характер и форму их невозможно.

Ко второй группе памятников относятся могилы в Дэрестуйском Култуке, Гуджирмыгэ, Хужир-Дэби, Хара-Бусуне и устье Иволги (Иволгинский могильник). В результате выдувов и использования территории в хозяйственных целях эти могилы плохо сохранились. Трудно сказать, каковы были у них наземные сооружения и были ли они вообще. «Настоящую форму могил трудно восстановить благодаря их разрушению. Можно полагать, что могилы не были очень высоки и были обложены лишь сверху небольшим количеством камней. Почва здесь песчаная, и, судя по уцелевшим могилам, гроб лежал на глубине 1—2 м...», — писал Ю. Д. Талько-Грынцевич о Дэрестуйском могильнике³. Абсолютно аналогичные могилы он видел в Гуджирмыгэ, выделяя оба могильника в особый тип погребений «в гробах» на небольшой глубине, с неопределенной кладкой из камней на поверхности, якобы ничего общего не имеющий с суджинским типом могил «в срубках».

Последующее сравнительное изучение Ю. Д. Талько-Грынцевичем этих типов могил на основе новых археологических данных, полученных с территории Монголии и Забайкалья, показало их различие не только во внешнем виде, но и частично в инвентаре и деталях похоронного обряда.

О топографии хуннских памятников Монголии известно из работ П. К. Козлова, С. А. Теплоухова и Ц. Доржсурэна⁴. Знаменитые ноин-

³ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами, с. 41.

⁴ П. К. Козлов. Северная Монголия. Ноин-улинские памятники.— В кн.: Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии... Л., 1925; его же. Дары Монголии.—«Сов. Азия», 1930, № 3—4; С. А. Теплоухов. Указ. соч.; Ц. Доржсурэн. Умард хунну: его же. Раскопки могил хунну...

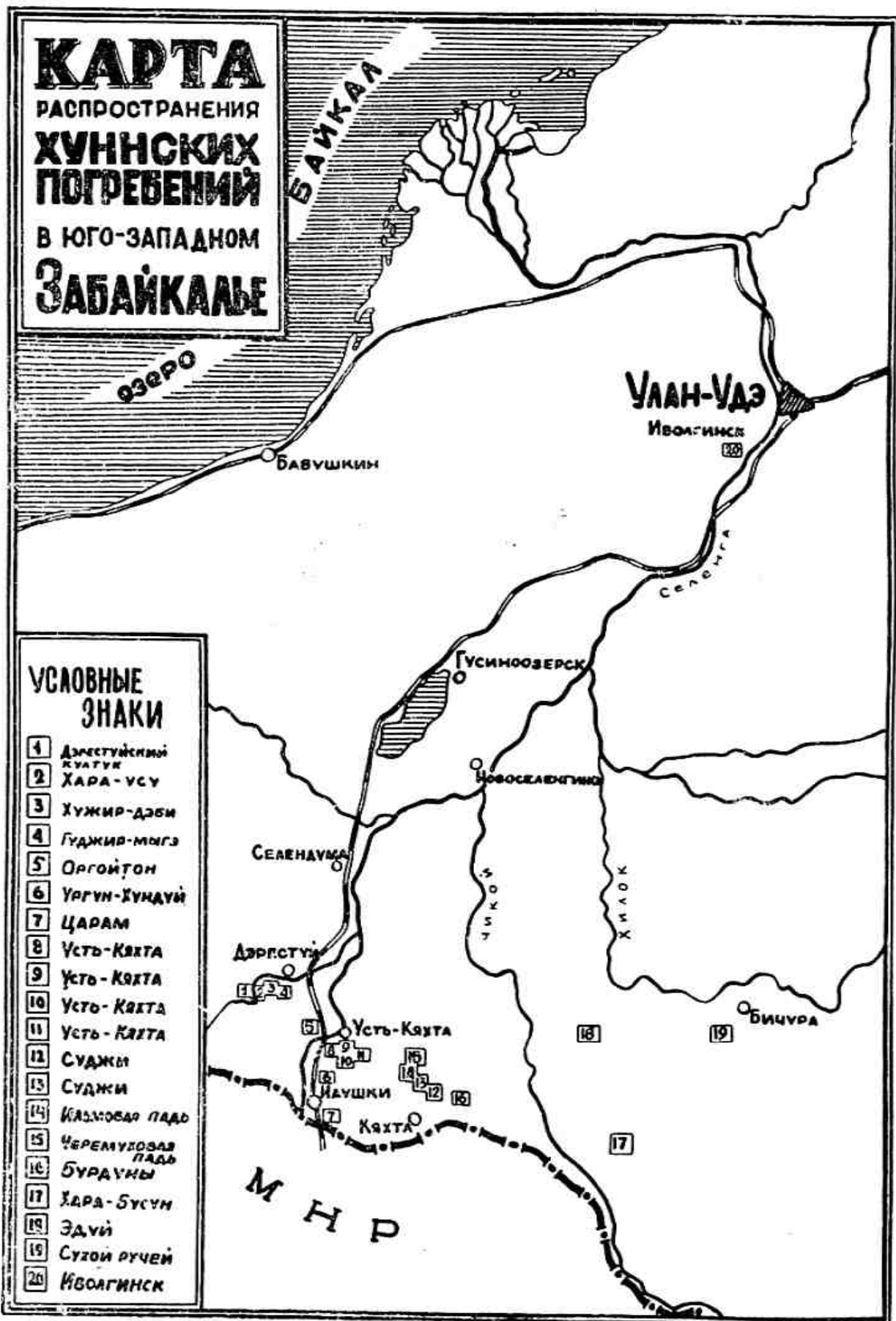

Рис. 1

улинские могильники, расположенные, по описанию П. К. Козлова, среди расчлененных живописных гор Ноин-ула, в трех соседних лесистых падах Судзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ, на водоразделе притоков р. Хара, составляют, по-видимому, полную аналогию с так называемыми курганами Суджинской или Кяхтинской группы могильников, куда входят Ильмовая падь, Суджи и Черемуховая падь. Однако надо заметить, что название «курганные погребения» следует пока считать условным до окончательного выяснения наземных конструкций могил.

О других памятниках, открытых позднее на территории МНР, Ц. Доржсурэн пишет: «Кроме того (автор имеет в виду найденные им небольшие ранее не известные группы могил. — П. К.) в результате разведок, проводившихся в последние годы, в нескольких местах обнаружены могильные поля хунну. В 10 км севернее г. Улан-Батора, около дома отдыха Сельбе, на седловине горы, покрытой лесом, открыт гуннский могильник, состоящий из 11 могил, в том числе 4 больших с дромосом⁵; на территории Ханоеут и Хайрхан сомонов Архангайского аймака, в бассейне р. Хуни-гол в лесистых падах Урт, Шивертей, Мухар Шивертей, Дээд Шивертей, Ихе Халзан, Бага Халзан и Гол-мод также обнаружены могилы хунну, общее число которых около 300. По внешнему виду они разделяются на две группы: квадратные в плане с дромосом и рядовые могилы в виде круга»⁶.

О новейших находках на горе Тэвш-уул у Монгольского Алтая В. В. Волков пишет: «Внешне курганы выглядели примерно одинаково. Кольцеобразная невысокая насыпь с западиной в середине. Западина, как впрочем и кольцеобразная форма насыпи, — результат ограбления могил. Первоначально они, по-видимому, были подчетыреугольными»⁷.

Таким образом, перечисленные могильники относятся к первой группе забайкальских могильников, то есть топографически связанной с лесистыми падами. Выяснить, насколько основательна эта предварительная классификация могил по их внешнему виду и топографическому положению, помогут только раскопки — раскопки тщательные и методически безупречные. Опыт же наших раскопок показал, что дело это не легкое, и выводы, к которым мы пришли, в ряде случаев остаются в области предположений.

Ниже дается описание раскопанных нами погребений в Ильмовой и Черемуховой падах и Дэрестуйском Култуке.

Ильмовая падь

Могильник в Ильмовой пади — самый крупный из всех известных памятников этого рода в Забайкалье и по географическому положению занимает центральное место среди них. Ильмовая падь расположена в 23 км к северу от г. Кяхты, справа от кяхтинского шоссе, если ехать с юга на север. К югу от нее находится падь Суджи (в 22 км от Кяхты) и к северу — Черемуховая падь (в 25 км от Кяхты). Все три пади вершинами обращены на восток и врезаются в лесистые хребты, а устьями выходят к шоссе.

Общая протяженность Ильмовой пади с востока на запад — приблизительно 3 км, ширина в верховьях — около 1 км, в устье — около 2 км. Падь покрыта лесом, что затрудняет общий обзор расположенных

⁵ Дромос выражен внешне (до раскопок) в виде вытянутого шлейфа, идущего от кургана к югу.

⁶ Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну., с. 41.

⁷ В. В. Волков. Раскопки в Монголии, с. 556.

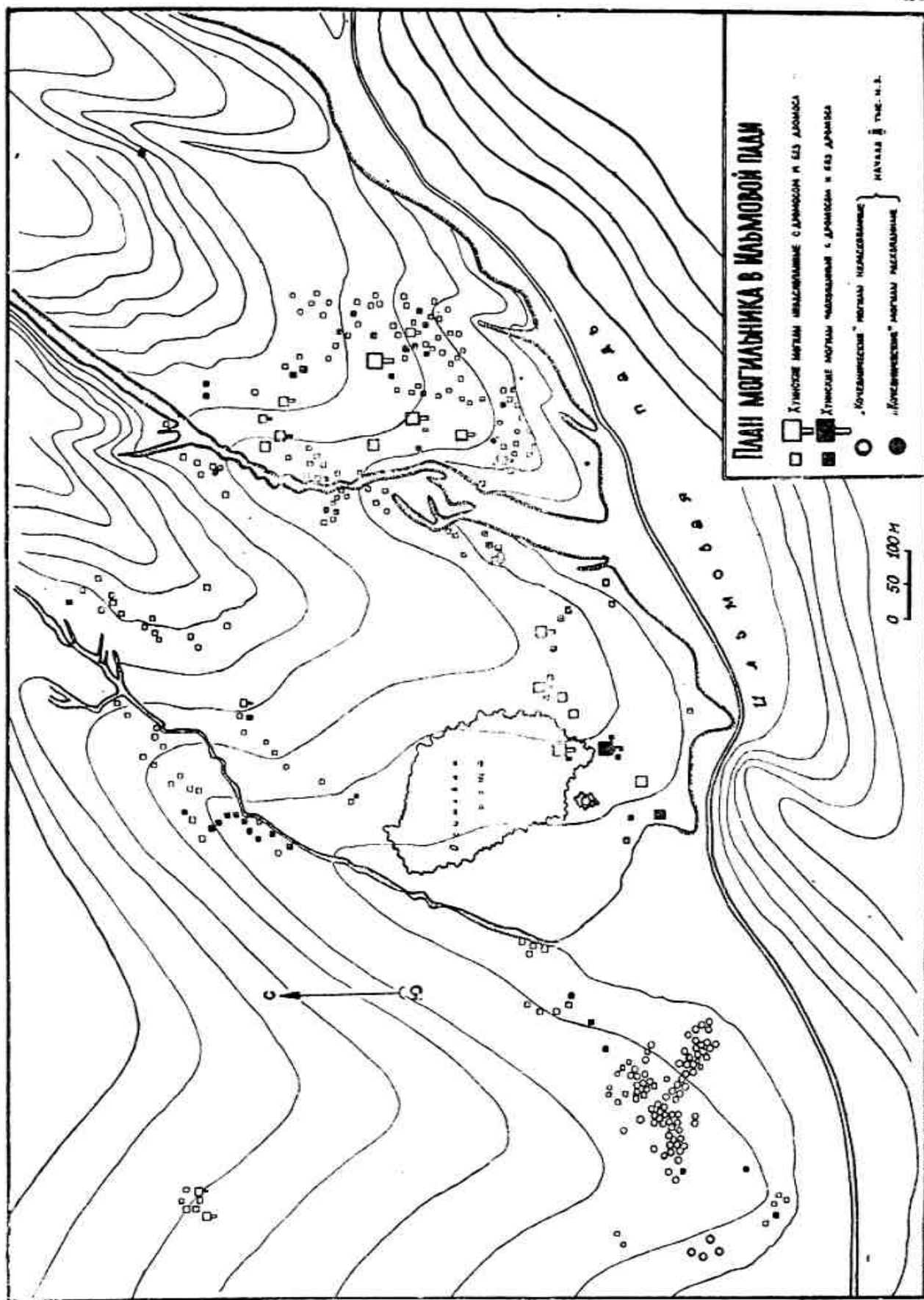

Рис. 2

в ней погребений. Следует заметить, что во времена Ю. Д. Талько-Грынцевича лес здесь был значительно реже и моложе.

Могила расположена на северном пологом склоне пади, изрезанном кое-где поперечными балками. Ю. Д. Талько-Грынцевич в своем описании делит весь могильник на отдельные площади⁸. Такое деление является условным и продиктовано рельефом местности, но не свидетельствует о какой-либо системе в расположении могил. Большинство их сосредоточено в густом сосновом лесу в средней части пади. Крайняя западная группа могил находится в устье пади на границе леса по склонам лощины, где, собственно, и кончается сама Ильмовая падь (см. рис. 2).

Ранее осуществленные раскопки показали, что могильник, состоящий из различных по размерам и внешнему виду могил, представляет большой интерес для науки. Поэтому, несмотря на то, что он был исследован больше других (по количеству раскопанных погребений), мы

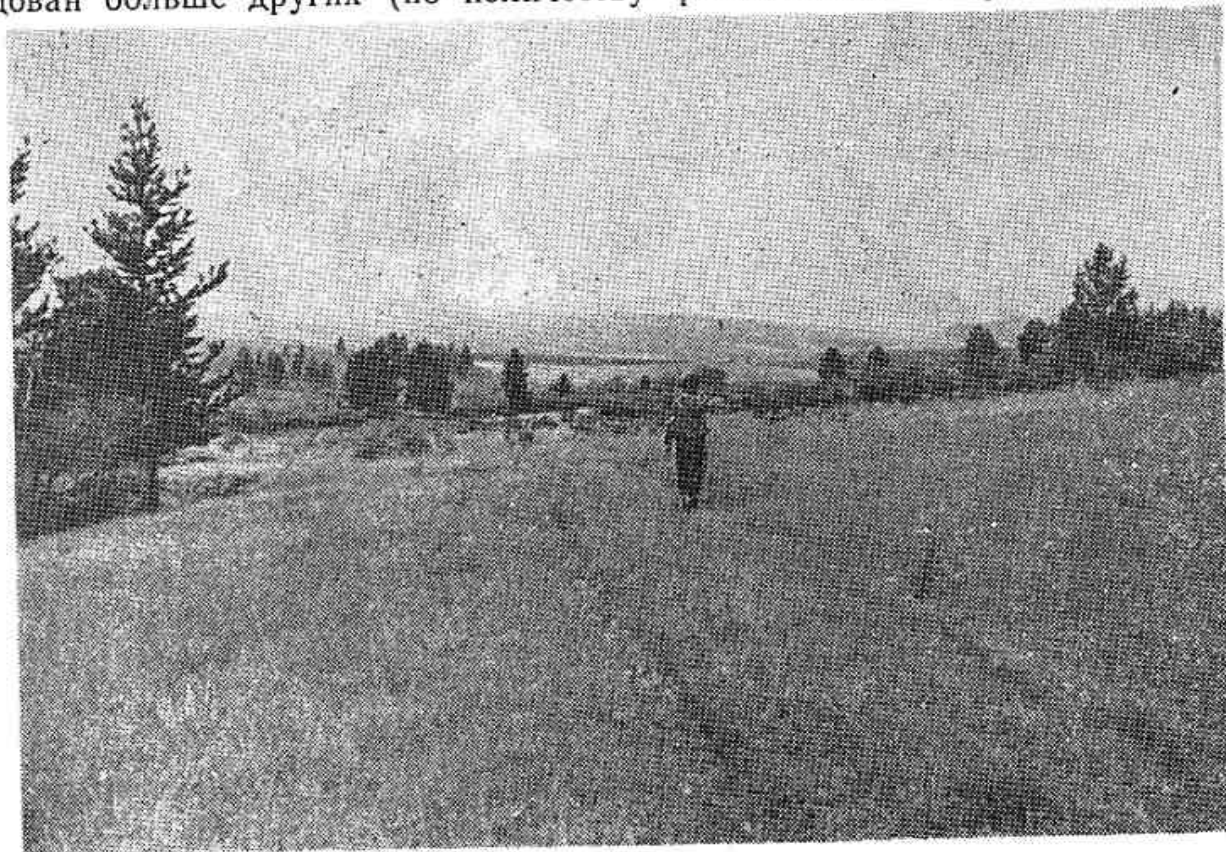

Рис. 3. Устье Ильмовой пади, где расположена крайняя западная группа рядовых могил.

сочли необходимым произвести здесь дополнительные раскопки, учитывая громадные размеры могильника, в котором насчитывается свыше 300 могил.

Новые раскопки осуществлены большей частью в периферийной части могильника, где первым его исследователем было раскопано три могилы (на площади «Е», по обозначению Ю. Д. Талько-Грынцевича). Здесь, по западному склону упомянутой лощины, могилы лежат в редколесье сосен и ильма. Вследствие этого они более удобны для производства на них раскопок. Всего их насчитывается в настоящее время около 50. Могилы, лежащие на восточном склоне лощины, уже покрыты лесом и относятся к другой группе, обозначенной Ю. Д. Талько-Грынцевичем площадью «Д». В упомянутых группах все могилы отно-

⁸ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище, табл. II.

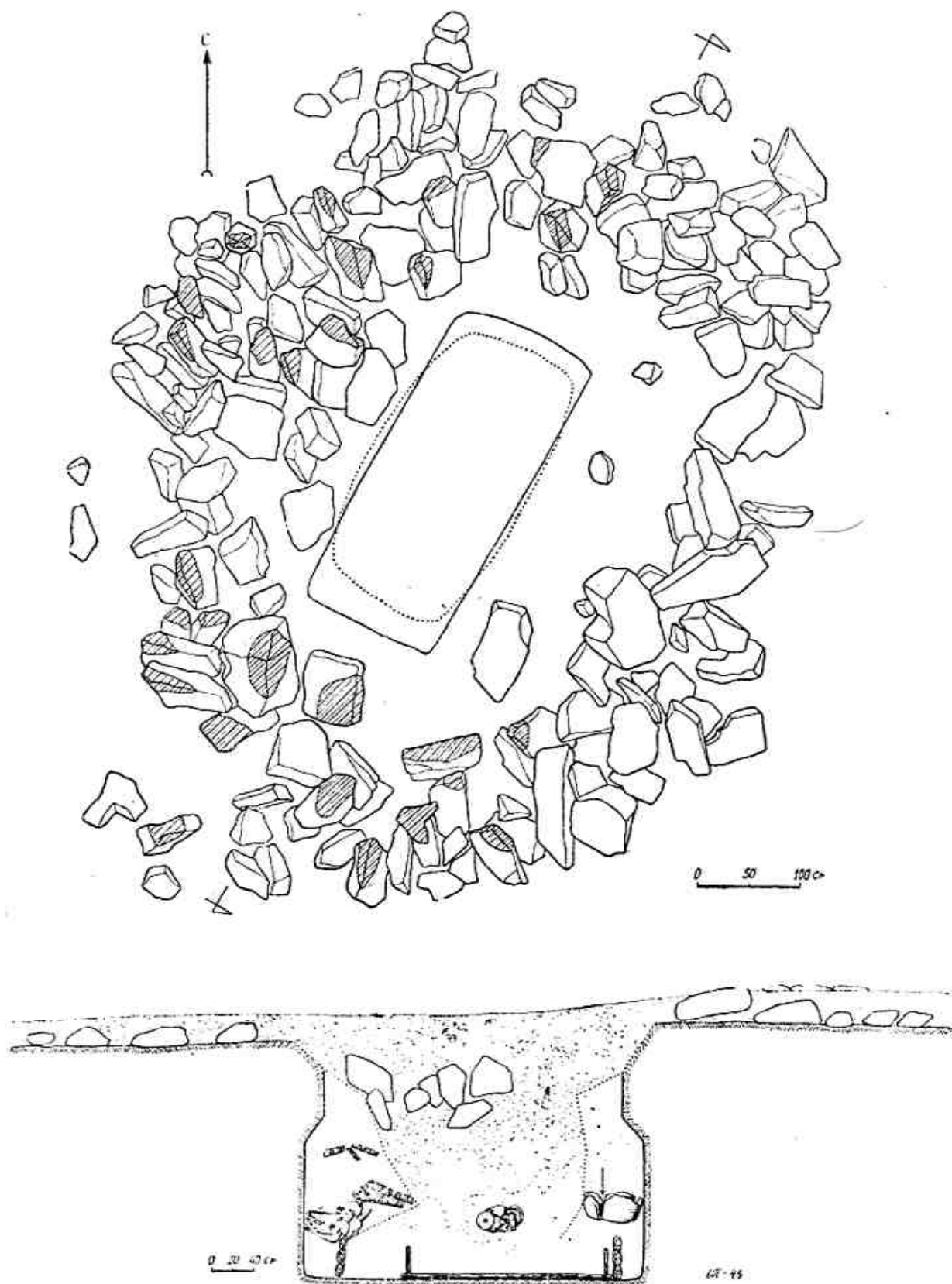

Рис. 4. ИП-45. План и разрез погребения: ИП, ЧП, ДК — шифрованные обозначения могильников в Ильмовой, Черемуховой падах, Дэрестуйском Култуке; цифры указывают номера погребений.

сятся к разряду малых или «рядовых», в них нет больших могил «со шлейфами», которые единицами встречаются в центральной части могильника.

Новый план могильника был составлен в 1955 году под руководством А. П. Окладникова при участии В. П. Шилова, А. В. Давыдовой, Н. П. Рябова, Н. Н. Мамоновой и Р. Ф. Тугутова и заново сверен и дополнен нами в ходе работ в Ильмовой пади в 1971—1972 годах. Нумерация могил соответствует количеству объектов, раскопанных Ю. Д. Талько-Грынцевичем, а позднее Г. П. Сосновским.

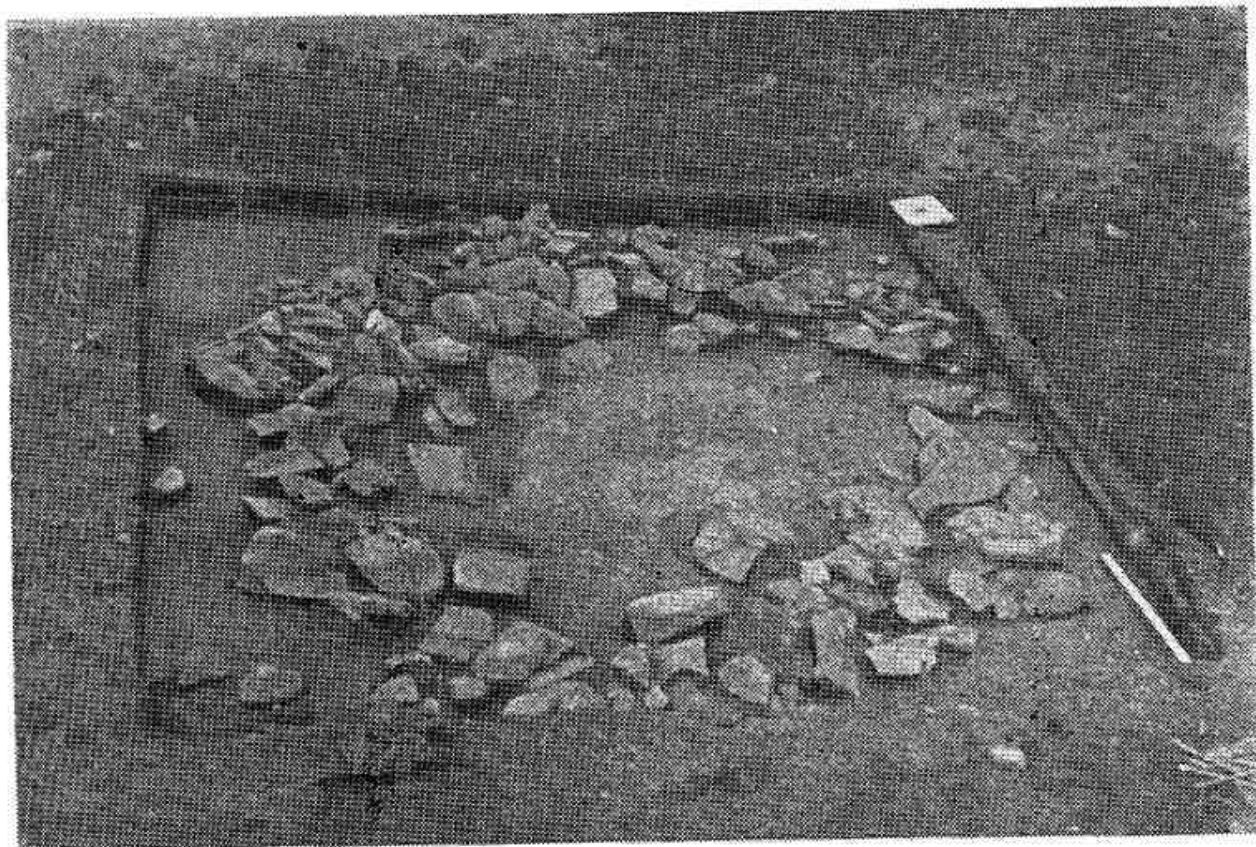

Рис. 5. ИП-45. Разрушенная надмогильная кладка после расчистки.

Погребение 45, находящееся в ложине, было отмечено мало-заметной западиной с густой травой, вокруг которой полукольцом со стороны склона торчало несколько камней. Расчищенная кладка имела вид овального кольца диаметром 9×7 м (см. рис. 4, 5). Камни крупные, в большинстве своем с заглаженными гранями и углами, сильно обветрены еще до того, как были использованы в строительстве могилы.

В грабительском ходе сверху встречались камни, ниже — обломки деревянных плит и угольки.

На глубине 130 см обозначились четкие контуры могильной ямы прямоугольной формы размерами $3,3 \times 1,5$ м, ориентированной СВ-ЮЗ на 35° .

На глубине 1,6—1,8 м в южном конце ямы обнаружена выкладка из вертикальных плоских плит в виде ящика, частично разрушенного грабительским ходом. В нем найден скелет собаки (рис. 4, на разрезе скелет указан стрелкой).

На глубине 1,9 м у северной стены ямы лежали рядом три черепа крупного рогатого скота, обращенные зубами к передней стене ямы. Справа в углу лежал самый большой череп взрослого животного, посередине — поменьше и слева в углу — череп молоденькой особи (рис. 6). Возле каждого черепа, по сторонам и сзади, находились кости ног (ко-

пыта) и хвостовые позвонки этих же животных. Между черепами над ними наблюдались разрушенные остатки плах в горизонтальном положении.

На глубине 2,2 м находился сруб (рис. 7, 8). Над ним были найдены обломки разбитого горшка с широким горлышком и короткой шейкой, переходящей в слегка выпуклое туловище, сужающееся ко дну. Дно горшка несколько уже горлышка, и на нем имеется квадратный отпечаток шипа от гончарного станка. Вся поверхность сосуда от плечиков до дна покрыта редкими косыми ребристыми бороздами, на шейке прочерчена горизонтально-волнистая линия «змейка». Цвет горшка снаружи бурый с темными горелыми пятнами нагара. Над срубом в пре-

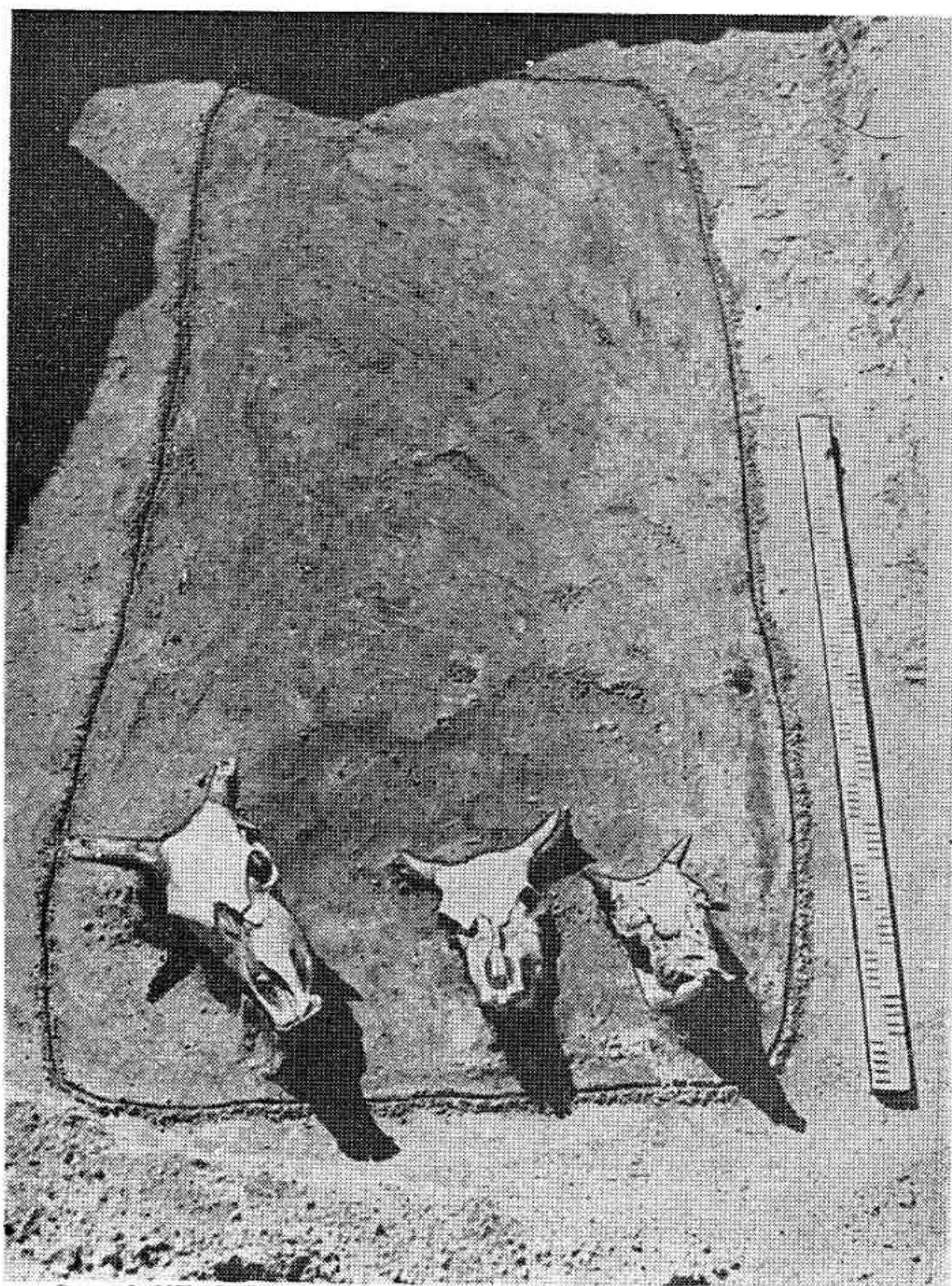

Рис. 6. ИП-45. Расположение остатков жертвенных животных над срубом.

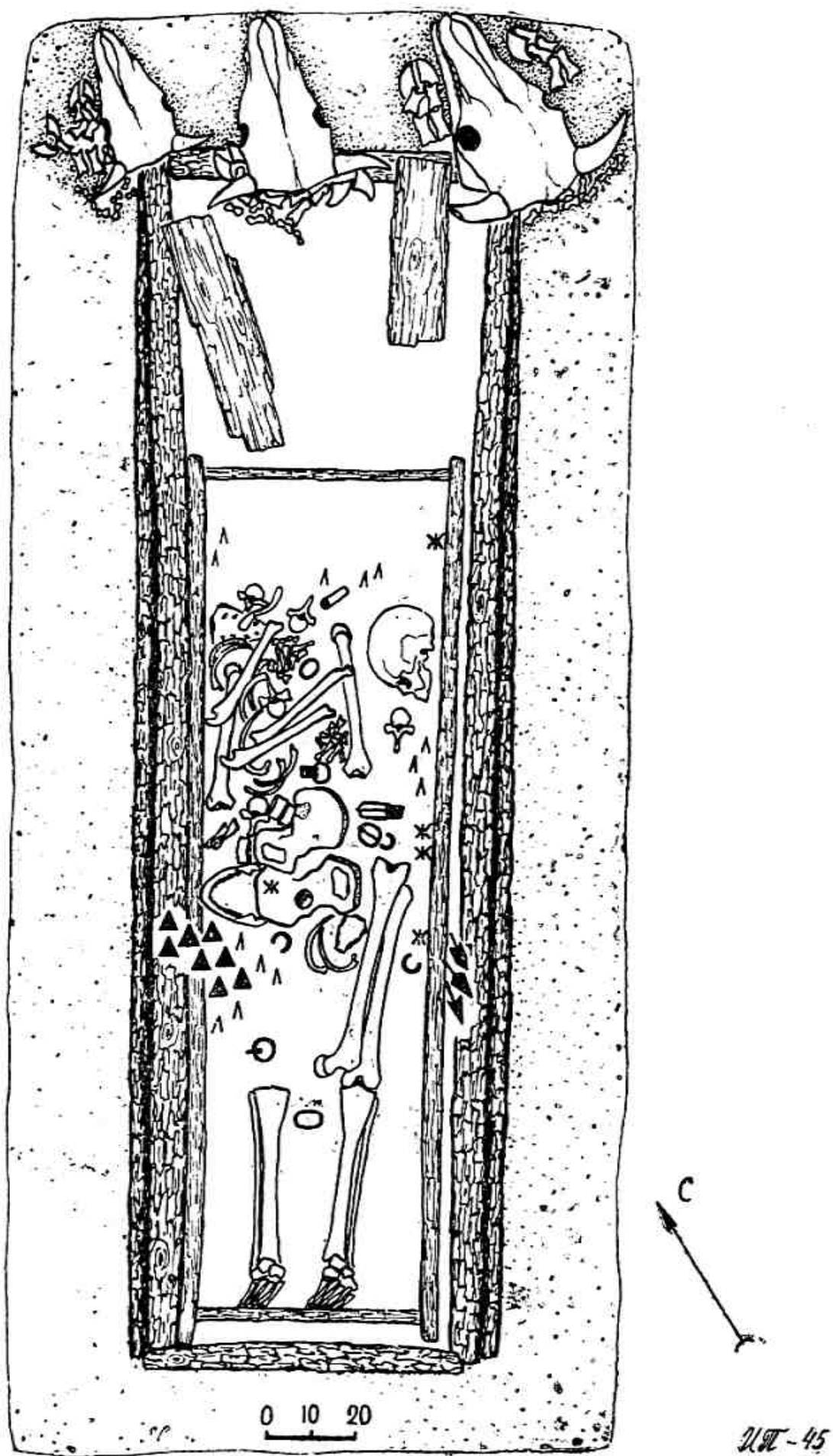

Рис. 7. ИП-45. План сруба и гроба с остатками захоронения и жертвоприношения.

делах грабительского хода обнаружены также кусочки красного лака и ребро крупного домашнего животного.

Сруб, ориентированный так же, как яма, на СВ-ЮЗ на 35° , хорошо сохранился, за исключением разобранного перекрытия из поперечных плах, остатки которых прослеживались кое-где на боковых стенках.

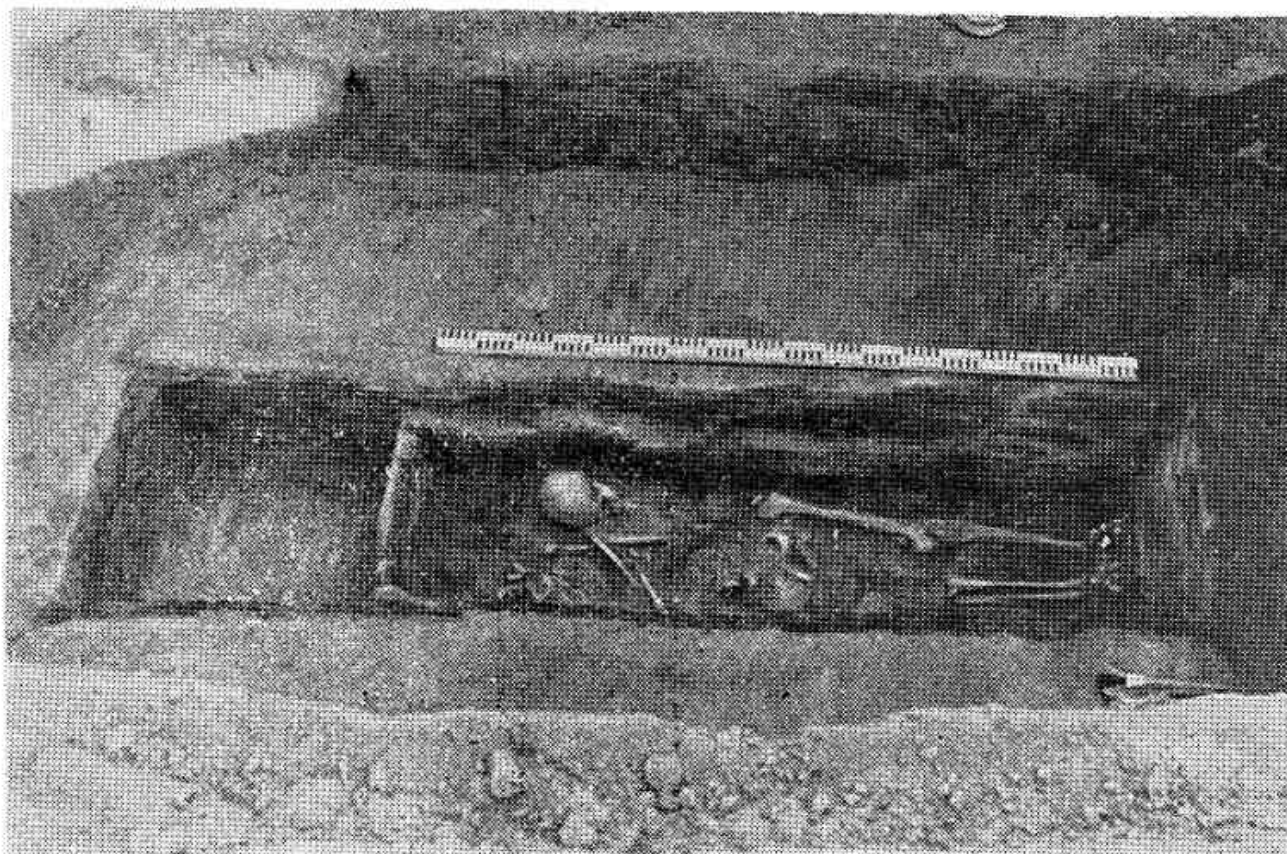

Рис. 8. ИП-45. Остатки захоронения в срубе и гробе.

Сложен сруб из сравнительно тонких полубревен по три с каждой стороны. Способ соединения стен трудно установить достоверно, но снаружи видно, что боковые бревна упираются в задние. Длина сруба — 2,75 м, ширина в головах — 0,85 м и в ногах — 0,75 м.

Внутри сруба — гроб. Он придвинут к задней стене наружной камеры так, чтобы спереди образовалось свободное пространство. Размеры гроба: длина — 1,95 м, ширина в головах — 0,6 м, в ногах — 0,55 м. В заполнении гроба встречались остатки тонких досок от крышки. Дно дощатое и слегка сбуглено снизу, под него подложены две поперечные планки.

Скелет был потревожен грабителями. На месте лежали только стопы, голени и левое бедро. Остальные кости были перемешаны и находились в средней части гроба. От черепа найдены лишь некоторые его фрагменты. Хотя кисти рук и были сдвинуты со своих мест, фаланги сохраняли анатомический порядок.

Находки бедны. Возле боковой стенки гроба найдены фрагменты упомянутого горшка (рис. 9). В промежутке между восточными стенками гроба и сруба напротив левого бедра обнаружены железные наконечники стрел — один плоский, неправильно ромбовидный, два другие трехперые с разными фигурными лопастями. В гробе встречались мелкие хрупкие обломки роговых накладок лука и кусочки красного лака. В области пояса и колен, вероятно, не на своих местах, найдены железные пряжки (не менее пяти) разных форм: прямые, продолговатые, овальные, круглые и полукруглые. На некоторых из них сохранились остатки кожаного ремня и ткани двух сортов. Много неопределен-

ных кусочков железа. И, наконец, найдена непонятная костяная вещь — тонкая трубочка диаметром 1,2 см и длиной 4,5 см (табл. VIII, 9).

Погребение 46 находилось в ложине. Снаружи определялось по нескольким выступающим на поверхность камням и густой траве. Рельеф выражен минимально: едва заметная западина, окруженная очень незначительным земляным наплывом.

Надмогильная кладка (рис. 10) напоминала неправильный кольцеобразный многоугольник, посередине пустой, причем один из углов на северо-восточной стороне почти прямой, другие — нечеткие. Камни в кольце были нагромождены беспорядочно и довольно плотно, большинство их — с признаками обветривания еще до укладки. С восточной стороны среди камней найдены две фаланги (1 и 2-я) молодой лошади. С юго-западной стороны внутри кладки найдены также фаланги быка или коровы и несколько фрагментов глиняного сосуда.

В грабительском ходе встречались обломки плах и досок, много камней, мелкие угольки, фаланги, хвостовые позвонки и зубы крупных и мелких животных, а также осколки горшка.

На глубине 0,8 м и ниже наряду с грабительским ходом стали прослеживаться контуры могильной ямы прямоугольной формы с ориентировкой СВ-ЮЗ на 15°. На глубине около 1,3 м на восточной боковой стене ямы выявилась узенькая ступенька.

На глубине 2,3 м показались сначала передняя поперечная, а затем и боковые стенки сруба без перекрытия. На задней, южной его половине сохранились остатки поперечных плах перекрытия (рис. 11).

Над поперечным перекрытием в южной его половине найден скелет собаки, лежавший в естественной позе поперек сруба на плоских каменных плитах, первоначально составлявших, по-видимому, подобие ящика для трупа собаки.

Сруб обложен со всех сторон камнями: четыре с западной стороны, по два — с восточной и южной и один — с северной. Возможно, это остатки некогда сплошной обкладки сруба вертикальными плитами. Стены сруба состоят из трех бревен каждая. Поперечные входят концами в вырубы, сделанные в продольных. Судя по плахам, первоначальная высота сруба была не менее 50—60 см.

Внутри сруба — гроб со стенками толщиной 5—6 см, соединенными между собой с помощью шипов на торцах коротких досок и соответствующих им отверстий на концах длинных. В головах гроба были заметны остатки продольных досок крышки. На дне гроба — плотная коричневая труха, под которой наблюдались остатки очень тонких досок, положенных на две поперечные планки.

Скелет был разбросан грабителями. Кости плохой сохранности беспорядочно нагромождены в головах гроба. Остатки костяка принадлежали старому человеку.

Наряду с человеческими костями, в заполнении сруба и гроба ока-

Рис. 9. ИП-45. Глиняный сосуд из погребения.

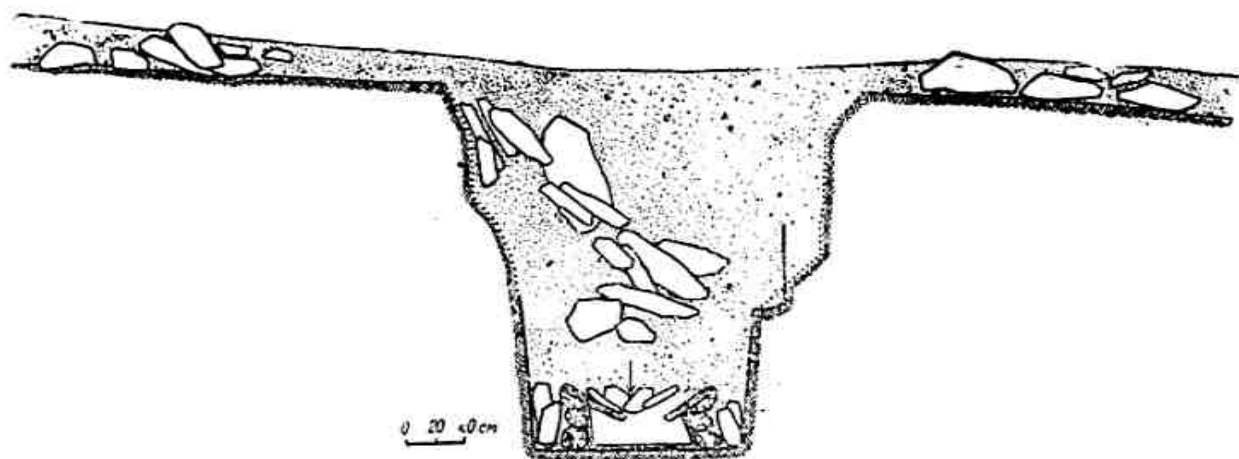
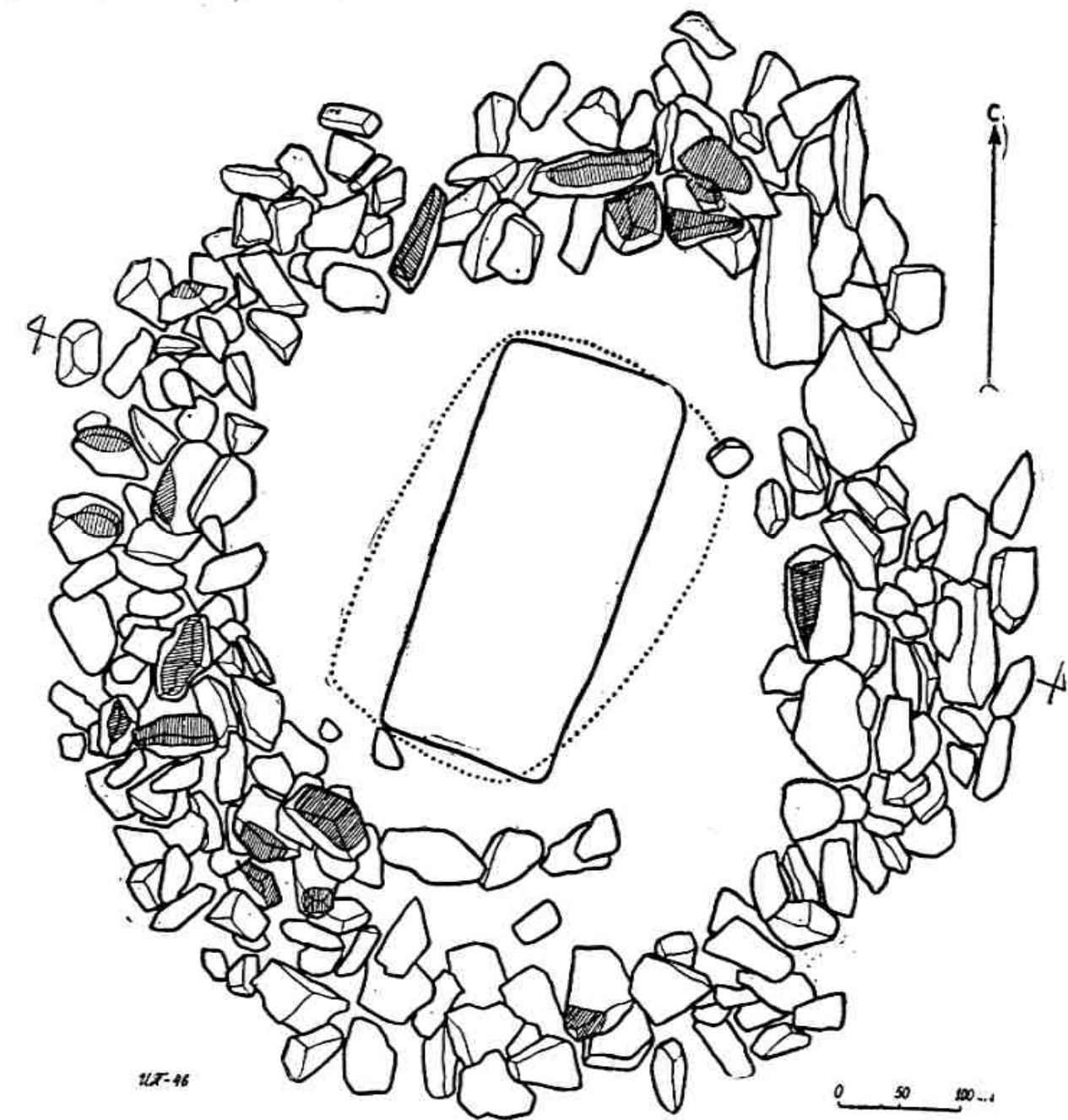
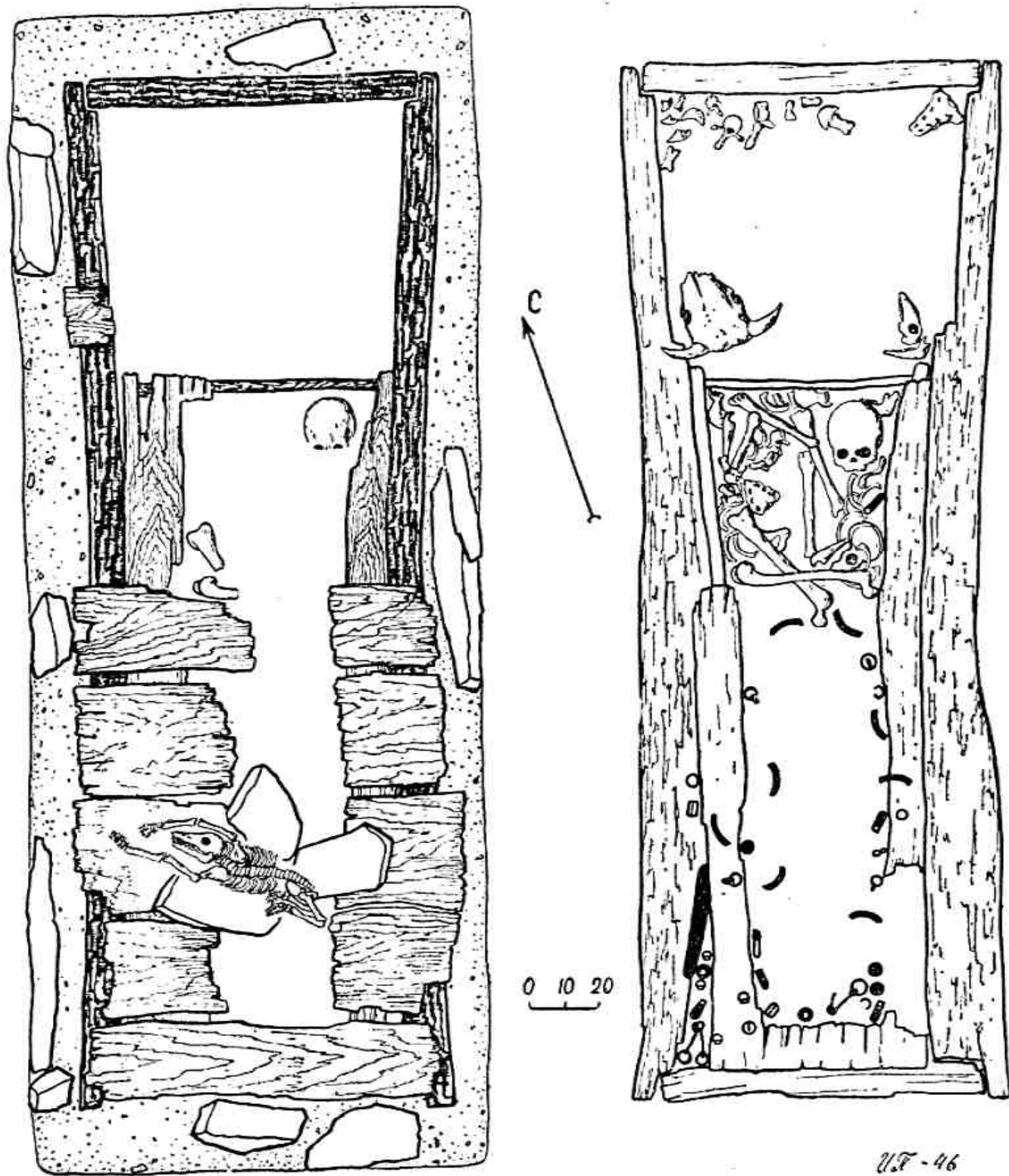

Рис. 10. ИП-46. План и разрез погребения.

ИП-46

Рис. 11. ИП-46. Остатки захоронения в срубе и гробе. Над срубом — скелет собаки и кости домашних животных.

зались кости трех быков или коров, трех коз, лошади, косули, птицы и собаки: позвонки, крестцовые, обломок черепа и челюсти.

Погребальный инвентарь, по-видимому, был богат, но после грабителей остались лишь осколки железных изделий и отдельные малоценные для грабителей вещи. В юго-западном углу в промежутке между крышкой гроба и стенкой сруба найдены железные удила с псалиями (табл. VI, I). Судя по количеству псалиев, здесь было не менее двух уздечек. В этой же щели в самом углу найдены четыре бронзовых бляхи в форме шляпы с узкими полями (табл. VIII, 1, 2, 5, 6). Через прямоугольные петельки под шляпками пропущены кожаные ремешки крест-накрест. Ремни сдвоены и прошиты нитью. Вероятно, это перекрестия ремней конского снаряжения.

Вблизи от перечисленных находок на боковой стене сруба лежало железное изделие, напоминавшее лезвие большого кинжала или короткого меча (табл. XV, 10), но при ближайшем рассмотрении оно оказалось ближе к бронзовым «наручьям-латам», найденным в ноинулинском кургане № 25 и на р. Толе⁹.

Среди множества осколков железа можно узнать фрагменты пряжек различных форм и размеров, колец с остатками ремней и без них. Различаются две пряжки полукруглой формы без язычков и одна прямоугольная удлиненная с язычком. Найдены какие-то плоские круглые пластинки-пяточки, такие же пластинки потоньше и с квадратным отверстием в центре (табл. XIV, 21), крючкообразные осколки, одна петелька в виде восьмерки, продолговатые пластинки с закругленным краем с одного конца и с прямоугольным отверстием для ремня с другого конца (табл. XIV, 10—14). Одна из пластинок облеплена тканью мелкого плетения, на другой — остаток ткани грубого плетения. Кроме того, обнаружены непонятные осколки железных изделий с приставшими к ним обрывками ткани разных сортов. Судя по одному из фрагментов, среди них есть осколки поясных блях.

В юго-западном углу на крышке гроба встретился гвоздь с остатком дерева. И наконец, обнаружено большое количество обломков какого-то массивного железного изделия непонятного назначения.

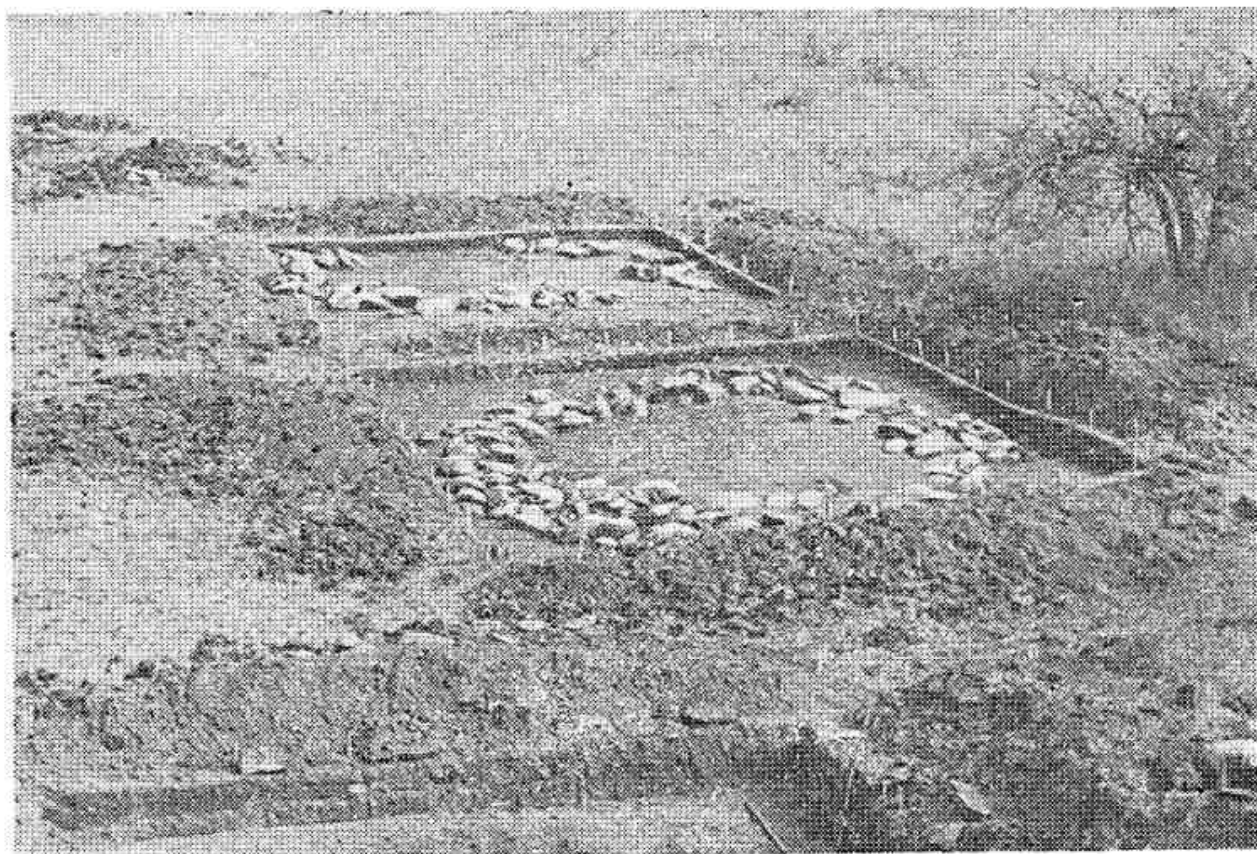

Рис. 12. ИП-46, 47. Разрушенные надмогильные кладки после расчистки.

В верхней части гроба в скоплении костей вместе с осколками железа найдено большое количество мелких фрагментов не менее чем пяти миниатюрных ритуальных горшочков с толстым дном и стенками, грубо вылепленных из красной глины, вероятно, специально для погребальных церемоний. Среди находок есть одна костяная вещь — трубочка длиной 3,7 см, диаметром с одного конца 1,8 см, с другого — 1,5 см, с толщиной стенок 0,2 см (табл. VIII, 8). В отсеке кроме осколков желе-

⁹ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 63—64.

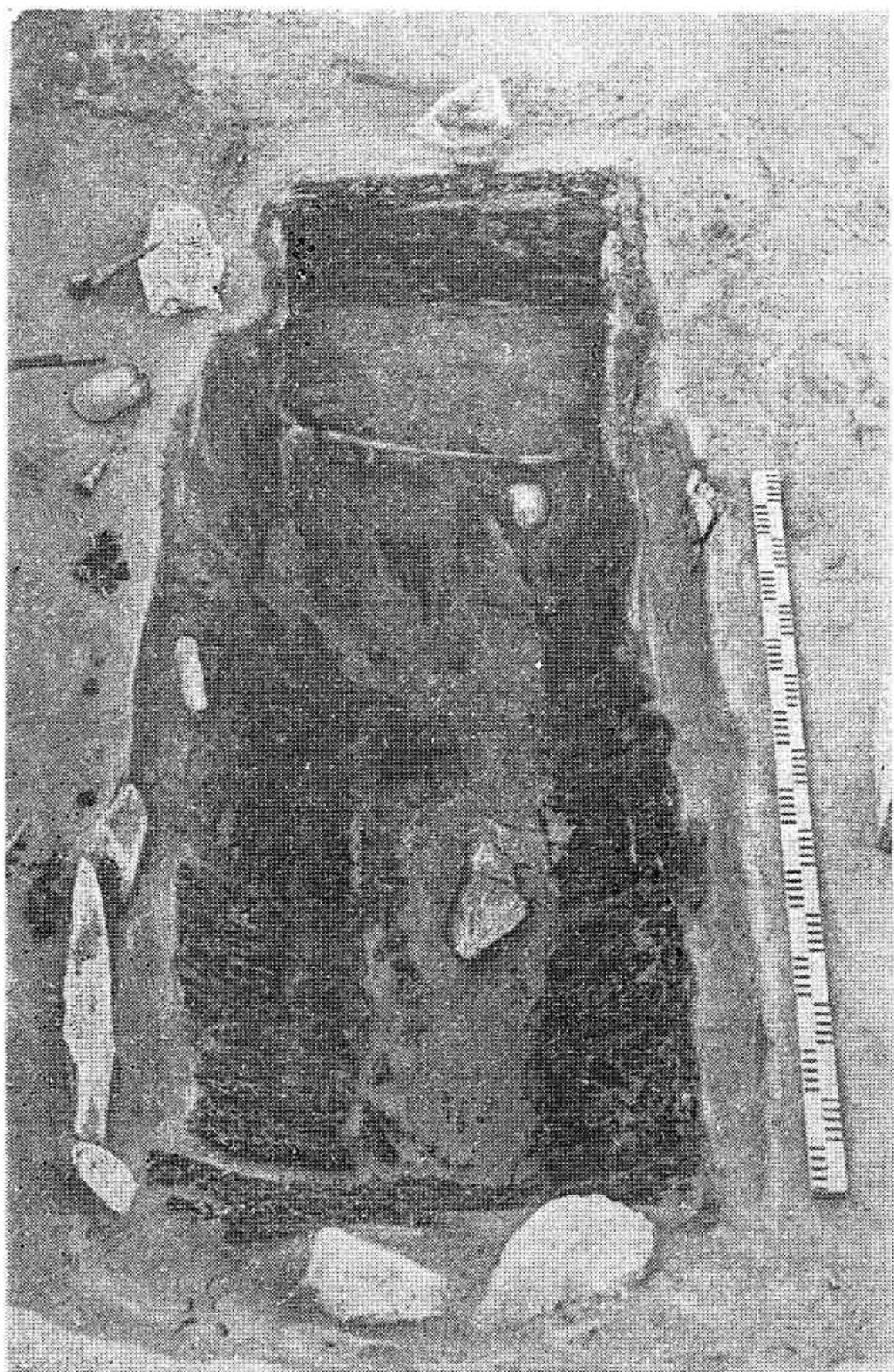

Рис. 13. ИП-46. Сруб и гроб в процессе расчистки.

за обнаружены обломки лаковой чашечки с черной росписью по красному фону.

Погребение 47, расположенное на склоне лощины, по внешнему виду аналогично погребению 46 с той только разницей, что выступающие камни редкой цепочкой обозначали кольцеобразную кладку.

После снятия верхнего слоя и расчистки кладка оказалась сильно разрушенной: много плит выбрано или перемещено. О какой-нибудь форме кладки говорить не приходится, но не исключено, что она была прямоугольной (рис. 14).

При расчистке кладки среди камней были найдены фаланги и позвонки крупного и мелкого рогатого скота и осколки челюсти лошади и барана.

После снятия второго слоя наметилось огромное овальных очертаний пятно грабительского хода. По мере углубления оно уменьшалось и превратилось в четырехугольное, хотя было шире могильной ямы, нетронутый край которой выделялся с южной стороны грабительского пятна светлым песчаным заполнением. В заполнении грабительского хода встречались отдельные кости крупных и мелких животных, редкие фрагменты керамики разных типов, большие и маленькие камни, обломки бревен и досок. Найдена одна костяная поделка — трубочка длиной 5 см, диаметром 1,2 см без каких-либо приспособлений и орнамента (табл. VIII, 7).

На глубине 180 см выступили контуры сруба. На задней неразрушенной его половине сохранились пять поперечных плах перекрытия (рис. 15). Лежавшие под ними кости погребенного, за исключением голени и стопы, оказались разбросанными. Судя по костям, погребенный был довольно старым человеком, мужчиной. Нижние зубы сильно стертые и поражены кариозными гнездами. На челюсти, ключицах и ребрах заметны наросты и деформация — следы болезни.

В скоплении костей обнаружена костяная пряжка, изготовленная из основания рога оленя (?), круглая, плоская, с отверстием для ремня с одного края и железным шипом (или скобочкой), всаженым с противоположного края (табл. XIII, 9). Аналогичная пряжка, но только покрупнее, была найдена выше в заполнении грабительского хода, на одном уровне с находкой маленького «ритуального» (?) сосудика. Обломки таких горшочков встречались и в заполнении гроба до самого его дна.

На дне гроба под скоплением костей обнаружены костяные поделки (табл. XIX, 12, 17): пуговица круглая с одной дырочкой посередине и тонкой орнаментальной резьбой на лицевой стороне и миниатюрная подвеска каплевидной формы с заостренным концом и аналогичным резным орнаментом.

В задней половине гроба находок не было, кроме осколков железной пряжки (?) и упомянутых костей (голени и стопы) покойника, оставшихся на своем месте. На дне встречались мелкие кусочки угля.

Кроме перечисленных выше находок костей животных, при расчистке «отсека» были найдены еще кости кулана, косули, джейрана и собаки.

На дне отсека лежали два обломка концевых накладок лука (обе с одного и того же конца лука) и мелкие фрагменты изделия (чашечки?), покрытого красным лаком. И наконец, главной находкой в отсеке оказался великолепный горшок (рис. 16) — большой, с черной лощеной поверхностью, в изломе бурого цвета, довольно хрупкий, с узким горлышком и очень аккуратным круглым венчиком, с короткой шейкой (3—4 см), покрытой вертикальными лощеными канелюрами, и выпуклым туловищем грушевидной формы; на плечиках — двойные парал-

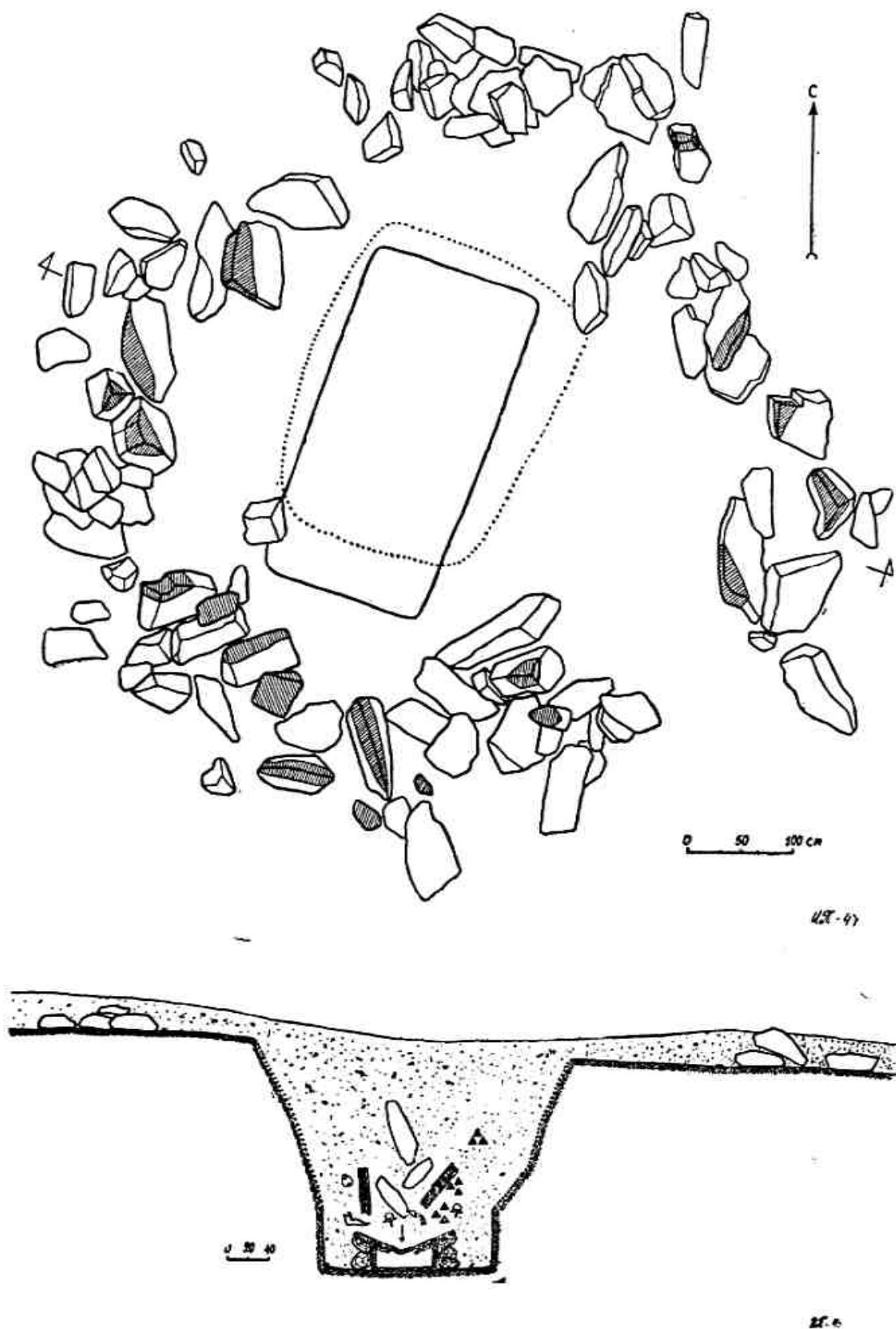

Рис. 14. ИП-47. План и разрез погребения.

дельные горизонтальные линии в два яруса, дно плоское и несколько шире горлышка. Гроб устроен по тому же образцу, что и предыдущие. На дне под плотным слежавшимся слоем коричневой трухи оказались доски, сохранившиеся только в ногах. Западная стена сруба сложена из двух бревен, восточная — из трех. Спереди короткая стена из трех плах врублена в вырезы на концах длинных стен, которые сзади упирались в короткую стену, состоящую из двух плах. Таким образом, стыковка стен в задних углах сруба оказалась необычной и встретилась нам впервые (см. рис. 15).

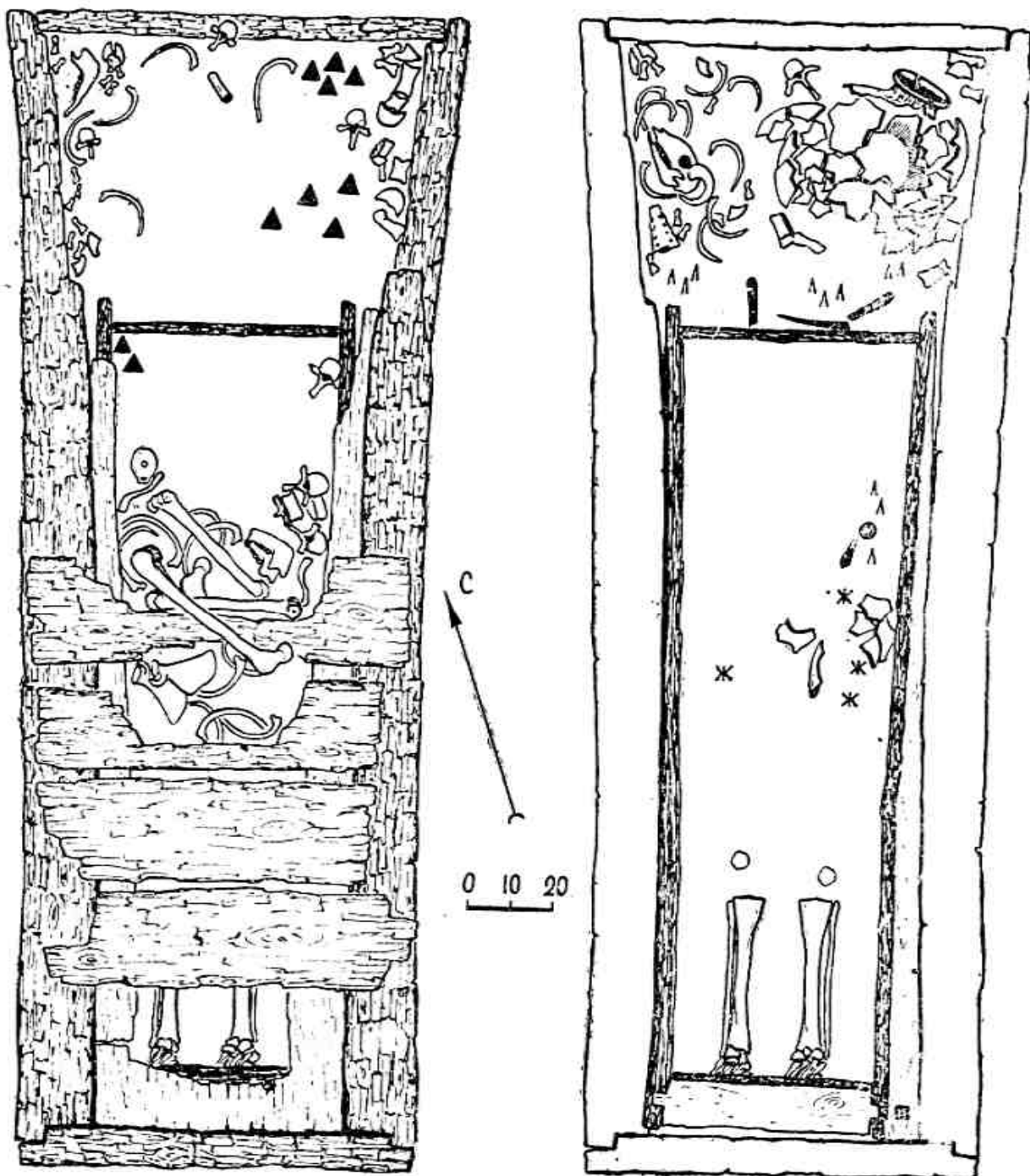

Рис. 15. ИП-47. Остатки захоронения в срубе и гробе. В отсеке — обломанный сосуд и кости животных.

Размеры погребальной камеры: длина сруба — 270 см, ширина в головах — 110 см, в ногах — 90 см, высота — 40 см. Длина гроба — 180 см, ширина — 55 см.

Погребение 48 расположено на склоне лощины. Оно, как и некоторые другие, подвергалось недавно частичному разрушению: кем-то вывернуты и вывезены камни кладки. По следам камней видно, что внешний вид могилы был аналогичен описанным выше.

Аналогичными были размеры, форма и характер заполнения грабительского хода и могильной ямы. На глубине 120 см на фоне общего пятна на южном его конце выделилось более светлое заполнение могильной ямы. В грабительском ходе встречались камни и обломки дерева от разрушенной погребальной камеры, а также кости крупных животных — обломки ребер, позвонки.

Ближе к захоронению, на глубине 200—250 см в северной половине ямы грабителями были сложены в кучу почти все кости погребенного, в том числе череп, за исключением челюсти и длинных костей ног.

Среди костей найдены фрагмент горшка, кусочек железа и чуть ниже — обломки накладок лука.

На глубине 250 см начался сруб. На боковых его стенках кое-где заметны остатки поперечных плах перекрытия. При расчистке оказа-

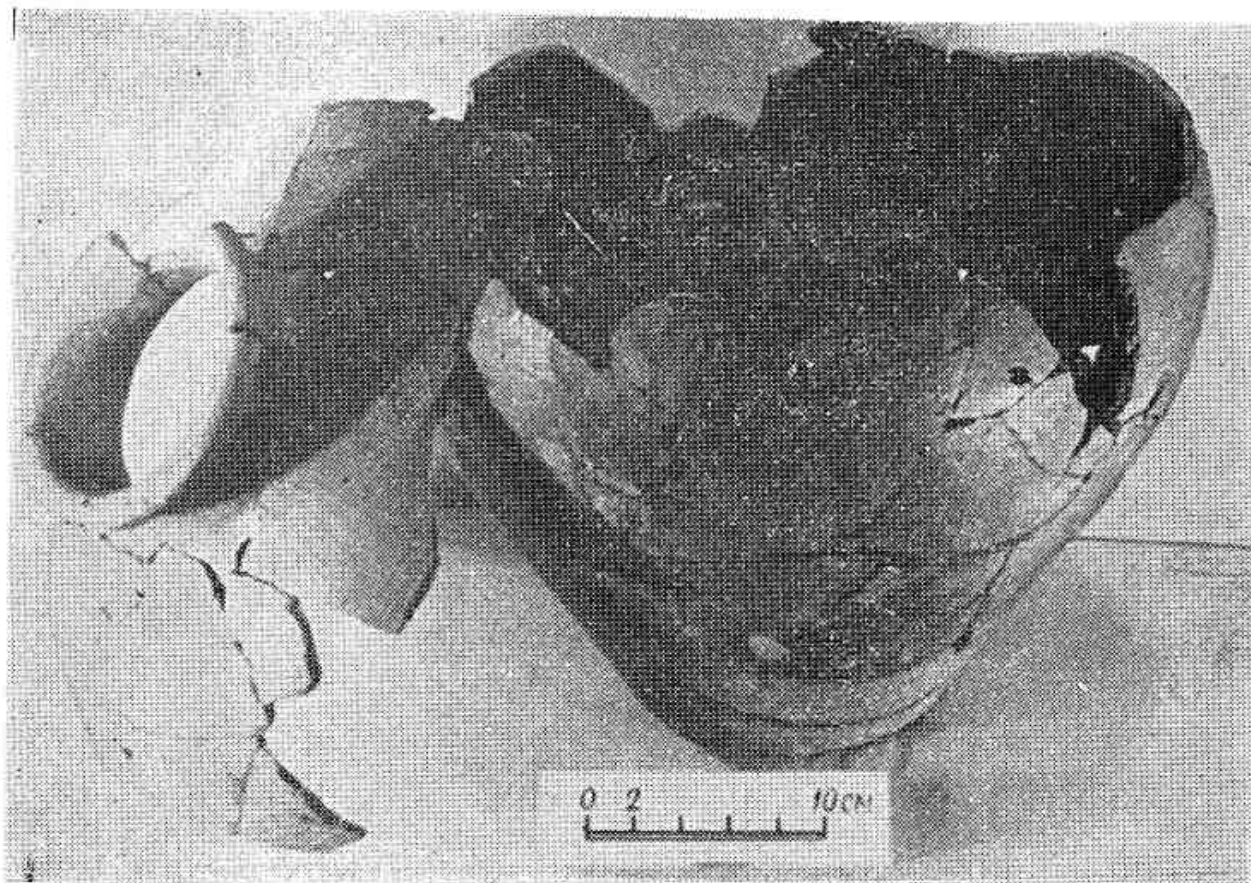

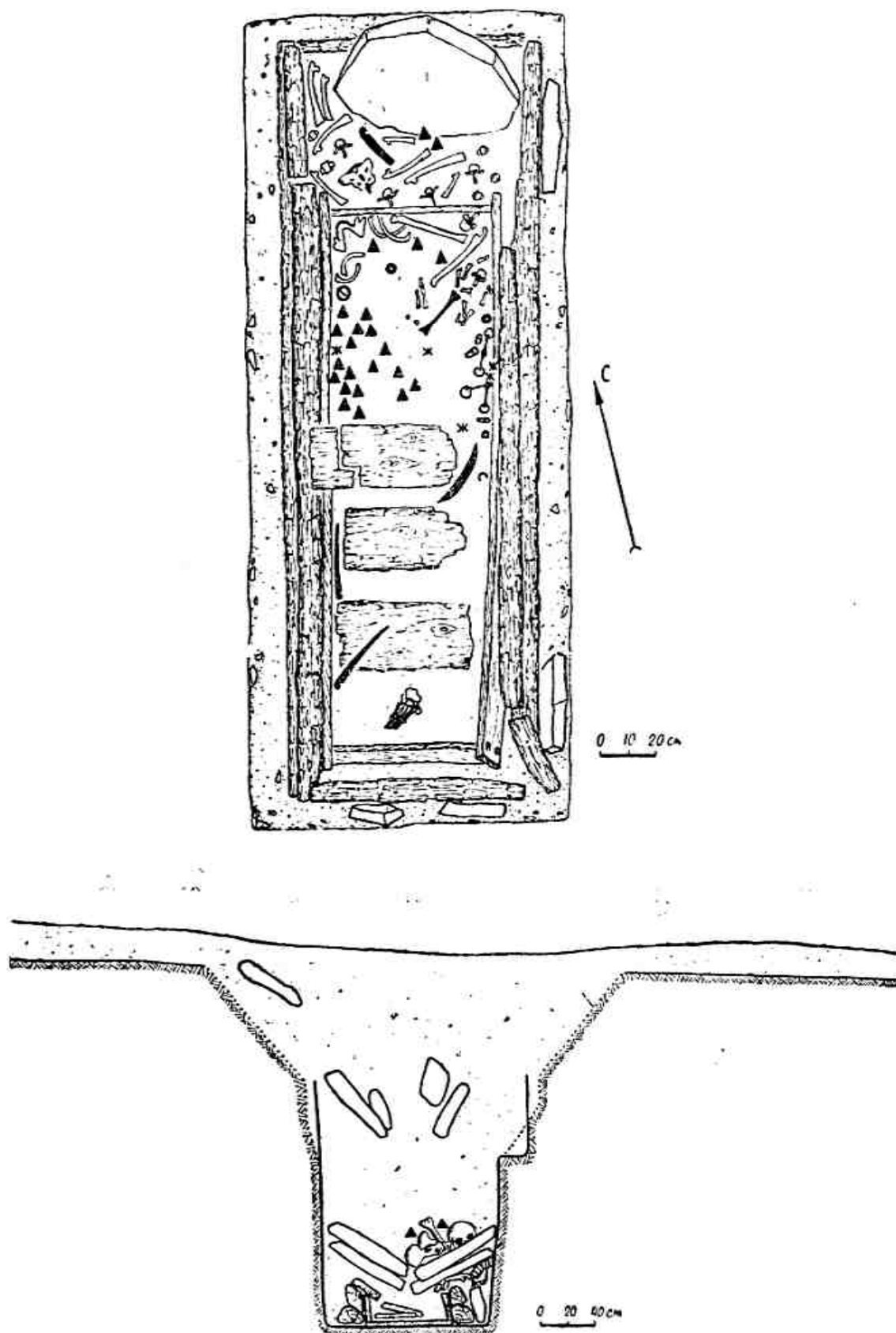
Рис. 16. ИП-47. Глиняный сосуд из погребения.

лось, что некоторые из них лежат на дне гроба. Только одна плаха с края сохранилась на своем месте (рис. 17).

В заполнении гроба, в головах, в беспорядке лежали шпунья челюсть, локтевая и лучевая кости, фаланги рук, некоторые ребра и позвонки. Среди них найдена костяная ворворка (табл. VIII, 13). В ногах погребения у западной стенки и в головах найдены обломки роговых накладок лука. В области груди и живота погребенного сверху до дна заполнения гроба обнаружено множество мелких фрагментов керамики: осколки венчика крупного сосуда, аналогичного найденному в могиле 47, и черепки не менее пяти мелких лепных горшочков темно-серого цвета (рис. 18). Среди этих находок изредка встречались кусочки железа, из которых можно различить одну пряжку полукруглой формы с прямым основанием и с язычком и одно мелкое овальное кольцо с остатками кожи.

Под придавленной внутрь боковой (восточной) стенкой гроба, приблизительно посередине ее длины и выше, обнаружено множество разных находок из железа—две пары удил, обломок двух псалий (табл. VI, 10, 12), кольцо небольшого диаметра, перехваченное крестнакрест кожаными ремнями, пряжка полукруглой формы, обломок кольца среднего диаметра и мелкие осколки железа; из кости и рога—кружочек пирамидальной формы с отверстием посередине — то, что С. И. Руденко, называет ворворками, а А. В. Давыдова — кольцом для натягивания тетивы (табл. VIII, 15), фигурная пряжка с шипом, такая же пряжка поменьше без шипа, осколки еще двух очень мелких пряжек (табл. VIII, 16—19) и изящное роговое изделие, фиксирующее перекрестие кожаных ремней, точнее шнуров (табл. VIII, 3).

В отсеке найдены два фрагмента венчика упомянутого большого сосуда и мелкий осколок накладки лука. Остальные находки — кости крупного рогатого скота — не менее трех особей разных возрастов (одна лошадь и две коровы или два быка): одноименные ребра (8 штук), крупный крестец, несколько спинных и хвостовых позвонков, суставная кость. Несколько косточек такого же набора были встречены выше над срубом и в заполнении гроба. Там же встретились кости козы.

ИЛ-93

Рис. 17. ИП-48. План сруба и гроба с остатками захоронения. Разрез могилы.

При окончательной разборке погребальных камер прослежено их устройство. Стены сруба сложены из двух бревен каждая. На концах боковых стенок сделаны вырубы, куда вставлены поперечные. Передняя стена — из сравнительно тонких, но широких плах. Сверху сруб закрыт поперечными плахами. При расчистке твердо установлено, что под поперечными плахами шли продольные доски крышки гроба, сохранившиеся только в задней части сруба. Дно состояло из крепких слежавшихся досок. Способ соединения стенок гроба с достоверностью установить не удалось из-за большой их деформации, но в северо-западном углу было заметно нечто подобное обычному способу — с помощью шипов и отверстий. Гроб был установлен на двух поперечных планках

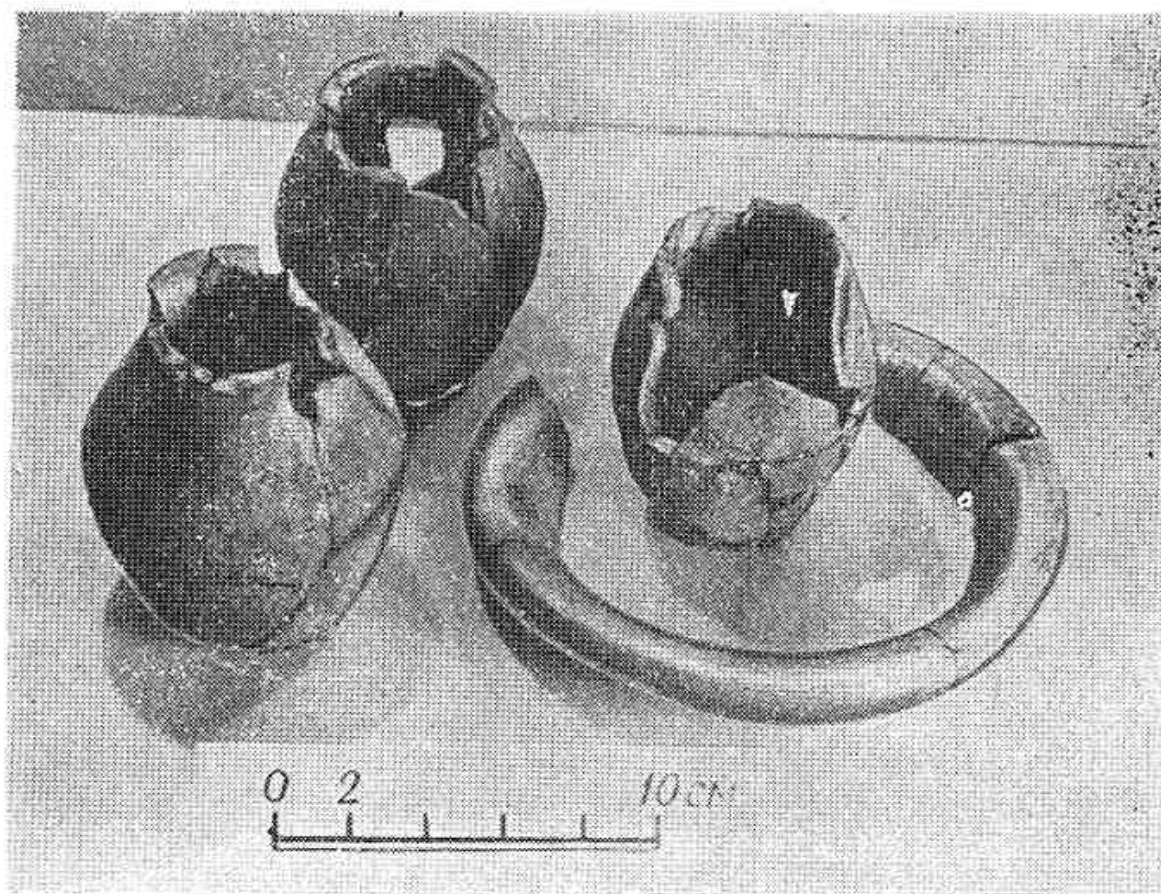

Рис. 18. ИП-48. Остатки глиняной посуды из погребения.

спереди и сзади. Под дном на песке с щебенкой наблюдалась тонкая углистая прослойка и редкие мелкие осколки обгоревших костей, из которых можно было узнать хвостовой позвонок козы или барана (?). В отсеке была такая же тонкая углистая прослойка.

Погребение 49 расположено рядом с погребением 48 выше по склону. Камни кладки были также вывернуты. По наружному виду могила не отличалась от соседней.

На глубине 50 см обозначилось углисто-черное пятно прямоугольной формы, размером 3×1,9 м. По мере углубления размеры пятна уменьшались. На глубине 1,6 м границы ямы приняли правильную четырехугольную форму с четкими углами.

В заполнении грабительского хода было много камней. На глубине 2 м в юго-восточном углу под плоской наклонной плитой, прислоненной к южной стенке ямы, лежал скелет собаки, по-видимому, сдвинутый в сторону при ограблении могилы. У северного края поперек ямы стояли наклонно две плоские плиты, уходящие вниз. За ними обнаружены одноименные кости крупного и мелкого рогатого скота: позвонки, ребра и крестцовые кости трех особей крупного животного (типа домаш-

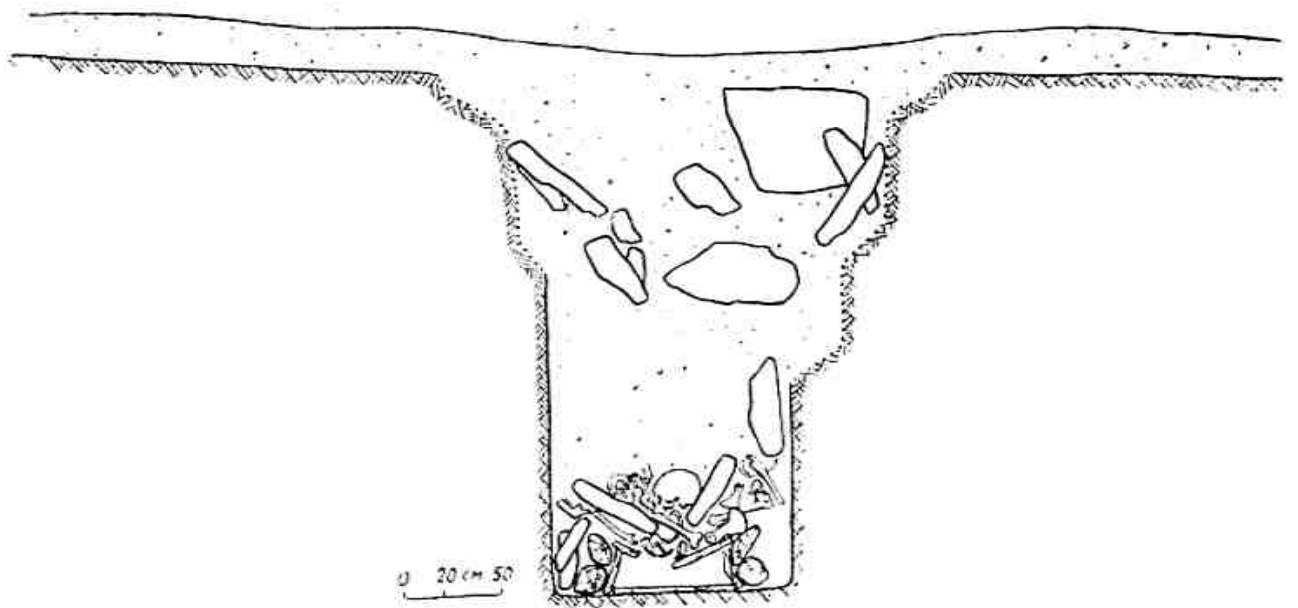
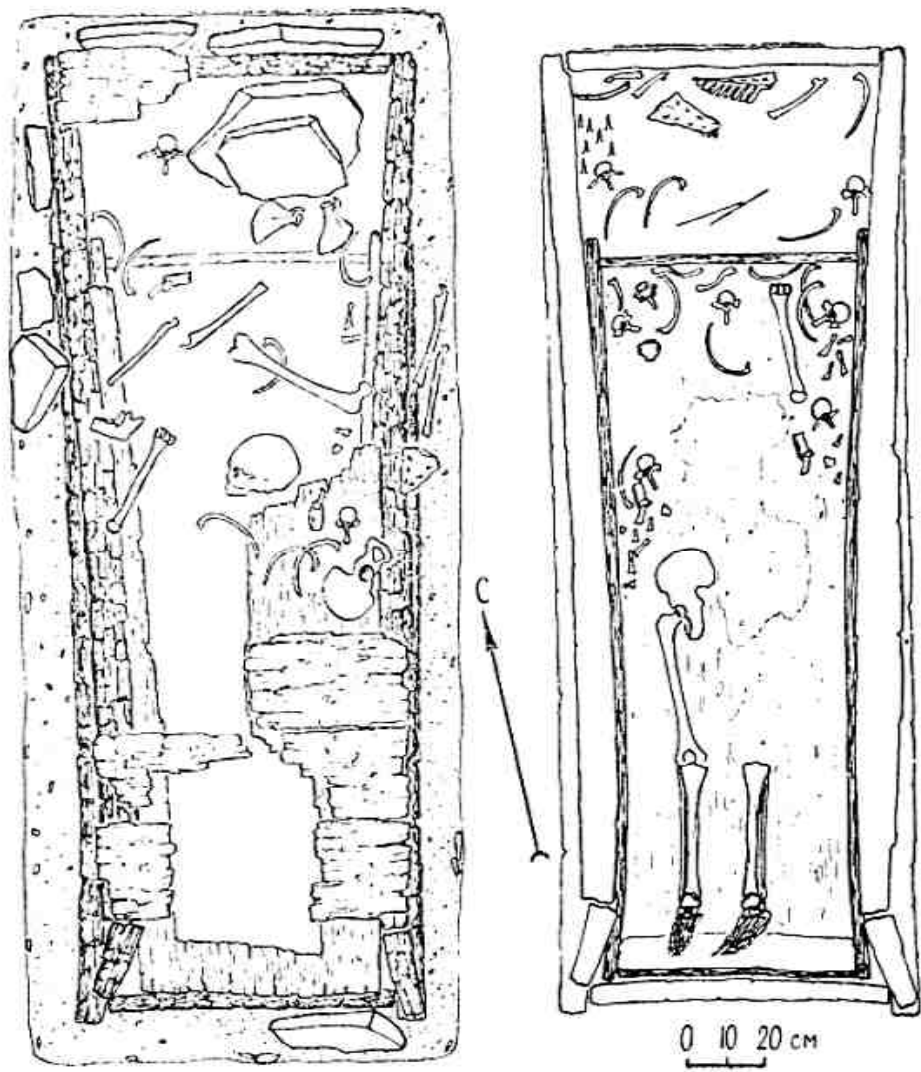

Рис. 19. III-49. План сруба и гроба с остатками захоронения. Разрез могилы.

него быка). Нижние края камней, скопившихся над погребальной камерой, были на уровне сруба. Среди камней и под ними в северной и средней части ямы залегали неплохой сохранности человеческие кости в разрозненном виде. Найдено большинство костей скелета: лопатки, плечевые, локтевые, крестец, половина таза, позвонки, ребра, фаланги рук и бедренная. Череп целый, челюсть — со всеми зубами.

На глубине 2,5 м выступил сруб (рис. 19). На южной половине его сохранились некоторые поперечные плахи перекрытия. Под ним на боковых и задних стенках гроба отчетливо прослеживалась его крышка, задний конец которой упирался в стенку сруба. Как обычно, плохо сохранилась передняя половина погребальной камеры. Перекрытие здесь разобрано, частично выломаны стены сруба.

В заполнении отсека найдены две костяные палочки (одна из них разломана на две части (табл. XVII, 1), над срубом — несколько костей животных, подобных найденным выше, и кусочки лакового изделия красного цвета.

В передней половине гроба обнаружено всего несколько обломков разобранного костяка. В задней половине гроба в первоначальном положении лежали кости правой ноги вместе с тазовой, а от левой оставались на своем месте только голень и стопа. Сверху они были прикрыты остатками крышки гроба.

Несмотря на значительную деформацию погребальной камеры, можно было определить ее устройство. В устройстве сруба не замечено отклонений от обычного. Поперечные стены упирались в боковые. Четко проследить вырезы на концах последних не удалось из-за сильной деформации бревен. Боковые стены состояли из двух бревен каждая, передняя — из двух и задняя — из одной широкой плахи. Размеры сруба: длина — 236 см, ширина в головах — 90 см, в ногах — 86 см, отсек — длиной 50 см.

Гроб также устроен по известному образцу. Способ соединения стенок в углах обычный — с помощью шипов и отверстий. На наружной стороне поперечных стенок гроба найдены забитые туда гвозди — тонкие, короткие гвозди с г-образно загнутыми головками. Дно гроба опиралось на две поперечные планки.

Еще при расчистке сруба были замечены следы красной краски на его боковых стенках. При разборке выяснилось, что покрашен был не сруб, а наружная поверхность гроба (стенка и крышка)¹⁰. Когда отделяли друг от друга плотно слежавшиеся стенки гроба и сруба, в их промежутке на гробовище оказались следы засохшей и потрескавшейся краски. Особенно хорошо она наблюдалась на задней стенке гроба, где с наружной ее стороны в пустоте, на чистом песке была видна осыпавшаяся красная краска.

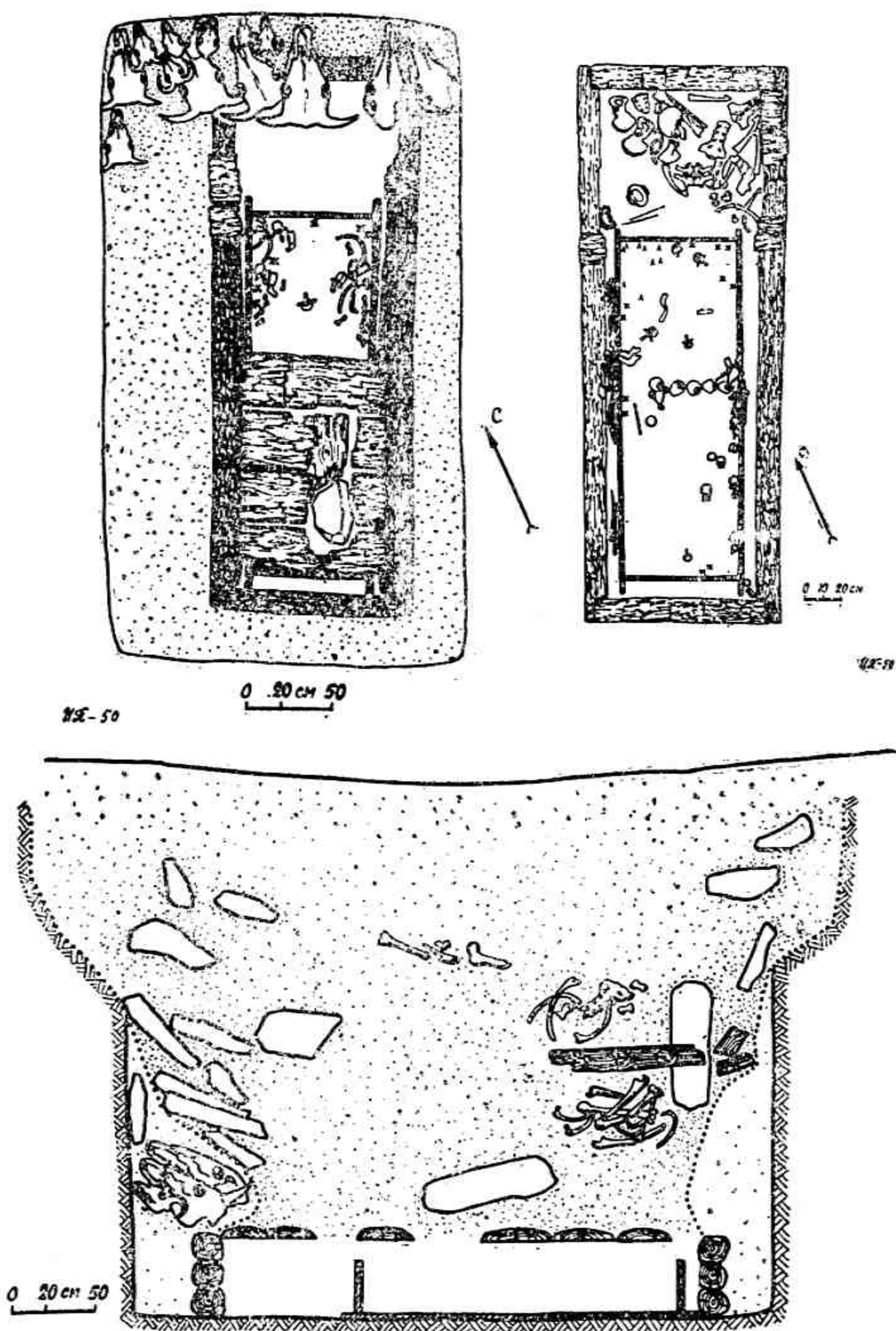
Под дном гроба наблюдалась тонкая углистая прослойка с мелкими крупными углями и встретилось несколько мелких обгоревших косточек¹¹.

Погребение 50. Кладка могилы была разобрана. Заложили раскоп размерами 4 × 6 м. Сверху контуры пятна не прослежены. На глубине 1,2 м наметилось прямоугольное пятно грабительского хода размерами 4 × 2,5 м, ориентированное в длину ССВ-ЮЮЗ. В грабительском ходе встречались крупные и мелкие камни, обломки дерева, частично обгоревшие (см. рис. 20, разрез).

На глубине 1—1,5 м посередине пятна в черном заполнении встре-

¹⁰ Аналогичный случай был зафиксирован нами в Черемуховой пади — в погребении 49.

¹¹ Аналогичное явление наблюдалось в соседнем 48-м погребении и некоторых могилах Черемуховой пади.

Р и с. 20. ИП-50. План сруба и гроба с остатками захоронения и жертвоприношения животных. Разрез могилы.

ились кости мелкого рогатого скота: голень с отпавшими эпифизами, астрагал, пяточная; немного глубже найдены кости крупного животного, возможно, лошади: крестец, ребра, хвостовые позвонки. Частично обгоревшие, они почему-то были сплошь пропитаны зеленью медной окиси, хотя поблизости медных вещей не обнаружено.

На глубине 2—2,3 м ближе к юго-западному углу ямы на краю внутреннего темного пятна залегала группа полуобгоревших человеческих костей (ребра, обломки локтевых и плечевых). Отдельные кости человека — бедренные, обломки малой берцовой, ребра, ключица и позвонки — изредка встречались по всему заполнению вплоть до сруба.

Над восточной стеной сруба ближе к юго-восточному углу на глубине 2,4—2,5 м найдены кости собаки. По скоплению их в одну кучу было ясно, что скелет собаки несколько сдвинут в сторону, первоначально же он находился на срубе сзади.

На противоположной стороне, по северному краю ямы открылись два ряда черепов животных: справа лошадиный и кулана, затем пять коровьих и далее влево восемь черепов домашних коз (рис. 20, план). В расположении крупного рогатого скота соблюдена последовательность в размерах и возрасте животных — справа крупные и влево помельче, причем самый крупный несомненно принадлежит быку, а последний слева во втором ряду — совсем молоденькой особи. Вместе с черепами найдены фаланги ног, хвостовые и шейные позвонки тех же животных. Общая глубина их залегания — 2,2—2,6 м.

Сруб выступил на глубине 2,8 м. Размеры его: длина — 318 см, ширина в головах — 116, в ногах — 108 см. Кое-где на боковых стенах видны остатки поперечных плах перекрытия, а в задней половине над гробом сохранились три такие плахи (рис. 21).

Отсек был заполнен костями человека и животных. Из человеческих костей там найдены: череп, лопатка, тазовые, крестец, ребра, большие и малые берцовые кости. Все кости были беспорядочно свалены в северо-западный угол отсека. В восточной половине отсека было много костей животных: крестцовые кости крупных особей, ребра, поясничные и хвостовые позвонки разных размеров.

В юго-западном углу найдены две лаковые чашки. Одна из них (рис. 22, справа внизу) почти цела, но немного деформировалась и слегка покособилась, овальной формы, неглубокая, плоскодонная с ручками. На внешней поверхности дна вырезано клеймо мастера (?). Материал, из которого изготовлено изделие, похож на тонкий картон, склеенный в два слоя. Наружная поверхность чашки покрыта коричневым лаком и украшена черно-красным геометрическим орнаментом (сочетание прямых и зигзагообразных линий, ромбовидных фигур, концентрических кружочков и завитушек). Внутренняя поверхность окрашена в красный цвет, не орнаментирована. Размеры чашки: диаметр в длину — около 12 см, в ширину — 8, высота — около 4 см. По форме и величине, а также орнаменту она очень близка к чашке из ноинулинского кургана 23 в Монголии, раскопанного П. К. Козловым в 1924 году¹².

Вторую чашку не удалось взять целиком, так как при расчистке она рассыпалась. Расчистив ее изнутри, пока сохранялась форма, удалось лишь сфотографировать ее и измерить. Чашка была баночной формы, слегка расширенная сверху, плоскодонная, внутри красной лаковой, снаружи — тоже, с черной росписью (растительный орнамент). Диаметр дна — около 11 см, высота стенок — около 4 см.

¹² См.: С. И. Руденко. Культура хуннов., табл. XLVIII, 1.

Рис. 21. ИП-50. Сруб и гроб в процессе расчистки.

Недалеко от чашек в этом же углу отсека найдены две костяные палочки хорошей сохранности, тщательно отполированные, длиной 22,7 см, сечением 0,4 см (табл. XVII, 3).

В средней части сруба в просветах между поперечными плахами перекрытий были видны продольные доски от крышки гроба.

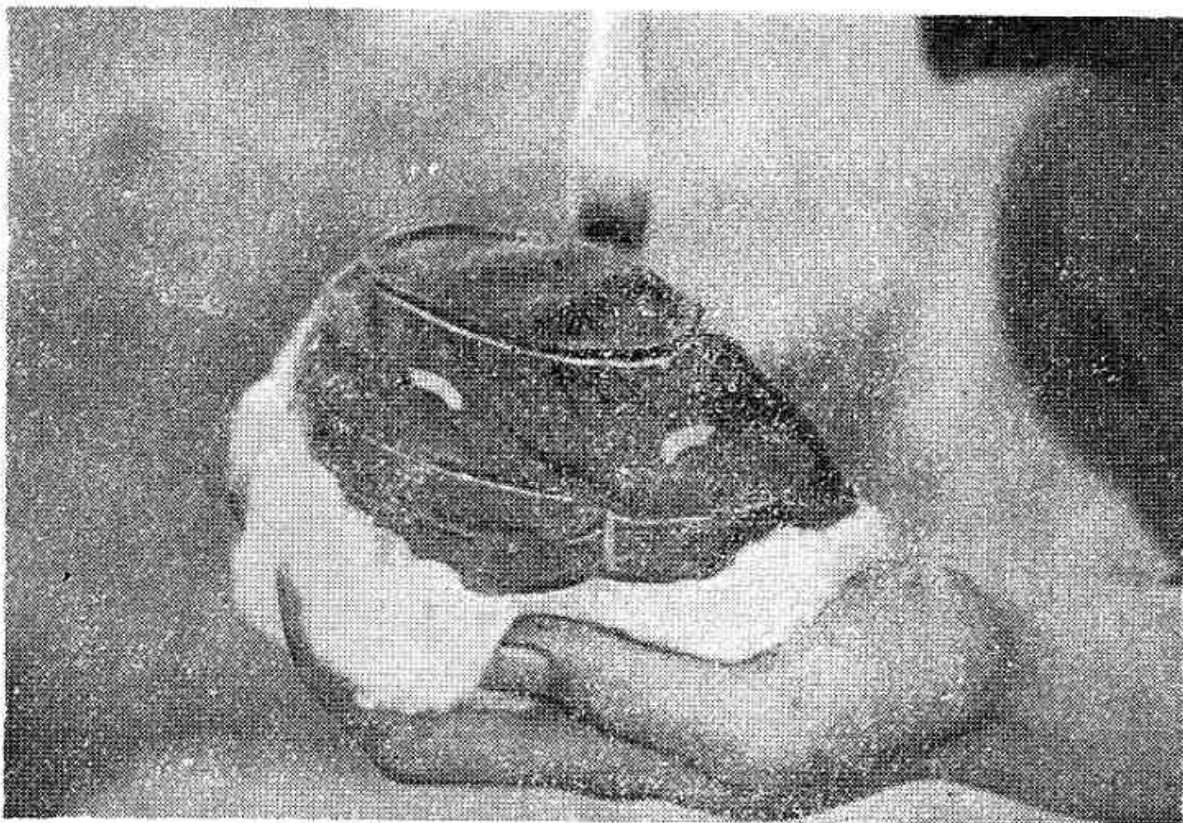

Рис. 22. ИП-50. Лаковая чашечка.

Костей в заполнении гроба мало: большинство их найдено выше. Судя по костям, погребенный был пожилым или даже старым и довольно крупным человеком. Череп брахицефальный, с относительно высоким переносьем. Челюсть сравнительно маленькая и узенькая, короткая, с резкими изгибами.

В передней части гроба найдено изделие из грязно-зеленого камня в виде восьмигранной призматической трубочки длиной 5,7 см, диаметром 1,1—1,2 см, но без сквозного отверстия. Вместо отверстия с двух концов как бы недосверленные ямки (табл. XIX, 24).

Посередине гроба лежали в ряд пять мелких однотипных ритуальных горшочков из красной глины, гладкостенных, без орнамента, плоскодонных, с расширенным корпусом и суженными горлышками и в разной степени выраженными плечиками. По небрежной лепке видно, что сосудики изготовлены наскоро к погребальной церемонии (см. рис. 23).

Железные предметы были найдены преимущественно у стенок гроба; в задней его половине — в основном пряжки различных размеров и форм: круглые, полукруглые, прямоугольные и кольца, некоторые с остатками кожаного ремня и с прилипшими обрывками ткани. Найдены какие-то плоские пластинки неопределенных форм и небольшие плоские кружочки наподобие пяточков и с квадратным отверстием посередине (табл. XIV, 18), железная петелька, скрученная восьмеркой — по всей вероятности, принадлежность уздечки или другого конского снаряжения. Аналогичная вещь была в погребении 46 (табл. VI, 9).

В середине около горшочков найдены обломки удил, у восточной стенки — длинный тонкий стержень (около 20 см) с круглым плоским

Рис. 23. ИП-50. Ритуальные глиняные сосуды из погребения.

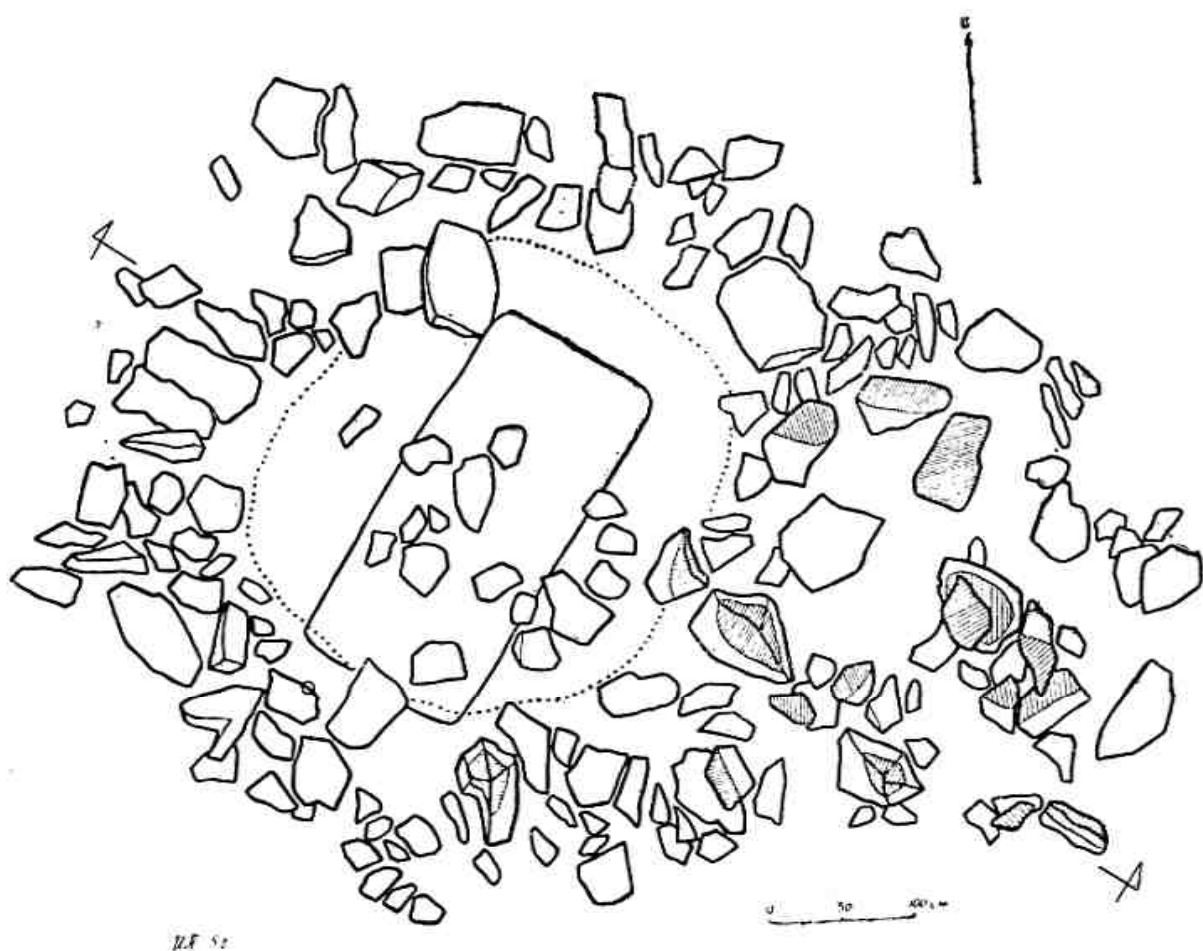
навершнем. В промежутке между гробом и срубом обнаружены удила с псалями такого же типа, как в погребении 46 (табл. VI, 1), две плоские пластинки длиной около 5 см, шириной около 2 см и другие неопределенные осколки.

Между западными стенами гроба и сруба тоже оказалось скопление железных предметов: пять или шесть наконечников стрел — трехлопастные фигурные с остатками древков (табл. II, 24, 25, 28), две мелкие пряжки — одна с остатками ремня, другая с язычком, два колечка, еще один плоский кружочек с квадратным отверстием посередине (аналогичное изделие см. на табл. XIV, 18) и осколки какого-то изделия.

Здесь же на уровне правого плеча (если бы скелет был на месте) найдены две концевые накладки лука, на уровне таза с этой же стороны гроба — срединная накладка, а еще ниже на уровне голени — две концевые накладки. Таким образом, лук и стрелы были положены с правой стороны покойника. За стенками гроба они оказались, вероятно, при ограблении.

И наконец, в задней части гроба на наружной стороне боковых стенок были обнаружены остатки покрывавшей его ткани — шелка. Первоначальный его цвет трудно определить, так как коричневая окраска была им приобретена, по-видимому, от истлевшего дерева. Края ткани свисали по бокам стенок, и неясно, была ли ткань накинута на крышку гроба или натянута под ней.

Высота передней стенки сруба — 45 см, задней — 40, боковых — 35 см. Высота стенок гроба — 20—22 см, длина его — 195, ширина — 72 см. Стены сруба сложены из трех бревен каждая, причем поперечные своими концами врезаны в вырубы на торцах боковых бревен. Гроб устроен также по известному принципу, то есть соединение стенок осуществлено с помощью шипов на торцах поперечных досок, вставленных в соответствующие отверстия на концах продольных досок. Это ясно было видно на задних углах, где сохранность гроба несколько лучше. Под дном гроба были две поперечные планки.

ИП 51

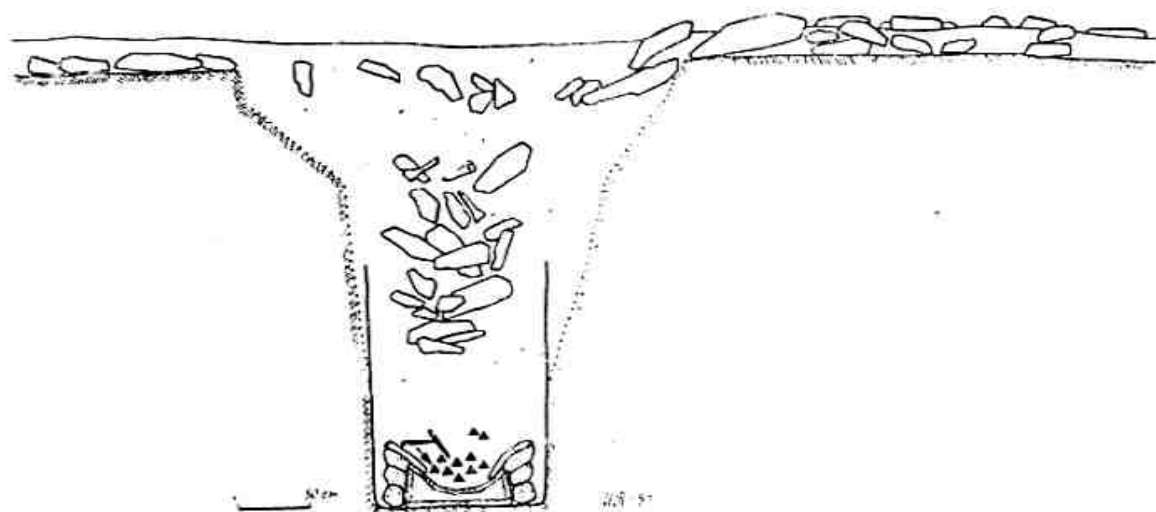

Рис. 24. ИП-51. План и разрез погребения.

Погребение 51 находилось в 300—350 м к юго-западу от группы могил 45, 46, 47, 48, 49, 50 в устье лощины при слиянии ее с основным руслом Ильмовой пади. Снаружи оно выглядело как небольшой бугорок с выступающими на поверхность камнями.

По снятии верхнего слоя в 25 см выявилась обычная замкнутая кладка неправильных очертаний (рис. 24, 25), распространявшаяся в восточную сторону за счет набросанных грабителями камней, образовавших бугорок, по которому мы и определили могилу. Западная же сторона кладки утопала в грунте. В форме кладки с трудом угадывается нарушенный четырехугольник, ориентированный своими углами по сторонам света. При расчистке камней в южной части кладки найдена

первая фаланга (копыто) лошади, а на восточной стороне среди камней — мелкий фрагмент венчика горшка.

После разбора середины кладки и снятия еще 25-сантиметрового слоя выделялось бурое пятно с темными и светлыми прослойками супеси, по форме близкое к четырехугольнику размерами 2,5×3 м. Это было началом грабительской ямы, которая по мере углубления постепенно сужалась. На глубине 125 см размеры пятна стали 1,7×2,8 м,

Рис. 25. ИП-51. Разрушенная надмогильная кладка после расчистки.

с юго-западной стороны к нему примыкал нетронутый край могильной ямы из серовато-бурого заполнения шириной 120 см. На глубине 2,2—2,3 м, уже наоборот — пятно грабительского хода выделялось на фоне могильной ямы и стало почти строго прямоугольным — длиной 2,6 м, шириной 1,2 м. В заполнении сверху донизу было очень много камней, пониже встретились обломки бревен и плах, вверху и до середины грабительского хода изредка попадались кости крупных и мелких животных. На глубине 2,9 м уже над западной стеной сруба найдены две концевых и две промежуточных накладки лука, немного глубже — обломок стрелы (насад наконечника). Неподалеку от центра над срубом обнаружен фрагмент глиняного горшка черного цвета, с лощеной поверхностью, без орнамента. Подобная керамика была в погребении 40 в Черемуховой пади (см. ниже).

Над срубом по всей поверхности наблюдалась тонкая прослойка сбуглившейся трухи, которая, впрочем, характерна для многих могил Черемуховой и Ильмовой падей.

На глубине 3 м начался сруб (рис. 26): длина — 260 см, ширина в головах — 100 см, в ногах и в середине — 80 см, толщина боковых стен — в среднем 10 см. Передняя стена выглядела как тонкая дощатая, на задней половине сруба частично сохранялся довольно тонкий настил. Под ним проглядывались остатки крышки гроба.

В заполнении гроба в передней его части залежали фрагменты горшка (рис. 27). Среди них — обломок челюсти молоденького барана, резцовый зуб и хвостовой позвонок крупного рогатого скота и много

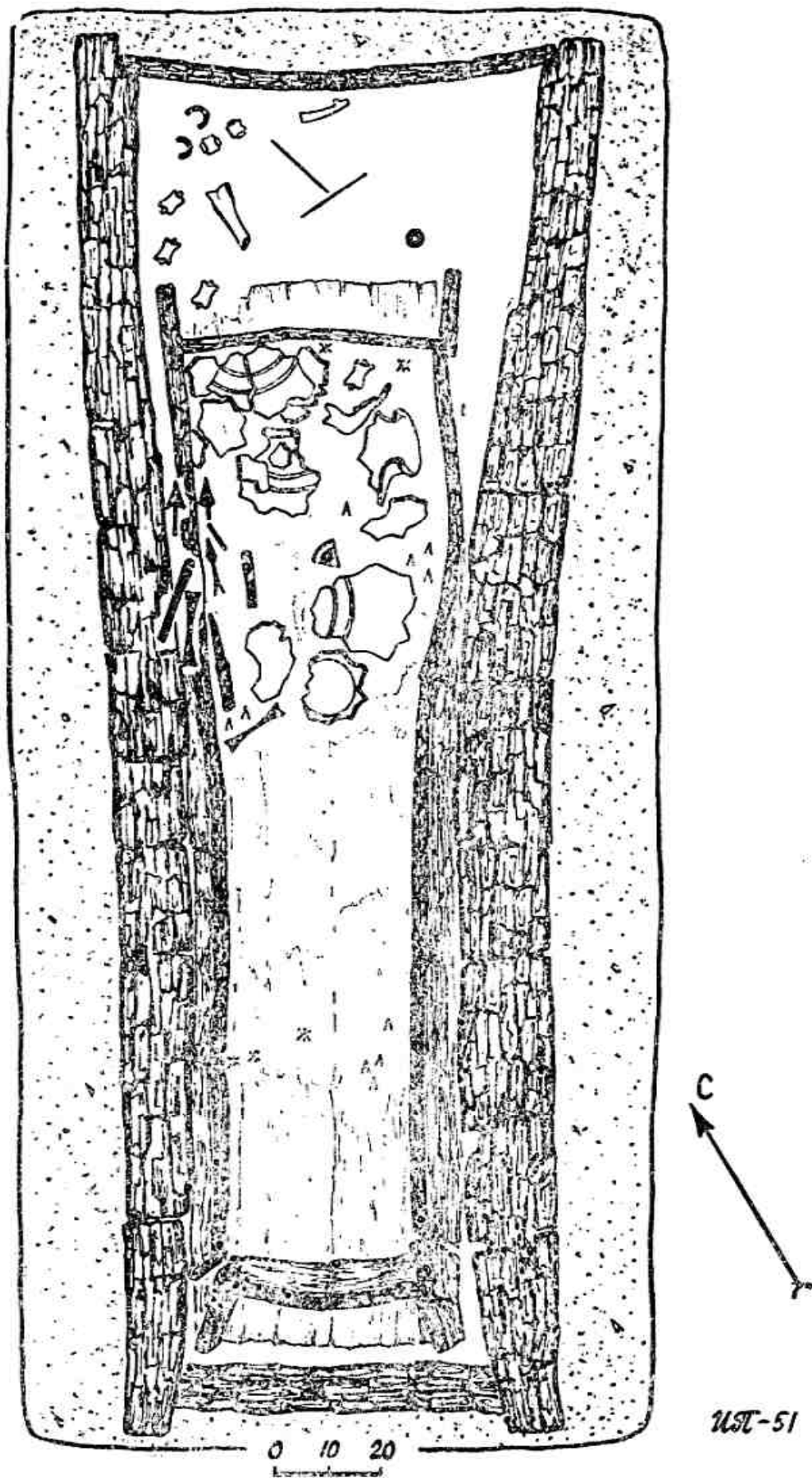
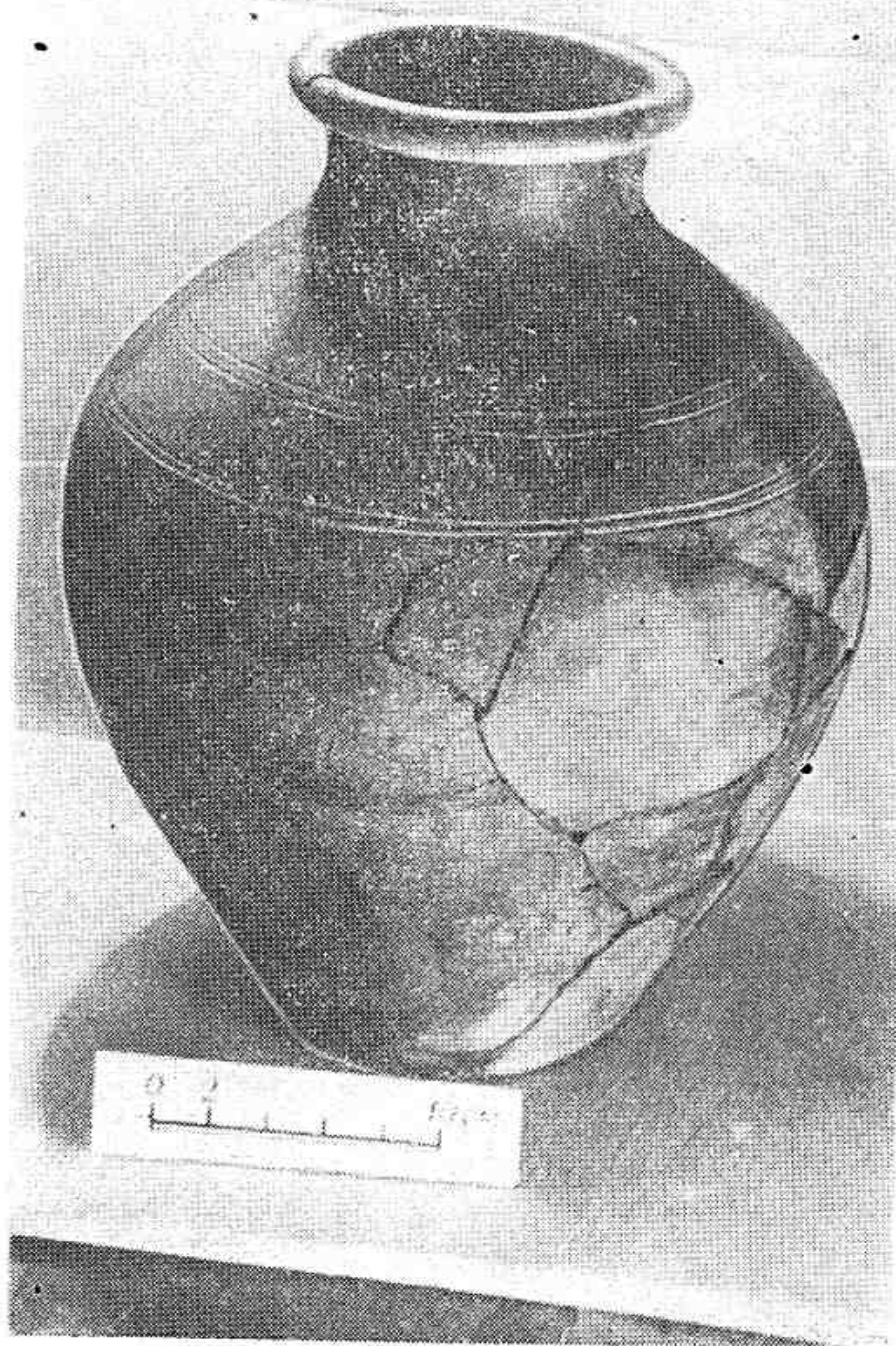

Рис. 26. ИП-51. План сруба и гроба с остатками захоронения.

Р и с. 27. ИП-51. Глиняный сосуд.

кусочков угля. Ниже керамики найден костяной наконечник стрелы с расщепленным насадом (табл. I, 11) и маленький осколок металлического зеркала с иероглифами (рис. 28; табл. XXII, 1). У западной боковой стенки гроба на дне найден осколок железного наконечника стрелы с остатками древка. По дну были рассеяны обрывки краснолакового покрытия.

В задней половине гроба, между провалившейся крышкой и дном, прослеживался очень мелкий зазор, отмеченный черной углистой прослойкой, без песчаного заполнения, что могло произойти от внезапного разрушения крышки грабителем. Здесь встретились кусочки красного лака, в изголовье гроба у передней стены — неопределенные кусочки железа. Среди них можно различить обломки лезвия ножа с деревянной рукояткой.

В отсеке, на дне, найдены две костяные палочки «для еды», (табл. XVII, 5) одна роговая ворворка (?), обломки железных изделий, несколько позвонков, ребро и осколок трубчатой кости молодого барана

При окончательной разборке выяснилось, что его боковые стены состоят из трех бревен каждая, поперечные стены — из досок, вставленных концами в вырубы на торцах продольных стен. Гроб сильно деформирован. В углах с трудом прослеживался способ соединения досок посредством шипов и отверстий. Стенки гроба снаружи были покрашены в красный цвет. Под дном гроба — две поперечные планки-опоры. Обугливания не наблюдалось.

Погребение 52 расположено в 50 м к юго-западу от предыдущего. По следам вывернутых камней прослеживались контуры квадратной кладки, ориентированной почти по сторонам света.

При снятии верхнего слоя наряду с камнями встретились кости: тазовая, позвонки, фаланги крупного рогатого скота, обломки челюсти и трубчатых костей мелких животных. Найдены мелкие фрагменты керамики двух сортов — толстостенного сосуда из желтой глины и более тонкого с черным нагаром. Встречались мелкие обломки дерева, иногда обугленные, а в слое наблюдались признаки горелости в виде углистых и палевых пятен. И, наконец, в этом слое близко к западному краю кладки на глубине 25 см найдено костяное шило из лучевой кости барана (табл. XVI, 14).

По краям овального пятна грабительского хода залегало большое количество камней, уходящих вглубь. Во втором слое найдены осколки костей крупных и мелких животных, в том числе лошади (фаланги и челюсти). Среди костей обнаружена поделка — головка бедренной кости, срезанная пополам (в форме полушария) и просверленная насквозь.

На глубине 1,4—1,6 м в общем пятне выделились овал грабительского хода и примыкавший к нему с юга прямоугольник могильной ямы. Грабительский ход завален камнями (рис. 29, разрез), в нижней его части встречались обуглившиеся куски дерева. На глубине 1,95 м над широкой плахой найден бараний астрагал с просверленным отверстием.

Завал камней кончился на глубине в 2,1 м. Грабительский ход выделяется только в северной половине ямы на ее фоне. В северо-западном углу на глубине 2,25 м найдены кости человеческой руки в анатомической связке в резко согнутом в локте положении, хотя и сдвинутой с первоначального места¹³. Под ними показались кости второй руки, а еще ниже челюсть человека. По западному краю грабительского хода залегали человеческие ребра, часть которых также сохраняла анатомический порядок расположения. С юго-западного края грабительского хода наблюдалось скопление фрагментов керамики, почти весь горшок (рис. 30). Сосуд кринкообразный, бурого цвета, с сильным нагаром внутри и в верхней половине снаружи, широкогорлый, со слабо выраженными плечиками, округлым и суженным книзу корпусом. Поверхность сосуда за исключением горловины покрыта косыми резко выраженными бороздами от зубчатой лопаточки. Под венчиком по шейке

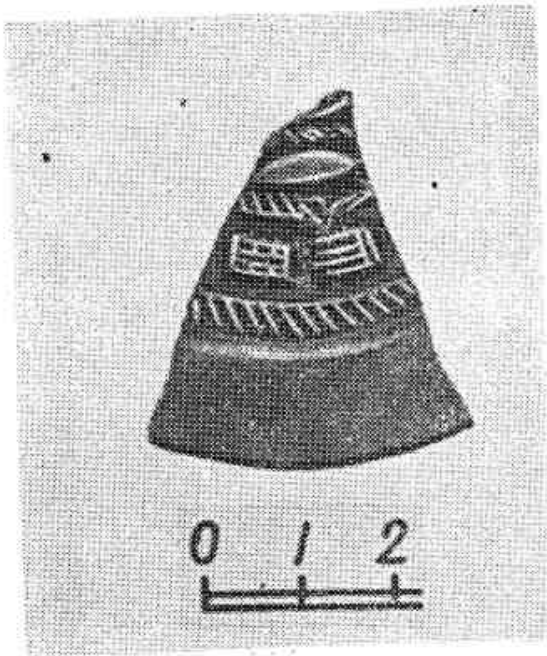

Рис. 28. ИП-51. Обломок бронзового зеркала.

¹³ Это обстоятельство может свидетельствовать о времени ограбления могилы. Ограбление произошло вскоре после захоронения, когда еще не разложились сухожилья, сгибающие суставы.

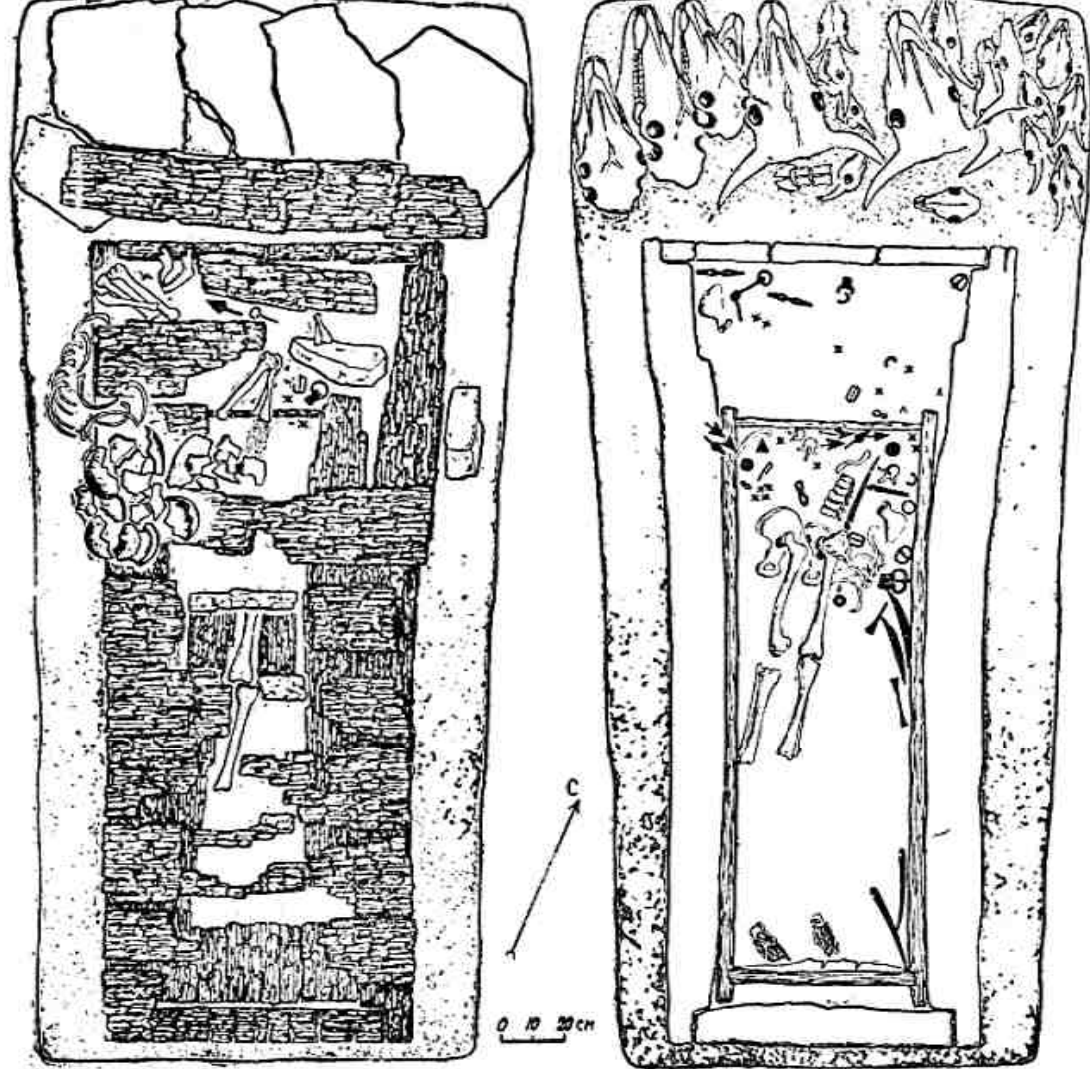

Рис. 29. ИП-52. План сруба и гроба с остатками захоронения.
Разрез могилы.

сосуда прочерчена плавная волнистая линия — «змейка». На дне — отпечаток гончарного станка. Кроме того, на разной глубине встречались осколки железных изделий, среди них — накопечник стрелы, обломки шила в кожаном чехле (табл. XVI, 12) и обломки пряжек с язычком.

Сруб выступил на глубине 2,50—2,55 м. По размерам ямы ожидался сруб необыкновенной величины, но он оказался длиной 260 см. Остатки поперечного его настила насчитывали одиннадцать плах. Под

ними в ногах хорошо был виден конец крышки гроба, упирающийся в заднюю стенку сруба (рис. 29).

Под остатками перекрытия в верхнем заполнении отсека найдены обломки железного круглого кольца с остатком ремня и тонкой пряжки с язычком, два двухдырчатых костяных трензеля (табл. VI, 13), обломки железных удил, состоящих из двух половин, полукруглая железная пряжка с язычком. На дне в северо-западном углу лежала баранья лопатка. По всему заполнению отсека изредка встречались мелкие неопределенные кусочки железа и чешуйки лака.

Большинство находок было сосредоточено в головной части гроба. Вдоль передней стенки найдены не менее 7 штук железных трехлопастных наконечников стрел (табл. II, 17—21), у восточной на дне — две большие круглые пряжки с язычком, одна из них — с остатком ремня, осколки разных пряжек поменьше, полукруглых, круглых, а также просто колец, около западной — железное изделие в виде крупной петли с перехватом посередине. В разных местах гроба найдены другие железные изделия: плоские пластинки, круглые пяточки с гвоздеобразными стерженьками в центре (этими пластинками прибивалась драпировочная ткань гроба?), обломки прямых и крючкообразных стержней, одна 8-образная закрученная петелька, аналогичная находкам из предыдущих погребений № 46, 47 (табл. VI, 3). И, наконец, на задней и передней стенках гроба найдены несколько гвоздей — мелких (длина — 1 см) пластинчатых, с г-образно загнутыми навершиями. С левой стороны покойника вдоль восточной стенки гроба в ногах — две концевые накладки лука, посередине — срединные и промежуточные и в головах — две концевые. На этой же стороне среди фрагментов железа встретилась роговая ворворка (?) (табл. VIII, 12).

Скелет был разобран, только кости стопы лежали вместе. Все остальное было потревожено, перемещено.

На 10—15 см ниже уровня сруба по всей поверхности открылся целый ряд горизонтально уложенных плит (рис. 31). Над ними непосредственно возле стены сруба лежала широкая короткая плаха.

Под плитами оказался целый склад черепов — лошадиных, крупного и мелкого рогатого скота (рис. 29, план). Возле каждого черепа были положены кости ног (фаланги) и хвостовые позвонки. Расчистка этой группы раздробленных костей была очень трудной. В результате удалось насчитать 19 черепов: из них 2 лошадиных, 1 кулана, 2 бычьих, 2 коровьих, 3 овечьих и 9 козьих.

Гроб довольно широкий. Длина — 186 см, ширина — 66 см. Стыковка стен произведена дополнительно с помощью двух шипов на торцах, вставленных в соответствующие сквозные отверстия на боковой стенке. На стыке стенок в юго-западном углу гроба на боковой доске виден прорез, который можно сделать только пилой. Боковые стенки

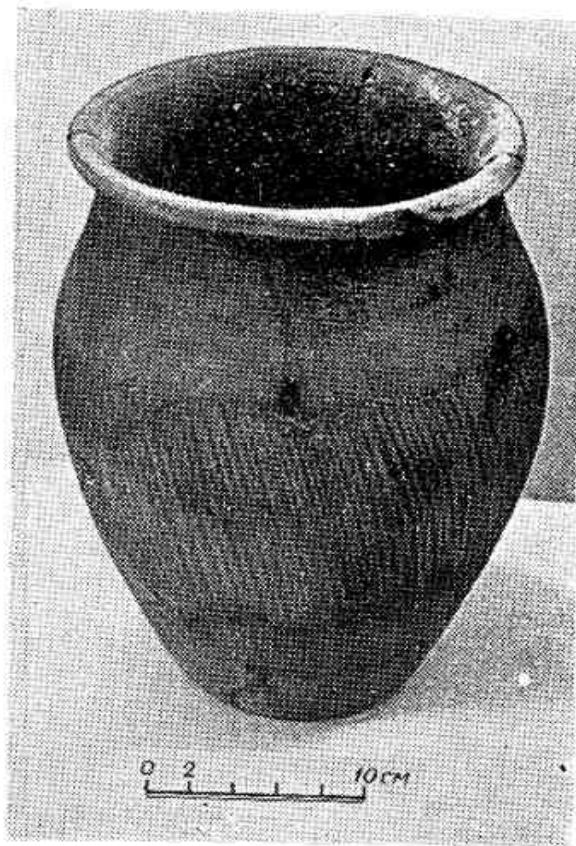

Рис. 30. ИП-52. Глиняный сосуд.

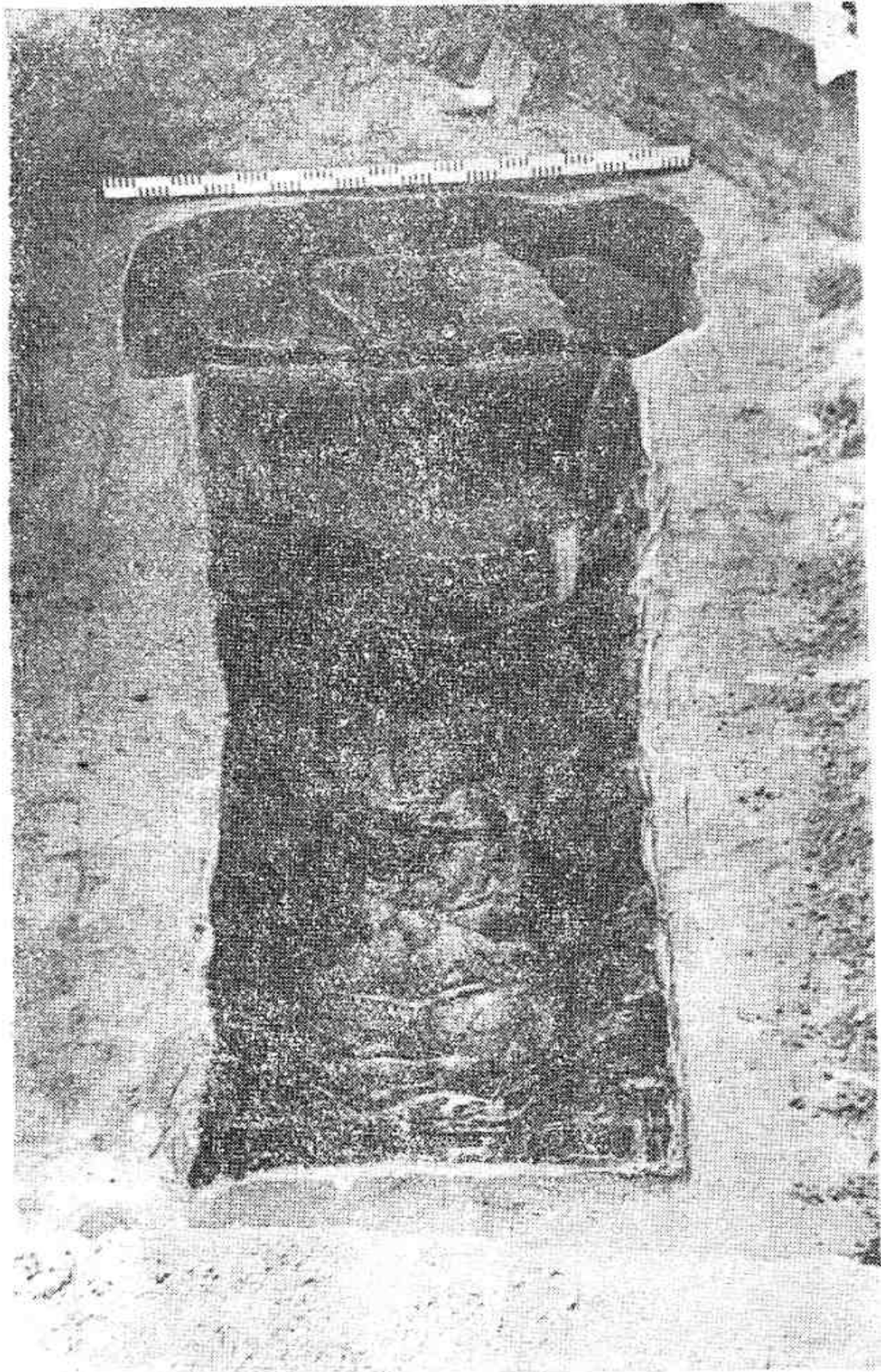

Рис. 31. ИП-52. Сруб, гроб и кладовая для жертвоприношений, закрытая сверху каменными плитами.

гроба обычно так плотно слеживаются со стенками сруба, что их трудно отделить одно от другого. Но здесь они хорошо отделялись благодаря промежуточной ткани. По-видимому, гроб был обтянут шелком, края которого свисали по бокам его стенок на 20 см. Найденные раньше гвозди, по всей вероятности, были предназначены для прикрепления обивки. Дно гроба сильно потревожено. Остатки досок прослеживались по бокам вдоль стенок. Под ними две поперечные планки-опоры по 10 см шириной каждая.

Сруб сложен в три венца. Общая высота около 50 см. Короткие стены врублены в концы длинных (см. рис. 32). Толщина передней и задней стен — 10—12 см. Наружная поверхность бревен сруба обуглена, чего не наблюдалось под дном гроба.

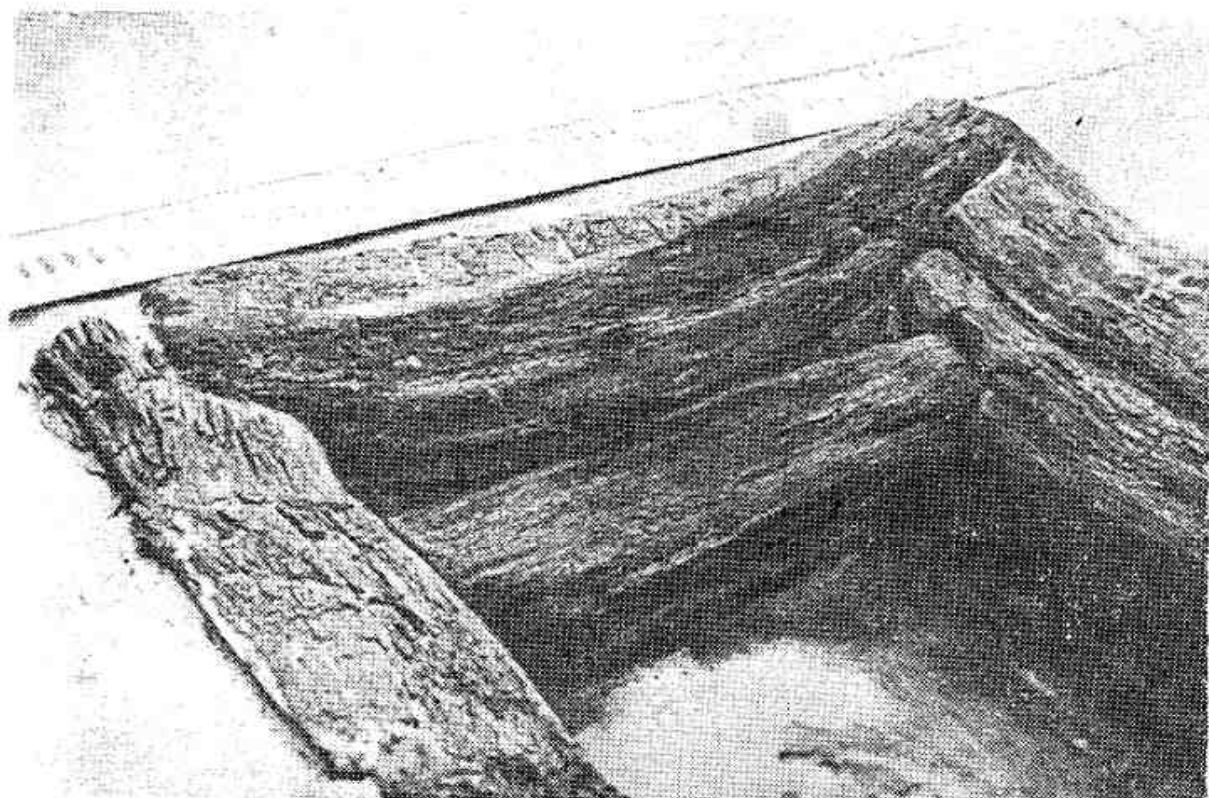

Рис. 32. ИП-52. Способ соединения стен сруба и гроба.

Погребение 53 расположено в группе могил (45, 46, 47, 48, 49, 50) на границе леса. На склоне лощины выделялся бугорок из камней и земли высотой около 50 см. По краю насыпи снизу по склону выступали камни, отграничивавшие юго-восточный угол кладки. После расчистки выявилась кольцеобразная кладка (рис. 33, 34), лежавшая на горизонтальной площадке, что встретилось нам впервые, хотя другие раскопанные могилы находились тоже на склоне. На северной, западной и юго-западной сторонах кладки среди камней найдены обломки костей крупного и мелкого скота и лошади (зубы, фаланги, челюсть барана). На западной стороне за пределами кладки найдена груда обломков глиняного горшка.

Внутри кладки просматривается темное продолговатое пятно, ориентированное в меридиональном направлении, размерами 4,4 × 3 м. По краям наклонно и вертикально залегали плиты, с западной стороны были нагромождены камни, встречавшиеся и в дальнейшем, по мере углубления в могилу. Изредка попадались кости животных. На глубине 2 м и ниже выступали обломки дерева.

На глубине 1,5 м на южном конце грабительского пятна отчетливо выделился край могильной ямы шириной 1,7 м. Но полностью основное пятно могильной ямы наметилось лишь на глубине 2,35 м. И почти две трети ее было занято грабительским ходом, в котором продолжали встречаться камни. Размеры ямы: длина — 370 см, ширина с севера — 175, с юга — 180 см. В северо-западном углу лежал череп барана. Посередине пятна ближе к восточному краю найдено несколько обломков челюсти крупных животных. Над камнями в заполнении ямы лежал обгоревший обломок бревна. Ниже камней найден скелет собаки, лежавшей в анатомическом порядке головой к востоку, на глубине 2,5—2,8 м. На глубине 2,8—2,9 м среди ломаных кусков плитняка в северо-

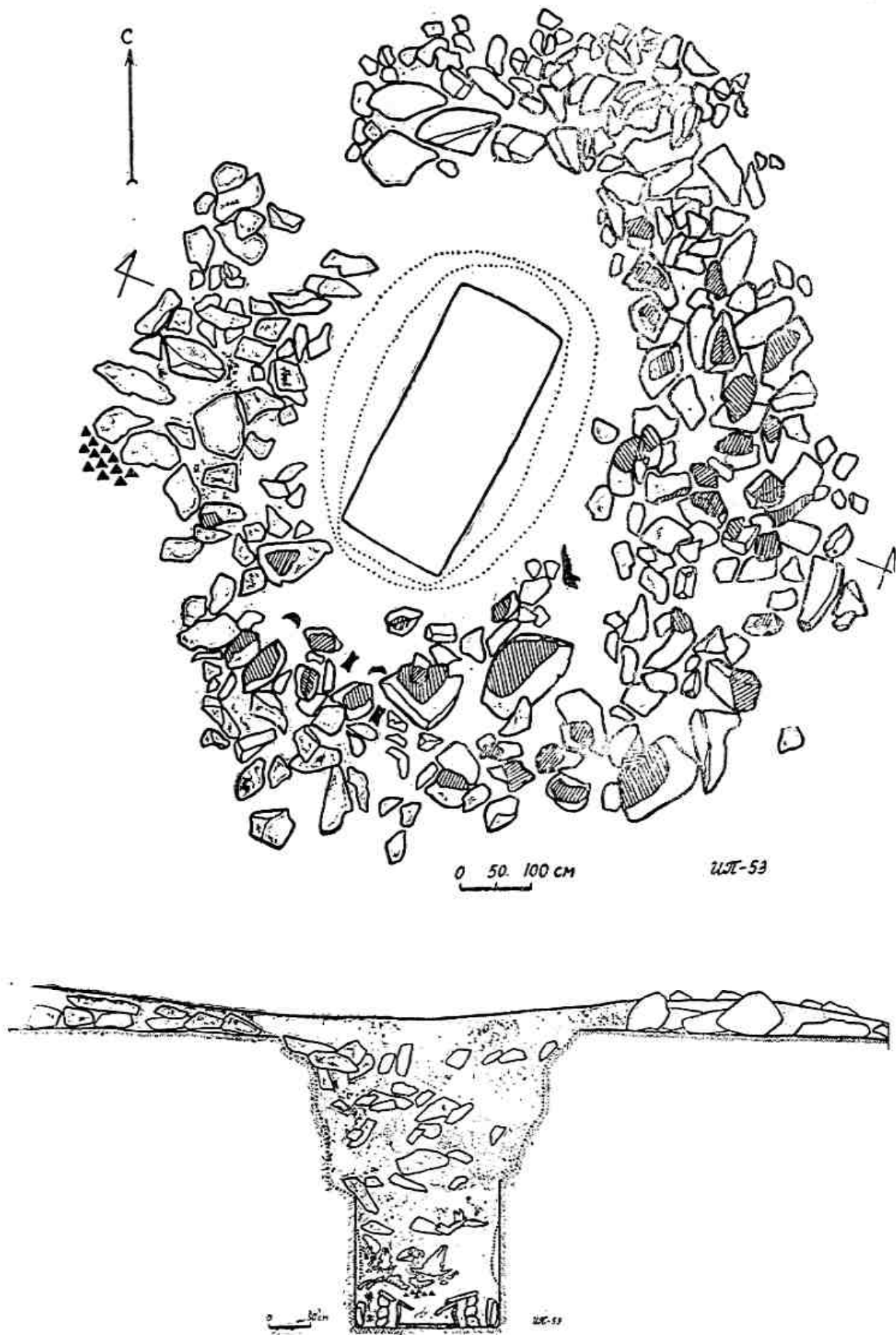

Рис. 33. ТН 53. План и разрез погребения

западном углу найдены два бараньих черепа, причем оба лежали вместе с фалангами ног и не были затронуты грабителями. Поблизости от них уже в грабительском ходе найден еще один череп мелкого животного — овцы или козы. Посередине лежал череп крупного животного очень плохой сохранности, рассыпавшийся при извлечении. Здесь и ниже найдены фаланги и хвостовые позвонки крупного и мелкого скота.

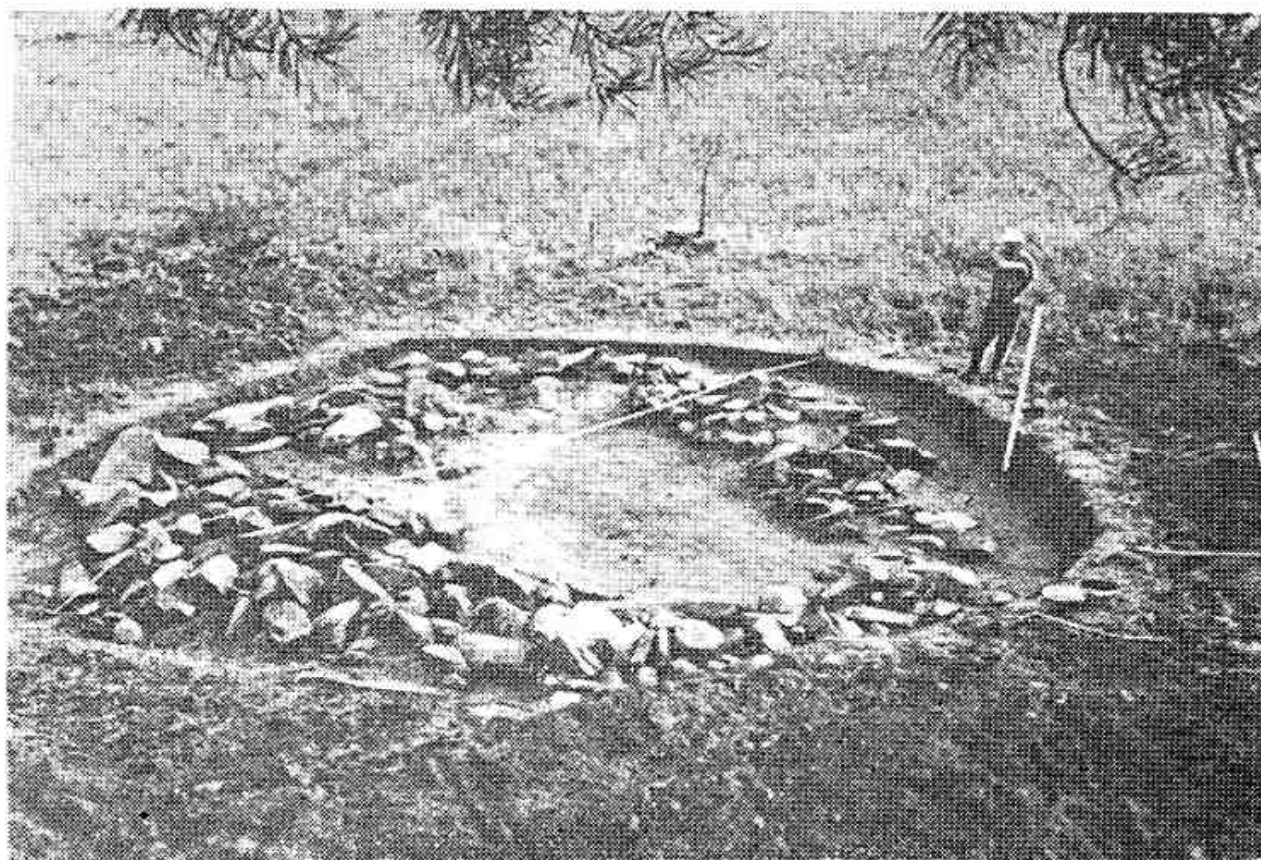

Рис. 34. ИП-53. Разрушенная надмогильная кладка после расчистки.

Сруб находился на глубине 3,5 м (рис. 35). Приблизительно одну треть всей его длины занимал отсек. В его верхнем заполнении найдено большое количество фрагментов горшка, которые вместе с найденными снаружи в кладке черепками составили один сосуд — большой, узкогорлый, грушевидный, с резко выпуклыми плечиками, по которому нанесен орнамент в виде двойных горизонтальных параллельных линий в два яруса. Поверхность сосуда темного цвета, хорошо заглажена (рис. 36). По горлышку нанесены вертикальные лощеные линии, выполняющие орнаментальную функцию.

Ниже весь отсек был заполнен костями животных. По предварительным подсчетам набралось не менее 32 крестцов домашних коз разных возрастов и соответственно удвоенное количество первых ребер этих же животных. Найдены также отдельные хвостовые позвонки и фаланги. Надо полагать, что первоначально были и все 32 черепа, от которых найдены лишь 7 или 8 челюстей. Затем в меньшем количестве найдены односименные кости крупного рогатого скота и лошади, среди них есть копыта совсем молоденькой особи кулана (?).

Из вещей в отсеке найден лаковый сосуд баночной формы, чуть конусообразно расширяющийся кверху, с диаметром дна 17—18 см, высотой около 10 см, снаружи и изнутри окрашенный в красный цвет. При расчистке он рассыпался. У восточной стены отсека ближе к гробу найдены две костяные палочки для еды (табл. XVII, 2) — довольно длинные, круглые в сечении, хорошо полированные. В навершии палочек есть зарубки для привязывания шнурков.

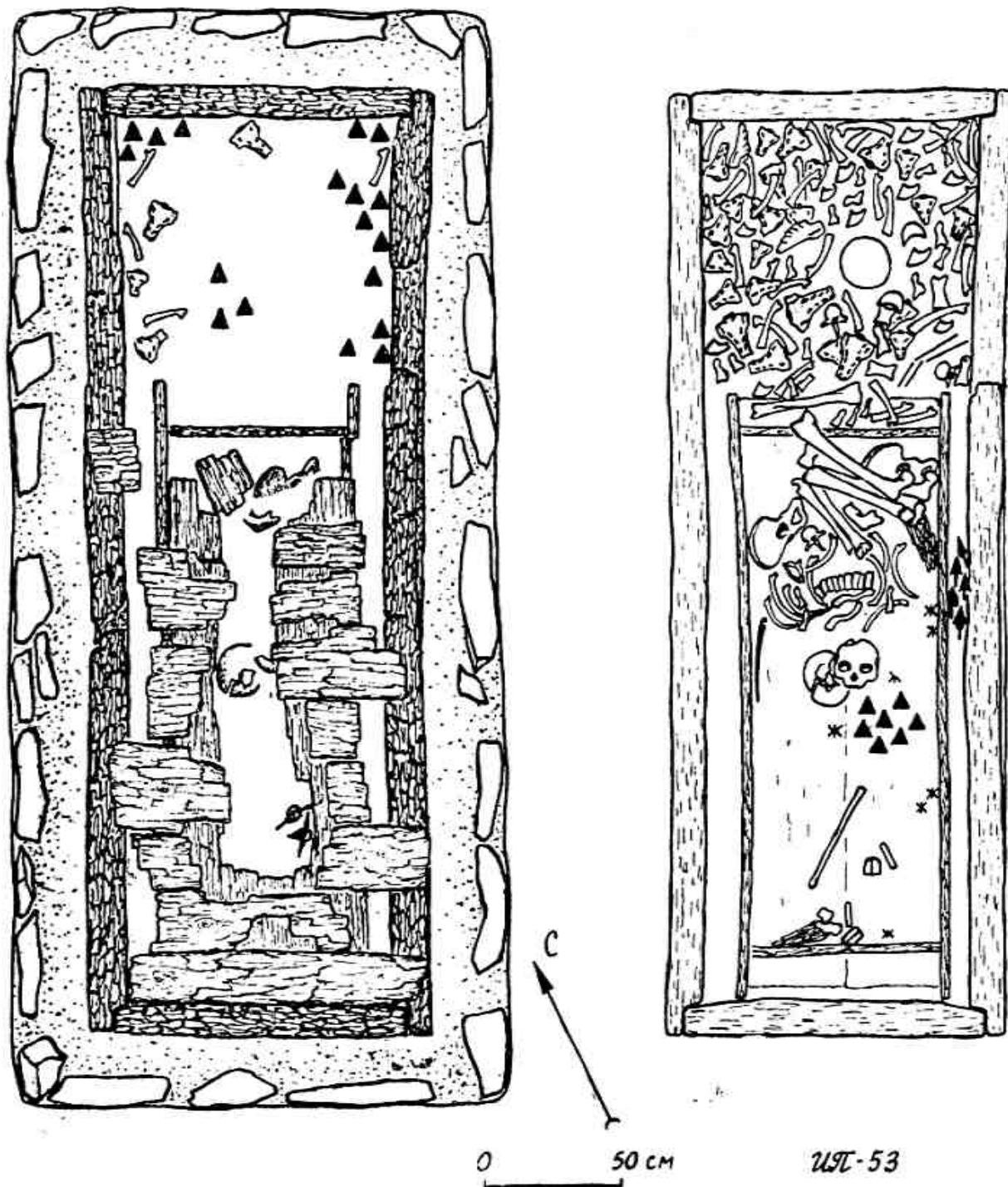

Рис. 35. ИП-53. План сруба и гроба с остатками захоронения и жертвоприношения.

Над срубом кое-где сохранились остатки поперечных плах (горбыли) и под ними — продольные доски крышки гроба. Местами верхние бревна боковых стен сруба выломаны. Привлекает внимание ярко выраженная полубревенчатая форма стен. Крышка гроба состояла из широких, но тонких досок. Стенки же гроба довольно массивные — толщиной до 4—5 см, местами деформированы, искривлены.

Внутри гроба все было потревожено. В головах торчала половина тазовой кости, другая — у задней стенки, около нее — длинные кости ног и одна половина челюсти, приблизительно в центре гроба — совершенно раздавленный череп. В задней части гроба найдены удила с трезелями (в обломках). У западной стенки рядом с тазовой костью лежал обломок концевой накладки лука. В середине и чуть ниже, около черепа, найдены осколки, кажется, не более двух-трех ритуальных глиняных горшочков из темно-бурой глины. В ногах гроба в первоначальном положении оказалась правая стопа. На костях стопы найдены

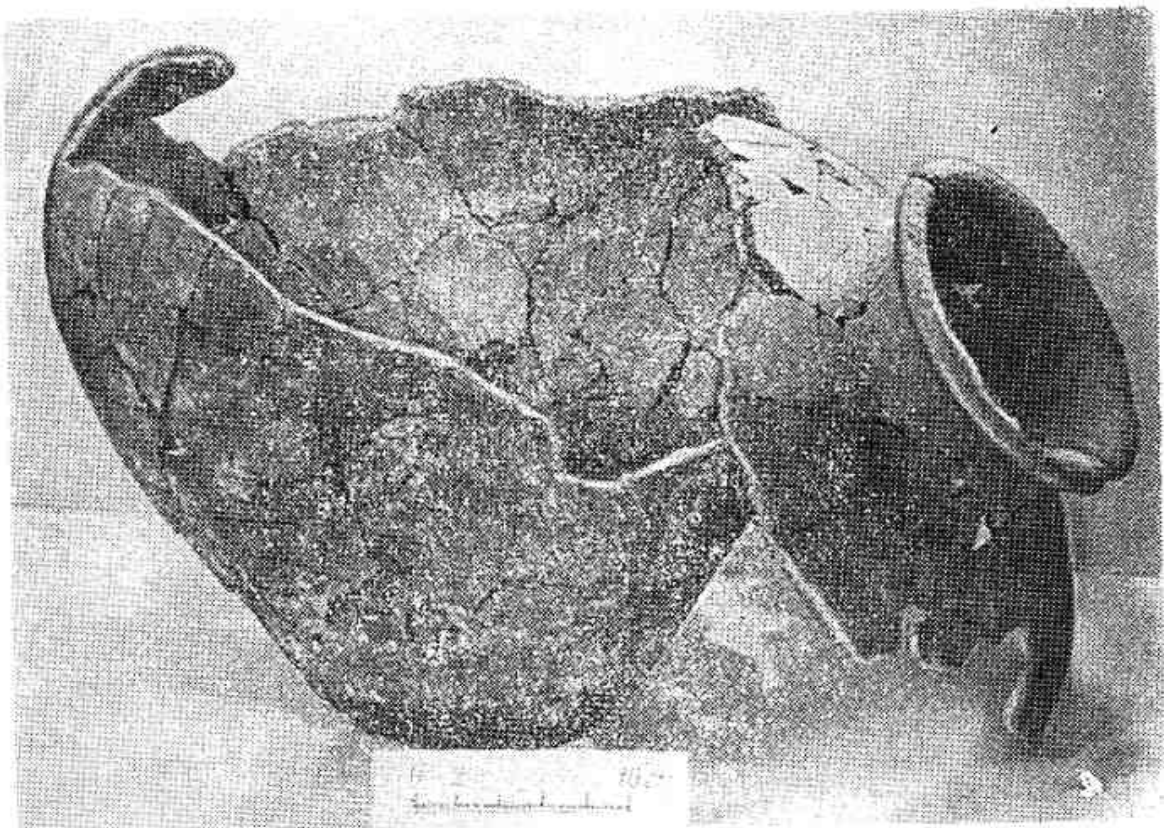

Рис. 36. III-53. Глиняный сосуд.

железная пряжка с язычком и узкая продолговатая железная петля (табл. VI, 4). Здесь же рядом с малой берцовой костью найдены такая же узенькая железная петелька и полукруглая пряжка без языка.

Между восточными боковыми стенками гроба и сруба приблизительно посередине найдена группа наконечников железных стрел — трехлопастных, фигурных — всего не менее шести штук (табл. II, 22, 23, 26, 27). Они лежали кучей остриями вперед, то есть к голове.

Сруб со всех сторон был обложен цепочкой плит, поставленных на ребро, и состоял из полубревен, гладко затесанных изнутри (по три бревна в каждой стенке). Соединялись бревна с помощью вырубов на торцах боковых бревен, куда упирались своими концами короткие стены. Размеры сруба необычно велики, отсек занимает одну треть его. При ширине сруба 124 см и гроба — 66 см коридор между наружной и внутренней камерами также получился на редкость широким. Длина гроба — 180 см. Стенки его местами были деформированы, но стояли вертикально, кроме задней, высота их в этом положении составляла 20—22 см. Способ стыковки стенок прослеживался на задних углах — с помощью шипов на торцах короткой доски и отверстий на боковых стенках. На дне гроба — толстый слой темно-коричневой трухи, под ним — две широкие доски, опирающиеся на две поперечные планки. Снизу днище слегка обуглено. Следы обожжения наблюдались и на передней стене сруба сверху.

Погребение 54а. На поверхности земли выступало около 15 камней, расположенных без видимого порядка — в одиночку и группами. После снятия верхнего слоя в 25—30 см выявилось довольно большое количество камней, расположенных как бы вокруг некоторого пустого пространства. Явно заметной впадины в этом месте не наблюдалось, хотя весь участок и казался неровным.

В залегании камней были видны следы нарушения первоначальной выкладки или вымостки (рис. 37). Например, много камней на северо-восточной стороне лежали на месте плашмя, камень к камню. Этот

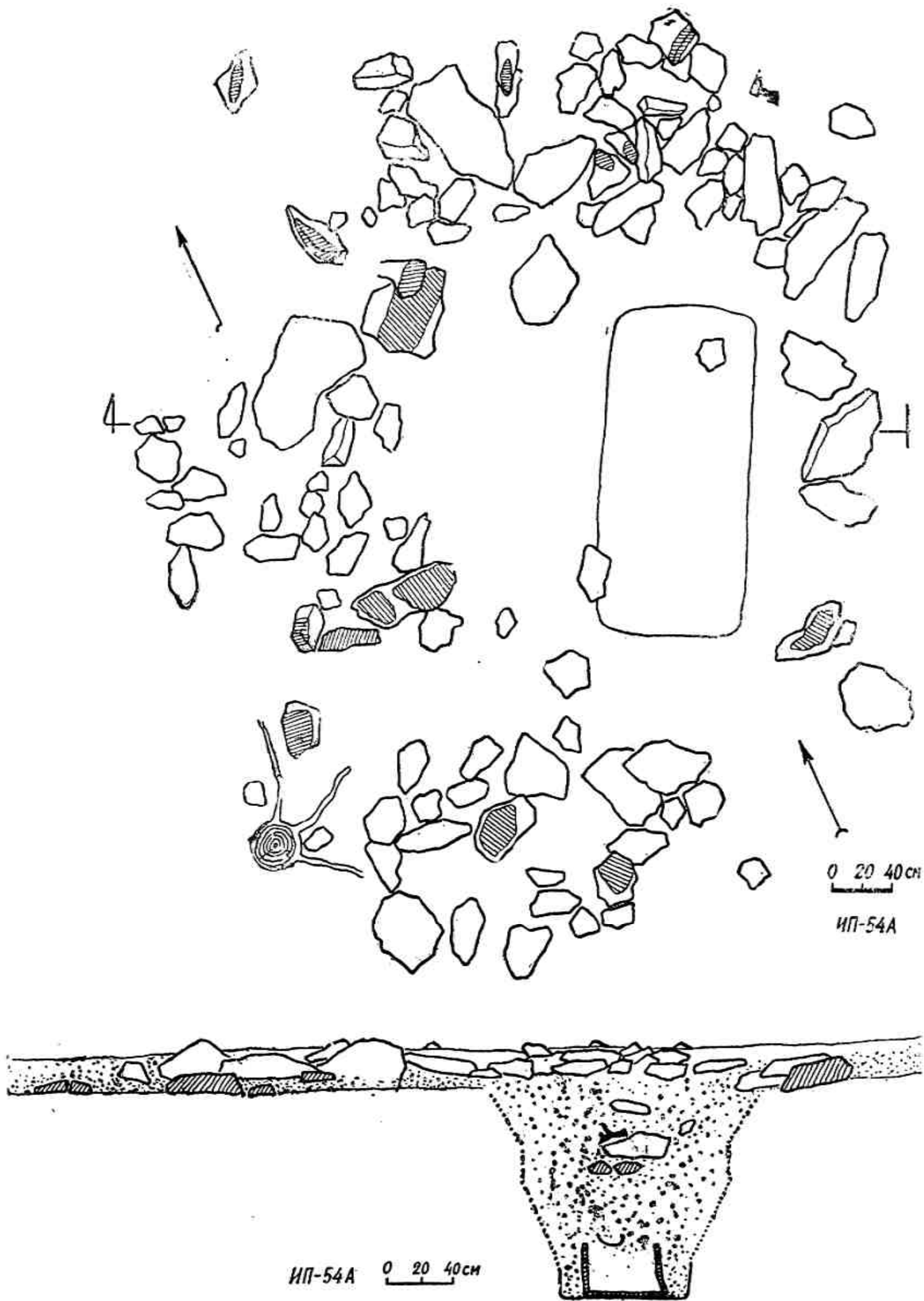

Рис. 37. ИП-54а. План и разрез погребения

фрагмент напоминает первоначальную вымостку. Большая же часть кладки нарушена — камни лежат неровно, на разных уровнях, некоторые перекрывают друг друга.

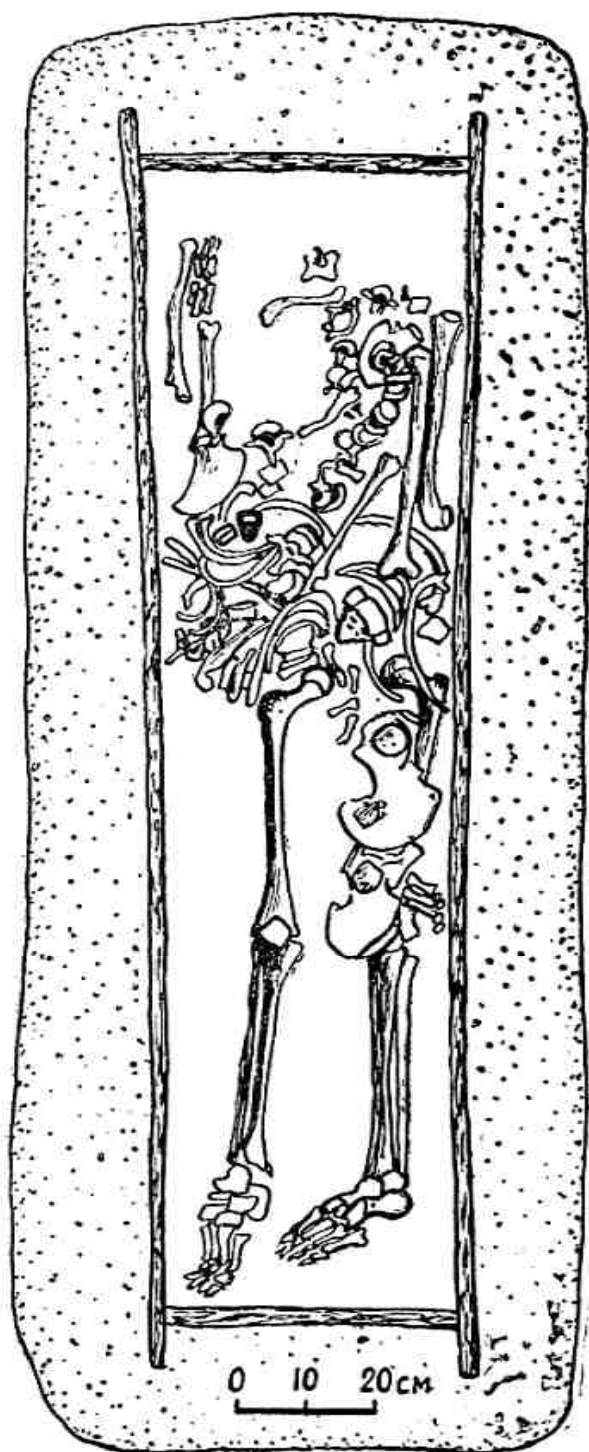
На зачищенной поверхности (глубина 25 см) посередине кладки наблюдалось слабое потемнение, переходящее к бурому поддерновому слою. На глубине 40—45 см обозначалось пятно, близкое к четырехугольному, вытянутое к СВ-ЮЗ, по цвету темно-бурое, с темным заполнением внутри. Ниже пятно немного сузилось и выпрямилась его южная граница. На глубине 110 см яма имела почти правильную четырехугольную форму с закругленными углами. Заполнение — буроватая разнородная в крапинку масса — характерно для аналогичных могил. В разных местах пятна на глубине 25—120 см обнаружено несколько крупных и мелких камней. В центре пятна на глубине 55 см найден обломок рога оленя или марала (?), на глубине 115 см — ребро этого же (?) животного.

На глубине 115 см на южном конце пятна выступили края (концы) досок. При дальнейшей расчистке показали все контуры гроба — небольшого, узкого, с тонкими стенками (рис. 38). Боковые стенки сильно прогнулись внутрь, и концы их четко выступали за линию поперечных стенок. Крышка сохранилась частично, остаток ее найден внутри гроба в наклонном положении, одним краем на западной стенке. Доски, по всей вероятности, сосновые (?), но не лиственничные, что видно по структуре древесины.

На глубине 140 см на дне гроба в ногах появились кости стопы, затем тазовая кость, и далее открылся весь скелет. Черепа не было, костяк потревожен: выше пояса все раскидано, но ноги лежали на месте. Кости молодого человека — в том возрасте, когда еще не срослись эпифизы, ростом не более 150 см.

Находки бедны. Среди костей в области живота на правом боку найдены две пряжки — роговая (основание оленьего рога, табл. XIII, 8) и железная, с язычком. В ногах у задней стенки гроба между стопами найден кусочек угля. Мелкие кусочки угля встречались также в головах гроба. Дно гроба лежало на глубине 150 см. Длина его — 164 см, ширина в головах — 48 см, в ногах — 42 см, высота 35 см.

Погребение 546 расположено с восточной стороны 54-го кургана

ИП-54А

Рис. 38. ИП-54а. План гроба с остатками захоронения.

вблизи юго-восточного угла ограды. На ровной поверхности земли торчали три камня. Под дерном оказалась группа из 17 камней, расположенных без особого порядка на площади 4×5 м, в центре камни уходили вглубь (рис. 39). Глубже под ними выступила небольшая компактная каменная кладка, сосредоточенная на узкой продолговатой площади примерно в 2 м^2 . После снятия еще одного слоя кладка оставалась компактной и в виде каменного надгробия возвышалась над расчищенной вокруг поверхностью. Ориентирована на СВ-ЮЗ на 45° . По наружным контурам кладки выявились границы пятна могильной ямы. А внутри намечалась пустота, как будто кладка была сложена в виде склепа. Возможно, она была и сплошной, но часть камней провалилась вниз, в пустоту погребальной камеры. При расчистке пустоты внутри кладки появились камни, лежащие плашмя как бы на дне полусводчатого «склепа». К сожалению, так было лишь на северной половине, другая же половина кладки, по-видимому, была развалившейся (рис. 40, 41).

Принцип сводчатого сложения кладки в ее северной половине несомненен. Но каменной вымостки ее основания (на дне), по-видимому, не было, ибо там оказалось лишь несколько беспорядочно лежавших камней, словно случайно упавших сверху или с боков.

Ниже кладки шло земляное заполнение могильной ямы. После снятия кладки на глубину около 20 см сначала на южном конце, затем на северном выступили концы досок погребальной камеры. Она напоминала колоду без крышки и выглядела настолько узкой и маленькой, что не верилось, как туда можно втиснуть труп человека, хотя бы и ребенка.

При дальнейшей расчистке выяснилось, что это не колода, а обыкновенный гроб, но только детский. Крышка уцелела лишь на концах и по бокам, отчего гроб и показался сначала колодой (рис. 40).

Костяк не потревожен. Череп лежал на своем месте и был повернут вправо, лицом почти касаясь боковой стенки гроба. Трупоположение — на спине, ноги и руки были вытянуты вдоль тела, кисти покоились на бедрах, стопы повернуты друг к другу. Длина скелета — 127—128 см.

На поясе погребенного, выше таза, поверх костей обнаружена полуса (пояс) спекшегося железа, состоящая из отдельных звеньев, которые трудно расчленишь. Однако слева от позвоночного столба можно разобрать пряжку, возможно, полукруглой формы, такая же пряжка (или кольцо) уходит под кисти руки. Посередине пояс состоит как бы из отдельных железных пластин. Под одной из них со следами заклепки замечены остатки кожи, на правой боковой пряжке — прилипшая ткань грубого плетения. При окончательной разборке пояса выяснилось, что основу его составлял кожаный ремень, на котором и были прикреплены все эти пластинки и пряжки.

Такая же «цепочка» железных звеньев обнаружена на ногах — щиколотках, причем она как бы соединяла (связывала) обе ноги. Посередине этой «цепи» можно было различить продолговатую узкую петельку, каких немало найдено нами в ранее раскопанных погребениях хунну. На правой ноге в спекшемся комочке различалось небольшое кольцо. Остальные звенья не определены.

И наконец, в левом паху погребенного, в изгибе головки бедренной кости обнаружен небольшой пучок меха — обрывок какой-то вещи и бараний астрагал. А на другой стороне бедра найдено пять таких же косточек. Несомненно, это игральные кости, на трех из которых имеются просверленные на ушке отверстия (табл. XVIII, 1—6).

Гроб был сосновым, длиной 140 см, шириной — спереди 34 см, сзади — 28 см. Стыковка стенок произведена посредством шипов на торцах коротких стенок и отверстий на боковых.

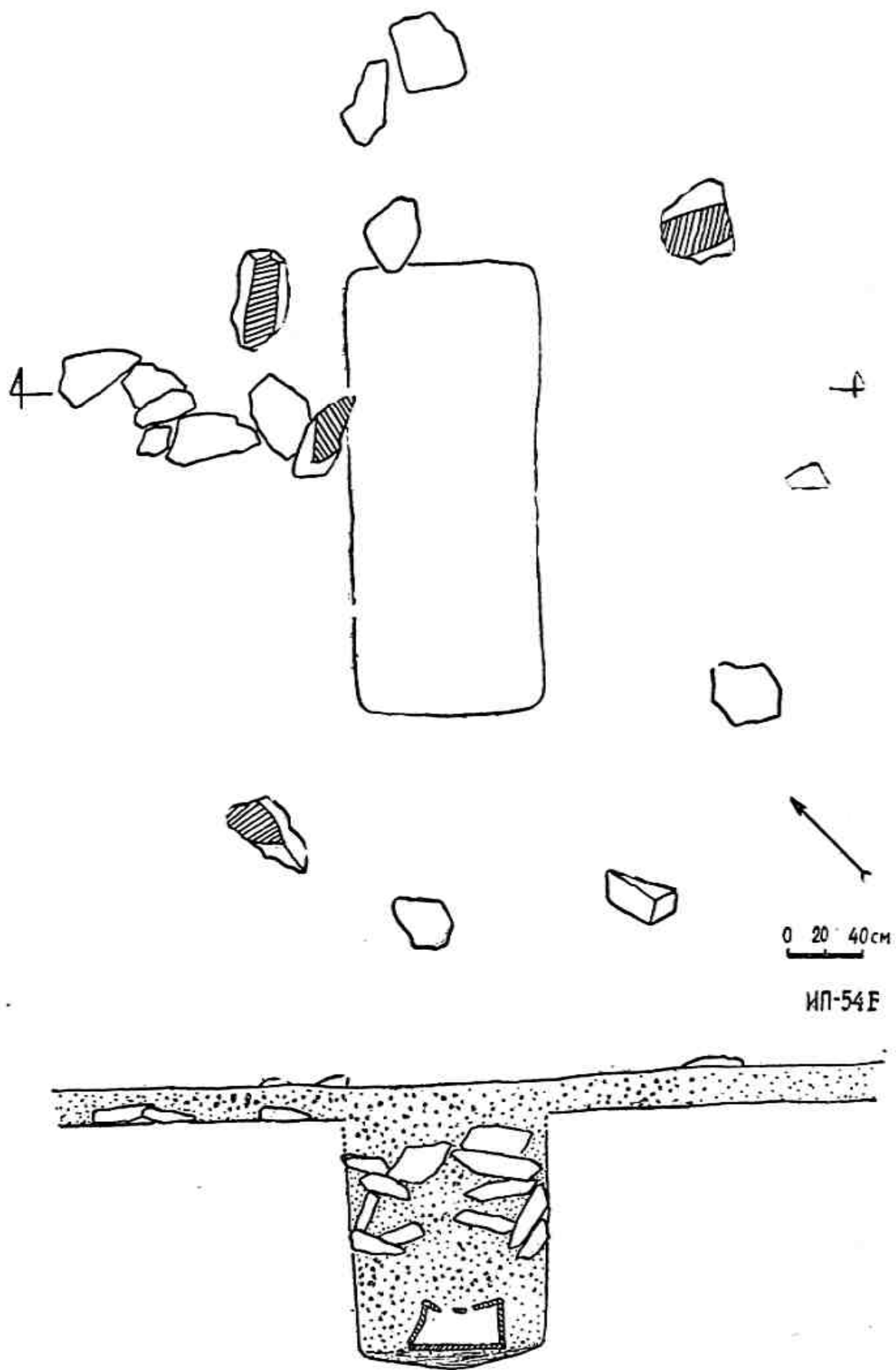
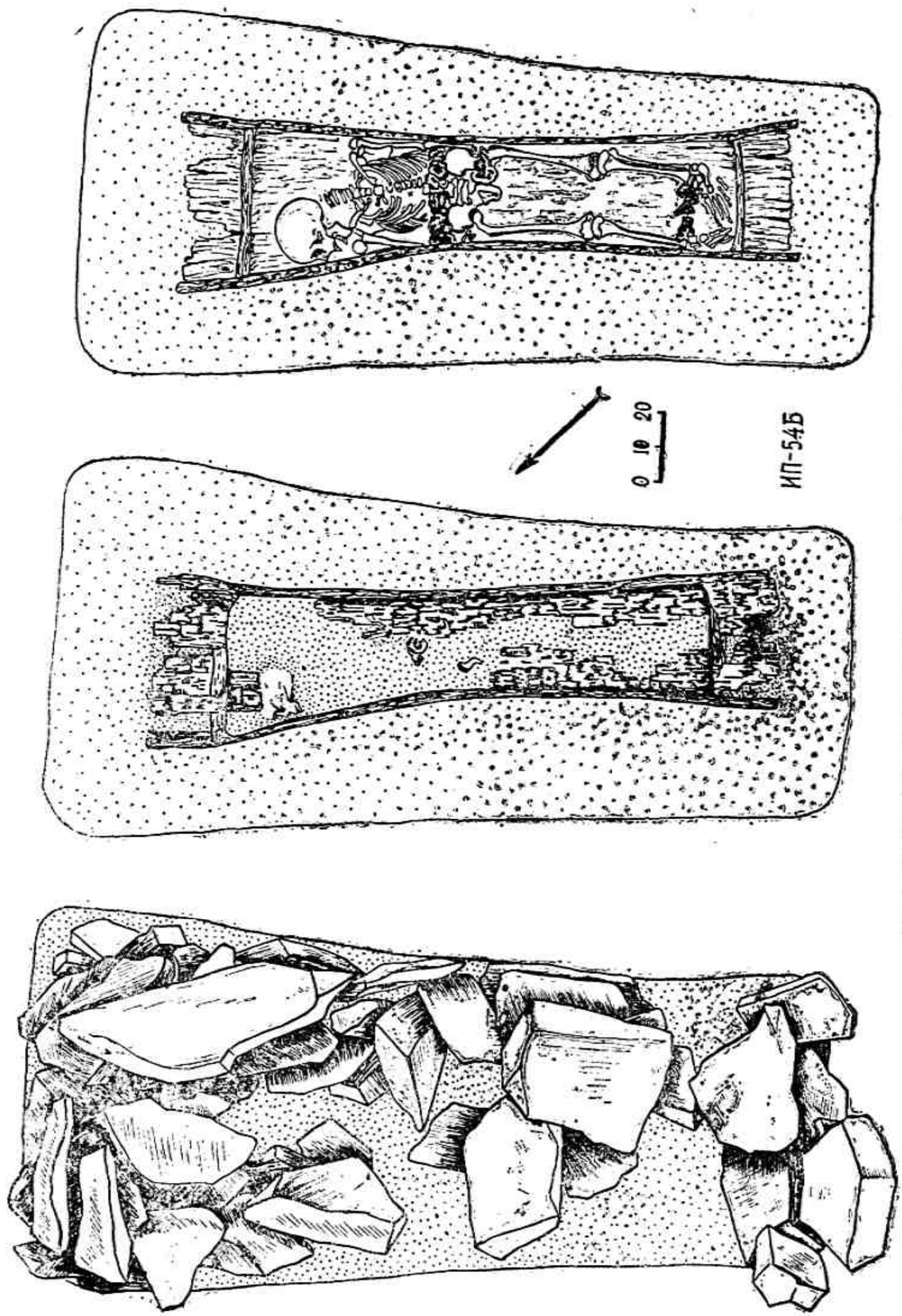

Рис. 39. ИП-54Е. План и разрез погребения.

Р и с. 40. ИП-546. План внутримогильной кладки и гроба с остатками захоронения.

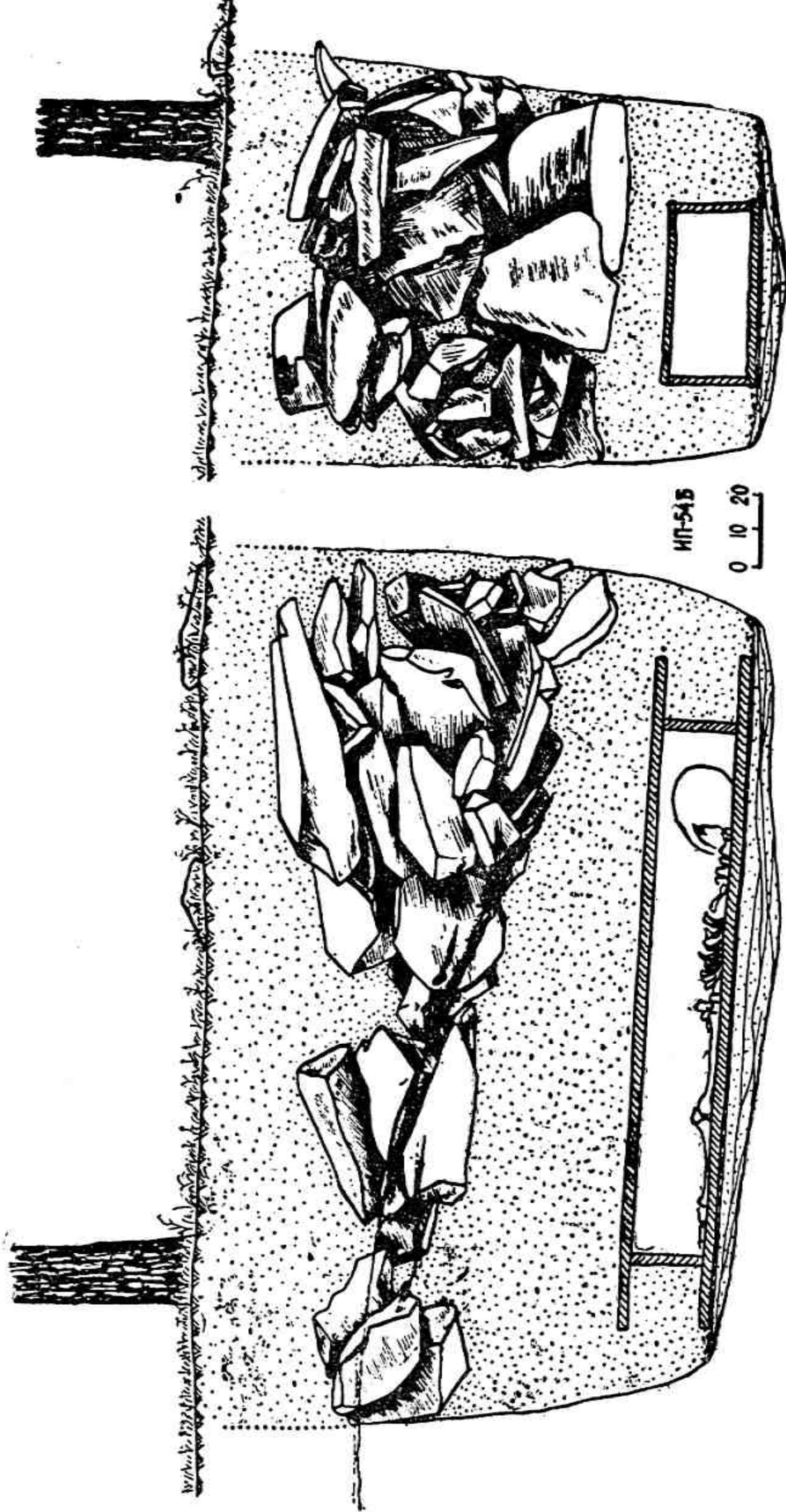

Рис. 41. ИП-54Б. Продольный и поперечный разрез погребения.

Дно гроба между ног сильно обуглено. В заполнении гроба, а также и вне его встречались реденькие мельчайшие крупички чистого угля.

Погребение 55а расположено у юго-западного угла основной ограды 55-го кургана. До раскопок на поверхности выступало около десяти камней. При вскрытии дерна выявилась довольно реденькая кладка, занимающая площадь примерно $4 \times 4,5$ м, причем камни расположены неровной цепочкой вокруг некоего центра. Было похоже, что на юго-восточной стороне сохранился нетронутый фрагмент первоначальной кладки в виде сплошной вымостки из одного ряда камней, лежащих вплотную друг к другу (рис. 42).

На глубине 70 см внутри кладки выделялось темное пятно, переходящее постепенно по сторонам в бурое и затем незаметно в светлый окружающий грунт (песок). На 30 см ниже пятно стало четче и меньше, приняло форму, близкую к четырехугольнику с закругленными углами и неровными сторонами; по мере углубления его контуры становились прямее.

На глубине 130 см показались контуры гроба — сначала боковые стенки на южном конце, затем и остальная их часть, но северная стенка не прослеживалась вовсе. От крышки сохранилась только часть (рис. 43).

Погребение было ограблено. Остатки костяка беспорядочным скоплением находились близко к северной стенке: плечевая, крестец, позвонки и ребра. Череп лежал почти на своем месте, но был повернут лицом к передней стенке, челюсть найдена в другом месте. Обнаружены отдельные связки костей, сохранивших анатомический порядок: правое предплечье с кистью на своем месте и целиком кости левой руки, слегка сдвинутые с места. Длинные кости ног тоже сдвинуты чуть-чуть, но кости ступней разбросаны вдоль задней стенки гроба. Возможно, они растащены грызунами.

Среди скопления костей в изголовье гроба в правом верхнем углу найдена миниатюрная костяная ложечка, аналогичная найденным в могилах 15, 51 Черемуховой пади, но только с короткой ручкой (табл. XVII, II). Здесь же встретилась железная пряжка с остатками ремня. Ближе к середине гроба найдено несколько кусочков железа, среди которых различаются фрагменты лезвия ножа, вправленного в кожаный чехол, и пряжка с остатком кожаного ремня (табл. X, 1—4). На некоторых железных фрагментах — обрывки ткани разных сортов, в том числе шелка. У локтевого сустава левой руки на дне гроба замечены чешуйки лакового покрытия какого-то изделия. На дне гроба, особенно посередине и в задней половине, наблюдалось потемнение, похожее на легкое обугливание — обычная картина для большинства хуннских могил. Такое же потемнение, еще более похожее на обугливание, замечено на боковых стенках гроба.

При разборке гроба прослежен способ стыковки его стенок, не отличавшийся от обычного для хуннских гробов.

Погребение 56. Кладка напоминает фигуру черепахи, которая обращена головой на север (рис. 44, слева). Голову изображает крупная плита треугольной формы, острием направленная на север. По обе ее стороны лежат по одному мелкому камню, далее по бокам — по четыре камня, уложенных в цепочку с каждой стороны, за ними, там, где должны быть задние ноги, лежат по одной крупной плите с каждой стороны, и наконец, сзади четыре мелких камня образуют коротенький хвост.

Внутри кладки на глубине 25 см (это примерно на уровне залегания кладки) обозначилось темно-коричневое пятно, занимавшее почти все пространство. По мере углубления цвет пятна стал красновато-бу-

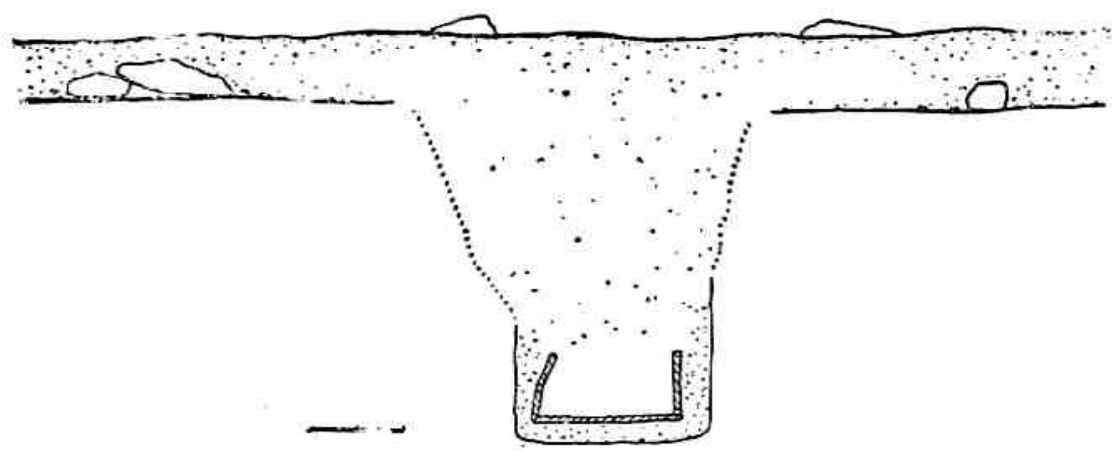
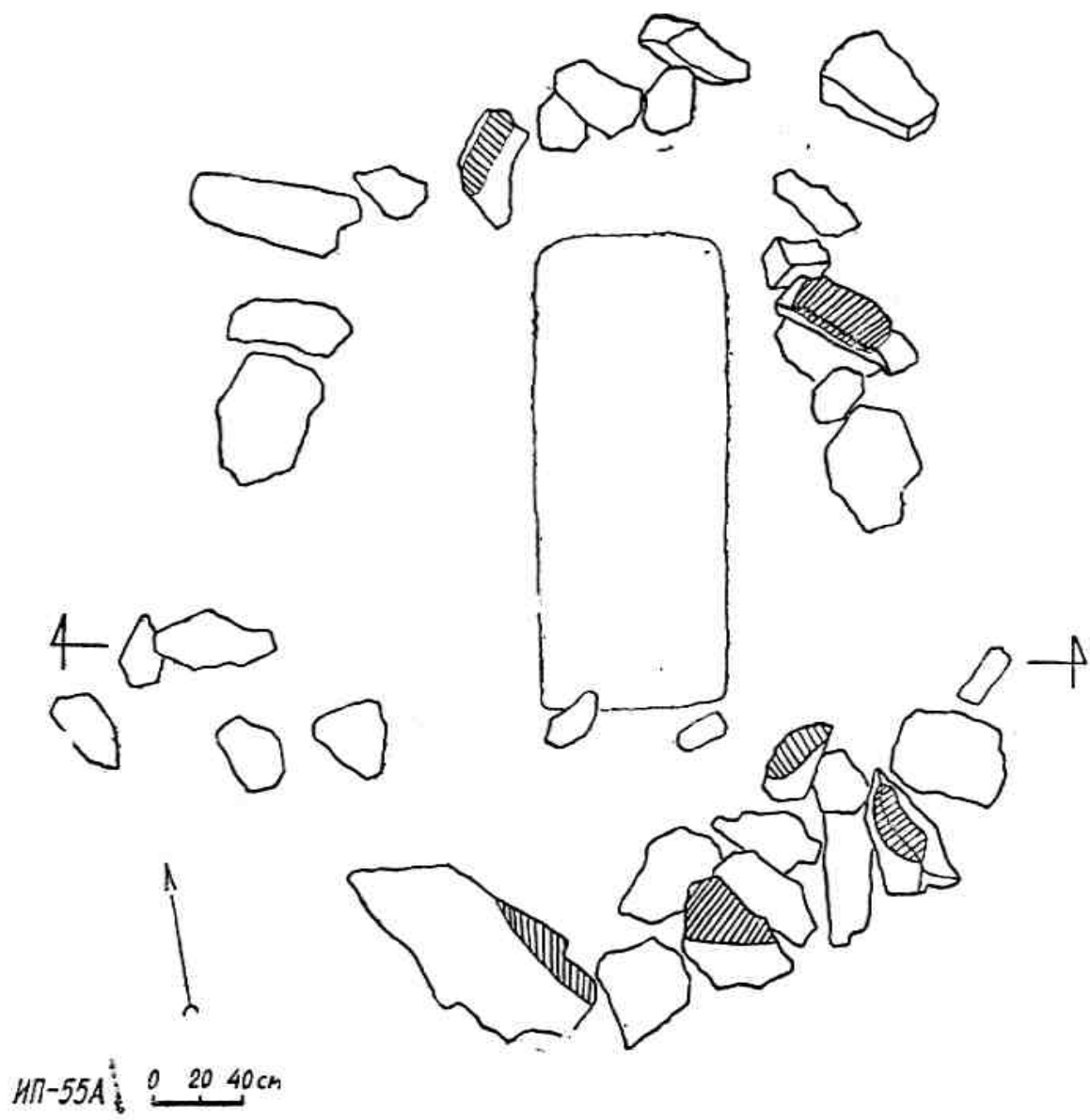

Рис. 42. ИП-55а. План и разрез погребения.

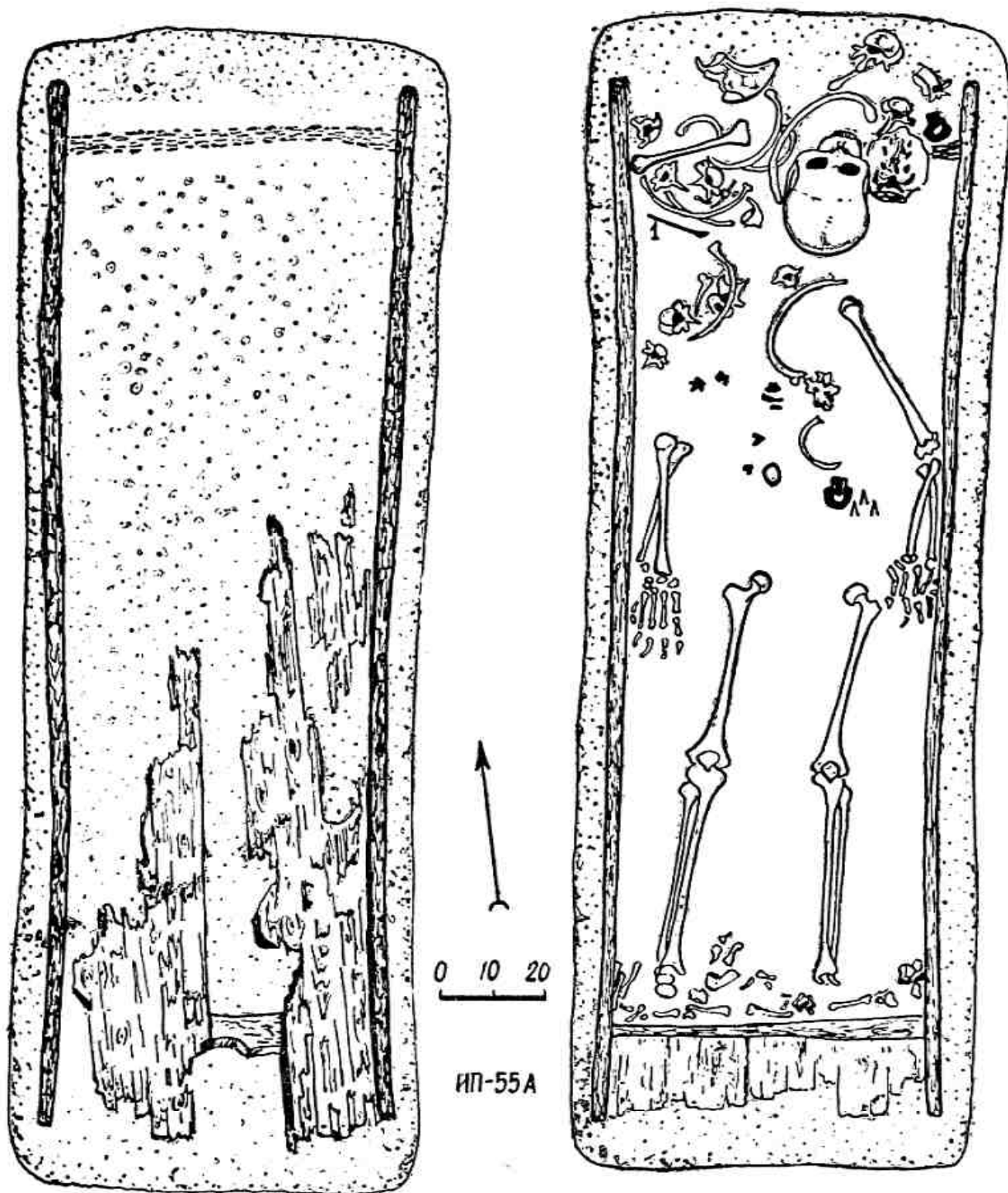

Рис. 43. ИП-55а. План гроба с остатками захоронения.

рым, а в середине — темным. Яма оказалась маленькой (длина 100 см, ширина 60 см), по форме напоминает правильный прямоугольник с чуть закругленными углами, ориентированный ССВ на 15°.

У северного края пятна на глубине 85 см встретились мелкие угольки и 3—4 черепка глиняной посуды — толстостенной, с бурой гладкой поверхностью, с интенсивным черным нагаром внутри и чуть утолщенным венчиком.

На глубине 100—105 см в головах ямы встретились находки: сильно разложившиеся осколки мелких ребер (человека), два бараньих астрагала — один с дырочкой на одном из ушек, другой — поменьше, почти наполовину раскрошившийся. Далее по всему пятну найдены несколько мелких черепков той же посуды, очень мелкие осколки череп-

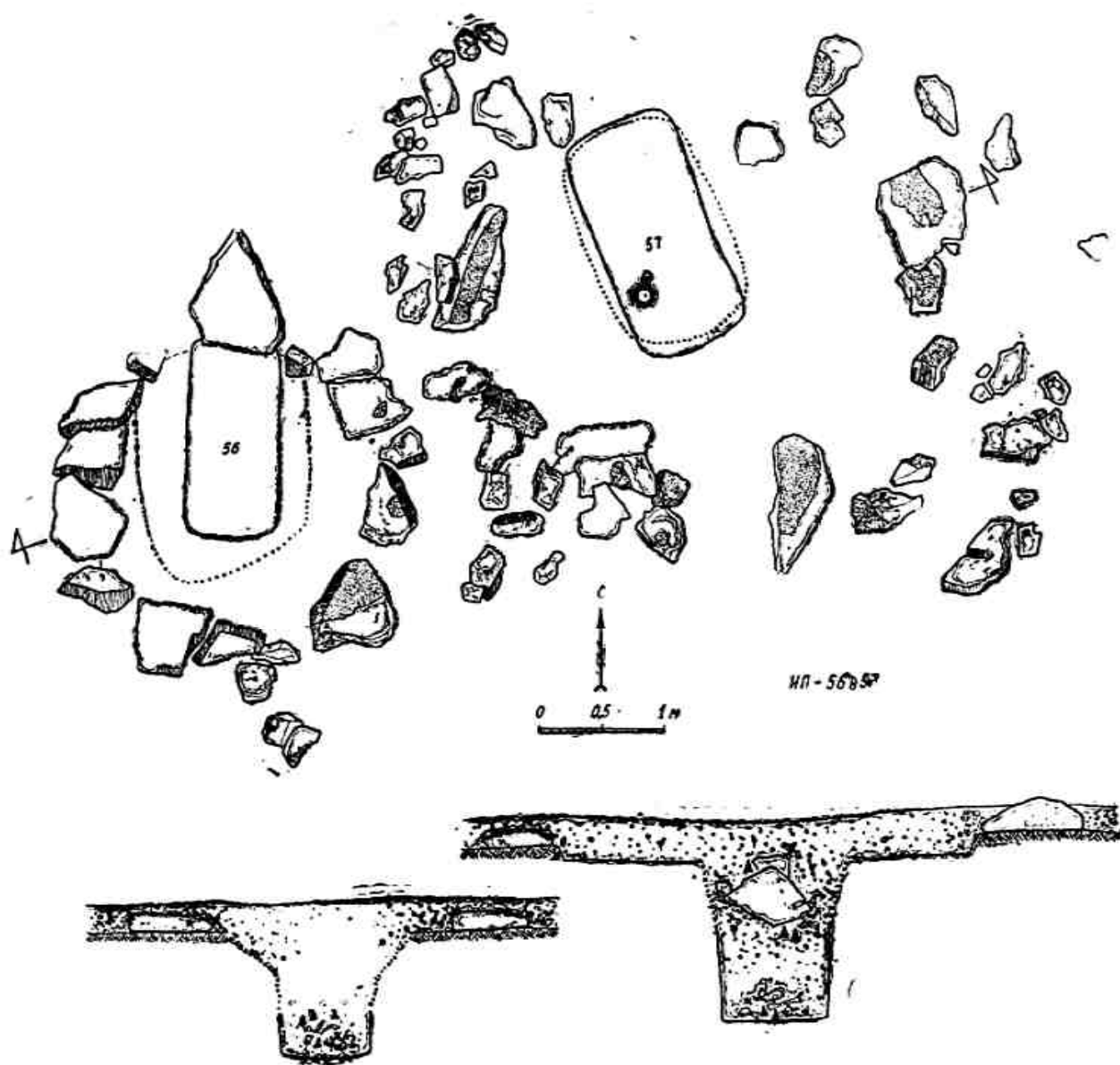

Рис. 44. ИП-56, 57. План и разрез погребений.

ных костей и ребер человека, и в центральной части встретился мелкий осколок железа, похожий на фрагмент пряжки (рис. 45, слева).

При дальнейшей зачистке (глубина 100—110 см) края его стали ровными. Яма кончилась. Находок больше не было.

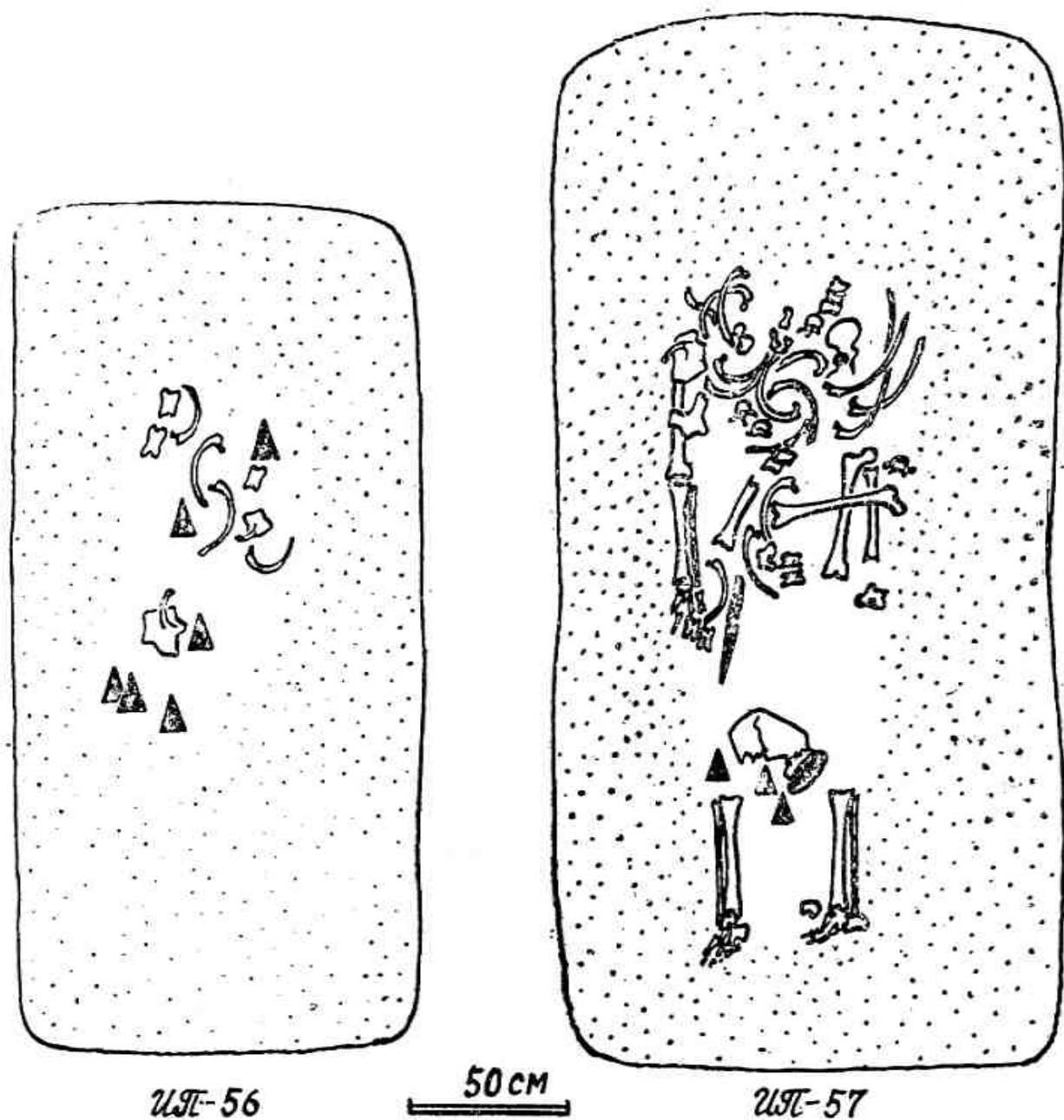
Погребение 57. До раскопок встречены редкие, беспорядочно выступающие на поверхность камни. Кладка неопределенных форм состояла из обветрившихся и почти разрушающихся обломков горных пород, подобранных на поверхности скальных выходов (рис. 45, справа).

После снятия верхнего слоя в 30 см посередине кладки выступило пятно прямоугольных очертаний с закругленными углами. Глубже в пределах пятна встречались редкие камни.

Под камнями найдены мелкоиздробленные обожженные косточки мелкого животного и фрагменты глиняного горшка — гладкостенного, бурого цвета, грубой лепки, небольшой емкости.

В северной половине на глубине 130—138 см в разрозненном состоянии залегали кости ребенка лет 5—7 очень плохой сохранности (рис. 45, справа). Череп отсутствует. Длинные кости правой руки и голени обеих ног сохраняли первоначальное положение. Бедренные кости лежали в области груди поверх всех остальных мелких костей (рис. 46).

Справа на уровне бедра найден железный нож. Ручка его не сохранилась и, вероятно, была деревянной. Лезвие, по-видимому, помещалось

Р и с. 45. ИЛ-56, 57. Остатки захоронений (план).

в кожаном чехле, следы которого можно было узнать при расчистке (зеленовато-желтая оболочка вместе с ржавчиной). Сохранился острый клинообразный черепок лезвия.

Среди остатков захоронения найдены игральные косточки — бараньи астрагалы с дырками: два лежали на месте кисти правой руки и два — посреди костей в области живота.

В ногах оказался разбитый и опрокинутый сосуд небольших размеров, с узким (диаметром 6 см) дном, с отпечатком квадратного шипа, с расширяющимся до плечиков туловом, с небольшим сужением в горловине и слегка отогнутым венчиком (табл. XXV, 2). По горлышку шла небрежная, круто процарапанная линия — «змейка» или, точнее, даже неровные зубцы. Высота сосуда — около 15 см, цвет неравномерный, желтовато-красный.

Под вышеописанными остатками захоронения на глубине 150 см оказалось дно ямы. Почти никаких признаков гроба не обнаружено, если не считать очень сомнительный след слева по западному краю пятна, что могло быть прожилкой органических образований по границе между заполнением ямы и грунтом.

Погребение 58, расположенное неподалеку от 51-й могилы, снаружи выглядело как довольно компактная группа выступающих на

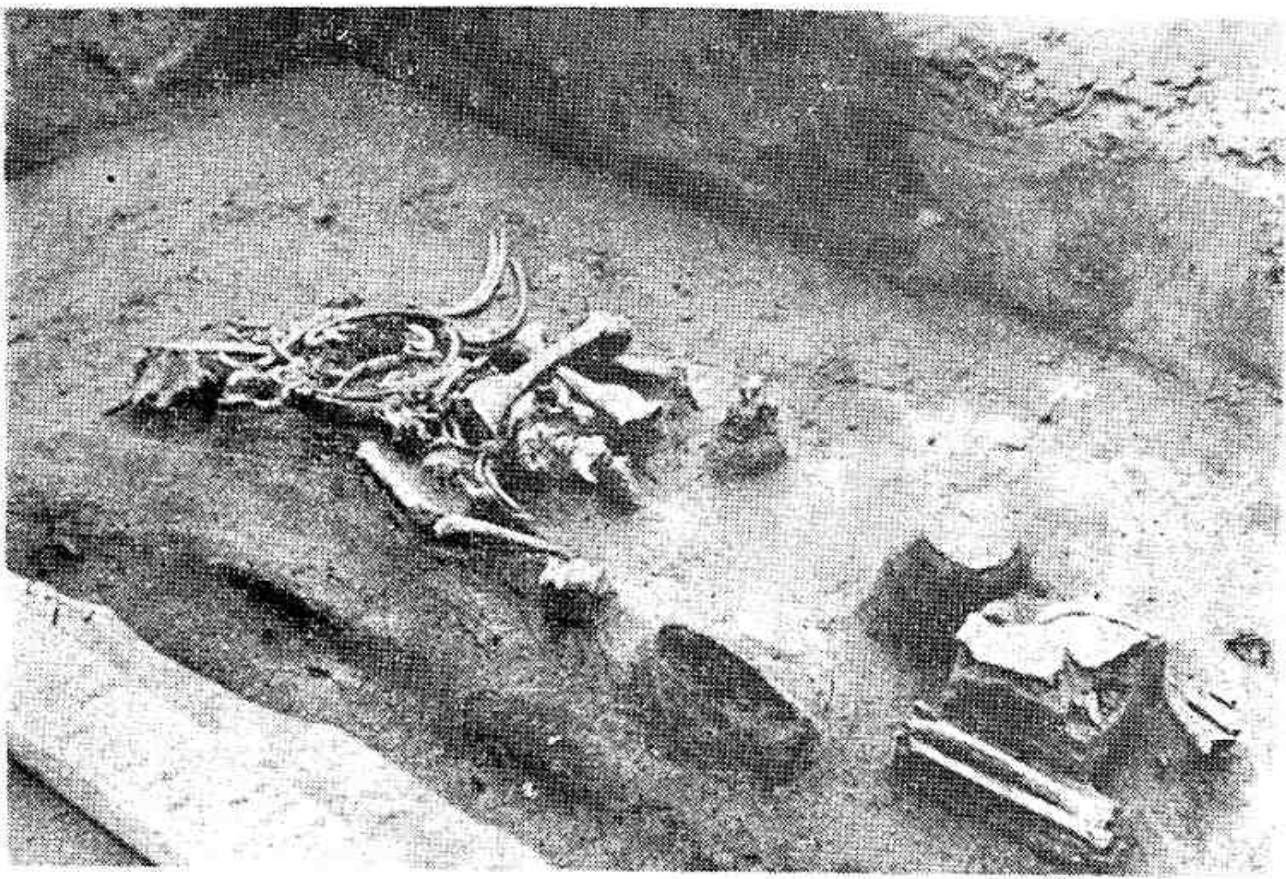

Рис. 46. ИП-57. Остатки захоронения после расчистки.

поверхность камней. При расчистке наблюдалось четкое различие в цвете между черным пятном внутри расчищаемой кладки и более светлым бурым слоем вокруг нее. По северному и западному краям кладки встретилось много фрагментов керамики, залежавших скоплениями и в одиночку, внутри кладки обнаружен большой обломок истлевшей плахи, а также редкие обломки костей животных и углей.

Кладка была очень компактной и выразительной (рис. 47, план), состояла в основном из крупных плоских плит, лежащих плашмя, но отдельные камни залегали беспорядочно, нагроможденные друг на друга. Причем, камни, лежавшие снизу, особенно крупные — на северо-западной стороне, очевидно, находились *in situ*. Форма кладки почти четырехугольная (если не считать разбросанные камни и пустоты), вытянутая в северо-восточном направлении на 6 м и в поперечном — на 4 м. Внутри кладки кроме 2—3-х камней посередине ничего не было, но заполнение оказалось черным.

На глубине 50—55 см выявились контуры грабительского хода, занимавшего северо-восточную половину могилы, и примыкавшие к нему границы нетронутой части могильной ямы.

Расчистку производили на этот раз по контурам ямы, что еще раз доказало нецелесообразность этого метода ввиду большой тесноты (для работы) и недостатка освещения по мере углубления в яму. Но в данном случае мы вынуждены были вернуться к этому способу расчистки, так как не хотелось разбирать кладку, которая была все-таки относительно хорошей сохранности, и тем нарушить зрительное впечатление взаимосвязи кладки и ямы. Выяснилось, что стены могильной ямы идут вертикально, если не брать во внимание грабительских нарушений и частичных смещений грунта под тяжестью камней (см. рис. 47, разрез). В заполнении встретилось несколько камней, обломки дерева и кусочки угля.

На глубине 210—230 см на юго-западном конце ямы под группой камней обнаружено ритуальное захоронение собаки (рис. 48, слева).

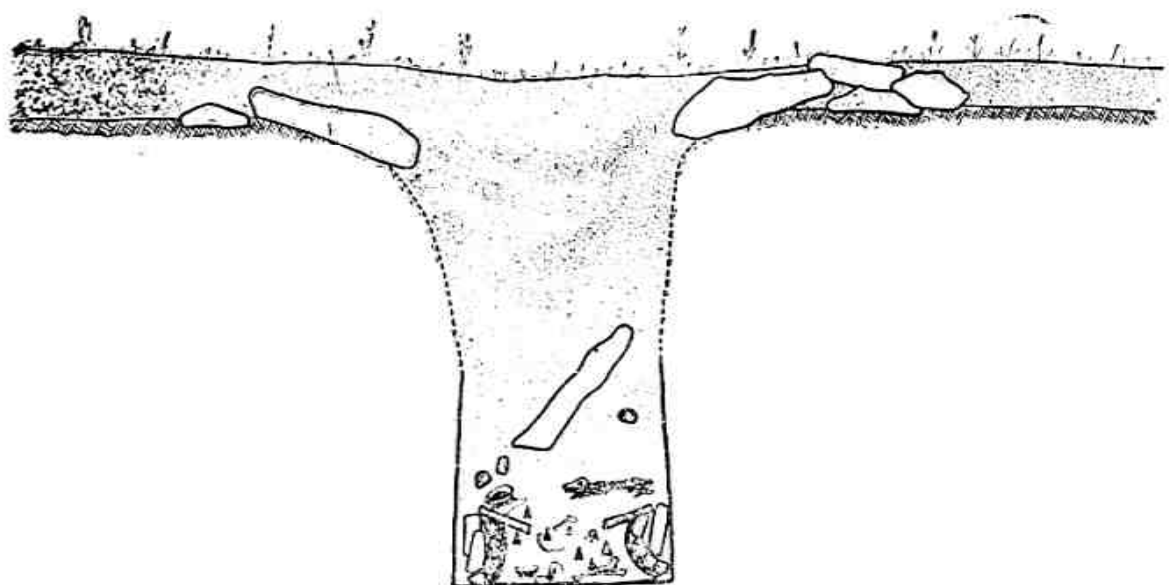

Рис. 47. ИП-58. План и разрез погребения.

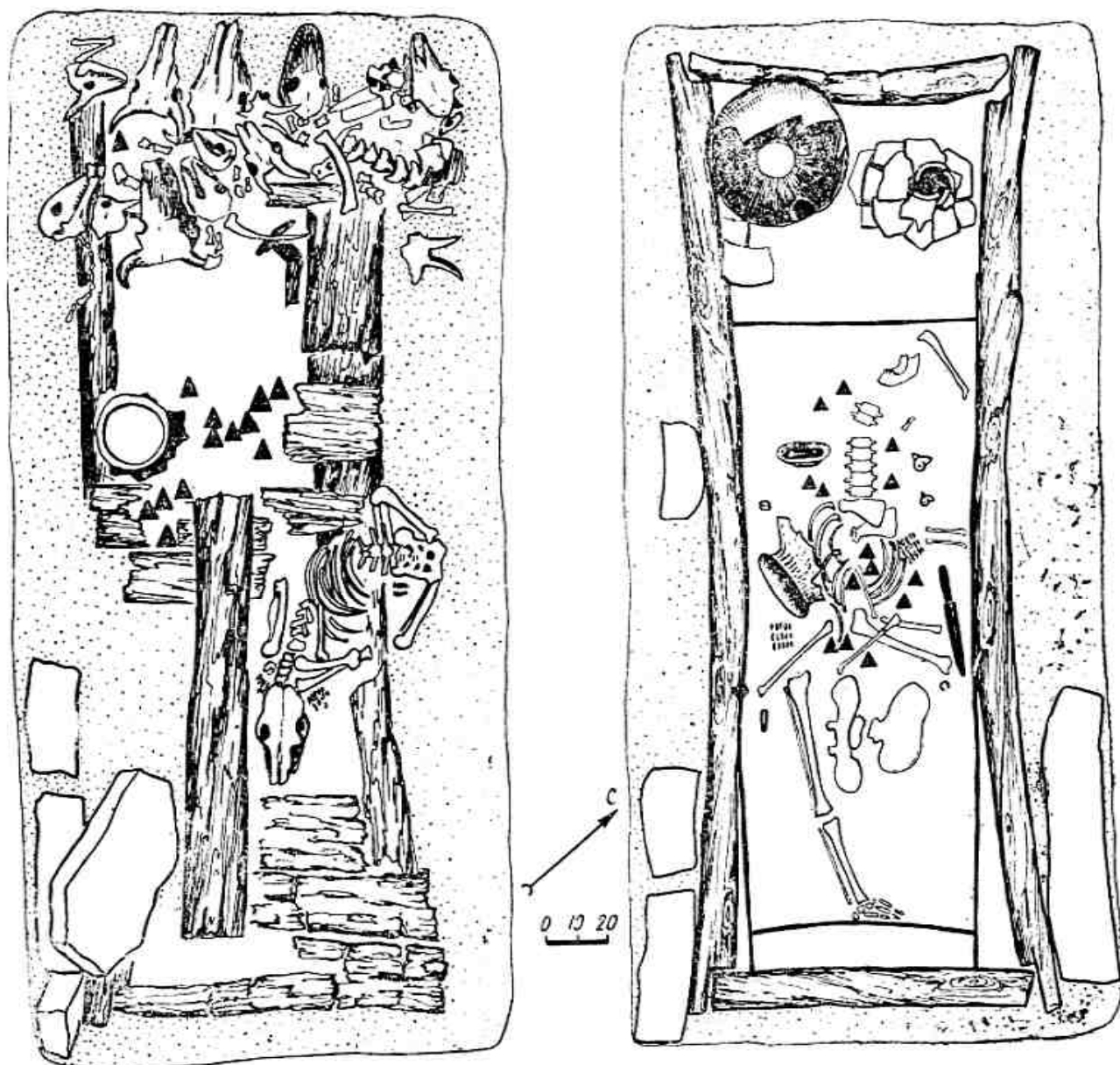

Рис. 48. ИП-58. План сруба и гроба с остатками захоронения и жертвоприношения.

Скелет ее был в полном анатомическом порядке. Положение трупа было близко к позе лежащей на животе собаки с подобранными под голову лапами. В противоположном конце, в изголовье над срубом на глубине 210—250 см был расчищен великолепный склад костей жертвенных животных (рис. 48, слева вверху, а также рис. 49). Как и во многих раскопанных нами погребениях Ильмовой и Черемуховой падей, здесь были черепа, копыта и хвосты домашних и диких животных: лошади, кулана, быка, коровы, овец и коз — всего около 15—19 голов. Кости же диких животных пока не определены. Не подсчитано также количество особей каждого вида. Судя по костям, принесенные в жертву животные были сравнительно молодого, возможно, даже частично и утробного возраста.

Погребальная камера оказалась на глубине 255 см. Перекрытие ее было полностью разрушено, только кое-где на боковых стенах сруба прослеживались остатки поперечных плах, и внутри сруба встречались обломки досок в различных положениях. Среди них несомненно были остатки внутренней камеры — гроба.

Таким образом, погребение состояло из наружного сруба и внутреннего гроба (рис. 48, справа). Длина сруба 3 м и ширина — 1,2 м, раз-

Рис. 49. ИП-58. Остатки захоронения в процессе расчистки.

меры гроба — $1,95 \times 0,8$ м. Гроб был вплотную придвинут к задней стене так, чтобы спереди оставалось свободное пространство — отсек. Способ соединения стенок погребальных камер обычный для хунну: сруб — с помощью вырубов на концах длинных бревен, гроб — с помощью шипов на торцах коротких досок, входящих в соответствующие отверстия на концах длинных досок.

В отсеке найдены остатки глиняных горшков. Самый большой стоял в северо-западном углу, рядом — горшок поменьше, остальные были вы-

тащены с первоначальных мест и обломками встречались не только в отсеке, но и в гробу. В большом сосуде обнаружено некоторое количество размельченной легкой шелухи проса. Сосуд удалось собрать почти полностью (табл. XXIII, 1): большая, грушевидной формы «урна» высотой 75 см с выпуклыми округлыми плечиками диаметром 54 см (в окружности — 168 см) и суженным книзу корпусом, с плоским дном диаметром 23 см и короткой горловиной диаметром 29 см, заканчивающейся выгнутым наружу округлым венчиком. Внизу у дна на боковой стенке сосуда имеется отверстие диаметром 1,5 см. На плечиках по окружности идет горизонтальный валик, один конец которого на стыке с другим делает коротенький зигзаг. Посередине туловища нанесен легкий штампованный горизонтальный пояс шириной 2,5 см, закрывающий шов между двумя широкими лентами глины, из которых слеплен корпус сосуда. Из особых лент состоят горловина, венчик и дно. На дне снизу имеется квадратный неглубокий отпечаток шипа от гончарного станка. На дне второго сосуда (табл. XXIII, 2) также были остатки какой-то пищи (?) — мельчайшие крошки, похоже, от разложившейся кости. Он значительно меньше первого — высотой 40 см, но резко вздутым корпусом при наибольшем диаметре 38 см, с коротким и узким горлышком диаметром 15 см и плоским дном диаметром 12 см. Поверхность сосуда гладкая, по плечикам идут горизонтальные двойные параллельные линии в два яруса. По своим формам и пропорциям оба сосуда обнаруживают почти полную аналогию двум горшкам из погребения 40 в Черемуховой пади, найденных нами в отсеке в точно таком же положении относительно друг друга (табл. XXIV, 4,5). Большой из них также имел отверстие сбоку у дна и содержал внутри просо. Отличие только в размерах и частично в орнаменте: сосуды из Ильмовой пади чуть больше, чем из Черемуховой.

Фрагменты двух других горшков принципиально отличаются от описанных выше: они кринкообразной формы, с широким устьем, предназначены, судя по нагару и шероховатой бороздчатой поверхности, для варки пищи (табл. XXIII, 3, 4). Аналогичные горшки характерны для хуннской керамики и часто встречаются не только в Ильмовой и Черемуховой падах, но и в поселениях.

И, наконец, найдено еще два миниатюрных горшочка емкостью около 0,5 л каждый, по форме близкие к первым, то есть узкогорлые с расширенным туловищем и суженным дном, из темно-серой глины, с гладкой поверхностью (табл. XXIII, 5).

В заполнении гроба находились разрозненные остатки скелета и погребального инвентаря. Прежде всего следует отметить значительный по размеру фрагмент лакированной чашки китайской работы. Форма и размеры ее традиционны — овальная, плоскодонная, с ручками-ушками по бокам. Внутренность изделия покрыта красным лаком, снаружи — черным с красной росписью. По сюжету и композиции роспись на чашке имеет полную аналогию с росписью такой же чашки из кургана № 6 Ноинулинского могильника¹⁴. На чашке изображены птицы фениксы, расположенные в профиль попарно, хвостами друг к другу и составляют таким образом четыре пары. Между парами перекрещивающиеся х-образные линии, а между стилизованными в виде спиральных завитушек хвостами птиц нанесены такие же спирали. Венчик чашки расписан сочетанием геометрических линий и мелких спиралевидных и концентрических узоров. На бордюре дна чашки имеется тонкая резная надпись (иероглифы) очень плохой сохранности, потому не расшифрована. В отсеке также были встречены обрывки лакового покрытия с черно-

¹⁴ См.: А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов, с. 38, рис. 6.

красной росписью. Сюжет росписи неясен, но по фрагментам создавалось впечатление, что она принадлежала другому изделию. По-видимому, в погребении было две чашки.

Кроме лаковой чашки, в погребении найдены две крупные бусины из раковин-завитушек с перламутровым отливом и бирюзовая мелкая плоская подвеска (табл. XIX, 1, 9, 10). Из железных изделий найдены крупных размеров нож и длинное шило — оба инструмента заправлены в один кожаный чехол (табл. XVI, 11); мелкая пряжка с язычком, продолговатая петелька неизвестного назначения, овальной формы плоские пластинки с шипом на каждой для прибивания к дереву, мелкие кнопкообразные и г-образно загнутые гвозди с остатками дерева и прочие неопределенные фрагменты.

При окончательной разборке гроба и сруба, производившейся при крайне неблагоприятных погодных условиях и в большой спешке, мы натолкнулись на несколько загадочных обстоятельств, которые все же нашли свое объяснение. У гроба не обнаружилось дощатого дна — там была очень тонкая (около 0,5 см) желтоватая, как ржавчина, прослойка с черным налетом сверху, напоминавшая истлевшую кожу. Не было ли дно могилы устлано кожей? И в связи с этим у нас возникла догадка относительно одного явления, которое имело место несколько ранее — еще при расчистке склада жертвенных животных в изголовье сруба. Там также прослеживалась тонкая «ржавая» с черным налетом сверху прослойка, уходящая под груды упомянутых костей, прогибавшаяся соответственно кривизне их залегания. Эти два обстоятельства почти не оставляют сомнения в том, что в обоих случаях мы имели дело именно со шкурами животных: в первом с кожаной подстилкой для покойника, во втором — по всей вероятности, со свежей шкурой принесенного в жертву животного — подстилкой для костей.

И наконец, у передней и боковых стенок гроба на дне встречались совершенно истлевшие и придавленные завалившимися боковыми бревнами сруба фрагменты гроба со слабыми признаками окраски в красный цвет и даже как будто с росписью, следы которой сохранялись под обломками рухнувших досок. Все это говорит о том, что гроб был покрашен и разрисован изнутри.

Черемуховая падь

Могильник в Черемуховой пади до последнего времени был изучен хуже других хуннских памятников, почему и был избран нами для исследования.

Могильник находится в междуречье Селенги и Чикоя в 25 км к северу от Кяхты и в 3,5 км к востоку от столба на 26-м км шоссе Кяхта — Улан-Удэ, откуда проселочная дорога ведет вверх по лесистой Черемуховой пади, устье которой выходит к шоссе, а вершина упирается в склон горы Хухундэр¹⁵. В самом истоке пади на ее пологом северном склоне, в сосновом лесу насчитывается свыше 80 могил, составляющих древнее хуннское кладбище.

Раскопки могильника были начаты в 1957—1958 годах Кяхтинским краеведческим музеем, который раскопал два погребения¹⁶.

¹⁵ Хухундэр (точное Хунэ ундэр — в переводе с бурятского Синяя высота) — название господствующей в этом районе высоты, покрытой густым хвойным лесом, издали кажущимся темно-синим, особенно в ясную погоду.

¹⁶ См.: Н. Н. Мамонова, Р. Ф. Тугутов. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади. — «Археол. сб. БКНИИ», вып. 1. Улан-Удэ, 1959.

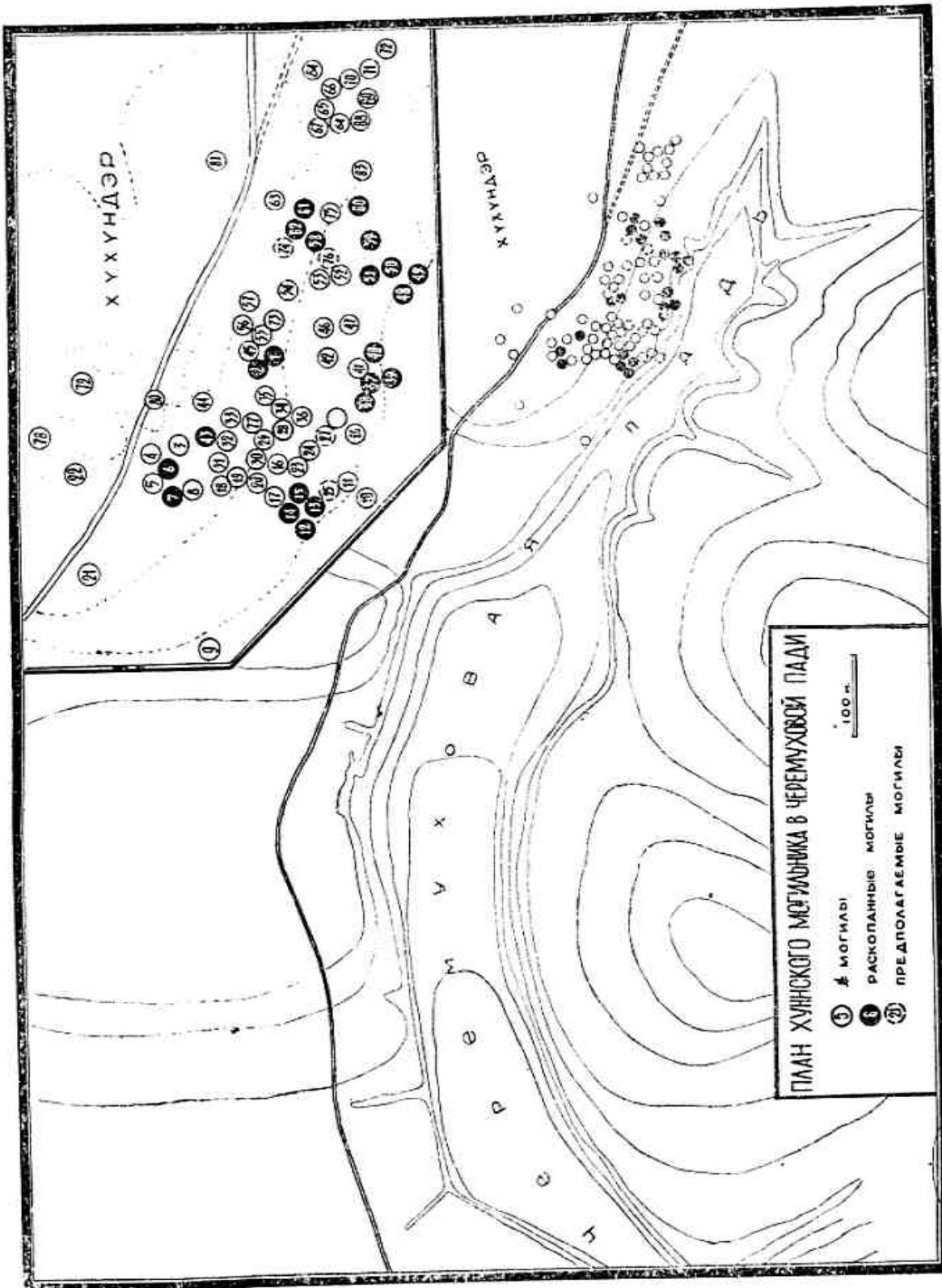

Рис. 50.

хеологическим отрядом Бурятского комплексного научно-исследовательского института под руководством автора¹⁷.

Произведена новая топографическая съемка всей пади и уточнен план могильника, составленный в 1955 году художником П. Н. Рябовым (Москва) — участником первых рекогносцировочных работ. Из 83 погребений, зафиксированных ранее, нами не обнаружено восемь — 9, 21, 77, 78, 79, 80, 82, 83, неясно выражены внешне и поэтому вызывают сомнение четыре — 25, 27, 74, 76 (рис. 50).

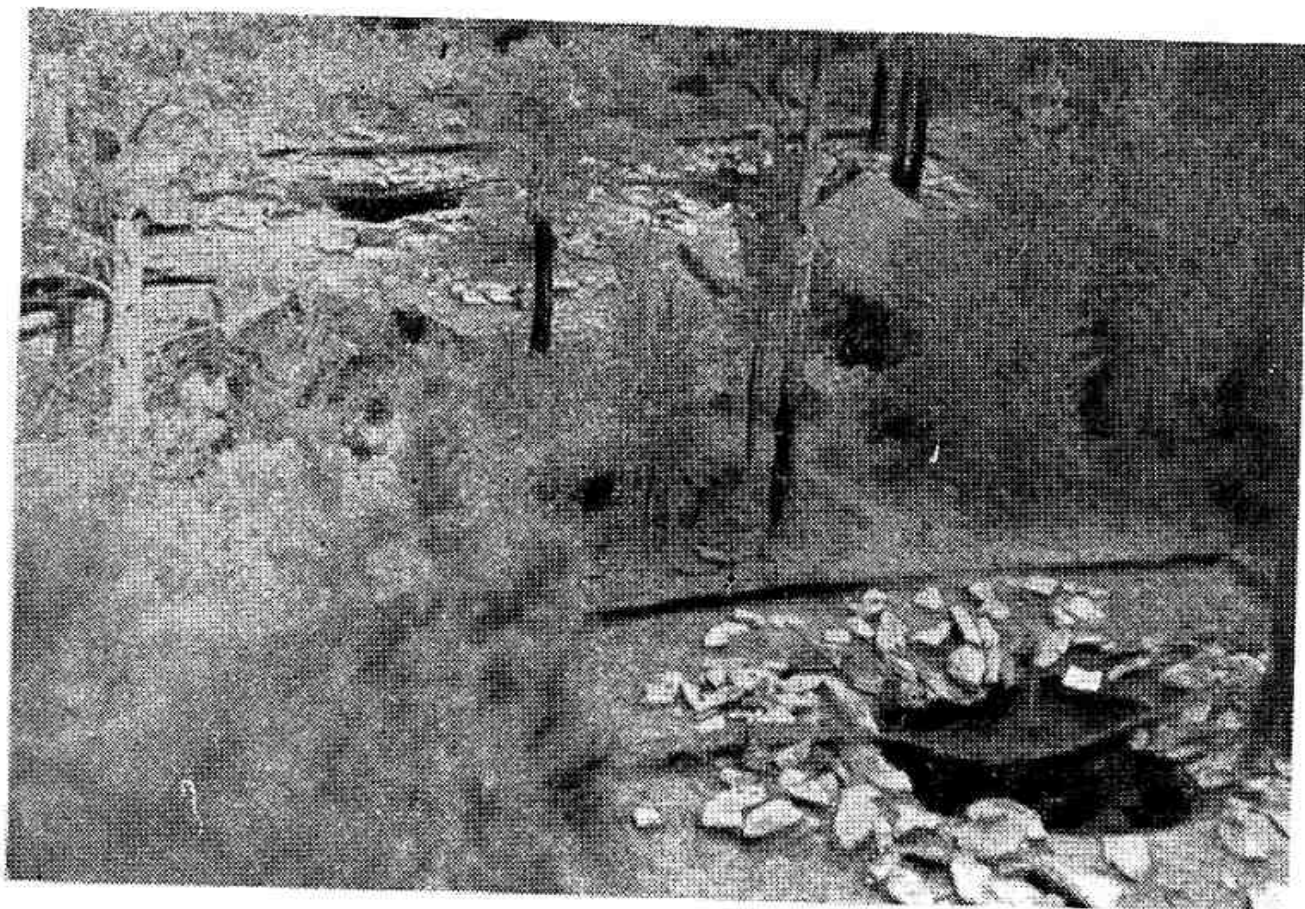

Рис. 51. ЧП-60, 61, 62. Вид раскопок в Черемуховой пади.

В расположении могил не заметно какого-нибудь порядка, они сосредоточены произвольно, местами редко, а иногда очень близко одна от другой. Общая площадь могильника в длину — около 300 м, в ширину — около 200 м.

Нами на могильнике раскопано 18 погребений. Всего, таким образом, в Черемуховой пади исследовано 20 погребений, то есть почти четвертая часть всего могильника.

Погребение 7 расположено на северной окраине территории могильника в чаще молодого сосняка. Снаружи выглядело как круглая западина глубиной 30—35 см, окруженная едва заметным кольцевым валом с выступающими местами камнями.

После очистки поверхности могилы от растительности и снятия первого слоя кладка на первый взгляд кажется бесформенной, однако в ней угадывается четырехугольная форма, несколько вытянутая в меридиональном направлении (рис. 52). С восточной стороны камни кем-то выбраны и поэтому образовался разрыв в кладке. В центре камней тоже не было. Плиты средних размеров, более или менее одинаковые по

¹⁷ Кратковременное участие в раскопках принимали В. В. Свинин (Иркутский краеведческий музей) и Н. Н. Мамонова (Институт этнографии, Москва).

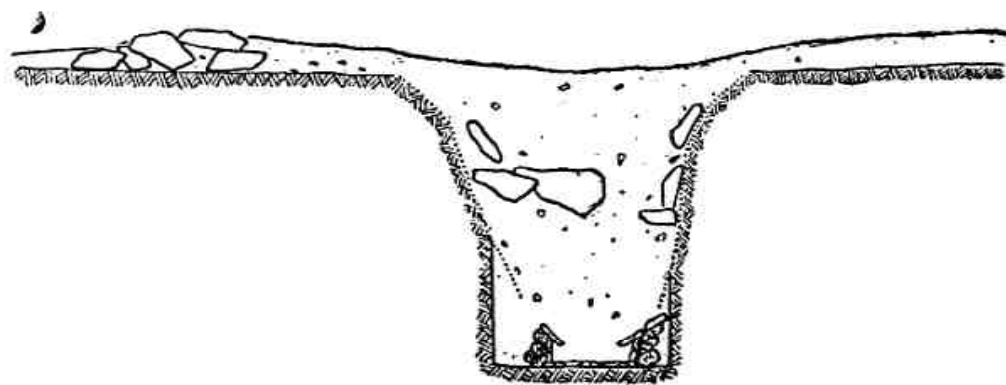
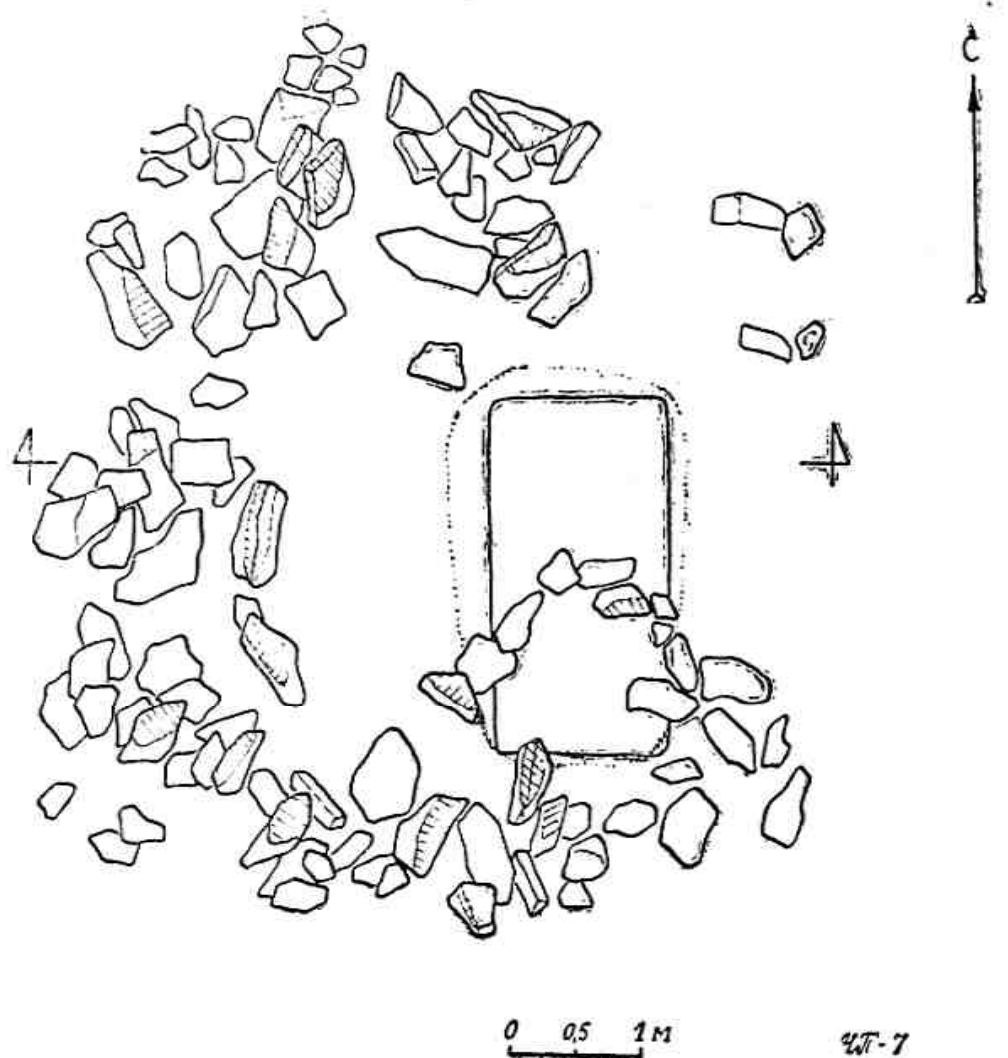

Рис. 52. ЧП-7. План и разрез погребения.

размеру, лежали беспорядочно в разных положениях, заходя одна на другую.

Засняв план, мы удалили камни и широким раскопом (6 × 5 м) стали углубляться, производя зачистку после каждого снятого слоя. В заполнении ямы встречались камни, изредка — кости животных.

На глубине 180—190 см оказались контуры погребальной камеры. В пределах ее на этом же уровне найдена челюсть человека. Затем при дальнейшей расчистке сруба появились человеческие кости и беспорядочно разбросанные кусочки железа (рис. 53).

На заднем конце сруба сохранились две поперечные плахи перекрытия. Над боковыми стенками сруба, состоявшими из четырех бревен каждая, лежали широкие плахи и, по-видимому, остатки крышки гроба.

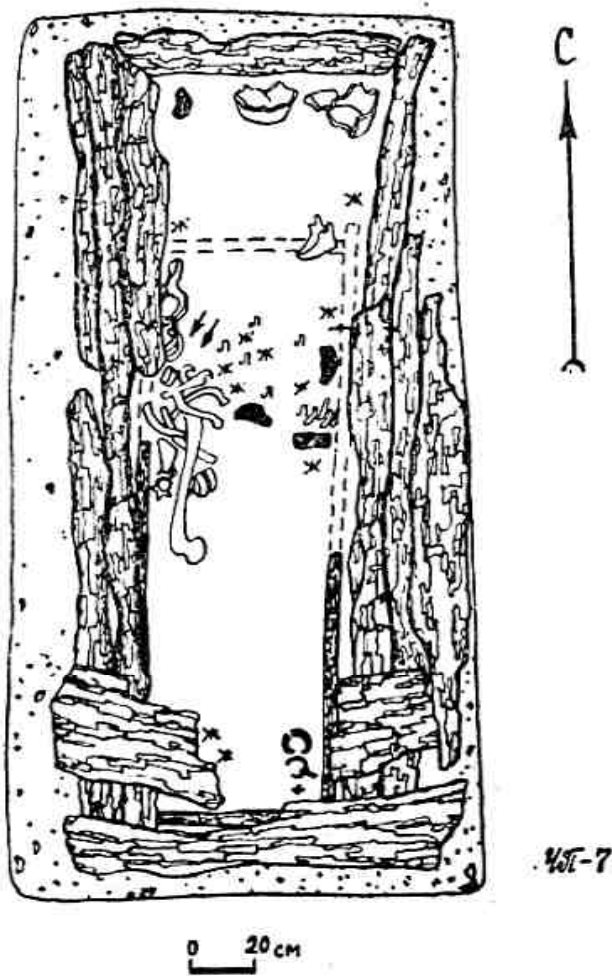

Рис. 53. ЧП-7. План сруба и гроба с остатками захоронения.

роятно, и дно было дощатым, потому что под ним оказались две поперечные планки, служившие опорами.

Все содержимое гроба и сруба было потревожено, костяк разбросан, черепа не оказалось, а остальные кости скелета — бедренная, тазовые, лопатки, позвонки, ребра, фаланги и кости рук подверглись сильному разрушению.

В погребении много железа — обломанное лезвие ножа, обломки крупного кольца с остатком кожаного ремня и круглая небольшая пряжка. Больше всего фрагментов найдено в центре сруба, на месте таза и живота покойника. Здесь было какое-то скопление железа, возможно, остатки доспехов, судя по тонким пластинчатым осколкам. Среди них замечены фрагменты пластинок без ржавчины с вороненым блеском, со следами заклепки. Некоторые фрагменты железа, в том числе и эти пластинки, встречались в сочетании с кусочками кожи. На одном фрагменте замечено краснолаковое покрытие.

В отсеке, у самой северной стенки, найдена одна костяная вещь (табл. XVIII, 10), изготовленная из отсеченной половины астрагала (быка?) с отверстием для подвешивания с одного конца и круглой ямкой на другом конце, высверленной тупым предметом. Предмет, по видимому, был одним из элементов прибора для добывания огня трением, а именно накладкой-упором деревянного стержня-сверла.

При расчистке гроба на дне встречались кусочки красного лака и угольки. Найдены фрагменты двух глиняных горшков, форму и облик которых восстановить невозможно, но по крайней мере один из них относится к тому типу сосудов, которые найдены в могилах 13, 15, 37, 39, 59 (табл XXV, 1—5).

В результате всестороннего исследования погребальной камеры удалось установить, что сруб сделан из сравнительно тонких бревен или плах. Боковые стены его состоят из четырех плах каждая, концевые — из трех. Сверху сруб был накрыт поперечными досками, под ними были еще и продольные, остатки которых сохранились по бокам сруба.

Внутри сруба, в ногах, сохранились остатки внутренней камеры — гроба из тонких дощатых стенок, отличающихся от бревен сруба более светлой и мелкой волокнистостью древесины. Гроб близко придвинут к задней стене сруба, где зазор между ними составляет всего 5 см. Задняя стенка гроба лучше сохранилась, высота ее около 15 см, боковые же большей частью раздавлены бревнами сруба, а от передней не осталось даже следов. Дно гроба представляло собой коричневую трухлявую, с пепельным налетом, прослойку. Ве-

Погребение 12 расположено в группе могил 13, 14, 15, 16 и 23. Снаружи — это неглубокое (до 40 см), но довольно широкое углубление со слабо выраженным расплывчатым кольцевым валом вокруг высотой до 20 см.

По площади распространения выступающих камней нами заложен большой раскоп квадратной формы — 9 × 9 м. После вскрытия верхнего слоя обнаружилось, что плиты располагались вразброс отдельными группами. На первый взгляд кажется, что группы камней сосредотачиваются по углам предполагаемой квадратной кладки (рис. 54).

В северо-западном углу раскопа, среди плит, найден осколок горшка (днища) желтовато-серого цвета, аналогичный фрагментам, найденным в кладке 13-й могилы с западного ее края. Плечики и горло отсутствовали. Сосуд лежал в промежутке между 12-й и 13-й могилами, кладки которых смыкаются в этом месте, и вероятно принадлежал дан-

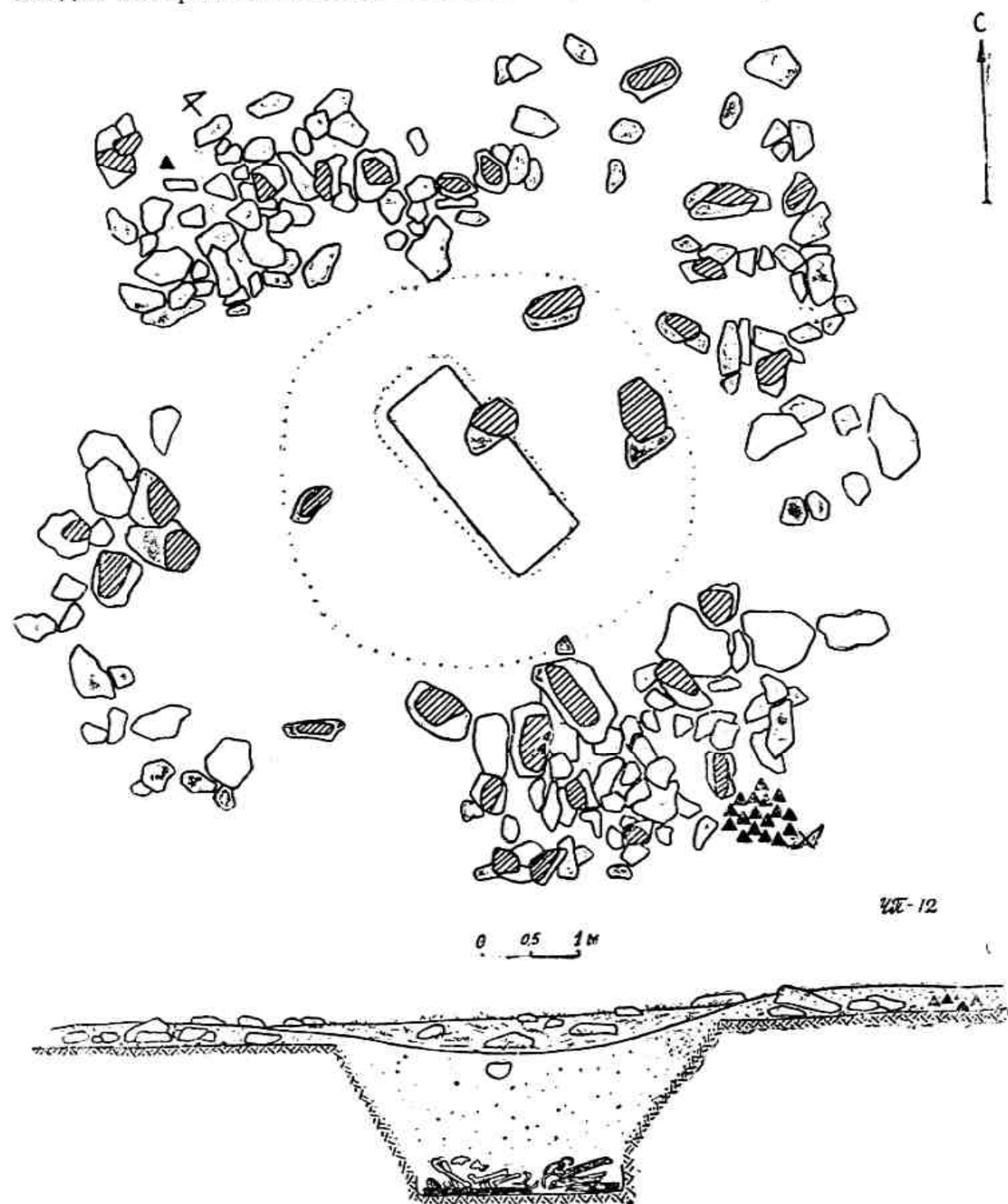

Рис. 54. ЧП-12. План и разрез погребения.

ному погребению. Поверхность сосуда тщательно заглажена, по плечикам идут в два яруса параллельные двойные (парные) врезные линии, составляющие орнамент. По типу горшок аналогичен найденным в могилах 40, 48 (табл. XXIV, 1—6).

На глубине 120—150 см засыпка ямы была сильно насыщена углем и местами золой, особенно в центральной части могильного пятна. Здесь найдена лицевая часть черепа ребенка. Теменные кости были обнаружены несколько глубже.

На глубине 130—150 см в передней северо-западной части пятна в абсолютном беспорядке находились кости женщины и ребенка. Ребра, плечевые, бедренные, большие и малые берцовые кости, позвонки, фаланги рук, угли и куски сруба продолжали встречаться по всей площади пятна.

На глубине 160 см сохранились лишь жалкие остатки погребальной камеры, не дающие возможности определить — сруб это или гроб, (рис. 55). Ориентировка — СЗ-ЮВ. Ближе к южной части сруба найдена половина бусины из бледно-желтого полупрозрачного камня (табл. XIX, 6).

В 12-й могиле оказалось парное погребение — мать с ребенком. Женщина — не старая, ребенок 5—6 лет, пол не определен.

Погребение 13 снаружи представляет собой овальное углубление до 80 см диаметром 4,5×4 м (перекрестно), ограниченное кольцеобразным валом высотой до 40 см над окружающей поверхностью, диаметром по наружному краю 10×9 м. На насыпи камней, выступающих наружу, мало, а в углублении их не было совсем.

После расчистки кладки обнаружилось, что камни лежат беспорядочно, нагромождаясь друг на друга. Наиболее густое их скопление — с северной и северо-восточной стороны, где насыпь была несколько выше; с западной и южной — плиты реже и мельче. В целом, когда вся кладка была нанесена на план, она оказалась не кольцеобразной, а скорее квадратной (9,5×9,5), ориентированной углами по сторонам света (рис. 56). При расчистке кладки среди камней встречено несколько осколков костей животных и фрагменты глиняной посуды.

В заполнении ямы на глубине 175—200 см найдены фрагменты горшка, куски сгнившего дерева (обломки сруба), кусочки бересты от какого-то изделия, а ниже стали попадаться человеческие кости: две лопатки, несколько позвонков и плечевая кость.

Погребальная камера состояла из затесанных с внутренней стороны полубревен, сложенных в виде сруба. Восточная и южная стены состояли из трех бревен, западная и северная — из двух бревен потолще, в

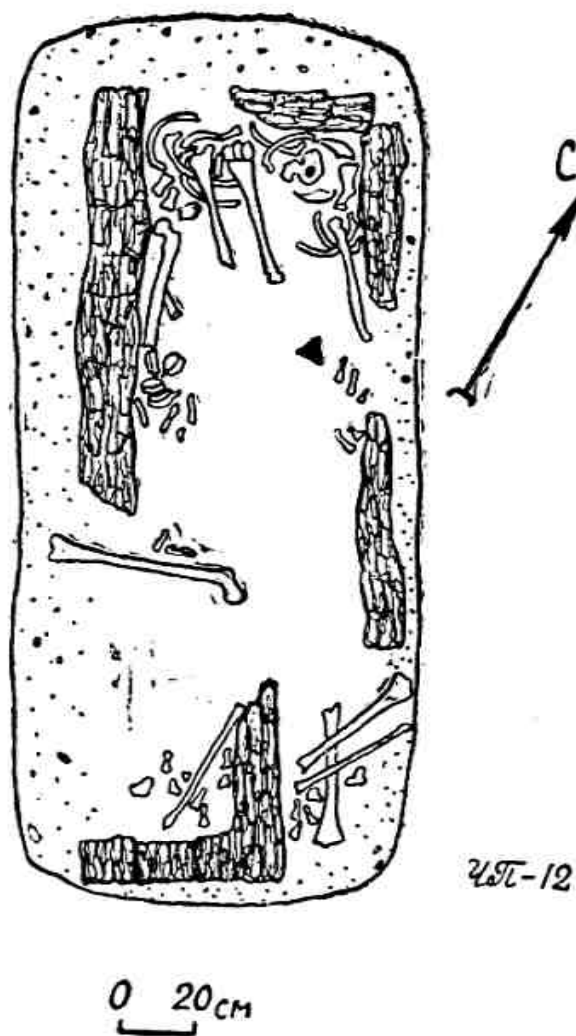

Рис. 55. ЧП-12. Остатки захоронения (план).

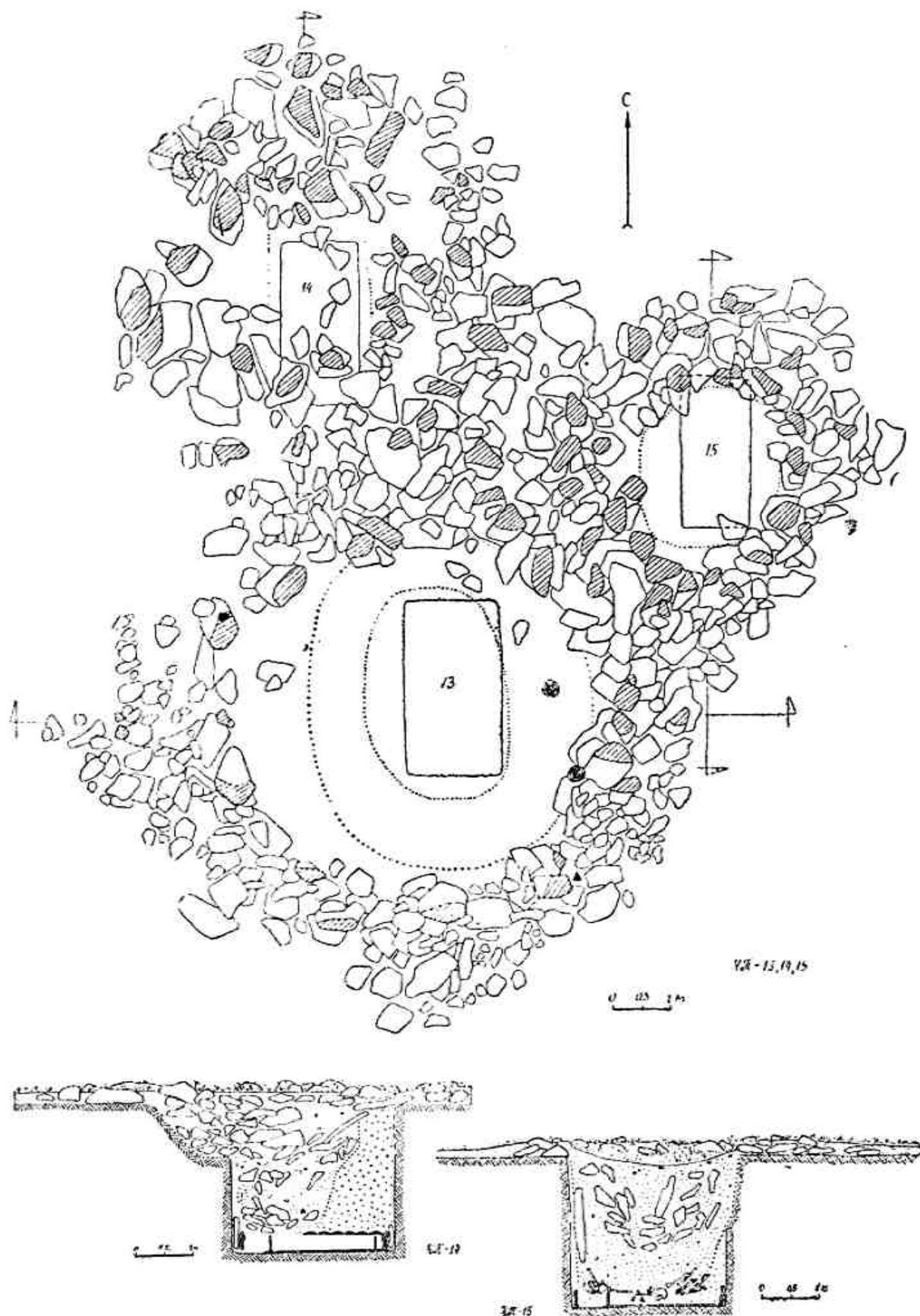

Рис. 56. ЧП-13, 14, 15. План и разрез погребения.

углах стены соединены следующим образом: концы коротких бревен северной и южной стенок упираются в вырубы на торцах длинных боковых стенок. Крышка сруба состояла, судя по ширине сохранившейся части одной доски, из трех досок. Сверху все было перекрыто настилом из уложенных поперек сруба плах¹⁸. Кроме того, погребение было об-

¹⁸ Ввиду сильной деформации стенок погребальной камеры только при окончательной разборке камеры удалось проследить указанные существенные детали ее устройства.

Р и с. 57. ЧП-13. Сруб и гроб после расчистки.

ложено, по-видимому, со всех сторон плитами, поставленными на ребро (см. рис. 57).

Погребение разграблено. Скелет нарушен, начиная от таза и выше. Лишь ноги лежали в анатомическом порядке, причем одно бедро было все же чуть сдвинуто. Тазовые кости лежали в нужном месте, но правая половина передвинута на левую. Все остальные кости скелета находились в беспорядке. Череп не было. Нижняя челюсть лежала в северо-восточном углу на дне сруба.

Из инвентаря сохранилось совсем немного. Кроме найденных выше

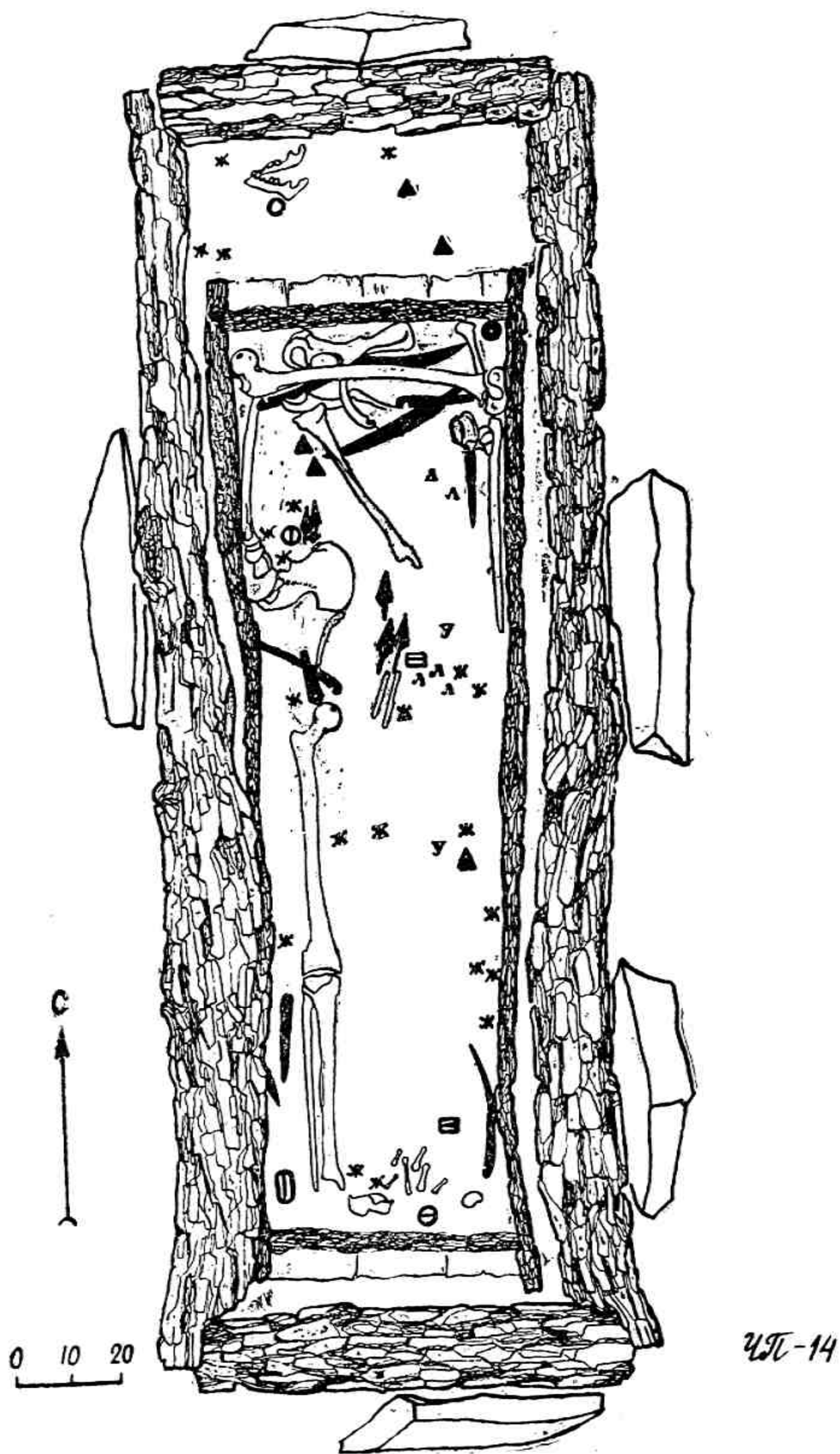

Рис. 58. ЧП-14. План сруба и гроба с остатками захоронения.

над срубом керамики и бересты, в заполнении сруба и на дне его обнаружены обломки глиняного сосуда, обрывок берестяного изделия, косяное шило длиной 12—13 см, диаметром до 0,5 см, изготовленное из лучевой кости бараньей ноги, мелкий осколок неопределенного железного изделия, мельчайшие кусочки (обрывки) лакового покрытия красного и черного цветов; по всему заполнению не только сруба, но и могильной ямы, встречались кусочки угля, особенно много его было на дне в области шеи, груди и плеч погребенного.

Из керамических изделий найдены несколько крупных фрагментов стенки и венчика кринкообразного, широкогорлого, умеренно выпуклого с сильным черным нагаром внутри горшка, поверхность которого, за исключением горловины, покрыта косыми резко выраженными бороздами от зубчатой лопаточки, под венчиком вокруг шейки прочерчена мелковолнистая линия — «змейка». Относится он к типу горшков из могил 15, 37, 39 и 59 (табл. XXV, 1—6).

При окончательной разборке сруба выяснилось, что под расплюснутыми его бревнами совершенно затерялись боковые стенки внутренней камеры — гроба, слившись в одну плотную спрессованную массу, куда кажутся врезанными своими концами поперечные доски, кажущиеся простыми перегородками сруба. Таким образом, погребальная камера была двойной, и лишь с трудом удалось расчленить внутреннюю и внешнюю камеры. Остался невыясненным вопрос, закрывала ли крышка только гроб или весь сруб. Дно последнего состояло из двух досок, опиравшихся на две поперечные планки.

Погребена была женщина средних лет.

Погребение 14 снаружи было выражено несколькими торчащими на поверхности камнями. При расчистке появилась обширная кладка, в которой прослеживались углы, особенно юго-западный, составленный из хорошо подобранных крупных плоских плит (рис. 56). Довольно выразительны западная и северная стороны, где лежат крупные плоские плиты, позволяющие проследить форму кладки. Она, по видимому, четырехугольная.

Удивительно умело подобраны плиты! В большинстве своем они мягких очертаний, без острых углов и граней, встречаются довольно правильные четырехугольные плоские.

С начала раскопок разграничение могильного и грабительского нятен составило значительную трудность. И лишь на глубине 140 см нятно приняло прямоугольную форму со слегка закругленными углами на северном конце. Выделялись южная половина ямы, не тронутой грабительским ходом, и северная — сам грабительский ход, который на этой глубине был несколько уже могильной ямы и выделялся на ее фоне.

Заполнение грабительского хода — бурая с темными оттенками, слегка мокрая масса (при высыхании превращается в серую), а заполнение могильной ямы сухое, неоднородное, состояло из желтоватой сусеси и коричневых крапинок. Такое заполнение характерно для большинства могил.

Южная (задняя) половина сруба, как всегда, лучше сохранилась. Остались почти все поперечные доски перекрытия (7 штук). Положение их обычное: края лежат на стенках сруба, середина же прогнулась внутрь сруба и гроба. Между поперечными прослеживаются контуры гроба, отделенного от стенок сруба песчаным заполнением. В головах гроба сохранилась часть дощатой крышки, которая прикрывает переднюю его стенку и северо-западный угол. Здесь найдено несколько осколков светло-серого глиняного горшка (фрагменты венчика и горлышка).

Выше сруба, на глубине 210 см ближе к центру ямы, но в нятне грабительского хода, найден бронзовый колокольчик (табл. VII, 1), пе-

сколько ниже — железный узкий трехлопастной наконечник стрелы и мелкие осколки железа, один из которых с кожаной обкладкой, еще ниже, на уровне сруба — шесть железных наконечников с широкими и узкими лопастями, ременная, овальной формы пряжка с язычком и обломок какого-то комбинированного изделия (пряжка с остатком кожаного ремешка?). В этой же группе вещей найдены две концевые накладки лука и костяное изделие в виде цилиндрического патрона (футляра) с крышкой и выпавшим дном, изготовленное из трубчатой (бедренной) кости крупного животного. На крышечке и стенке футляра у верхнего края имеются круглое отверстие и прямоугольная прорезь (табл. XVIII, 8).

После снятия остатков перекрытия при расчистке заполнения гроба и сруба в головной части открылось беспорядочное скопление костей скелета: бедренная, большая берцовая, малая берцовая, локтевая, две лучевые, тазовые, крестец, позвонки, ребра, две лопатки, ключица; среди них найдены накладки лука.

Ближе к центру были найдены, кроме упомянутых выше, еще такие же наконечники стрел с остатками насаженного древка и неопределенные кусочки железа; в северо-западном углу гроба оказался спекшийся кусок железа с прилипшей тканью, на котором выделяется что-то похожее на коротенький гвоздик с головкой (похоже, что гвоздем была прибита ткань); выше этого угла, на стенке сруба, найдена спекшаяся масса, в которой можно узнать крупную пряжку с прилипшей тканью двух сортов: грубого и мелкого плетения.

В задней половине гроба наряду с костями правой ноги найдены обломки концевых накладок лука, два железных ножа, которые лежали рядом у правой ноги между стенкой и коленным суставом (у одного сохранилась часть деревянной рукоятки, у другого — кожаный чехол, но нет рукоятки) (табл. XVI, 6, 7); у ступней найдены остатки четырех пряжек различной формы: квадратной и дугообразной с прямым основанием; у левой голени лежала коротенькая пластинка с закругленным концом неизвестного назначения (табл. XIV, 5, 6; такие же пластинки встречались и в других погребениях); остальное — неопределимые спекшиеся кусочки железа — было беспорядочно рассеяно по всему гробу. В северо-восточном углу найден костяной кружочек с широким отверстием посередине — ворворка (табл. VIII, 14).

В отсеке найдена челюсть человека. Зубы хорошо сохранились, недостает двух резцов. Кроме того, найдены кусочки железных и комбинированных изделий, среди них — два мелких осколка деревянного изделия с железными гвоздиками (?). Других находок в отсеке не было.

Скелет потревожен. На месте оказалась только правая нога, длинные кости которой лежали в анатомическом порядке (рис. 58).

Сруб, устроенный так же, как и многие другие, обложен камнями. Каждая его стенка состоит из двух бревен, сильно деформированных. Длина сруба — 252 см, ширина в головах — 90 см, в ногах — 95 см, высота — 28—30 см. Ширина в ногах оказалась больше, чем в головах, за счет деформации верхних бревен.

Внутри сруба — гроб в досках. Способ соединения стенок в углах гроба такой же, как в погребениях 49 и 61. Дощатое дно гроба лежит ниже стенок сруба, под ним — две поперечные планки в качестве опор.

Гроб закрывался дощатой крышкой, сруб же — поперечными плахами. В отсеке дна не оказалось. Обугливание дна гроба не наблюдалось, но при расчистке в одном месте было замечено обугливание внутренней поверхности крышки гроба. Внутри гроба изредка попадались кусочки угля.

Захоронен мужчина юношеского возраста.

Погребение 15 расположено рядом с двумя предыдущими, сливаясь с ними кладками. Как видно на плане, кольцевая кладка этой могилы меньше, чем у соседних, и состояла из крупных плит, густо нагроможденных друг на друга вокруг центрального углубления небольшого диаметра (рис. 56).

Убрав плиты с внутреннего края кольца, стали копать широким квадратным раскопом. Заполнение грабительского хода обычное: с темными пятнами, углистыми мазками — в общем довольно заметное, темно-бурое посередине. На глубине 200—210 см темные углистые пятна исчезли и заполнение стало светлее. В нем встречалось много камней.

0 10 20 см

Рис. 59 ЧП-15. План сруба и гроба с остатками захоронения.

На глубине 220 см в юго-западном углу внутреннего пятна выступали обломки дерева (плах), беспорядочно нагроможденных друг на друга. Вместе с ними же торчали кости человеческой руки и ключица. Где-то посередине, ближе к правому краю пятна, показался человеческий череп, раздавленный на части. Челюсть лежала отдельно. Наряду со всем этим найдены бараньи кости и фаланги быка.

При дальнейшей расчистке были обнаружены отдельные кости погребенного, которые располагались беспорядочно по всему заполнению, главным образом, в передней половине сруба. Около восточной стенки на середине ее длины найден позвонок крупного животного.

Другие кости животных встречались в центральной части сруба. В заполнении отсека найдены осколки железа, среди которых различаются фрагменты ножа и обломок зеркала из белого сплава (табл. XXII, 4). На оборотной стороне зеркала — сочетание геометрического орнамента с изображением львов. Там же найдены две-три фаланги домашнего быка. На глубине 240 см и ниже, уже в заполнении сруба, приблизительно в центре, залежали

обломки разбитого горшка. Сосуд удалось собрать полностью (рис. 60). Вытянутый, крышкообразный, бурого цвета, с черным нагаром внутри в верхней половине, широкогорлый, со слегка отогнутым округленным венчиком, слабо выпуклым туловом, суженным книзу; поверхность гладкая, ниже венчика по слабо выраженной шейке прочерчена волнистая линия «змейка».

В изголовье гроба найдена длинная миниатюрная костяная ложечка (табл. XVII, 9), предназначенная, вероятно, для приема и дозирования лекарственного порошка (?).

В изголовье гроба найдена длинная миниатюрная костяная ложечка (табл. XVII, 9), предназначенная, вероятно, для приема и дозирования лекарственного порошка (?).

В изголовье гроба найдена длинная миниатюрная костяная ложечка (табл. XVII, 9), предназначенная, вероятно, для приема и дозирования лекарственного порошка (?).

Сруб залегает на глубине 240—280 см. Кое-где на боковых стенах сохранились остатки поперечных плах перекрытия — настила, под ними на боковых стенках сруба и передней стенке гроба — остатки крышки из досок. Каждая сторона сруба состояла из трех бревен, причем передняя стенка оказалась более тонкой, чем остальные. Концы их упирались в вырубы боковых бревен. Длина сруба — 245 см, ширина 90 см, высота 35—40 см.

Стенки гроба на редкость мощные — толщиной до 4 см и по цвету и структуре древесины отличаются от стен сруба. Дно гроба представляет собой довольно толстый (2—3 см) слой темно-коричневой трухлявой массы. Досок не было. Дно в отсеке не было обозначено четкими границами, заполнение в нем незаметно переходило в подстилающий грунт.

По некоторым особенностям черепа и нижней челюсти Н. Н. Мамонова определила, что в могиле была погребена женщина 30—35 лет.

Погребение 37 снаружи представляет собой небольшое углубление до 30 см, диаметром около 3 м, вокруг которого и частично внутри выступают редкие камни. Вся поверхность могилы заросла молодым сосняком.

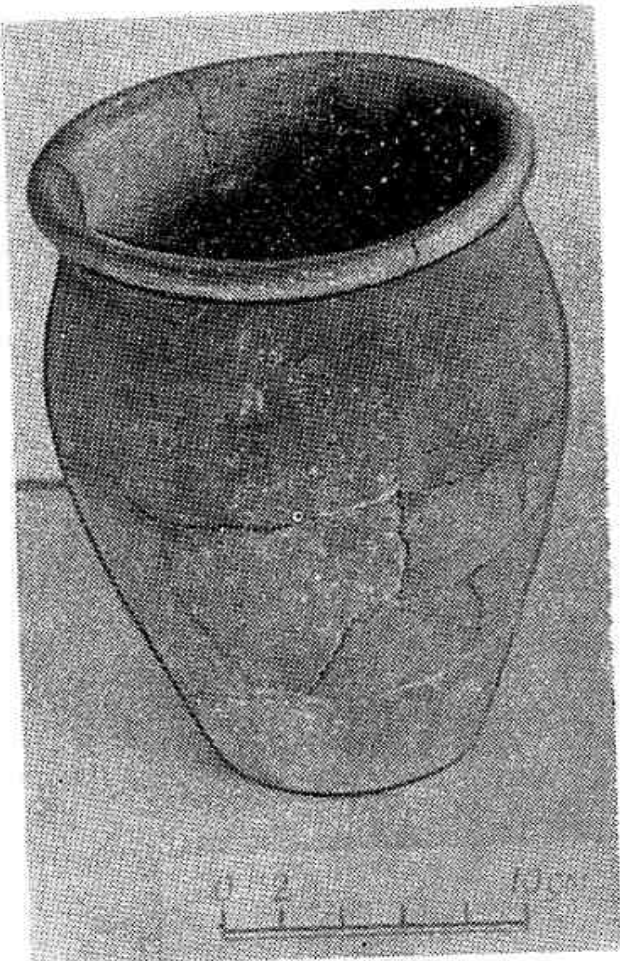

Рис. 60. ЧП-15. Глиняный сосуд из погребения.

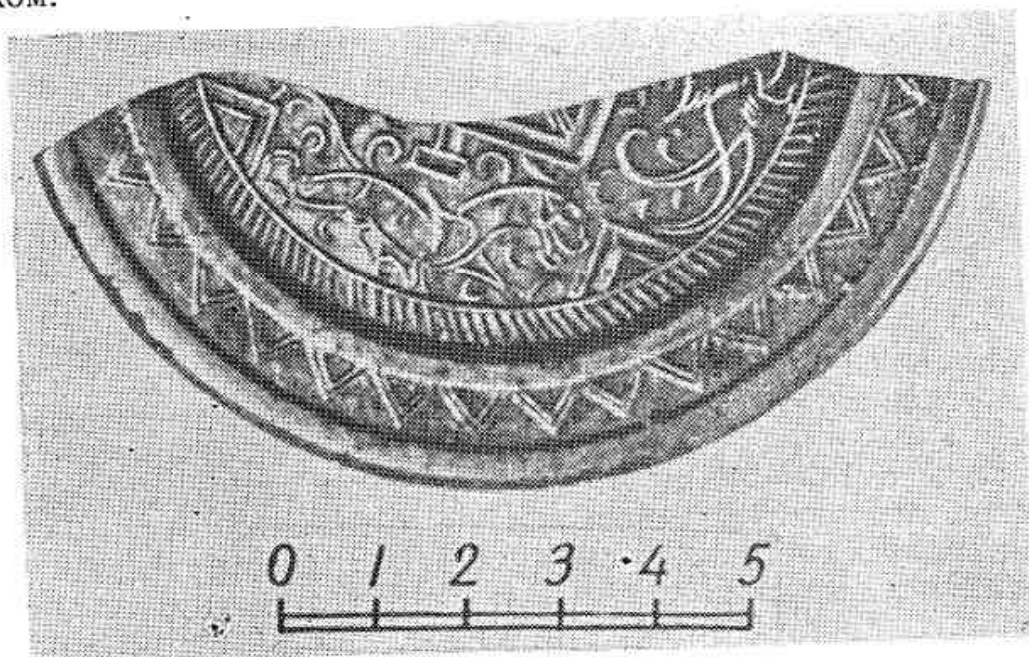

Рис. 61. ЧП-15. Обломок бронзового зеркала

При расчистке камней оказалось мало и располагались они без какого-нибудь порядка, так что форму кладки трудно определить (рис. 62). После того как были убраны камни, на их месте заложили квадратный раскоп, на глубине 60—70 см отчетливо выступило могиль-

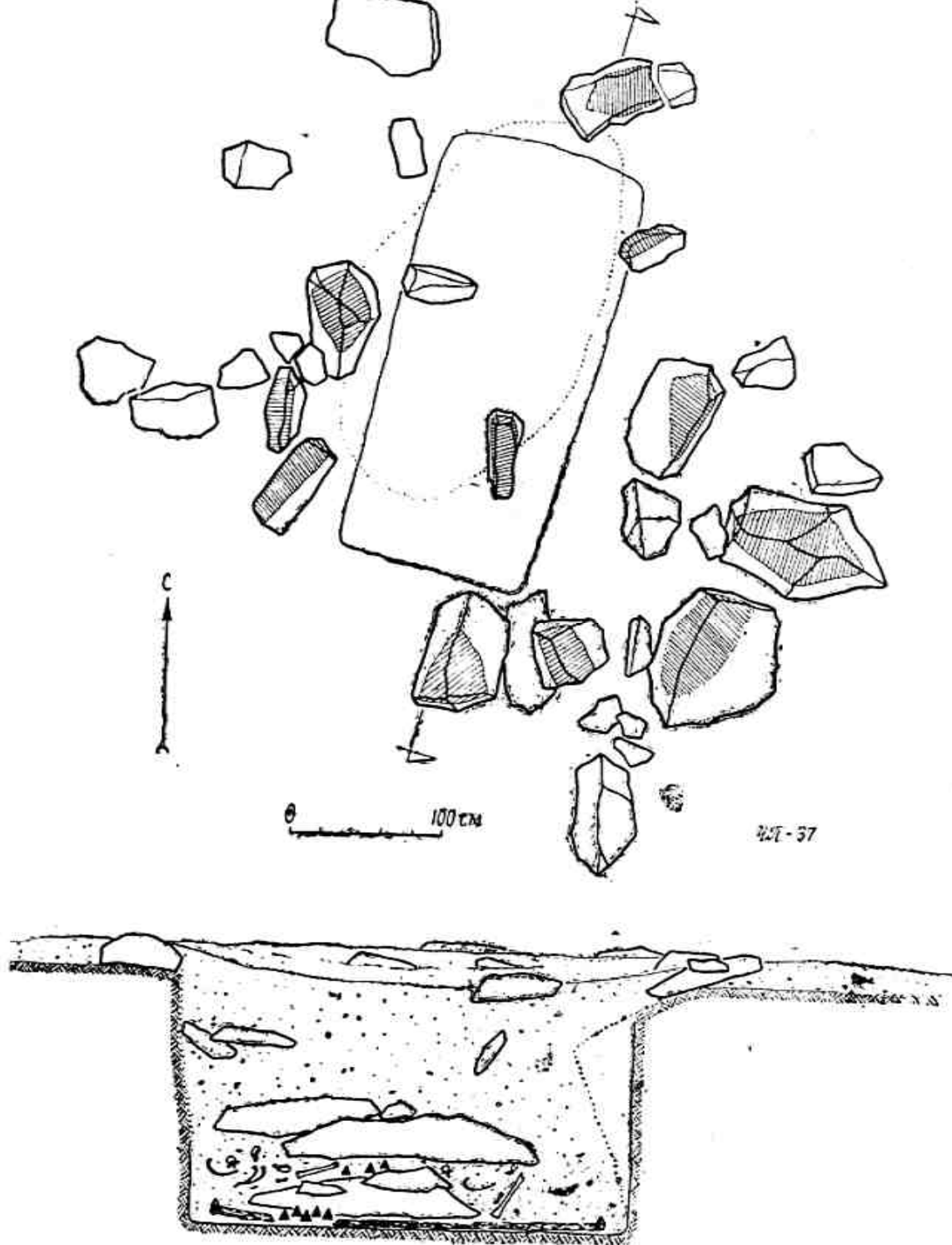

Рис. 62. ЧП-37. План и разрез погребения.

ное пятно овальной формы, ориентированное СВ-ЮЗ на 30° . В центре пятно состояло из углисто-зольной смеси, в которой были видны кусочки угля.

На глубине 130—140 см форма пятна стала прямоугольной, особенно четко обозначались юго-западные и юго-восточные углы. В заполнении наблюдалось смешение темной углистой массы с бурой, по краям — пятна горелости красного цвета. Большую часть ямы (пятна) занимали две большие плиты размерами 180×110 см и 110×80 см, лежащие плашмя, меньшая плита краем налегала на большую. Под ними оказалась еще одна плита таких же размеров, занимавшая всю северо-восточную половину ямы. На ней лежали два мелких камня (рис. 63, 64).

На глубине 140—170 см около плит, главным образом в головной части могильной ямы залегали остатки костяка: некоторые позвонки,

ребра, тазовые и другие мелкие кости. Черепа и челюсти, кроме одного коренного зуба, длинных костей рук и ног не было. Останки принадлежат женщине зрелого возраста.

Из вещей в погребении найдены осколки горшка (табл. XXV, 6). Сосуд небольшой, бурого цвета, с черным нагаром внутри и частично снаружи в верхней части, широкогорлый, с отогнутым наружу венчиком, умеренно выпуклый, по форме напоминающий бочонок (по этому признаку аналогичен сосуду из могилы № 62). Поверхность сосуда, за исключением горловины, покрыта мелким клетчатым, точнее «вафельным», отпечатком со следами легкого приглаживания (примятости) сверху. Вокруг шейки прочерчена неровная мелковолнистая и довольно широкая линия. На одном из фрагментов снаружи заметно пятно ржавчины, по-видимому, от соприкосновения с железным предметом. Нижняя часть горшка не найдена. Нет также и фрагмента дна.

Погребение 38 снаружи представляет собой четко выраженную западину глубиной до 30 см, окруженную валообразным возвышением с большим количеством мелких и крупных плит, образующих кольцевую выкладку, заросшую молодыми соснами. С восточной стороны насыпь выше и примыкает к кладке погребения 37.

Камни в большинстве своем оказались очень крупными и лежали беспорядочно, «неспокойно». Форма кладки оказалась квадратной. Хорошо выделяется юго-западный угол кладки, сложенной из широких как будто специально подобранных плит (рис. 65).

В скоплении плит в юго-западном углу найден осколок зеркала из белого сплава с зубчатым геометрическим орнаментом (табл. XXII, 2).

На примере описываемого погребения с помощью нескольких фотоснимков (см. рис. 67—71) нам хотелось бы показать ту методику раскопок широкой площадью, которая сложилась у нас вскоре, после раскопок нескольких рядовых могил по контурам ямы, и которая, на наш взгляд, тем предпочтительнее, чем глубже захоронение. Послойная фиксация пятен могильной ямы и грабительского хода после каждой расчистки даст возможность точнее проследить их соотношение и установить первоначальную форму могилы (см. разрез — рис. 65).

Убрав камни, мы заложили раскоп квадратной формы размером около 8×8 м и сняли 30-сантиметровый слой. На расчищенной пло-

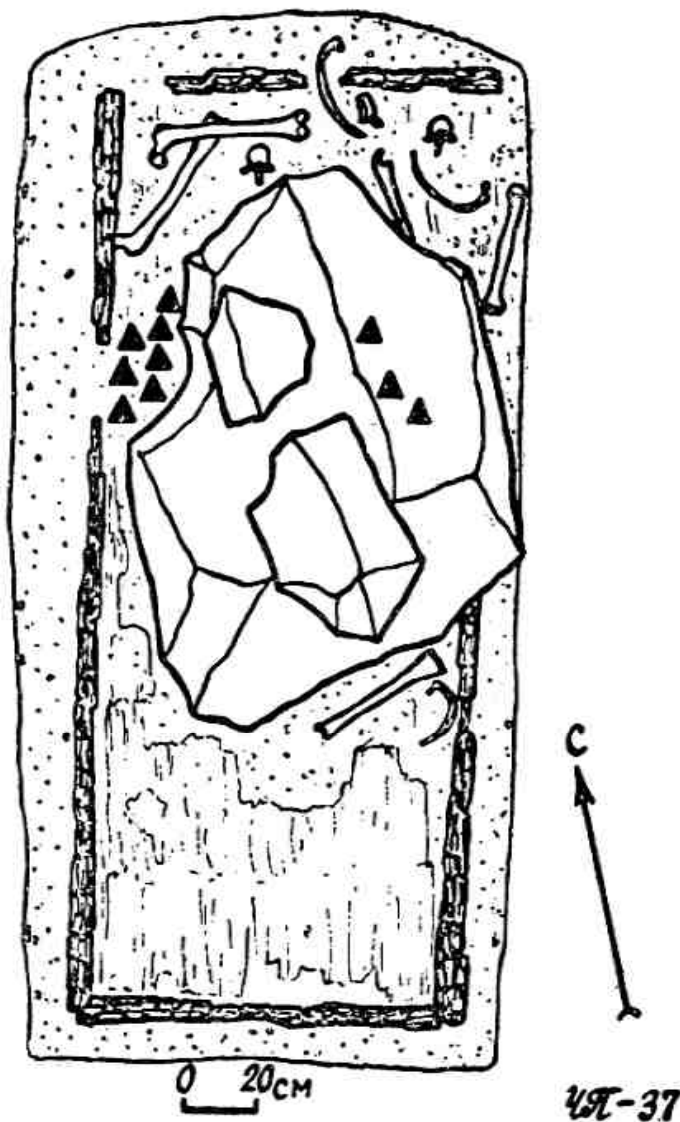

Рис. 63. ЧП-37. План гробовища с остатками захоронения.

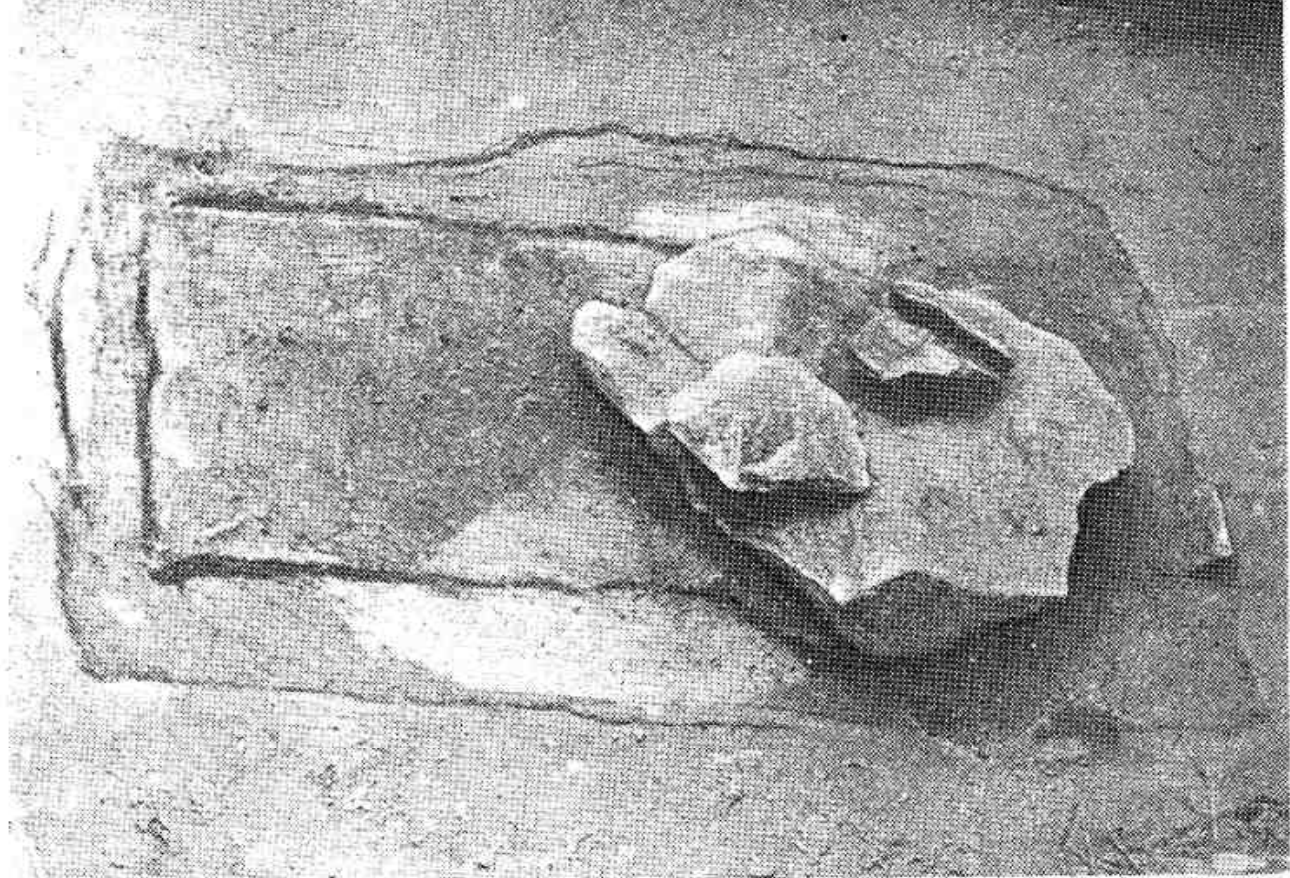

Рис. 64. ЧП-37. Контуры погребальной камеры, могильной ямы и грабительского хода.

щадке выделялось пятно грабительского хода длиной около 2,5 м, шириной 130 см (рис. 67). В грабительском ходе сверху донизу встречалось много камней. На глубине 110 см пятно приняло правильную четырехугольную форму с четко очерченными углами с южного конца: в этом месте яма не тронута грабительским ходом (рис. 70).

На глубине примерно 160 см показались стенки сруба, а еще ниже на 10 см — гроб внутри сруба (рис. 71). Сруб плохой сохранности. Лучшее других сохранилась восточная боковая стенка, состоящая из двух тонких бревен, от западной же стенки осталось только нижнее бревно. Остатки северной передней стенки сруба представлены лишь обломками, которые лежат приблизительно на своем месте. От задней стенки сохранилась одна тонкая и довольно широкая плаха.

Внутренняя камера тоже плохой сохранности, нет части западной боковой стенки. Способ соединения досок на углах достоверно установить невозможно, но при осмотре сверху кажется таким же, как и в других могилах, раскопанных нами, то есть боковые стенки выступают своими концами за поперечные.

Костяка нет. Найден единственный позвонок (шейный) и несколько фаланг ног и рук. Находки очень бедны. Найдено два кусочка железа, один из которых — плоская пластинка полукруглой формы с двумя шипами для прибивания (табл. XIV, 15). На задней стенке гроба сверху были забиты гвозди: плоские стерженьки длиной около 2 см, на конце загнутые под прямым углом. Найдено всего три тонких гвоздика на задней стенке и один — на углу гроба снаружи.

При окончательной разборке сооружения установлено: длина сруба — приблизительно 250 см, ширина в головах и ногах — 100 см. Длина гроба — 190 см, ширина 65 см; боковые стенки сруба состояли из двух плах каждая. Дно гроба представляет собой уплотненный слой

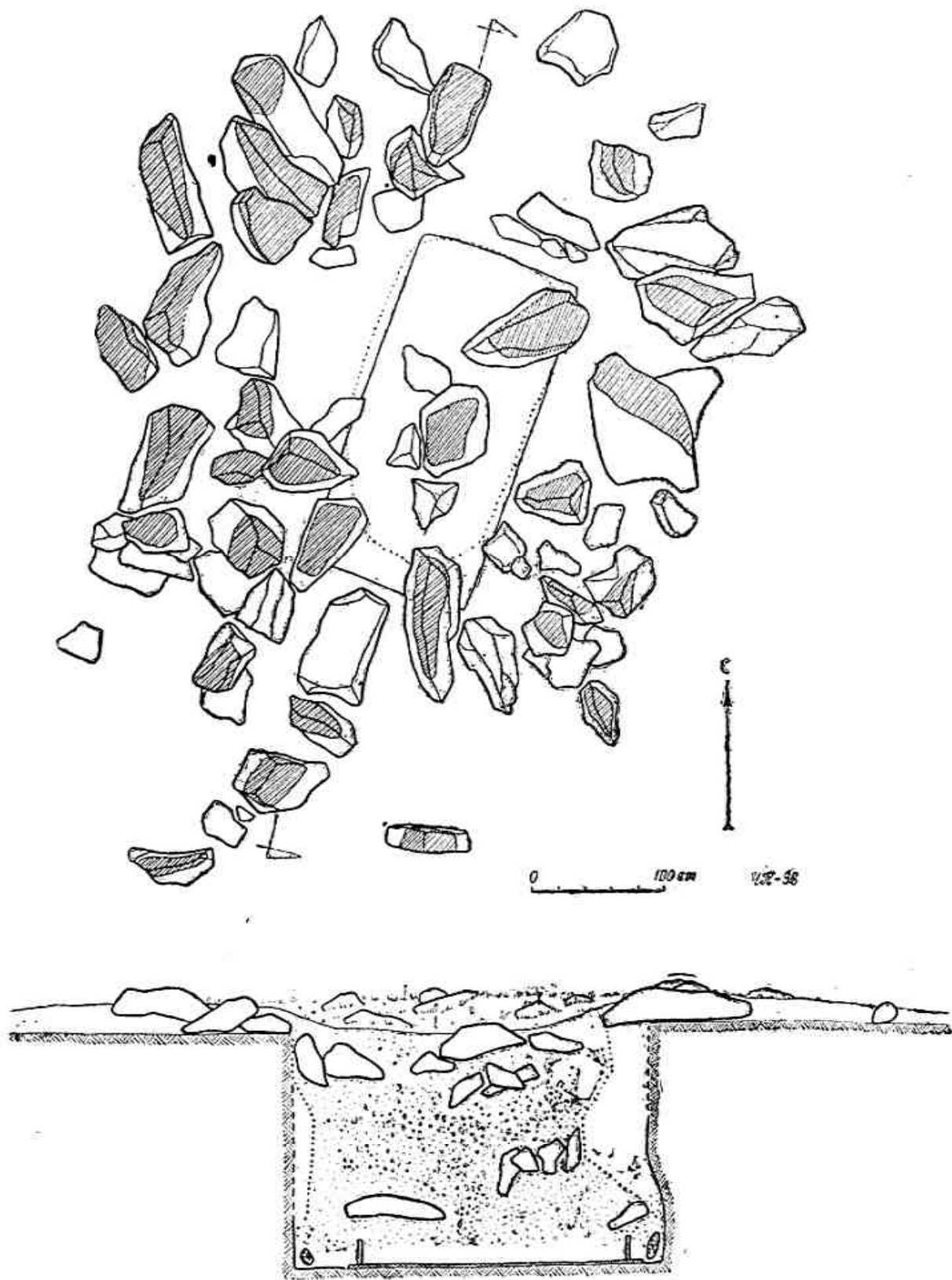

Рис. 65. ЧП-38. План и разрез погребения.

древесной трухи, под которым прослеживаются тонкие остатки досок; под дном гроба — поперечные планки.

Обугливания дна и стенок гроба не наблюдалось.

Погребение 39 снаружи представляет собой беспорядочную группу слабо выступающих камней с небольшой западиной (до 25 см) посередине. После снятия верхнего слоя неожиданно открылась интересная картина. В центре кладки выделялась обложенная крупными плитами яма овальной формы, глубиной до 60 см, с углисто-черным за-

ЧП-38

Рис. 66. ЧП-38. План сруба и гроба с остатками захоронения.

На глубине 75—80 см яма кончилась. Обозначилось продолговатое пятно с прямыми углами на южном конце и с закругленными расплывчатыми краями на северном конце, что свидетельствует о разрушении ямы грабительским ходом. В северной части грабительского хода найдены осколки горшка — один большой фрагмент дна и 5—6 мелких фрагментов стенки. Горшок крышкообразный или горшковидный, бурого цвета с сильным черным нагаром внутри и снаружи в верхней части. По своим пропорциям он широкогорлый, с чуть отогнутым наружу венчиком и умеренно выраженными плечиками, округлым и суженным книзу корпусом (табл. XXV, 5). Поверхность сосуда, за исключением придонной части и горловины, покрыта косыми и резко выраженными бороздами от зубчатой лопаточки. Под венчиком вокруг шейки прочерчена плавная волнистая линия «змейка». Дно сосуда почти не стертое, с неглубоким квадратным отпечатком гончарного станка.

Под камнями появились признаки сруба — кусочки дерева. Примерно на глубине 138 см на южном конце выступила западная стенка сруба. И начали попадаться кости человека: ребра и позвонки. На глубине 140 см примерно у северной границы пятна (предположительно в изголовье сруба) найден обрывок золотой пластинки (фольги).

Сруба или гроба как таковых не оказалось: все было разобрано

полнением в виде вогнутых наслоений. В яме оказалось большое скопление крупных и мелких плит.

Форма сооружения неопределенная, но напоминает остатки некогда квадратной кладки. Под плитами найдена железная сабля довольно хорошей сохранности, однолезвийная, с толстым (от 0,4 до 0,7 см) «обухом» длиной 70 см, из которых 15 см приходится на рукоятку шириной от 2 до 3 см. Сабля слегка изогнута под тяжестью плит. На обухе видна выполненная насечками надпись, которую пока невозможно разобрать из-за коррозии поверхности. К сожалению, сохранность надписи не обеспечивает ее прочтение. Пока остается неясным: или это сабля времен гражданской войны, непонятно как попавшая в эту могилу, или оружие относится к данному погребению (в последнем случае у него слишком хорошая сохранность).

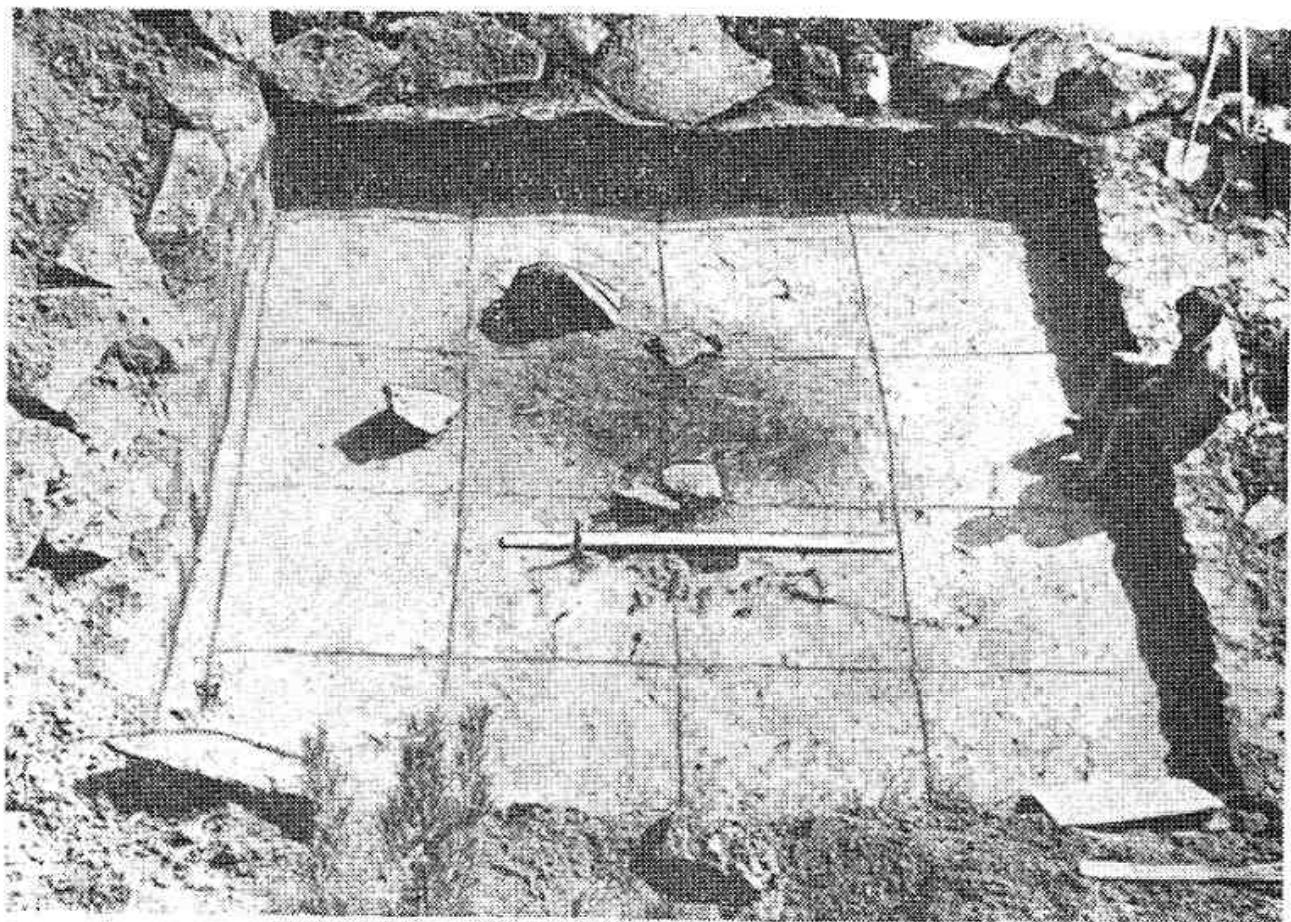

Рис. 67. ЧП-38. Этапы послойной расчистки погребения.
После расчистки 3-го слоя.

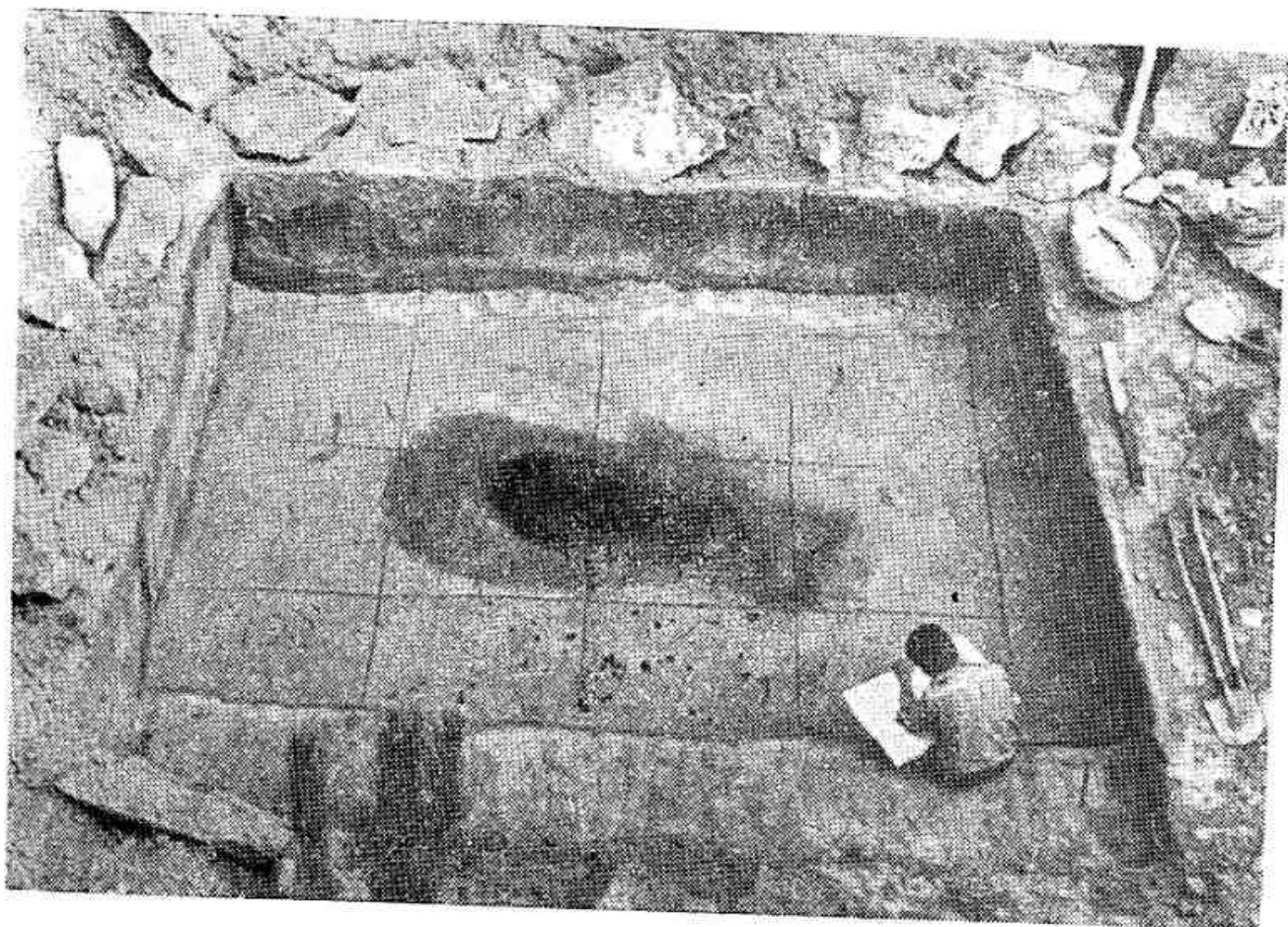

Рис. 68. ЧП-38. После расчистки 4-го слоя.

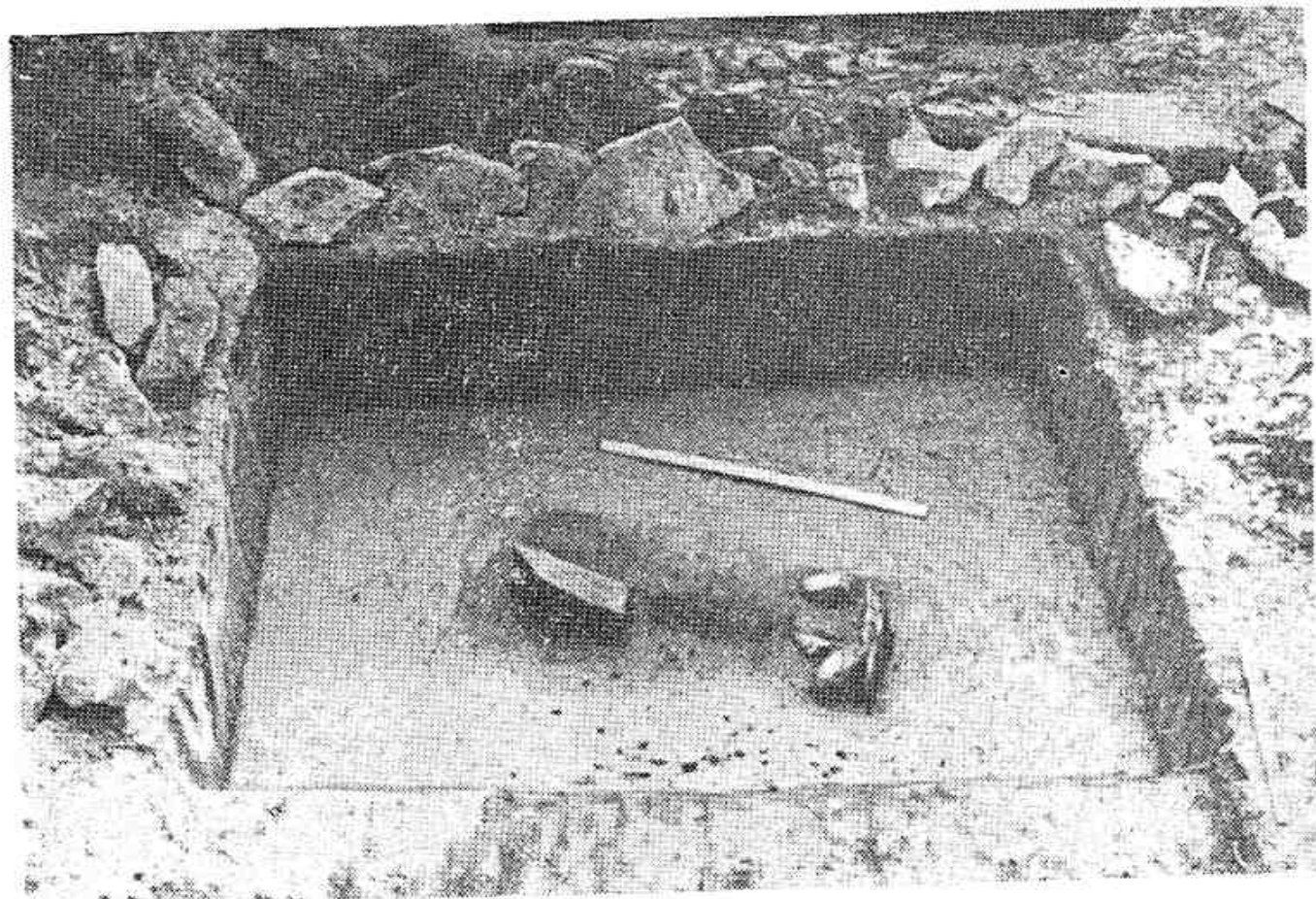

Рис. 69. ЧП-38. После расчистки 5-го слоя.

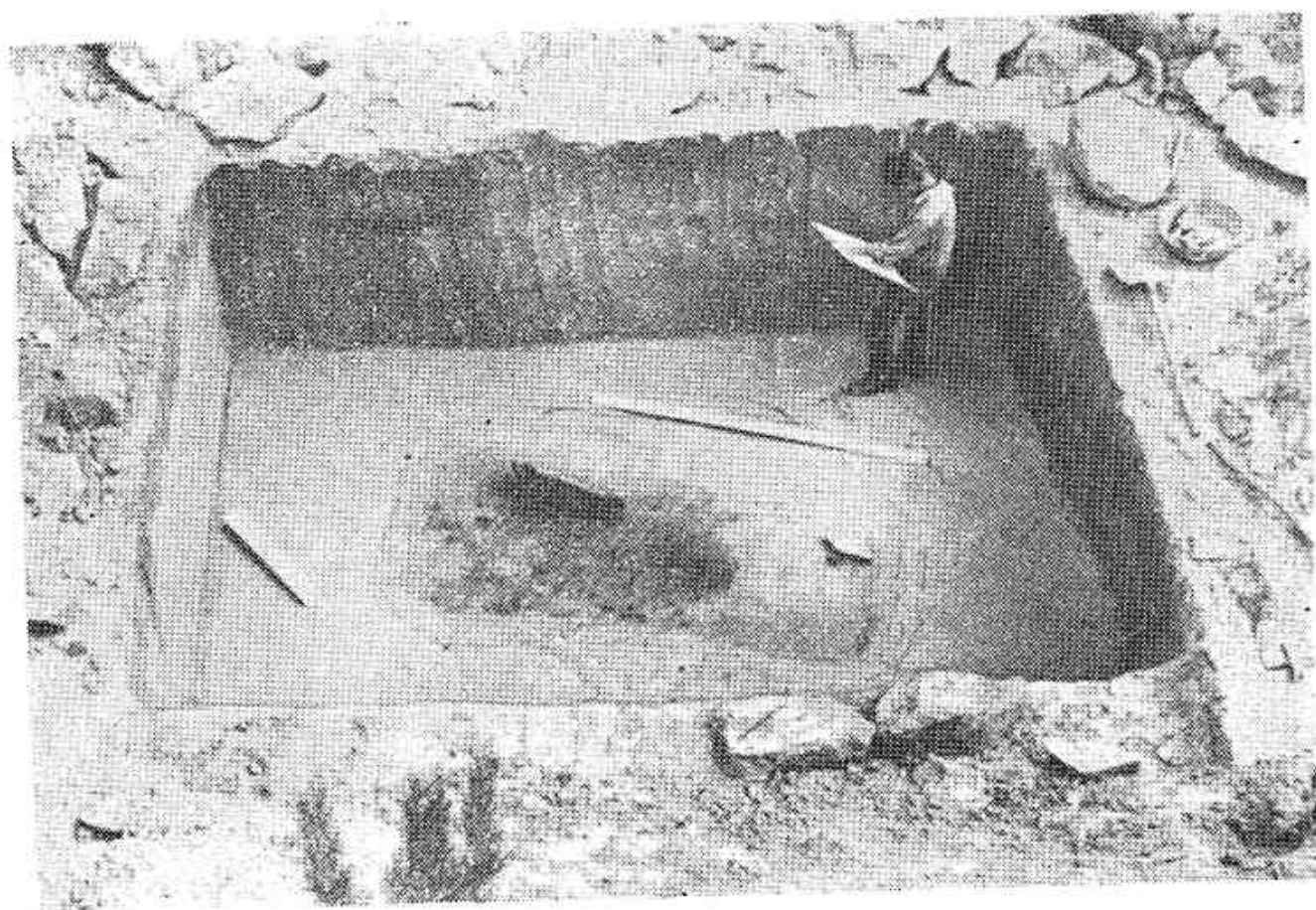

Рис. 70. ЧП-38. После расчистки 6-го слоя.

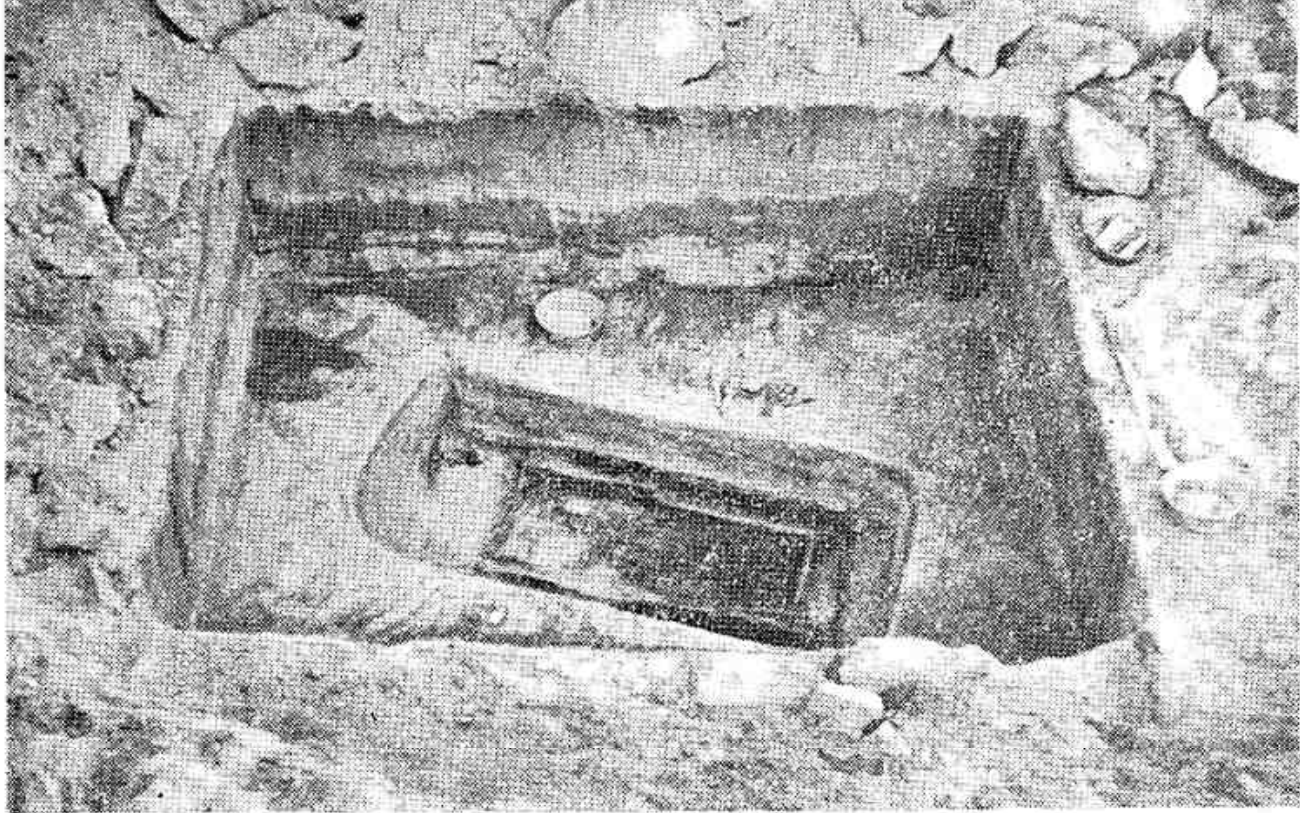

Рис. 71. ЧП-38. Остатки сруба и гроба на дне ямы.

грабителями. Немного сохранилась лишь задняя стенка. Поблизости от нее прослеживались тонкие следы поперечных досок перекрытия.

Дно погребения лежало на глубине 150 см. Боковые края дощатого днища обуглены, а вся наружная его сторона снизу не имела следов обугливания. Угольки встречались в заполнении.

Скелета нет. От него осталось несколько обломков ребер и позвонков, несколько фаланг и плюсневых косточек от рук и ног. Останки принадлежали взрослой женщине.

Из вещей, кроме горшка, найдены мелкий кусочек бирюзы со следами шлифовки (осколок от какого-то изделия?), целая бусина из полупрозрачного материала желтоватого цвета (янтаря?) (табл. XIX, 7) и украшение типа броши — комбинированное изделие из меди и камня, в медные кольчатые гнезда которого вправлены зеленые камни (табл. XIX, 20). В двух-трех случаях встречены мелкие чешуйки красного лака. Найден также один мелкий обломок деревянной палочки — круглый в сечении 8—9 мм, длиной 3—4 см. И наконец, найдено еще несколько мелких кусочков золотой фольги с вдавленным тисненым орнаментом.

Погребение 40 снаружи представляет собой невысокую валообразную кольцевую насыпь с углублением внутри около 40 см, несколько вытянутую в меридиональном направлении, приближающуюся к овальной форме, диаметром 6×8 м. Выступающих камней на поверхности могилы немного.

Оставив посередине контрольную бровку, произвели расчистку. Форма кладки получилась неопределенная, но если не принимать во внимание разбросанные камни, то можно усмотреть подквадратную форму (рис. 73).

На глубине 80 см от гребня насыпи обозначилось пятно прямоугольной формы, ориентированное длинной осью на ССВ приблизительно на 15°, длиной до 3 м, шириной 1,6—1,8 м.

С момента обнаружения пятна раскопка велась по его контурам с оставлением заполнения по краям, чтобы не нарушить стенку ямы. Пос-

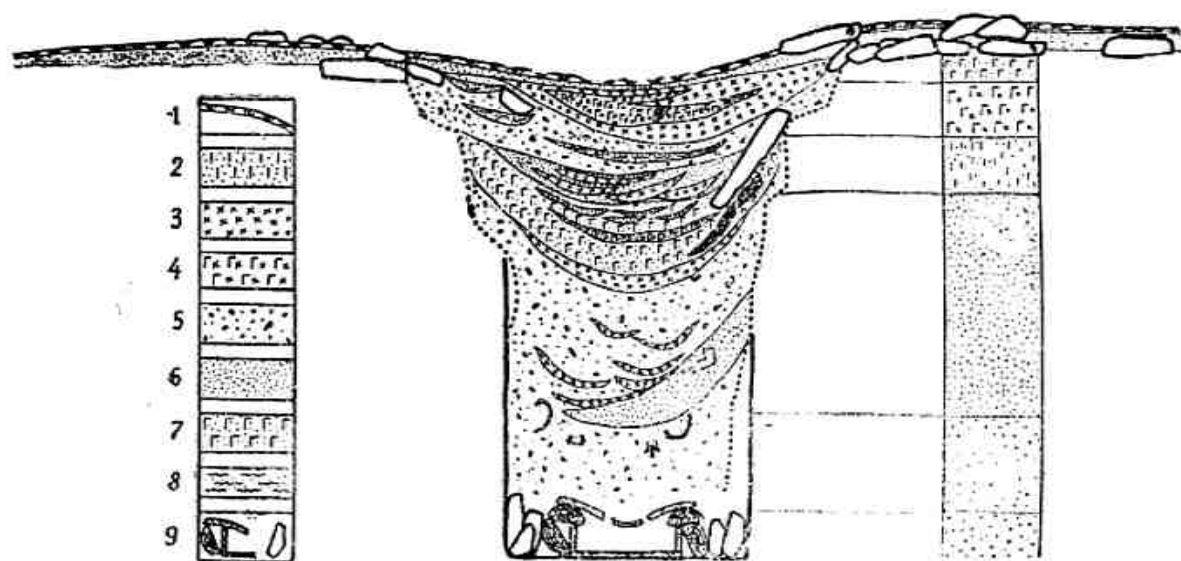
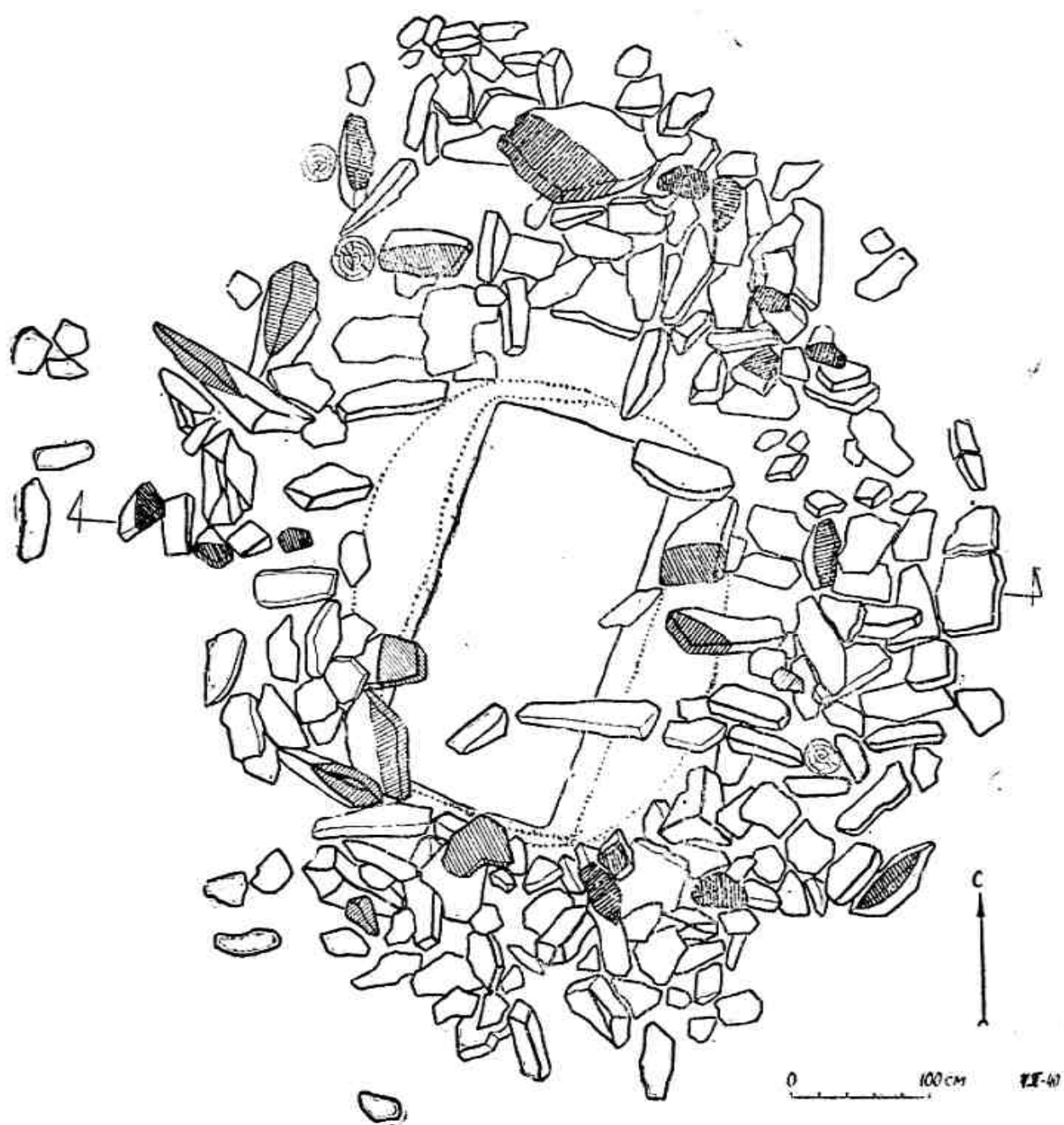

Рис. 73. ЧП-40. План и разрез погребения.

ле углубления на каждый штык ножом прощупывались западная и южная боковые стенки, а с северной и восточной сторон производилась зачистка недобранных стенок. В процессе раскопок выяснилось, что грабительский ход и сама могильная яма почти совпадали, грабителями были незначительно нарушены северная и восточная стенки и еще меньше — западная.

При выборке заполнения встретились крупные и мелкие камни, случайно попавшие в яму, и обломки обгоревших плах, уходящих до глубины 160 см, а затем — снова камни в разных положениях вплоть до погребальной камеры.

При углублении до 175 см на различных уровнях и в разных местах ямы найдены кости мелких животных: фаланги, позвонки, ребра, подъязычные косточки. Причем, по количеству одноименных костей (6 первых шейных позвонков и огромное количество фаланг) было видно, что они принадлежали 6 особям. В северо-западном углу, на глубине 240—255 см найден череп. По определению Б. С. Кожамкуловой (Институт зоологии АН Казахстана), все кости, найденные в этой могиле, принадлежали домашней козе и происходили не менее чем от 7 особей.

На глубине 255—265 см появились человеческие кости плеча и предплечья, стоявшие в вертикальном положении, отдельные вещи: костяные пряжки (табл. XIII, рис. 10, 11), обломки железного ножа с деревянной ручкой, бесформенный обломок железного изделия, тонкая перламутровая подвеска яйцеобразной формы (табл. XIX, 15), неопределенный остаток комбинированного изделия, состоявшего из деревянной основы с железной накладкой и гвоздями или заклепками. Рядом с этой группой находок лежала челюсть человека со всеми зубами. На глубине 270 см в северо-западном углу найден осколок венчика глиняного сосуда.

Контуры сруба выявились на глубине 290 см. Приблизительно на середине его длины оказались края поперечных досок настила (рис. 74).

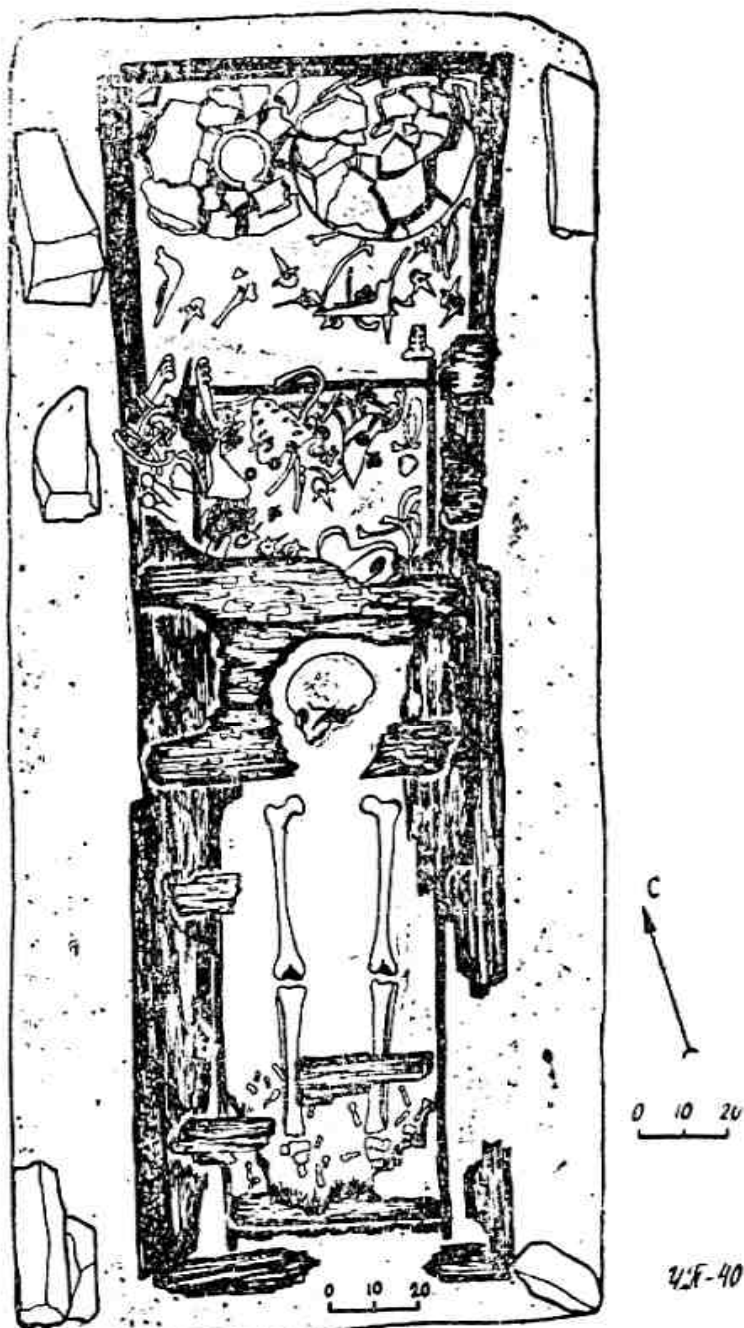

Рис. 74. ЧП-40. План сруба и гроба с остатками захоронения.

Внутри сруба помещена вторая камера — гроб из тонких досок. Он вплотную придвинут к южной стенке сруба, а в северном конце между передними стенами сруба и гроба оставлено свободное пространство — отсек. Длина сруба 280 см, ширина в головах — 95 см, в ногах — 85 см, длина гроба — 190 см, ширина в головах — 57 см, в ногах — 50 см; дно сруба находится на глубине 330 см.

Сруб сложен из полубревен — по два в каждой стенке. Из-за плохой сохранности способ соединения их на стыках проследить не удалось. Никаких следов скрепления при помощи гвоздей или скоб не обнаружено. Под сохранившимися в средней части поперечными плахами наблюдались следы продольных досок, но это могла быть крышка гроба, а не сруба. К сожалению, кроме настила из поперечных плах, ничто не свидетельствует о перекрытии сруба. Не удалось проследить, было ли устлано дно сруба досками. В отсеке, на дне, а также в зазорах между стенками сруба и гроба наблюдалась тоненькая углистая прослойка без следов дерева. Дно сруба, по-видимому, не было устлано досками.

Гроб сделан из тонких досок, способ скрепления его стенок проследить не удалось из-за плохой их сохранности. Часть восточной стенки в ногах разрушилась, вся южная короткая стенка упала внутрь гроба, поверх нее сохранились остатки крышки гроба из продольных досок и поперечных плах. Значит, последние лежали непосредственно на крышке гроба. Дощатое дно гроба прослеживается четко, причем он лежит на 5 см ниже стенок сруба.

Рис. 75. ЧП-40. Глиняный сосуд.

Вне сруба по бокам поставлены на ребро массивные плиты — четыре на западной стороне и две на восточной у концов стенок. В отсеке стояли два глиняных горшка больших размеров (рис. 75, 76, табл. XXIII, 4, 5). Сосуды грушевидные, узкогорлые, с резко расширяющимися туловищами и узким дном, гладкостенные с заглаженной поверхностью и лощеными вертикальными полосами по горлышку, один — из светло-серой глины, крупный, со сливным отверстием на боку у дна,

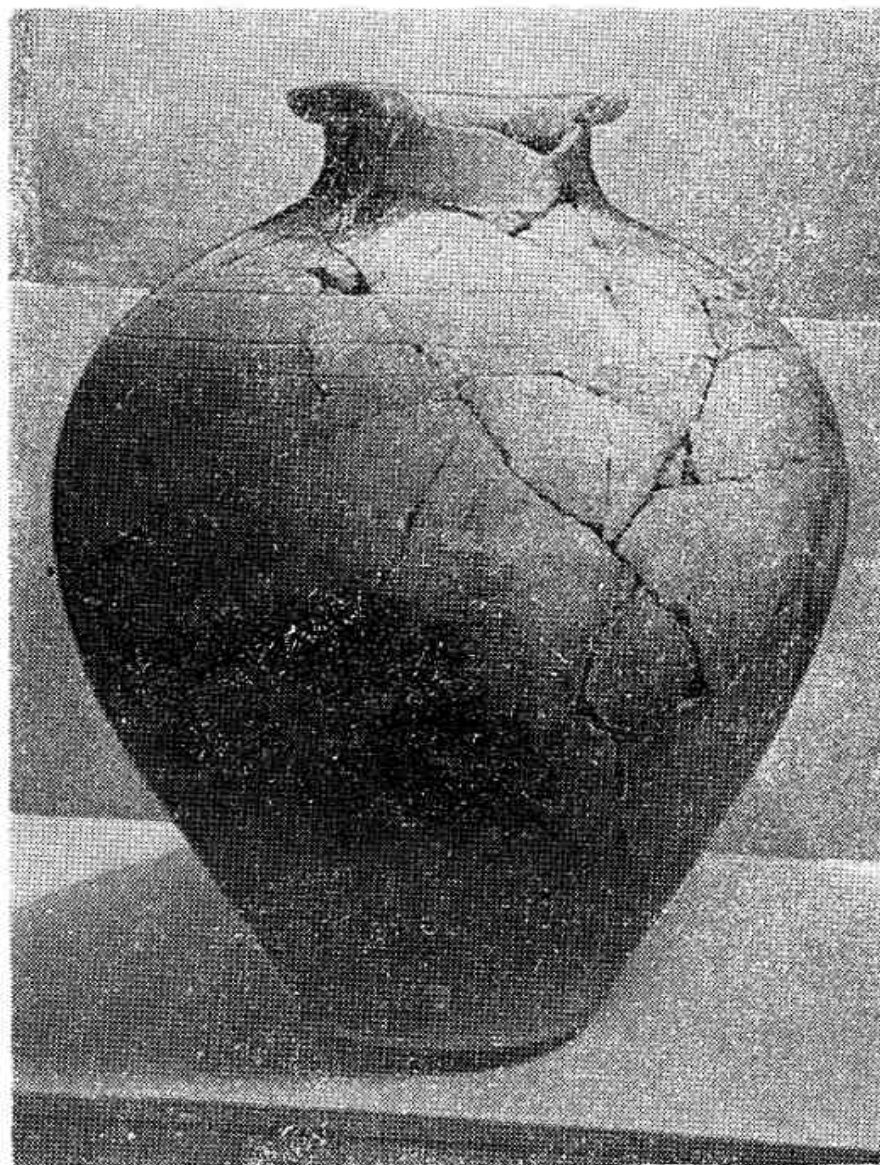

Рис. 76. Глиняный сосуд после реставрации.

другой — темно-серый, поменьше и понижше. У обоих сосудов аналогичный орнамент: по плечикам в два яруса параллельно друг к другу идут двойные прямые врезные линии, образующие орнаментальный пояс. В большом горшке найдено просо, сохранившееся в виде шелухи от зерен.

Остальное пространство в отсеке — меньше половины — было свободным. Здесь встретились кости козы (челюсть, ребра, позвонки, фаланги, крестец) и обломок какого-то комбинированного изделия из железа и дерева. На дне отсека вместо ожидаемого дощатого дна оказалась углистая тонкая прослойка. Наружная поверхность северной стенки сруба была обуглена.

В гробе все было сильно потревожено. Скелет разобран, лишь кости бедра и голени лежали на пужном месте. Все остальные кости были сдвинуты и беспорядочно рассеяны по гробу, преимущественно в изго-

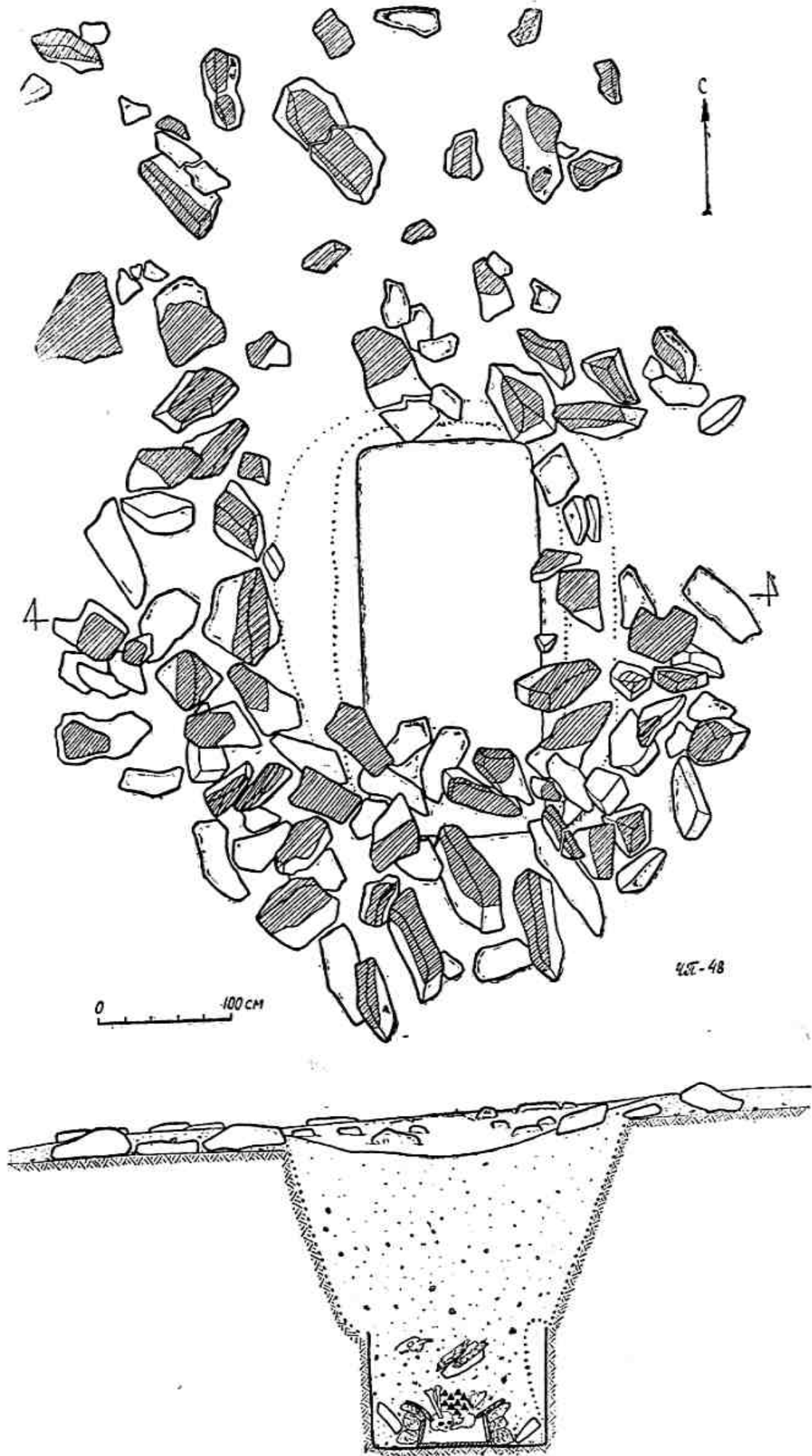

Рис. 77. ЧП-48. План и разрез погребения.

ловье. Череп лежал почти в центре гроба, как раз под уцелевшими поперечными плахами. Погребена женщина среднего возраста.

В изголовье гроба в скоплении костей и вещей найдены остатки принадлежностей покойницы: костяная застежка, бусина из черного камня, бусина из стекла с позолотой, подвеска из бирюзы (табл. XIX, 2—5), украшение из каменного кружочка, вправленного в тоненький металлический ободок, остаток бронзовой броши (?) с железной застежкой, рассыпавшийся на мелкие кусочки, предмет из хрупкой грязно-зеленоватой породы и остаток уже упоминавшегося выше комбинированного деревянно-железного изделия, один из осколков которого был найден в зазоре между стенками гроба и сруба с восточной стороны. Как в гробе, так и в отсеке встречались мельчайшие чешуйки лакового покрытия с черной росписью на красном фоне.

Погребение 48. По выступающим камням чувствовалась большая разбросанность кладки. В центре хорошо было выражено углубление до 50 см овальной формы диаметром 3×4 м, окруженное очень слабым валообразным наплывом диаметром 6×8 м.

После расчистки кладки открылась на юго-западной и западной ее сторонах большая скученность камней, густо набросанных друг на друга, а с северной стороны, наоборот, они разбросаны (рис. 77). Камни лежат беспорядочно, «неспокойно». С южной и западной сторон плиты как бы сползают в яму. При внимательном обзоре сверху, с дерева, откуда производилась фотосъемка, кажется, что кладка имела четырехугольную форму, ориентированную углами по сторонам света. Подобная форма наблюдалась у могил 13, 60 и 40.

После расчистки кладки был взят раскоп по размерам и форме западины, но выявить контуры грабительского и могильного пятен удалось не сразу. Пришлось расширять раскоп. В заполнении встретилось много камней и несколько обломков костей домашнего быка.

Лишь на глубине 160 см полностью выявилось прямоугольное пятно с несколько закругленным северным концом, размерами 280—120 см, ориентированное почти строго меридионально. Внутри пятна на северной ее половине на глубине 160 см найден череп домашней козы.

На глубине 200 см выступили концы поперечных плах настила сруба и наметились его контуры. В северной половине показались фрагменты горшка, а рядом — торчащие кверху кости человека, козы и быка.

При расчистке сруба на поперечных плахах в южной части сруба замечены явные остатки коры в виде рыхлой темно-коричневой массы (возможно, такая же кора была и на самих бревнах сруба); в одном месте на поперечной плахе посередине сруба слева за-

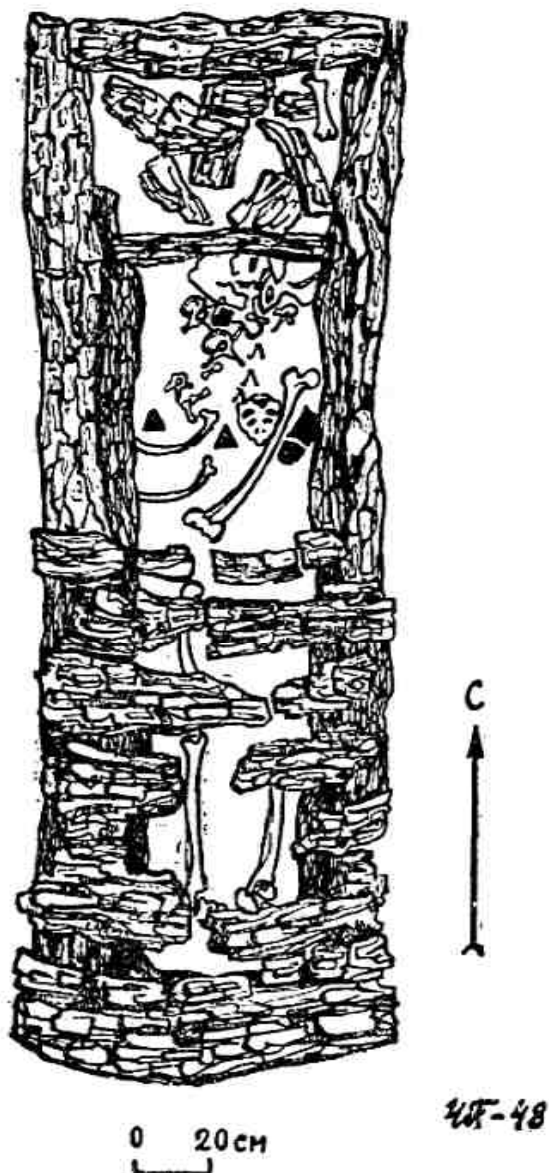

Рис. 78. ЧП-48. План сруба и гроба с остатками захоронения.

метны как будто следы обугливания. Там же, в заполнении, встретилась тоненькая обуглившаяся корочка, кроме мелких кусочков угля по всему заполнению.

Над срубом в южной его половине сохранились семь поперечных плах (рис. 78), а под ними — остатки продольных досок от крышки гроба или сруба, концы которых упирались в заднюю стенку сруба. Возможно, они перекрывали внутренний гроб.

В северной половине основной камеры под обломками горшка в полнейшем беспорядке были найдены кости скелета женщины. Задняя часть сруба была мало потревожена, и кости голени и стопы погребенной сохранили анатомический порядок расположения.

Рис. 79. ЧП-48. Глиняный сосуд из погребения.

В передней половине гроба все было перемешано: тазовые кости оказались у головной стенки, позвонки расчленены, только три позвонка лежали в связке на месте головы. Череп был найден выше, на уровне стенки сруба, рядом с обломками горшка. Здесь же найдено много железа, причем довольно большими кусками. Один из фрагментов напоминает широкую плоскую бляху или пряжку (табл. XIII, 3) с прилипшими обрывками ткани двух видов (грубого и мелкого плетения).

В отсеке — полнейший хаос из обломков досок и плах. Между ними кое-где видны кости барана (?). Ближе к северо-восточному углу найден астрагал быка (?) со следами обработки: на нем

просверлено отверстие и посередине выточена круглая ямка (табл. XVIII, 9). Это накладка-упор на стержень при добывании огня трением. Там же найдены кусочки лака с изящной росписью по красному фону — ритмическое повторение концентрических кругов с перегородками. Примерно в центре отсека найден хорошо сохранившийся железный нож, узкий, удлиненный, с чуть горбатой спинкой (табл. XVI, 3). Рукоятка не сохранилась. При извлечении ножа под лезвием были заметны что-то вроде приставшего к нему кусочка бересты и остаток древка. Поблизости найдены два фрагмента плоской пластинки неопределенной формы и обломки тонких костяных палочек для еды (табл. XVII, 4).

Массивный сруб погребальной камеры состоял из довольно мощных бревен: по два — с концов и по три — с боков. Наружная поверхность нижних боковых бревен сруба обуглена, и от этого они несколько лучше сохранились. Высота каждого бревна достигает 20 см. Концы коротких стен вставлены в выруб на концах длинных.

Внутри сруба — гроб из досок, задним концом упирающийся в стену сруба, а в передней части сруба остается свободная камера-отсек.

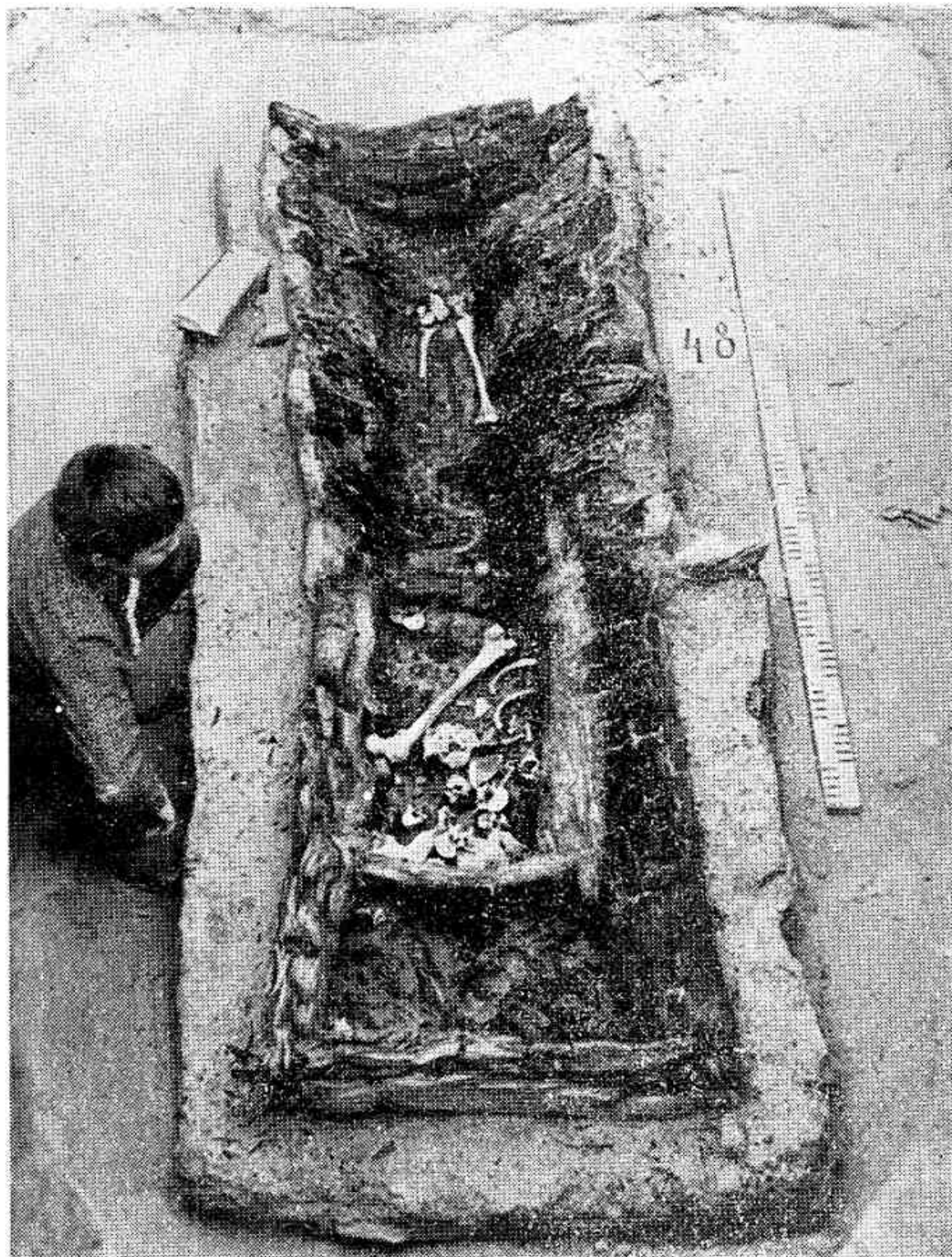

Рис. 80. ЧП-48. Сруб и гроб после расчистки.

Гроб устроен так же, как и в ряде других погребений: на концах коротких его стенок имеются шипы, которые вставлены в отверстия на концах длинных боковых стенок.

Дно гроба состоит из досок, нижняя поверхность которых обуглена, а поверх досок — слой (2—3 см) коричневой трухи, происхождение которой непонятно. Возможно, на дне сруба была настлана кора. В ногах под дном гроба — поперечная планка шириной 5—6 см, толщиной 1,5 см (первоначально она была толще).

Погребение 49 имеет снаружи довольно хорошо выраженную кольцевую насыпь диаметром 7 м и высотой до 20 см, со сравнительно большим количеством выступающих наружу камней, образующих четкую кольцеобразную выкладку. Внутри кольца — пологое углубление

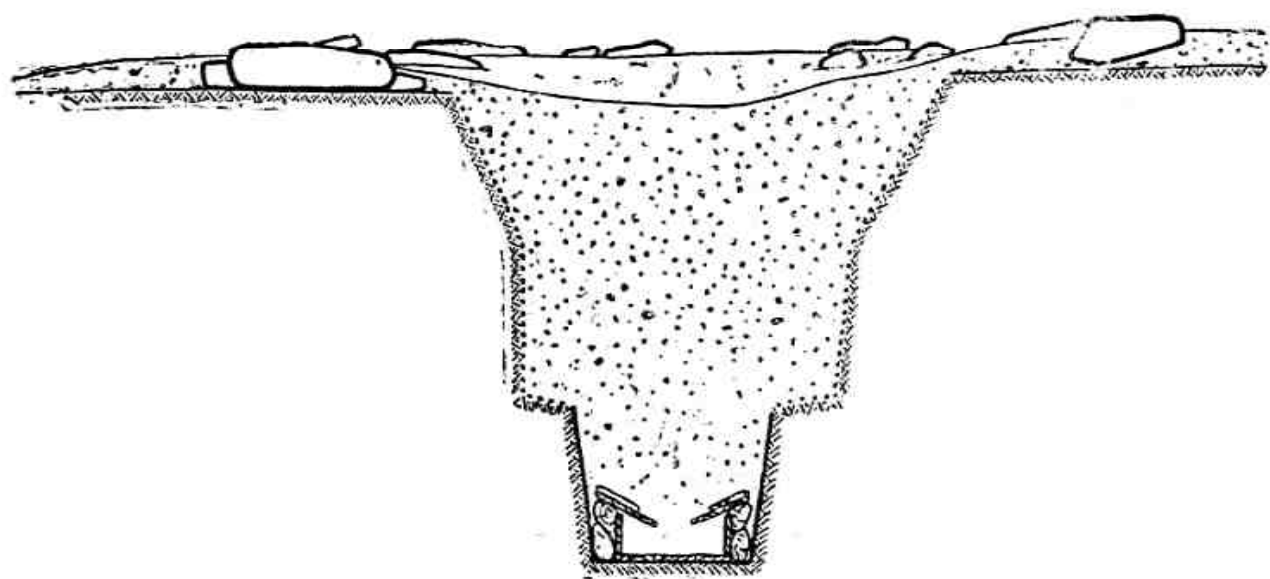
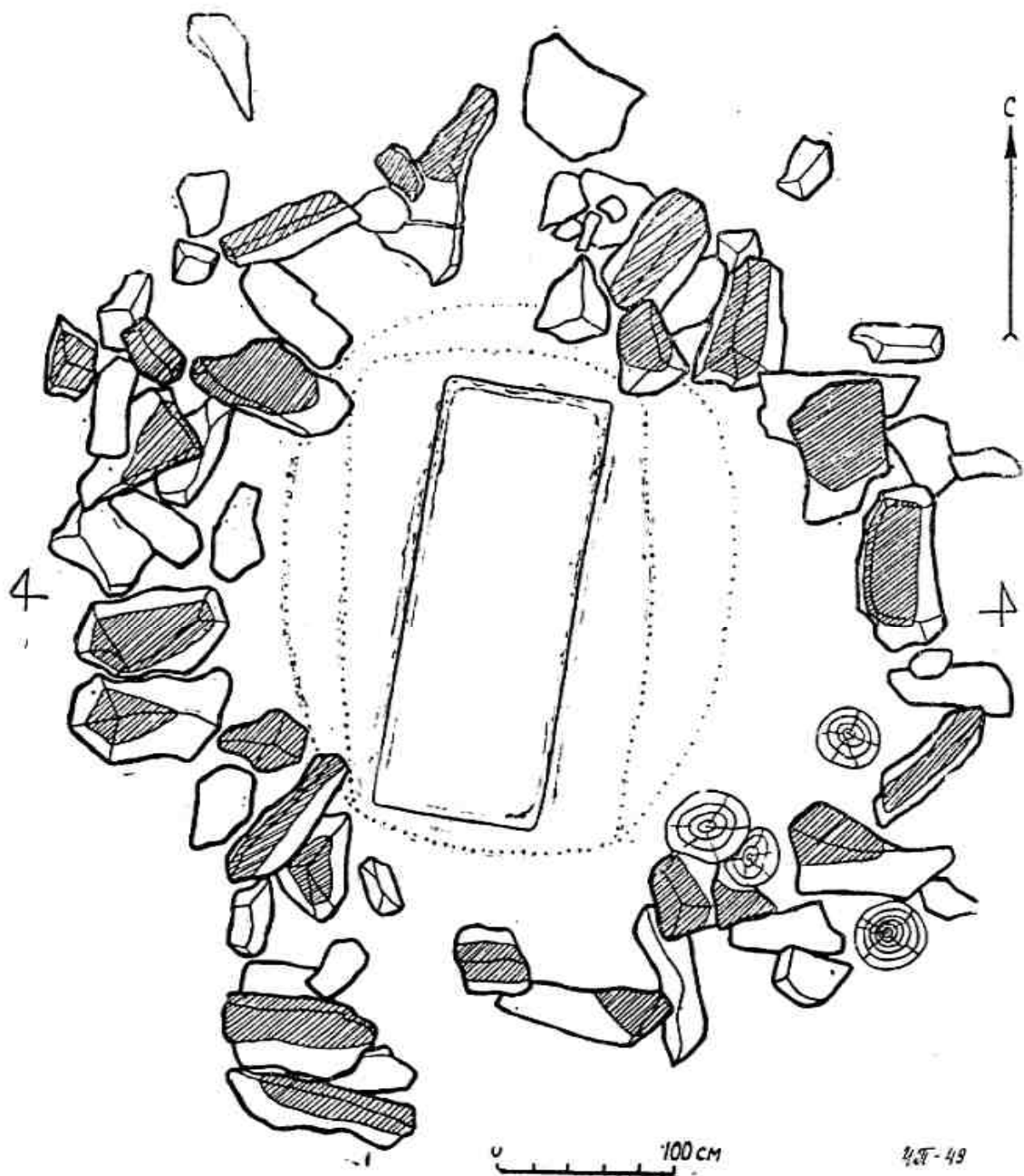

Рис. 81. ЧП-49. План и разрез погребения.

до 30 см, без камней, диаметром 2—2,5 м. После расчистки кладка сохранила ту же кольцеобразную форму, которая прослеживалась до расчистки по выступающим на поверхность камням (рис. 81).

На глубине 50 см внутри кольцевой насыпи выявились расплывчатые контуры грабительского хода, едва отличающиеся по цвету от окружающего грунта. Раскоп производился несколько шире пятна, чтобы лучше проследить очертания его на плане. Первоначально пятно было длиной 2,8 м и шириной 1,6 м, ориентировано строго в меридиональном направлении. На глубине 180 см его размеры резко сократились в ширину — до 1 м и немного в длину. Находок никаких не было до самого сруба.

На глубине 215 см на южном конце выступили три поперечные плахи перекрытия сруба, лежавшие в ряд. От следующих трех плах остались только их концы на боковых стенках сруба, остальные разобраны. На северной половине сруба не сохранилось никаких следов настила (см. рис. 82).

Сруб не был обложен плитами, но был сложен в яме, вырытой точно по его размерам, то есть стенки его упирались непосредственно в борта ямы. Состоял он из довольно толстых полубревен: по два — на боковых стенках, по две плахи потоньше — на северной и одной широкой плахи — на задней, южной стенке. Способ соединения стенок на стыках обычный: концы коротких стенок упираются в специальные вырезы на торцах боковых.

Дна у сруба не было, как и в других погребениях. Его длина — 220 см, ширина в головах — 80 см, в ногах — 75 см, высота — 35 см, ориентировка — ССВ на 10°. Внутри сруба был помещен гроб, придвинутый к задней стенке сруба, а на северном конце последнего оставлено свободное пространство —

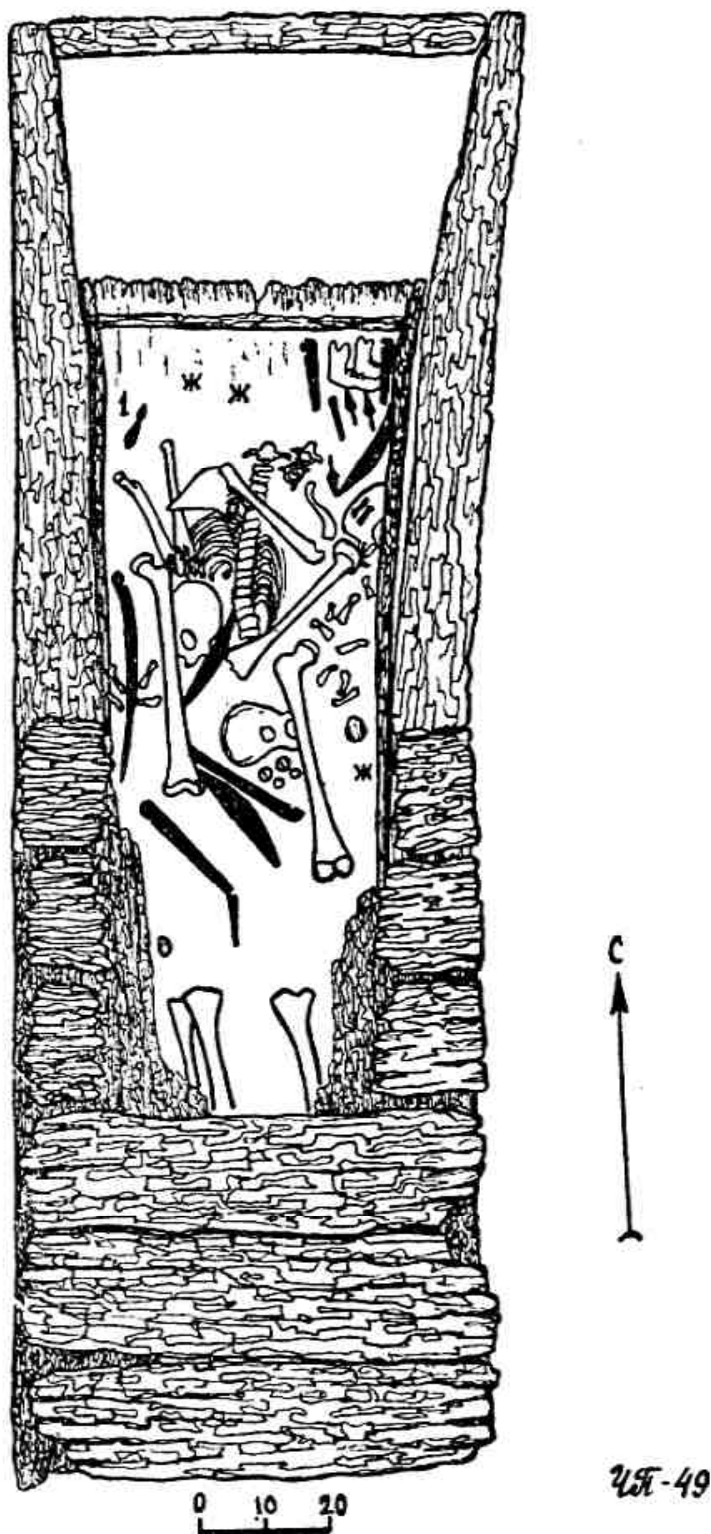

Рис. 82. ЧП-49. План сруба и гроба с остатками захоронения.

Внутри сруба был помещен гроб, придвинутый к задней стенке сруба, а на северном конце последнего оставлено свободное пространство —

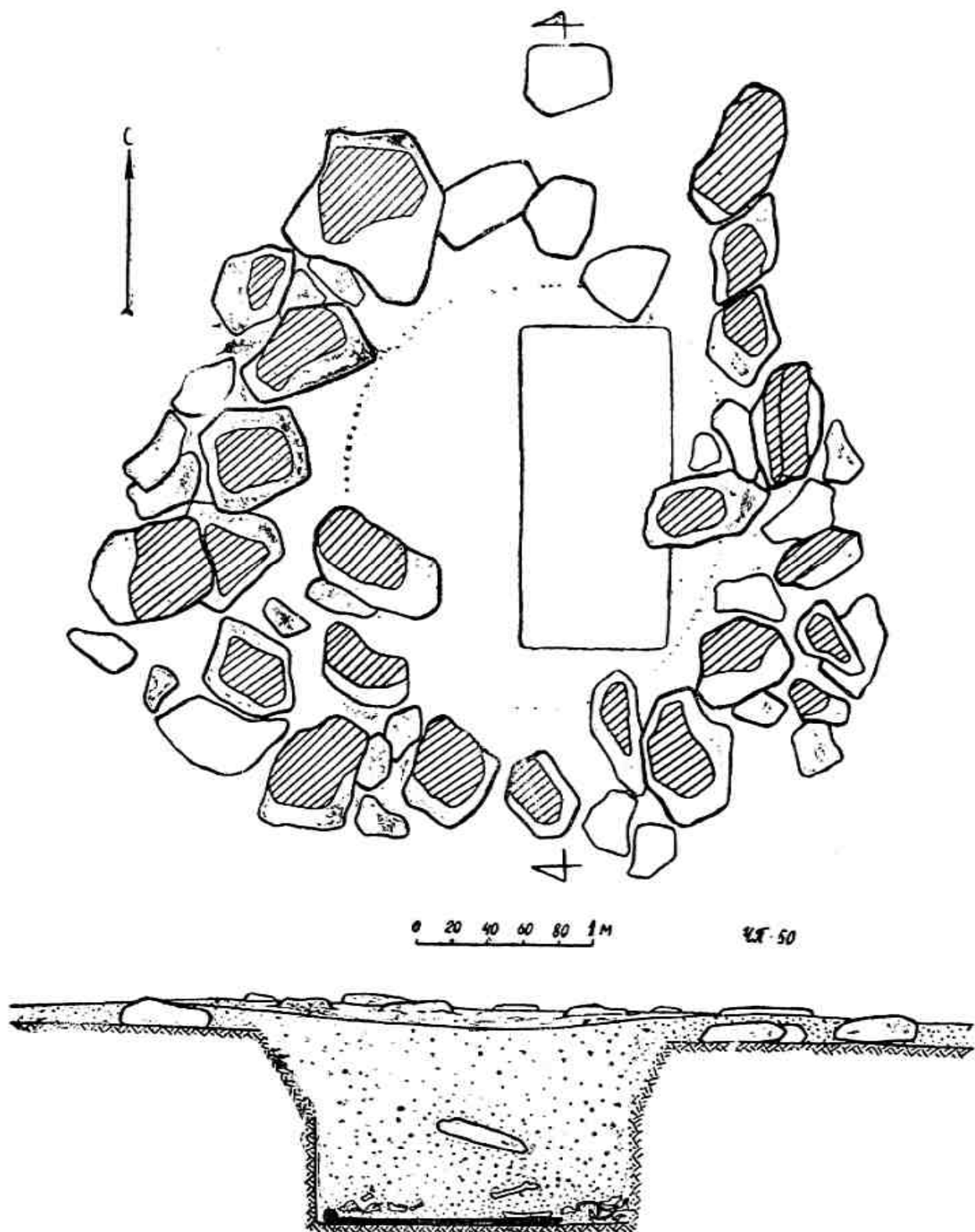

Рис. 83. ЧП-50. План и разрез погребения.

отсек. Гроб имеет дощатое дно на глубине 245 см. Интересно устроены его стенки: на концах боковых досок сделаны сквозные квадратные отверстия, в которые своими шипами вставлены концы поперечных досок. При таком способе соединения концы боковых стенок гроба, а также его дно спереди и сзади на 7—8 см выступают за линии коротких стенок. Длина гроба — 165 см, ширина — 45 см. Наружная поверхность боковых стенок была окрашена в красный цвет.

В южном конце сруба под поперечным настилом наблюдались остатки двух широких продольных досок, упирившихся концами в заднюю стенку сруба. Возможно, это была общая крышка одновременно для наружной и внутренней камер.

Скелет разобран, черепа нет, челюсть найдена в северо-восточном углу гроба. Часть позвоночного столба с ребрами, кости голени и стопы лежали на своем месте, но все же были немного сдвинуты. Все остальные кости были перемещены и сосредоточены в северной половине гроба в области груди и живота покойника. Все кости были в плохой сохранности. Останки принадлежали мужчине юношеского возраста.

Естественно, что и остатки инвентаря погребения были так сильно потревожены, что установить их первоначальное положение было невозможно. Из вещей найдены: пять концевых и много осколков срединных накладок лука, шесть железных наконечников стрел (табл. I, 1—4), пять железных пряжек различных размеров и форм: прямоугольные, дугообразная с прямым основанием и овальная, железный нож (в осколках) с кожаными ножнами, множество неопределенных спекшихся осколков железных изделий и, наконец, одно костяное украшение — фигурная подвеска, плоская, бомбовидной формы (табл. XIX, 13).

Погребение 50. В центре была заметна небольшая впадина глубиной 15—20 см, диаметром 2×2,5 м, вокруг которой на поверхность выступали плоские плиты (рис. 83). Все камни лежали «спокойно», плашмя, на одном уровне, в плане они образовывали неопределенную кладку, но с юго-западной стороны намечался прямой угол. Плиты были обтекаемой формы, не угловатые (см. рис. 84).

Рис. 84. ЧП-50. Надмогильная кладка после расчистки.

Картина заполнения ямы (грабительского хода) обычная: сверху по центру углубления — как всегда, густо-черное заполнение, чередующееся ниже с красновато-бурой массой и пятнами светло-желтой мелкозернистой супеси. На уровне 80 см смешение разных слоев прекращается и дальше идет только бурое заполнение. В заполнении ямы встречались угольки.

В дальнейшем до глубины 100 см по всему заполнению ямы найдены разрозненные кости погребенного, а также кости домашней козы и

осколки железа. Остатки костяка принадлежали ребенку 5—6 лет. Кости животных — обломок черепа, четыре челюсти, шейные позвонки, фаланги, подъязычные косточки и другие — все от молодых особей. Всего по одноименным костям получается не менее трех домашних коз.

На глубине 100 см показались тонкие из досок стенки погребальной камеры. Срубом ее назвать нельзя (рис. 85). Лучше сохранились

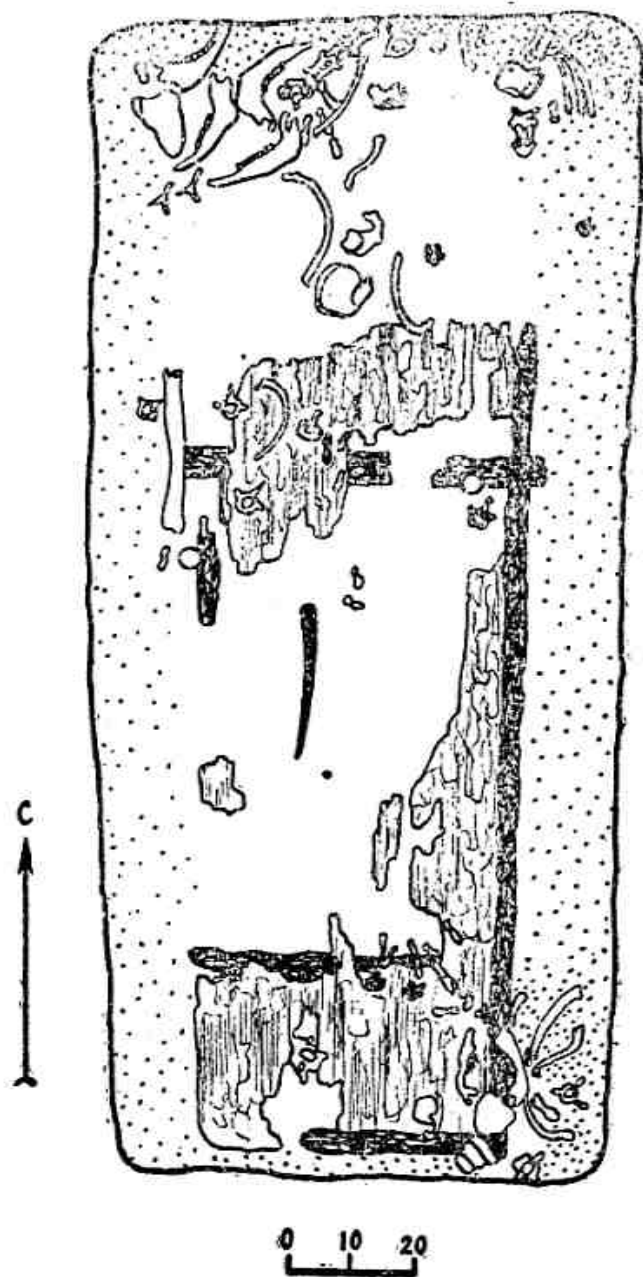

Рис. 85. ЧП-50. Остатки захоронения (план).

восточная боковая и задняя южная стенки из досок толщиной 2—3 см. Западная боковая стенка местами выдрана, а северная — вообще отсутствовала. Дощатое дно сооружения сохранилось лишь на концах, а посередине разрушено. Длина днища — 184 см, ширина в ногах — 40 см, в головах — 58 см. Под днищем — две поперечные планки в качестве опор.

Во время расчистки гроба изредка встречались кусочки угля. Обугливания днища не наблюдалось ни снизу, ни сверху. На дне гроба в головах найдена костяная фигурная подвеска, аналогичная таковой из погребения 49, но меньшего размера (табл. XIX, 14).

Погребение 51. Судя по диаметру кольцевого вала (10×11 м) вокруг обширной ямы глубиной 90 см, эта могила обещала быть сравнительно крупной. После расчистки верхнего слоя мощностью 25—30 см обнаружилась огромная кольцевая кладка диаметром 9 м (рис. 86).

Оставляя бровку посередине могилы в направлении ВЗ, заложили раскоп соответственно размерам и форме углубления. На глубине 120 см обозначилось овальное, вытянутое в меридиональном направлении с небольшим отклонением вправо пятно

бурого цвета. На глубине 160 см оно стало прямоугольным с несколько кривыми расплывчатыми боками, что обусловлено нарушением грабительского хода, который приходится на середину ямы. На глубине 200—205 см размеры пятна уменьшились.

Дойдя до погребальной камеры (на глубине 250—260 см), сняли бровку и зачертили разрез могилы. Стратиграфия заполнения ямы — типичная для всех описанных выше (см. рис. 87, разрез).

Длина сруба — 265 см, ширина в головах — 103 см, в ногах — 95 см, посередине 90 см. Ориентирован в том же направлении, что и яма, то есть на ССВ 12—14°. Никаких поперечных плах настила не наблюдалось. При расчистке сруба не только сверху, но и внутри, в заполнении, встречались угольки.

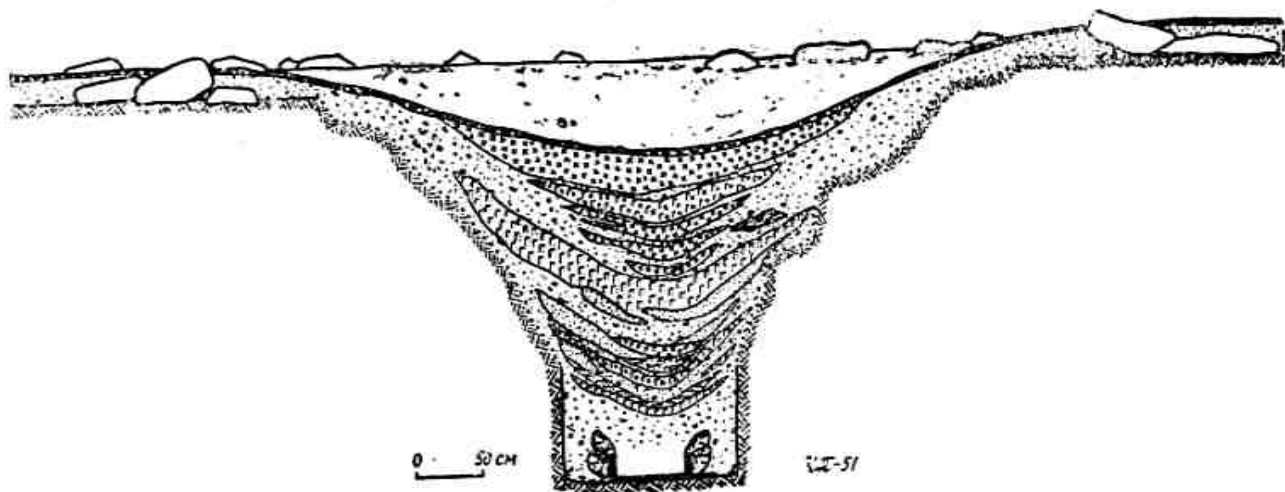
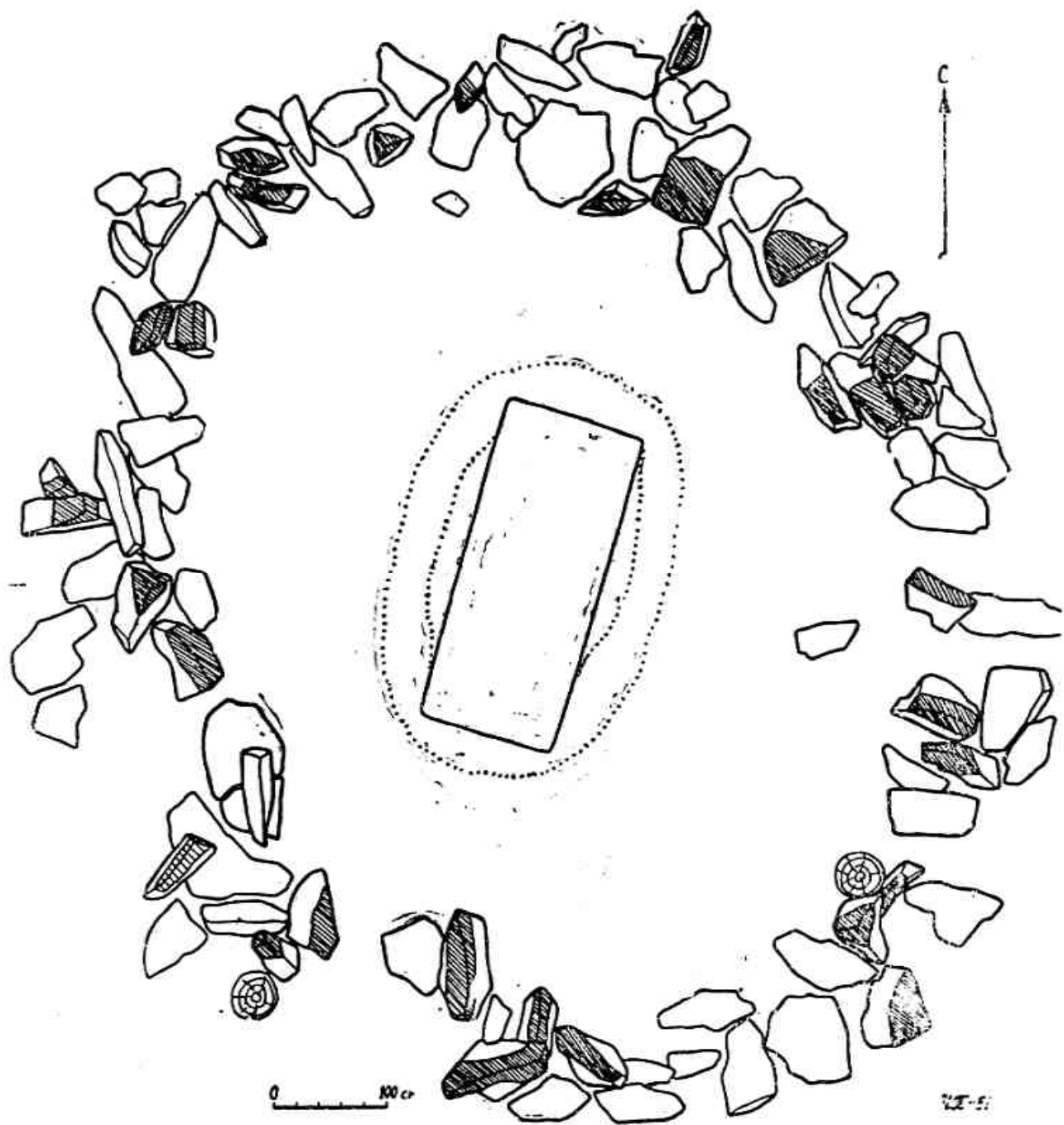

Рис. 86. ЧП-51. План и разрез погребения.

Внутри сруба помещен гроб (рис. 87). Сохранность его хуже и, кажется, древесина иная, чем у сруба. Боковые стенки гроба и сруба слились вместе, и сверху нелегко отличить их друг от друга. Гроб помещен в сруб так, что спереди остается свободная камера — отсек. Боковые стенки гроба на 7—8 см выступают на концевые так же, как и дно гроба. Стенки и дно гроба довольно тонкие — 2 см, и разобрать способ их соединения в углах трудно. Никаких следов (остатков) крышки гроба или сруба не найдено.

В правом верхнем углу гроба близко к нужному месту лежал на левом боку череп покойника, лицом почему-то повернутый к передней стенке. Челюсть несколько отошла от черепа. Рядом у восточной стенки лежал обломок черепа козла. Между черепами глубже найдена костяная поделка — изящная миниатюрная ложечка (табл. XVII, 11), а за черепом животного, у стенки гроба — обломок стрелы с железным насадом.

При дальнейшей расчистке камеры открылся весь костяк. В процессе расчистки стало ясно, что он почти вовсе не потревожен. Погребение ориентировано на ССВ. Левая рука покойника была согнута в локте и кистью закинута за плечо. Ноги вытянуты. Правая половина таза лежала на месте, но в перевернутом виде. Ниже пояса все кости скелета лежали в полном порядке, даже коленные чашечки не сдвинуты с места.

Инвентарь погребения беден. Кроме упомянутой миниатюрной ложечки найдены роговые накладки лука. Они лежат на своих местах: две центральные — справа и слева от костяка на уровне бедер, две концевые — между ног на уровне голени, еще две концевые — на уровне шеи и головы в левом углу гроба и еще одна, промежуточная, — между бедер.

С левого бока был положен колчан, о чем свидетельствуют пять наконечников стрел с обломками древка. Они разные — трехлопастные, широкие и узкие, и плоские небольшого размера. Черешки стрел в сечении круглые и квадратные.

Справа на поясе на уровне таза и головки бедра лежал железный нож лезвием вниз, то есть к ноге.

В головах гроба встречались чешуйки лакового покрытия красного цвета, а в правом углу — хрупкие фрагменты самого изделия, возможно чашечки. Под левым ухом найдено изделие из нержавеющей светлой проволоки, скрученной в виде оправы очков (часть серьги).

Много неопределенных осколков железа, больше всего в передней половине гроба, не только у стенок, но и на самом костяке в области живота и таза. Остатки железных вещей лежали и в ногах, непосредственно на костях правой и левой стоп. Единственное, что можно различить среди них, это осколки колец и пряжек (табл. IX, 12, 14). При окончательной разборке выяснилось, что на поясе погребенного было несколько крупных железных колец, связанных между собой либо кожаным ремнем, либо тканью.

Остатки связанных между собой кусочков железа лежали на костях стопы обеих ног. При тщательном осмотре в них можно было узнать плоское кольцо с кожаным ремнем (или железным стержнем?).

Остатки железных изделий найдены и в отсеке. Среди них удила с кольцами, псалин, небольшая прямоугольная пряжка с язычком, какая-то скобовидная вещь, остальное — неопределенные разложившиеся фрагменты. На одном плоском осколке имеется отпечаток ткани.

Кроме железа в отсеке найдены кости козла, причем молодого (не сросшиеся эпифизы): кости ног, лопатки, позвонки и ребра. Череп с

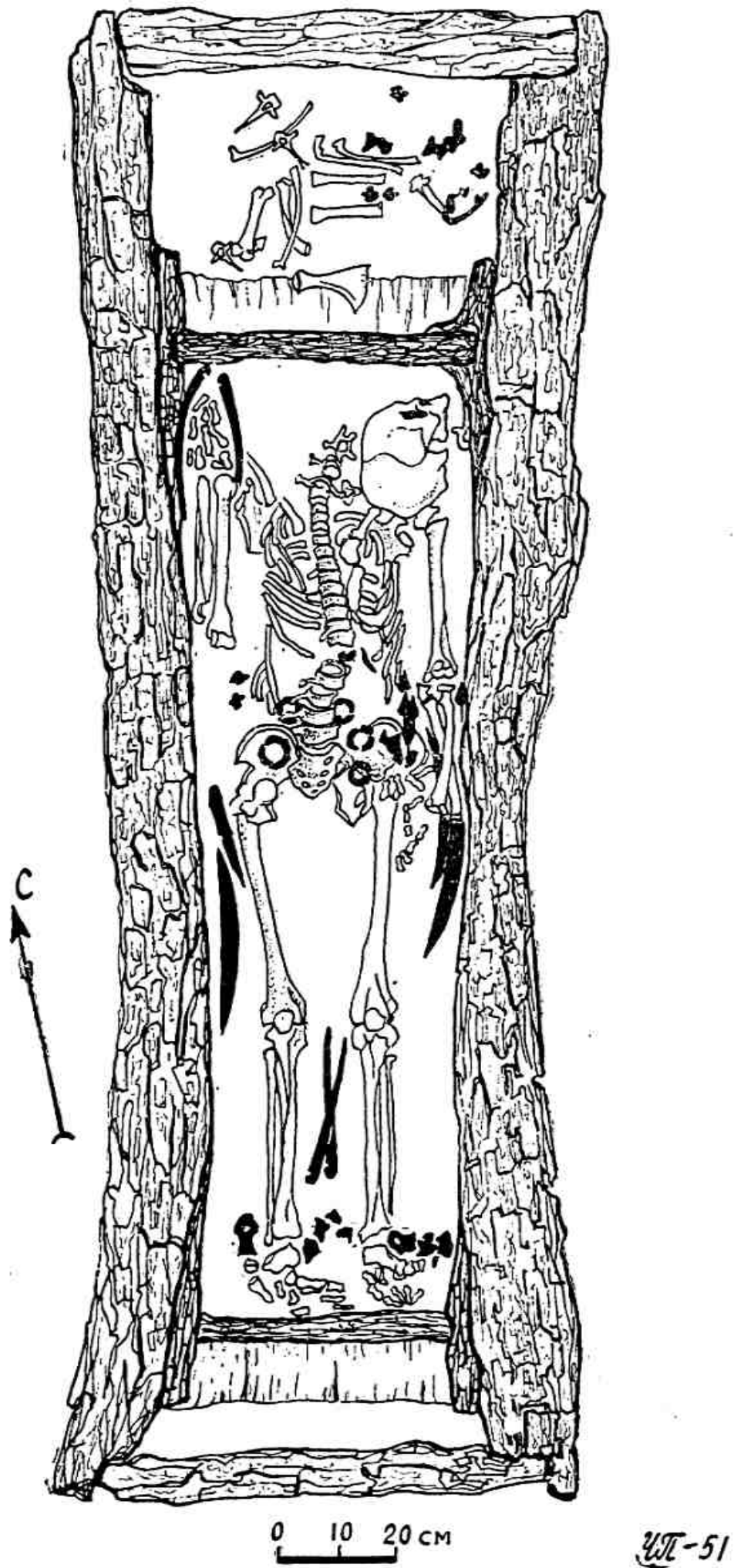

Рис. 87. ЧП-51. План сруба и гроба с остатками захоронения.

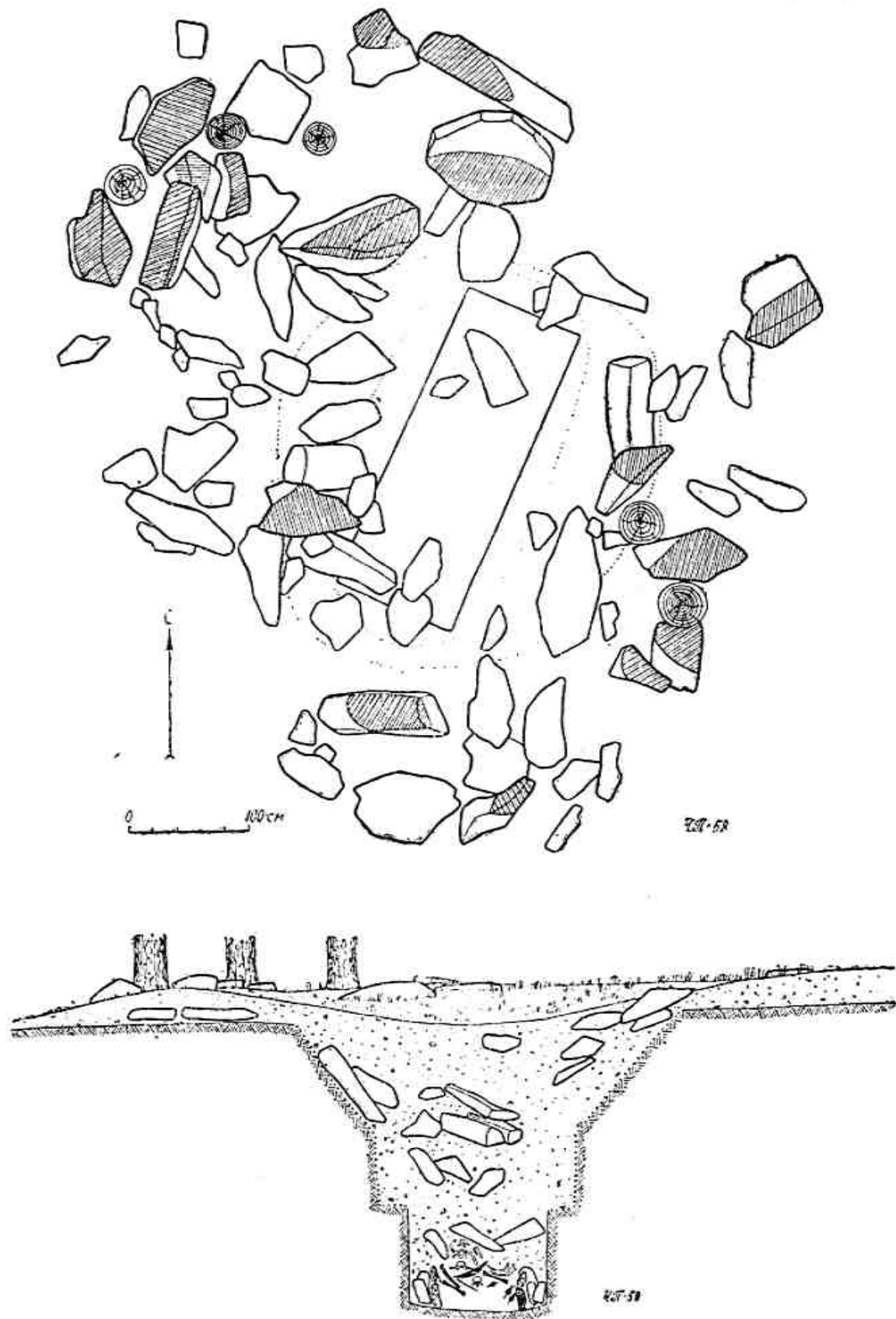

Рис. 88. ЧП-58. План и разрез погребения.

рогами, найденный в гробу рядом с человеческим черепом, возможно, принадлежит этому же животному.

Обследовав сруб изнутри, мы расчистили его снаружи, прокопав траншеи по бокам сруба, после чего он стал виден со всех сторон. Каждая стенка состоит из двух бревен. Верхнее бревно разрушено больше. Нижние бревна целы и выглядят мощнее, но тоже сплющились и деформировались. Гроб сделан из другого дерева. От крупноволокнистых лиственничных плах сруба древесина гроба отличается мягкой мелковолокнистой структурой и светлым оттенком. Стыковка стенок осуществ-

уровня стенок сруба. В процессе расчистки на дне гроба прослежены рыхлый темно-коричневый слой древесной трухи.

Погребение 58 снаружи было выражено круглой ямой, глубиной до 40 см, диаметром 4 м, окруженной валообразной кольцевой насыпью с редкими камнями, как бы случайно разбросанными вокруг ямы. Кладка состояла из довольно крупных плит и в плане имела неопределенную форму из-за скопления разбросанных камней преимущественно на северо-западной стороне (рис. 88). Создается впечатление, что плиты выброшены сюда грабителями из середины кладки.

Внутри кладки, ориентируясь по западине, мы заложили раскоп. Встретилось множество крупных плит, залегающих наклонно и вертикально, как бы падающих в яму. Из-за них было трудно определить контуры пятна, и только после извлечения их из ямы на глубине 120—130 см выявилось пятно овальной формы.

В пределах этого пятна на глубине 180—190 см видно прямоугольное пятно с четко обозначенными углами длиной 270, шириной 110 см.

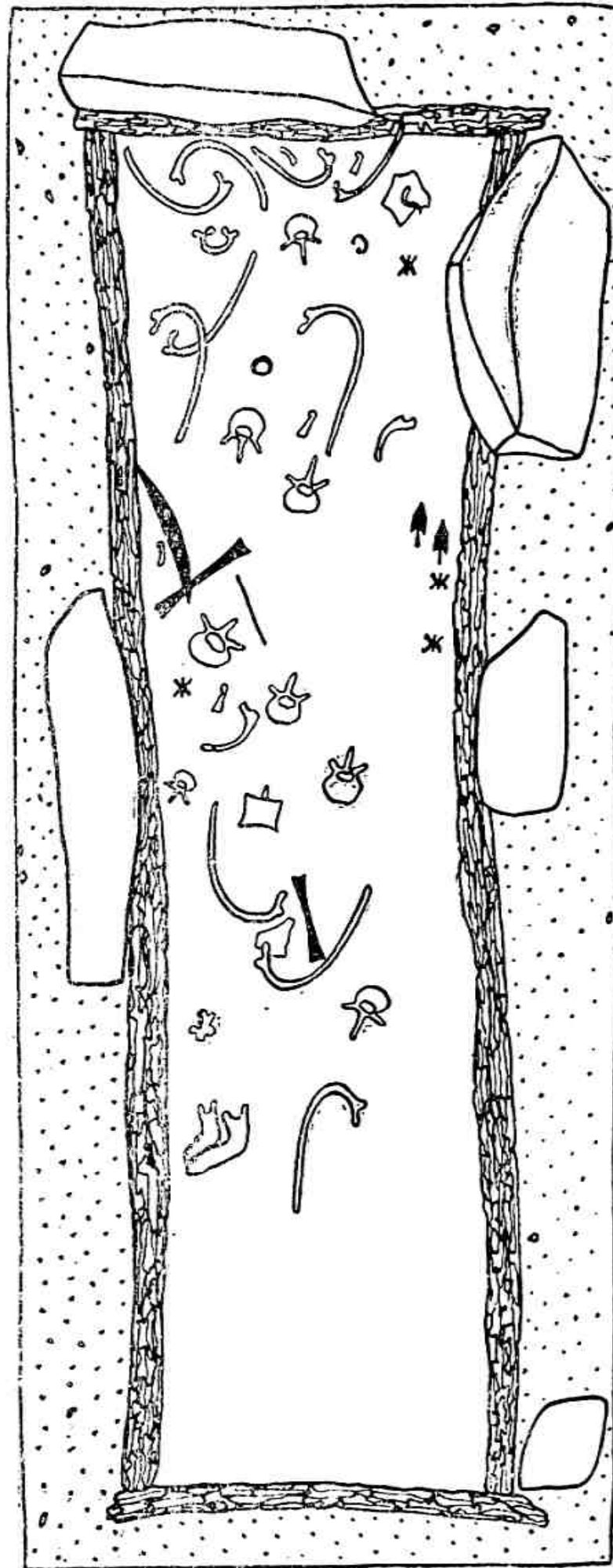
На глубине 160—190 см в южной половине ямы найдены крестец, несколько ребер человека, обломок человеческого черепа с верхними зубами и угольки. На глубине 180 см, в этом же районе найден обломок какой-то костяной поделки в виде продолговатой широкой пластины с отверстием на конце (табл. XVI, 10). Вещь изготовлена из разрезанной трубчатой кости крупного животного. На внутренней стороне обломка — следы ржавчины. Возможно, это какая-то обкладка металлического изделия, а вероятнее — половина составной рукоятки ножа.

На глубине 190—230 см в центральной части ямы обнаружены два-три человеческих ребра, столько же позвонков, еще один обломок черепа, один позвонок крупного животного (домашнего быка); из вещей — обломки накладок лука, круглая костяная палочка диаметром 6 мм, длиной 20,5 см (табл. XVII, 7); здесь же встретились ржавые кусочки железа и очень мелкие осколки дерева, частью обуглившиеся.

На глубине 250 см начался сруб (рис. 89). Он был обложен по сторонам несколькими вертикальными плитами. Длина сруба — 210 см, ширина в северном конце — 75, в южном конце — 70 см, высота — 35 см, толщина — 7—8 см. Задняя и боковые стенки составлены каждая из двух полубревен, гладко затесанных изнутри и полукруглых снаружи; количество бревен у передней стенки установить не удалось из-за плохой сохранности. Способ соединения стенок сруба определить невозможно из-за разрушенности бревен, но видно, что концы длинных стенок упираются в короткие. Признаков их скрепления не замечено.

Над срубом нет следов настила или крышки так же, как внутри его не наблюдалось остатков гроба. Настил и крышка могли быть выброшены грабителями, но гроба, кажется, не было вообще. Об этом свидетельствует одна неожиданная и странная конструктивная особенность погребальной камеры. Так как дно сруба было очень неглубоким, мы, прежде чем разобрать сруб, сделали его поперечный разрез посередине. В разрезе ясно было видно, что дно погребения, представляющее собой толстый (3—4 см) слой перегоревшей древесной трухи с примесью угля, проходит не по низу стенок сруба, а посередине между бревнами, как бы разделяя весь сруб пополам на верхнюю и нижнюю части. При этом ниже этой прослойки идет чистый песок без каких-либо находок.

Наконец, еще один непонятный момент — была ли в срубе перегородка? На южном конце, в 30 см от задней стенки сруба, обнаружена поперечная планка, своими концами опирающаяся на боковые стенки сруба. Это было похоже на «отсек», но при разборке поперечина оказалась лишь единственной палкой, а не перегородкой внутри камеры;

0 10 20 см

ЧП-58

Рис. 89. ЧП-58. План сруба с остатками захоронения.

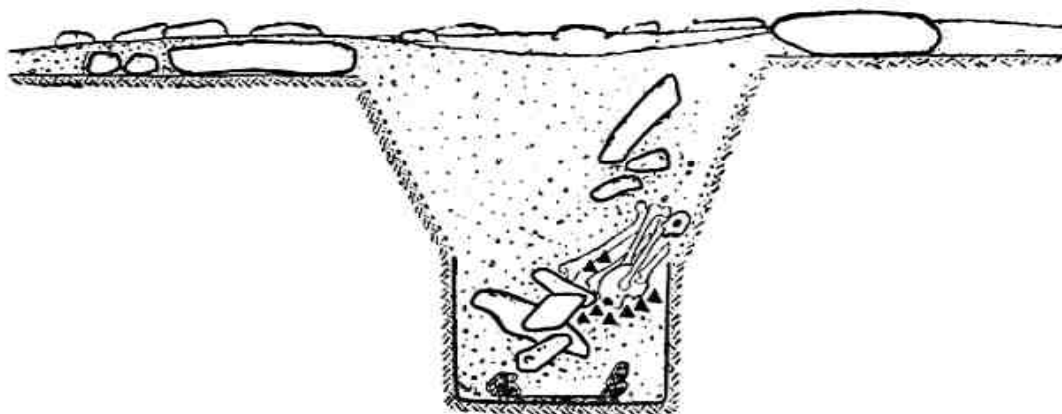
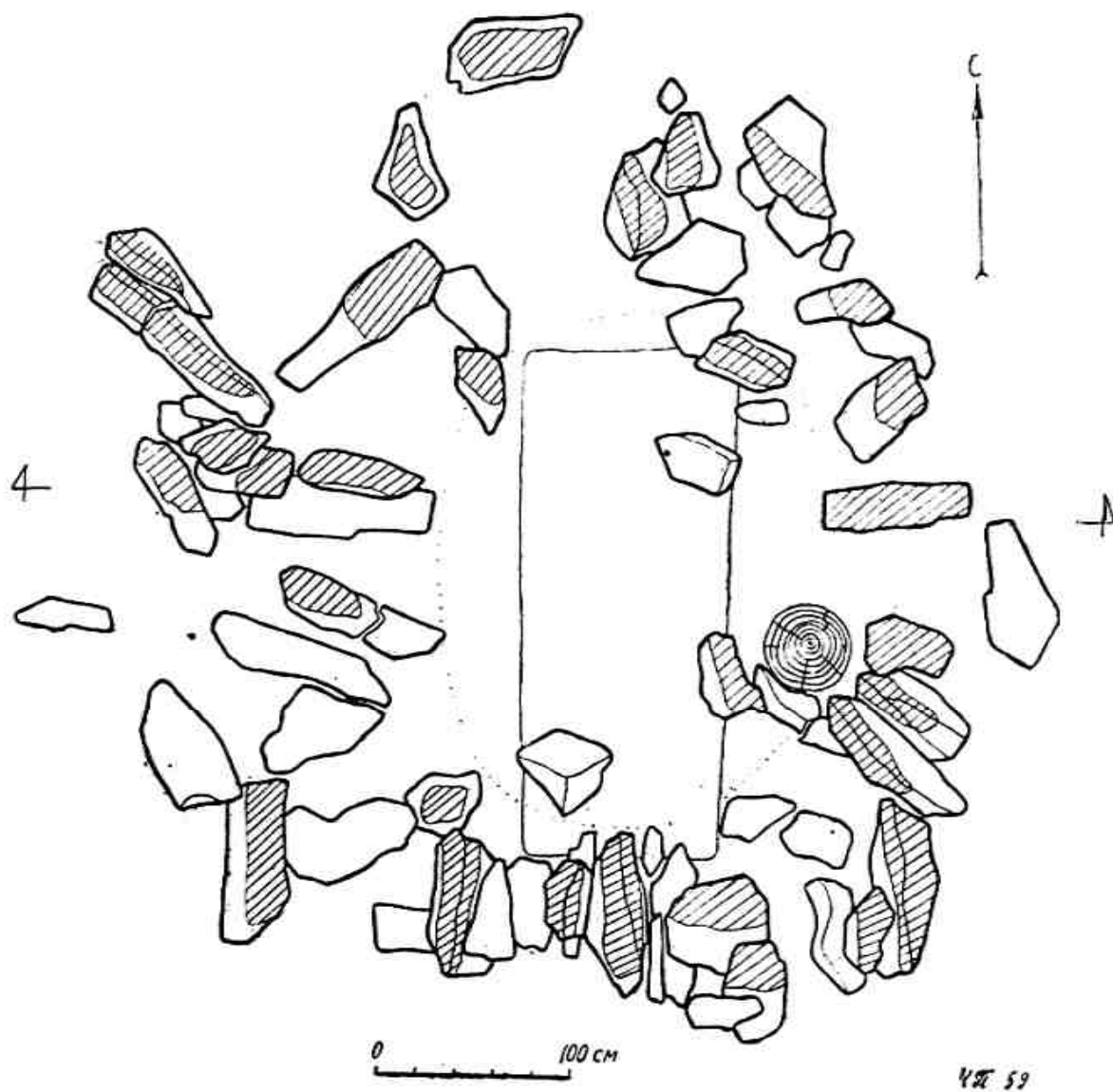

Рис. 90. ЧП-59. План и разрез погребения.

возможно, это была случайная перекладина или поперечная планка — опора для крышки (?).

Из вещей при расчистке камеры найдены: у восточной стенки, ближе к середине, остатки железных наконечников стрел с обломками насаженного древка; ближе к северной стенке — железное кольцо или пряжка с остатком ремня, осколки такого же кольца и неопределенные кусочки железа. В средней части сруба у западной стенки найдена тонкая костяная срединная накладка лука. По всему заполнению

сруба, особенно внизу, встречались кусочки угля и мелкие осколки дерева, иногда обугленные с конца, а также отдельные кости домашней козы.

Погребение 59. Снаружи имеется малозаметная небольшая западина — до 20 см, слегка вытянутая в меридиональном направлении, диаметром 3×2 м, окруженная довольно четким овальным кольцом видимых камней. Валообразная насыпь вокруг западины очень незначительна — высотой 10—15 см, диаметром по наружному краю 7×6 м.

После расчистки полностью обнажилась вся кладка (рис. 90). Камни лежали компактно, большей частью веерообразно, то есть продолговатые плиты в большинстве своем направлены радиально к центру. Хотя трудно говорить о форме, но складывается впечатление первоначальной квадратной кладки.

В юго-восточном углу раскопа на глубине 55—105 см тесным скоплением залегали камни, сваленные в кучу. При дальнейшей раскопке в этом месте на глубине 85—115 см вместе с камнями обнаружены кости человека: человеческий череп без лицевой и височных частей, некоторые кости ног и рук, позвонки и ребра, тазовая кость и крестец;

кости мелкого животного: череп, позвонки и ребра; и наконец, фрагменты горшка.

Горшок кринкообразный (рис. 91), бурого цвета, с черным нагаром внутри и частично снаружи, широкогорлый, со слегка отогнутым наружу и округленным венчиком, слабо выпуклый, почти боченкообразный. Под венчиком, вокруг шейки, прочерчены неровные скошенные волнистые линии в два ряда, переплетающиеся между собой. Поверхность сосуда, кроме горловины и придонной части, покрыта вертикальными и частично косыми бороздками от зубчатой лопаточки.

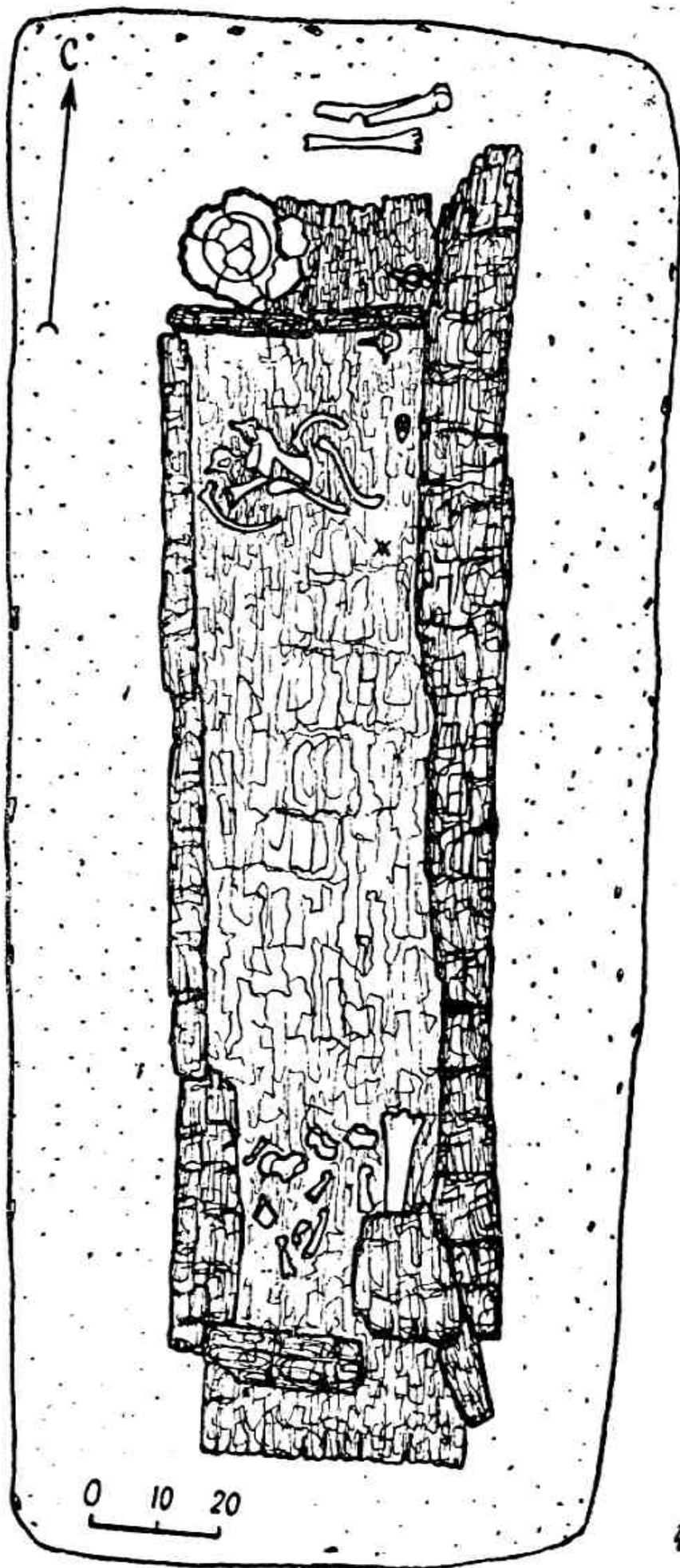
На глубине 165 см в северо-восточном углу ямы показалась восточная стенка сруба. От западной же остался только остаток нижнего бревна, а северная и южная стенки не сохранились вовсе (рис. 92). По следам сооружения мы пытались определить его размеры: длина — около 220—230 см, ширина 60—70 см. Восточная стенка сруба состояла из двух полубревен, затесанных изнутри.

Рис. 91. ЧП-59. Глиняный сосуд из погребения

Дно сруба — из трех досок, различных только в разрезе (горбылями вниз). Под днищем на концах имеются две поперечные планки в качестве опор. Обугливания днища и стенок сруба не наблюдалось ни изнутри, ни снаружи.

В южном конце в ногах сруба под остатком крышки на своем месте лежала левая голень с костями стопы; по сильно истлевшим остаткам обуви трудно было разобрать, из чего она была изготовлена. В головах на дне сруба в одну кучу были сдвинуты отдельные кости скелета: ключицы, обломки лопаток, позвонки, ребра, фаланги рук и несколько дру-

ЧП-59

Рис. 92. ЧП-59. План сруба и гроба с остатками захоронения.

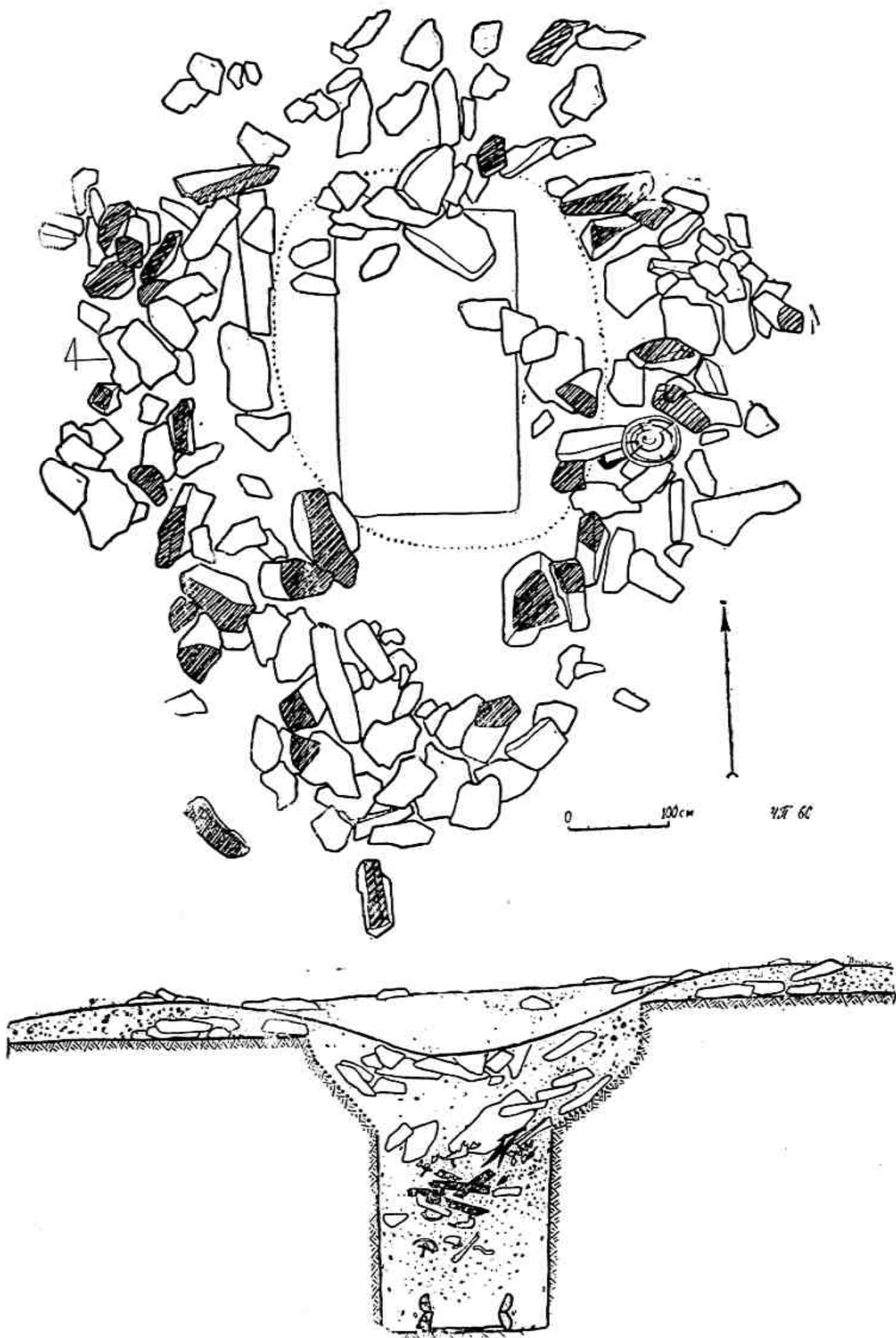

Рис. 93. ЧП-60. План и разрез погребения.

гих обломков. Отдельные косточки встречались по всему днищу и выше его, в заполнении сруба. Сохранность костей очень плохая.

В головном отсеке у западной стенки найдены донная часть горшка, фрагменты которого встречались выше, чешуйки лакового покрытия красного цвета; в пределах погребальной камеры у восточной стенки, на дне, найдены подвеска из зеленой яшмы, плоская, каплевидной формы, с косыми нарезками по краям (табл. XIX, 16); по соседству с подвеской, также у восточной стенки, обнаружен раздробившийся на три куса железный стержень — возможно, нож. У восточной стенки найдена голень мелкого животного.

По определению антрополога, это была погребена женщина старческого возраста, судя по костям и размерам внутренней камеры, небольшого роста — не более 150 см.

Погребение 60 имеет снаружи довольно крутую яму глубиной 70 см, окруженную кольцевой насыпью. Вокруг ямы на насыпи, а с южной стороны за ее пределами видны выступающие наружу камни, которые в плане образуют кладку неопределенных очертаний, не совпадающую с формой насыпи. Внутри углубления камней не видно.

После снятия верхнего слоя обнаружилась каменная кладка внушительных размеров, по наружным очертаниям напоминающая неправильный ромб или трапецию (рис. 93). Распределение плит неравномерное. При внимательном осмотре на отдельных участках среди беспорядочного развала камней можно различить плиты, лежащие как будто в первоначальном положении. По отдельным такого рода фрагментам кладки можно предположить первоначально четырехугольную форму, ориентированную углами по сторонам света с незначительным отклонением влево. Четко обозначенная круглая яма посреди указывала границы грабительского хода (рис. 94).

Оставляя бровку в направлении ВЗ, мы заложили раскоп по периметру ямы и углубились до уровня ее дна, где выделялось обширное, слегка овальное пятно темно-бурого цвета по краям и с черным запол-

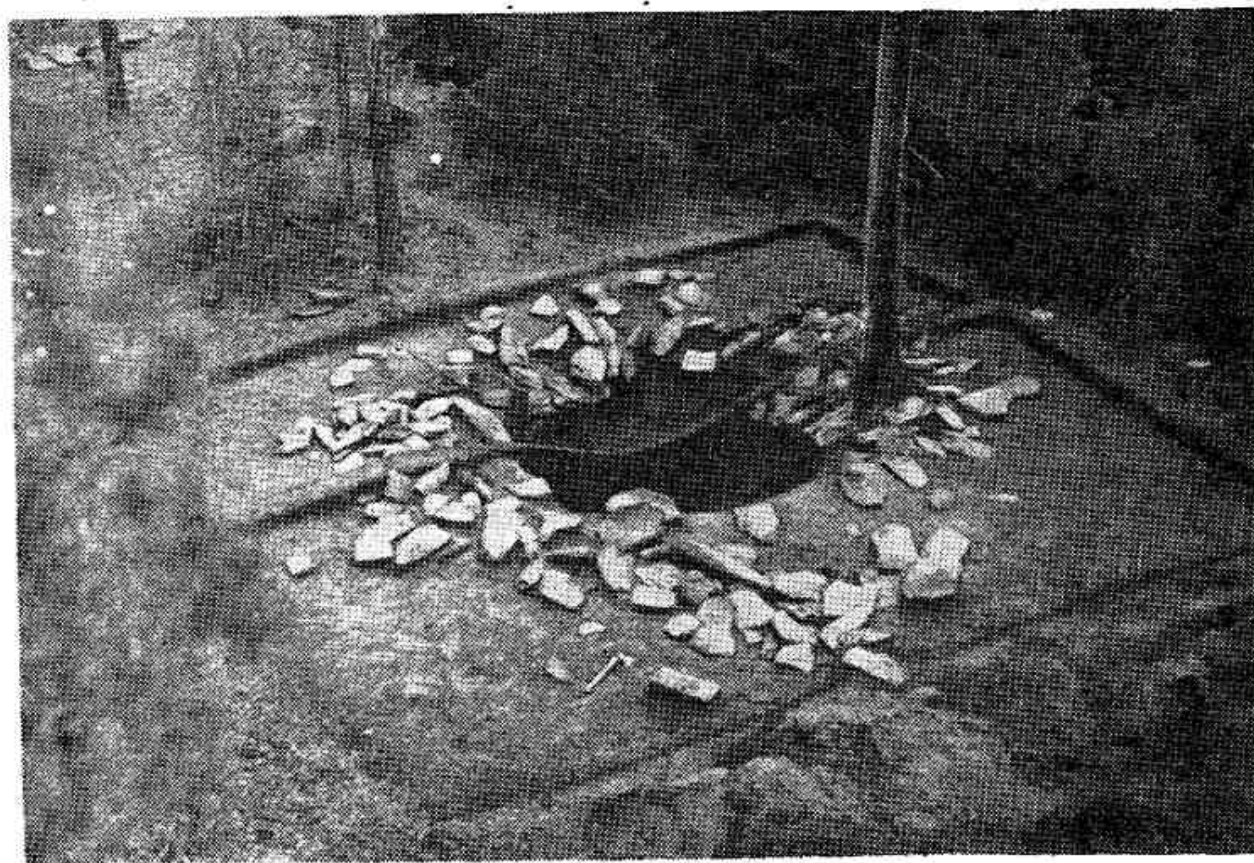

Рис. 94. ЧП-60. Погребение 60 в процессе раскопок.

нением посредине. На глубине 110—120 см это пятно превратилось в прямоугольное, довольно больших размеров: длина — 3 м, ширина — 1,8 м, с углисто-черным заполнением в центре. Такое заполнение грабительского хода шло до глубины 250 см. Разрез бровки был очень характерен и аналогичен предыдущим.

На разной глубине по всему заполнению ямы найдены кости человека, двух быков и трех коз, а также предметы погребального инвентаря. Изредка попадались кусочки дерева, иногда обожженные (обуглившиеся). Глубже, ближе к срубу, находки угля участились. На глубине 270—280 см в центре найдены два обломка обгоревших плах, сильно истлевших и раздробившихся. На глубине 260 см в северной половине ямы, ближе к северо-западному углу, лежал кусочек железа — остаток какого-то изделия. Несколько выше, у восточной стенки, ближе к юго-восточному углу, были замечены мелкие чешуйки лакового покрытия красного цвета.

На глубине 285—290 см показались стенки сруба. По сторонам сруба камней нет (рис. 95). Длина сруба — 240, ширина — 100 см. Боковые стенки состоят из двух толстых полубревен каждая. Концевые стены не такие мощные: северная сложена из трех плах, южная — из двух плах пошире и потолще. На концах боковых стенок есть вырезы, которые упираются своими торцами в короткие стенки. Общая высота сруба первоначально была, вероятно, около 45—50 см. Внутри сруба на расстоянии 60 см от его северной стенки имеется тонкая перегородка, разделяющая сруб на две части, концы ее сгнили и способ их стыковки со стенами не прослеживается. Дно сруба состояло из тонких (как и в большинстве раскопанных могил) досок, под которыми в качестве опор были положены две поперечные планки на глубине 330 см. Концы досок выступали за перегородку на 5 см. Отсек оказался без днища, что, возможно, является результатом действий грабителей. Таким образом, в этом погребении не обнаружено отдельной самостоятельной внутренней камеры в виде дощатого гроба. Возможно, ее не было вообще или она полностью была разобрана грабителями.

Остатки костяка и инвентаря беспорядочно рассеяны по всему срубу. В отсеке найден деревянный черпак (табл. XVIII, 13) с обломанной ручкой, покрытой слабой зеленоватой пленкой, которая легко отслоилась вместе с песком, но на дне ковша снаружи такой нагар сохранился в виде медного купороса, черпак был в свое время расколот и по трещине прошит кожаным шнуром. Кроме того, здесь найдены одна костяная палочка длиной 20,5 см, сечением в 4 мм (табл. XVII, 6) и множество кусочков железа — остатков различных изделий. По крупным кусочкам угадываются фрагменты железного кольца, перехваченного с одного края двумя ремнями (?). Все это похоже на принадлежности ремней или детали сбруи. Приблизительно в центре отсека и у восточной стенки найдены кусочки железа, вдоль северной стенки — кости животных (крупного и мелкого рогатого скота).

В основной камере кроме остатков скелета найдено много неопределенных кусочков железа, из которых несколько осколков можно принять за фрагменты железных колец или пряжек, аналогичных найденным в отсеке. У восточной стены напротив левого бедра найдено обломанное на части лезвие железного ножа, вправленного в кожаные ножны (табл. XVI, 1). В юго-восточном углу у боковой стенки найдены обломки накладок лука, а у западной боковой стенки — целая концевая накладка. Среди металлических вещей найден один мелкий осколок кольца (?) из белого сплава, круглая железная бляшка, прикрепленная к коже с помощью шпонки (табл. XII, 11); и, наконец, как в отсеке, так и в камере покойника встречались мелкие кусочки краснолакового покрытия.

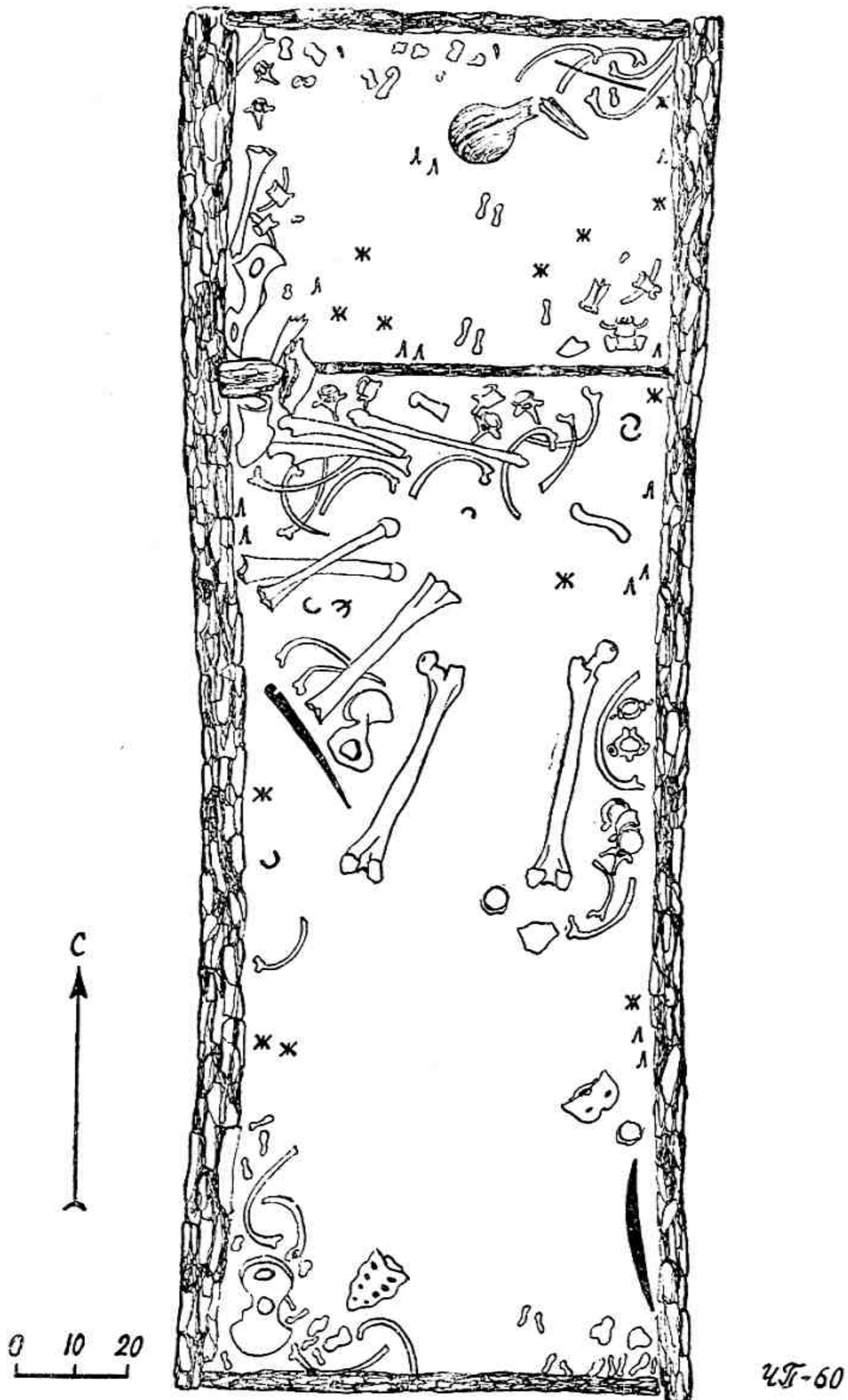
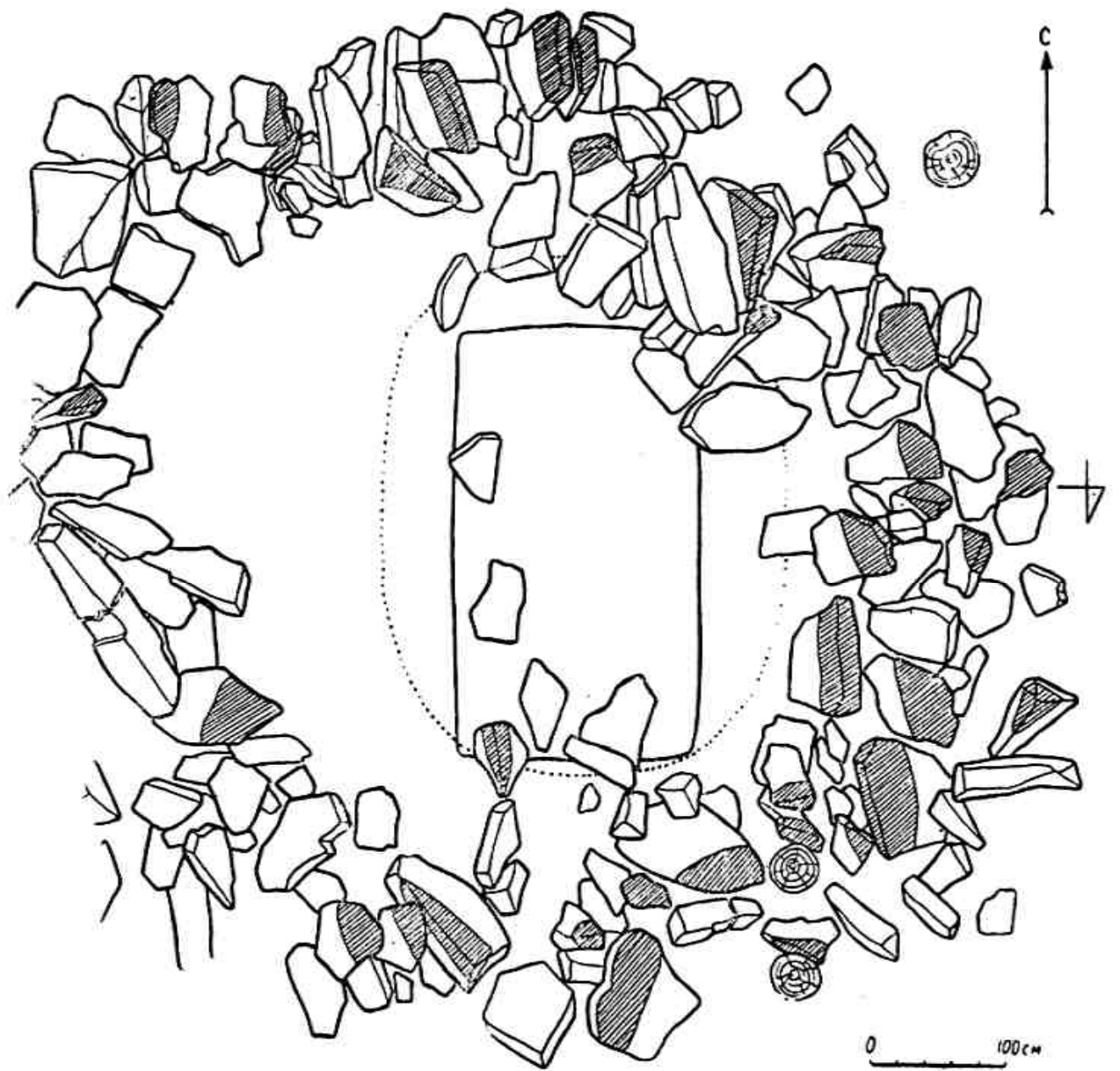

Рис. 95. ЧП-60. План сруба с остатками захоронения.

0 100 см
ЧП-61

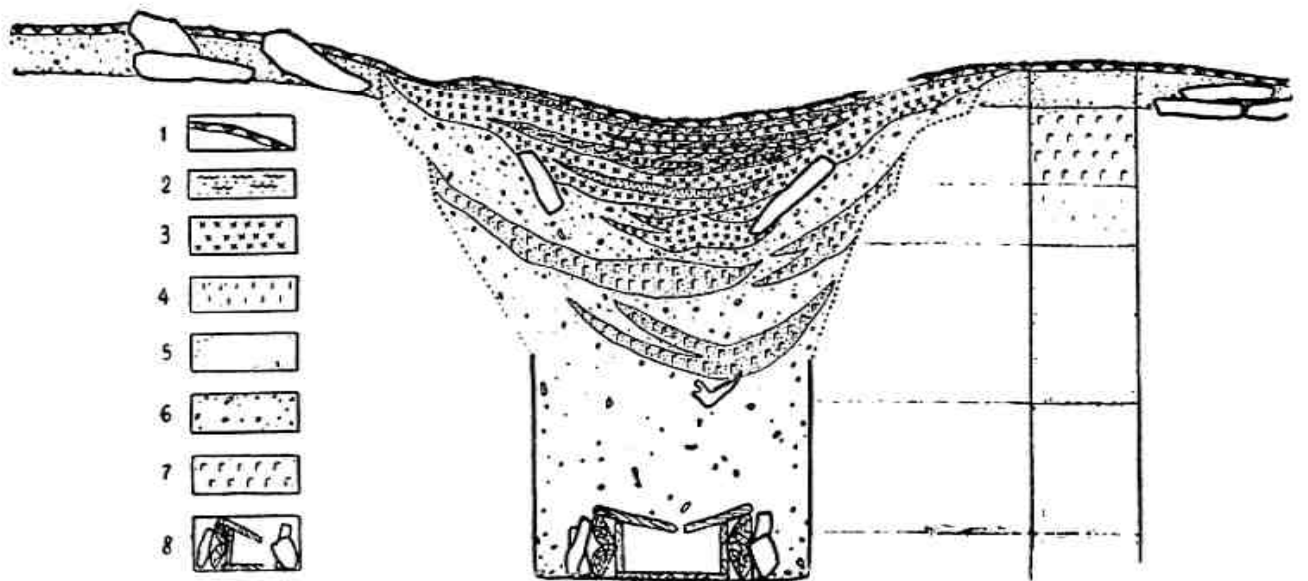

Рис. 96. ЧП-61. План и разрез погребения.

Погребение 61 снаружи представляет собой круглую и полую яму глубиной до 45 см, диаметром около 5—6 см, окруженную широкой кольцевой насыпью диаметром 9—10 м и высотой до 30 см, на которой видна цепь выступающих наружу камней.

После снятия слоя в 20 см полностью обнажилась вся кладка — мощная, из множества камней (рис. 96). Форма ее неопределенная, но с северо-западной стороны образуется отчетливый, немного тупой угол. Это наводит на мысль о том, что кладка могла иметь первоначально шестиугольную форму.

Не разбирая кладку, мы прокопали внутри кольца на глубину 80 см, пока не обозначилось обширное пятно овальной формы, окруженное черной углистой каймой. На юго-восточном конце пятна на глубине 90—100 см нашли скелет какого-то зверька, возможно, погибшего в норе. В поперечном разрезе яма имеет конусообразную, сужающуюся книзу форму. На глубине 180 см выявилось, наконец, строго прямоугольное очертание могильной ямы длиной 3,1, шириной 1,5 м. До глубины 160—170 см в северной половине ямы встречались плиты разных размеров — сброшенные грабителями камни.

Дойдя до глубины 200 см, сняли бровку и стали копать равномерно по всей площади. На глубине 290 см показались контуры сруба (рис. 97). Поперечными плахами (настилом) была покрыта вся южная половина сруба, сохранилось на месте 7 плах подряд, приблизительно одинаковой ширины — 23—25 см, с выпуклыми спинками — в виде горбылей толщиной 3—4 см.

Под поперечными плахами перекрытия на глубине 295 см выступали бревенчатые стены камеры. При снятии поперечных досок настила замечено, что под ними лежали продольные доски от крышки, внутренней камеры — гроба. Длина сруба — 290 см, ширина одинаковая в голове и в ногах — 96 см. Северная короткая стенка не сохранилась, кроме самой верхней плахи толщиной 5—6 см. Весь сруб претерпел значительную деформацию. Под давлением с боков стенки его прогнулись внутрь, а под давлением сверху (под настилом) бревна сплющились и сильно утолщились. Короткие (передняя и задняя) стенки сруба состоят из трех полубревен каждая, боковые же сложены из двух полубревен потолще. Общая высота стенок в сплюсненном состоянии — 40 см, первоначально же она была выше. Сруб был без дна.

В погребальной камере помещался гроб с покойником, сделанный из досок толщиной 3—4 см. Ширина гроба в ногах — 45 см, длину установить не удалось, высота — около 30 см. Стенки состояли из одной цельной шириной доски каждая. Стыковка их произведена следующим образом: на концах боковых стенок вырезано по два квадратных отверстия, в которые входили соответствующие им шипы на торцах концевых стенок. Сверху гроб закрывался крышкой из досок; снизу дощатое дно, до 2 см толщиной, лежало на 5 см ниже стенок сруба на двух поперечных планках. Следов обожжения нигде не замечено.

В отсеке на разных глубинах найдены кости домашней козы — не менее двух особей: челюсти, позвонки, фаланги, крестец, подъязычные косточки и ребра. Из вещей в отсеке найдены: остатки железных изделий в виде колец и пряжек с язычком, одна костяная палочка, слегка искривленная, длиной 20 см, диаметром 4 мм (табл. XVII, 8), одна непонятная костяная поделка в виде коротенькой трубочки (обоймы) длиной 2 см и диаметром 1,6 см (табл. VIII, 10), изделие из рога в виде грубо обесанной колоколовидной гири с отверстием для подвешивания высверленной полукруглой ямкой сбоку, высотой 5 см, в сечении овальная — 2,3×2,6 см, служащее приспособлением для упора деревянного вращающегося стержня при добывании огня трением (табл. XVIII, 11). На дне

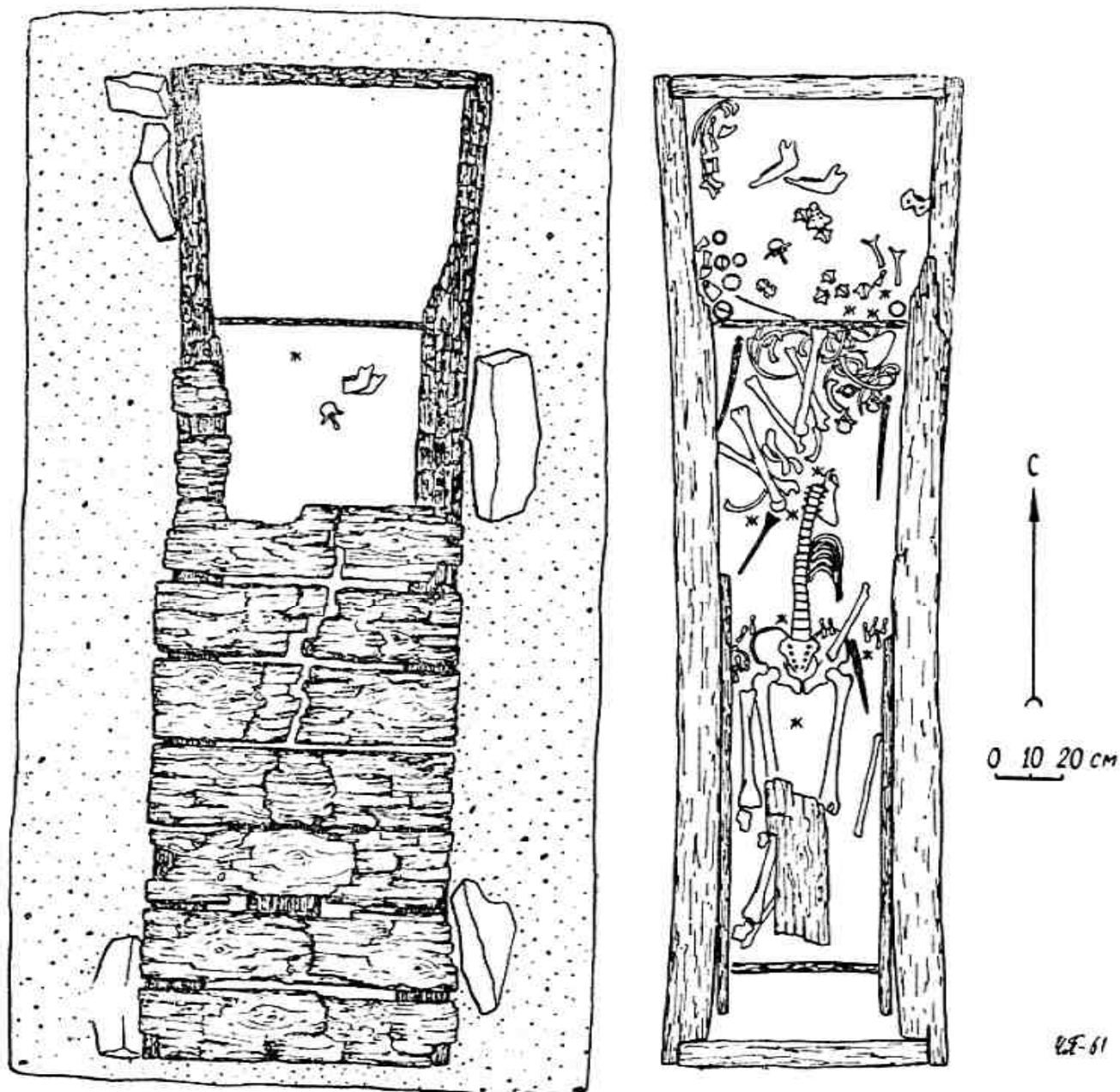

Рис. 97. ЧП-61. План сруба и гроба с остатками захоронения.

отсека обнаружена неровная тонкая прослойка темного цвета, в которой встречаются редкие мелкие угольки.

Погребение разграблено. Остатки костяка и инвентаря в разобранном, беспорядочном состоянии. Черепа нет. На своем месте лежали бедра, таз и половина позвоночного столба, а все остальное — голени, стопы, руки, ребра, грудная клетка, шея, голова — оказалось разбросанным. Останки принадлежали мужчине зрелого возраста.

Из вещей в гробе найдены две концевые и одна промежуточная накладки лука (в обломках) у боковых стенок; железный нож с деревянной рукояткой в области таза с левой стороны (табл. XVI, 2); рядом с ножом — разложившаяся в порошок желтоватая масса со следами ржавчины, может быть, остатки кожаных ножен; несколько бесформенных кусочков железа от каких-то изделий в области таза справа между бедер и в области шеи, два из них напоминают осколки деревянных стрел с насаженными черенками от наконечников.

Погребение 62 снаружи имеет вид пологой западины до 30 см. диаметром около 4 м, окруженной довольно расплывчатой невысокой насыпью, которая хорошо заметна лишь с западной стороны, а с восточной — смыкается с насыпью 61-й могилы. Выступающих на поверхность насыпи камней было мало.

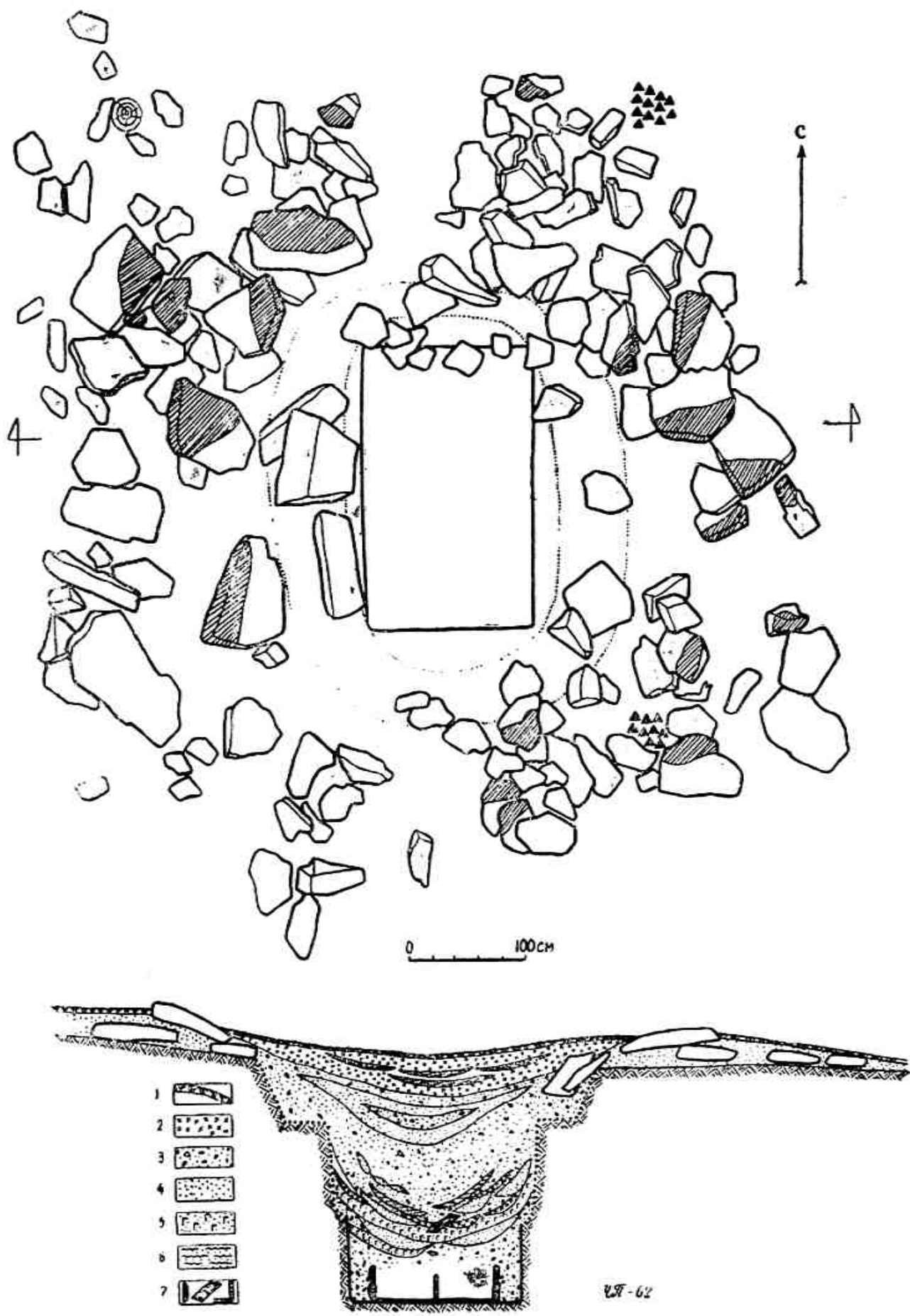

Рис. 98. ЧП-62. План и разрез погребения.

После снятия верхнего слоя обнажилась обширная каменная кладка прямоугольной формы, соединяющаяся с кладками соседних могил (рис. 98). Камни расположены неравномерно, скоплениями в юго-западном, северо-восточном и северо-западном углах.

Среди камней на юго-восточной стороне кладки на глубине около 20 см найдено несколько фрагментов глиняного сосуда. Такие же черепки обнаружены на северо-восточной стороне за пределами кладки. Все фрагменты принадлежат одному сосуду такого же типа, как и сосуды из 7, 13, 15, 39, 59-й могил (табл. XXV, 1—6). На восточной стороне кладки у наружного ее края встречен обломок челюсти молодого животного.

На глубине 100 см наметилось четкое овальное продолговатое пятно со строго меридиональной ориентировкой размерами 3×1,8 м. По мере углубления ширина пятна сокращалась, и на срезе бровки были видны ступенчатые уступы грабительского хода. Стратиграфия заполнения была типичной для многих предыдущих могил. На глубине 170 см пятно стало прямоугольным, размерами 230×150 см, сохраняя меридиональную ориентировку. Таким образом, первоначальная могильная яма прослеживалась начиная только с 160—170 см.

В заполнении грабительского хода на разной глубине преимущественно в северной половине встречено много камней, а в южной, ближе к центру, в толще погребенного черного гумуса — горелая плаха, угли и вокруг них красноватое пятно горелости, перемешанное со светлой супесью.

На глубине 200 см показались контуры прямоугольной камеры длиной 218 см, шириной на северном конце 120 см и южном — 100 см, ориентированной своей длинной осью в строго меридиональном направлении (рис. 99). При расчистке выяснилось, что это не сруб, какой встречался нам до сих пор, а несколько необычная погребальная камера из досок с тонкими стенками, разделенная пополам еще более тонкой продольной перегородкой. Иных признаков внешней и внутренней камеры, а также остатков перекрытия нет. Стенки камеры составлены из двух тонких (3—4 см) плах каждая, общей высотой в 25 см (первоначально, несомненно, была больше). Способ соединения стенок по углам установить невозможно. На северной, западной и восточной стенках замечены следы обожжения по верхнему краю. Днища нет. Вместо него идет темная, со следами горелости, прослойка. В заполнении камер много горелых пятен, особенно в изголовье, где встречены угольки и остатки обгоревших досок.

Погребение оказалось парным. В нем находились разрозненные остатки двух покойников, разделенных друг от друга тонкой перегородкой. Кости были перемещены на северную половину камер. Сохранились черепа, которые лежали приблизительно там, где им и следовало быть, но в ином положении. Череп из левой половины камеры был проломлен в затылочной части и лежал лицом вниз. Рядом найден грудной позвонок молодого быка или коровы. В правой половине камеры череп лежал на правом боку, лицом к северо-восточному углу. Кости здесь, кажется, чуть крупнее, чем в левой половине. В изголовье найдены две кости быка или коровы — ребро и позвонок.

В обеих камерах много остатков железа в виде неопределенных спекшихся кусочков, на значительной части которых обнаружены прилипшие остатки ткани. Можно различить некоторые вещи: в правой камере — кольца и осколки от них, кольцеобразная пряжка с остатками ткани и кожаного ремешка на ней, обломки лезвия ножа, непонятный фрагмент комбинированного изделия из дерева и железа; непонятный ошлакованный кусочек с прилипшей тканью и тонким налетом позо-

лоты (?); в левой камере — пряжка с остатком кожаного (?) ремешка и оттиском ткани, обломок лезвия ножа с прилипшим куском дерева и прошитой тканью, осколки железных колец иногда с остатками кожаных ремешков и оттисками ткани.

По определению Н. Н. Мамоновой, здесь были похоронены две женщины с родственными чертами, возможно, сестры.

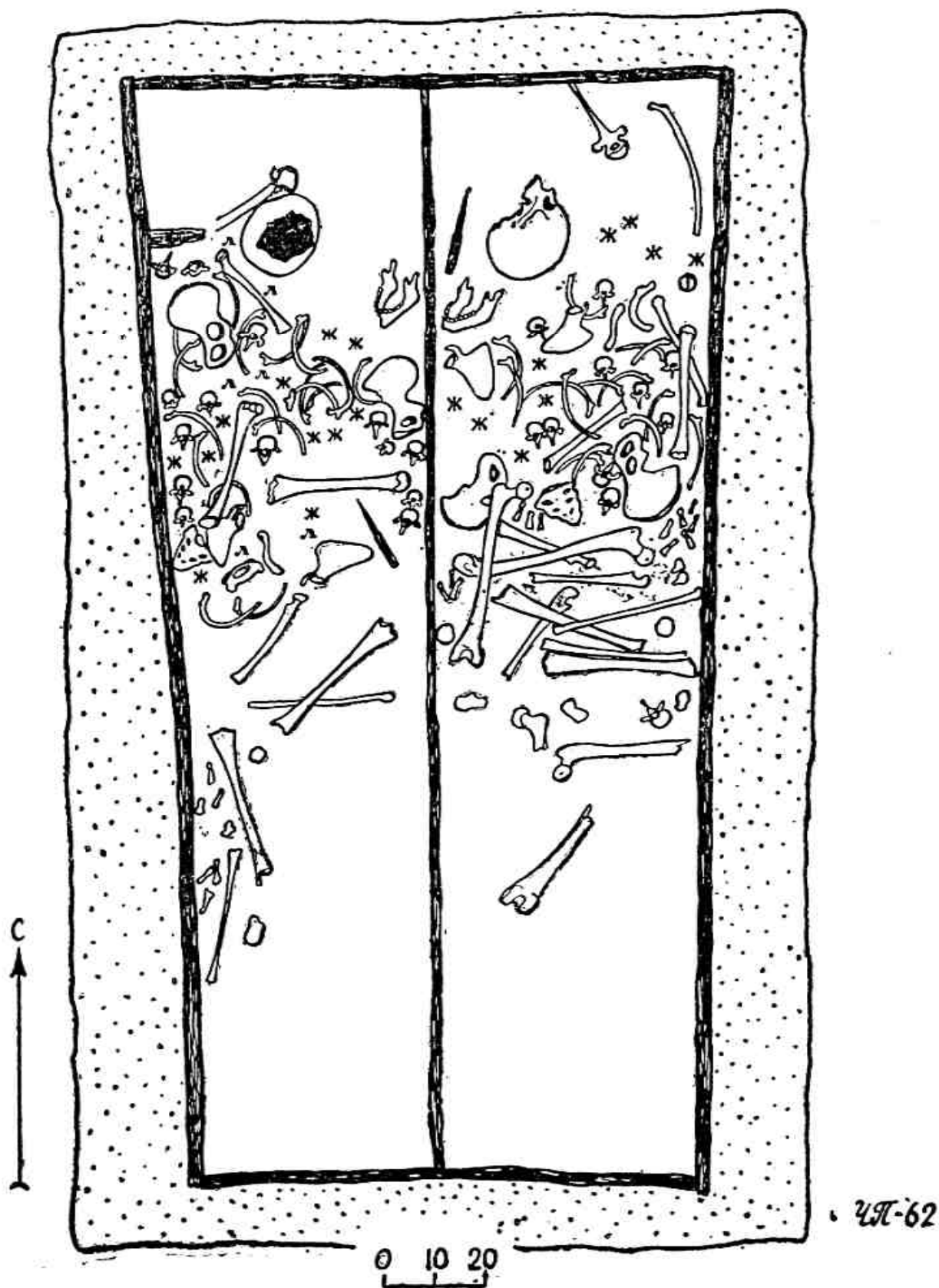
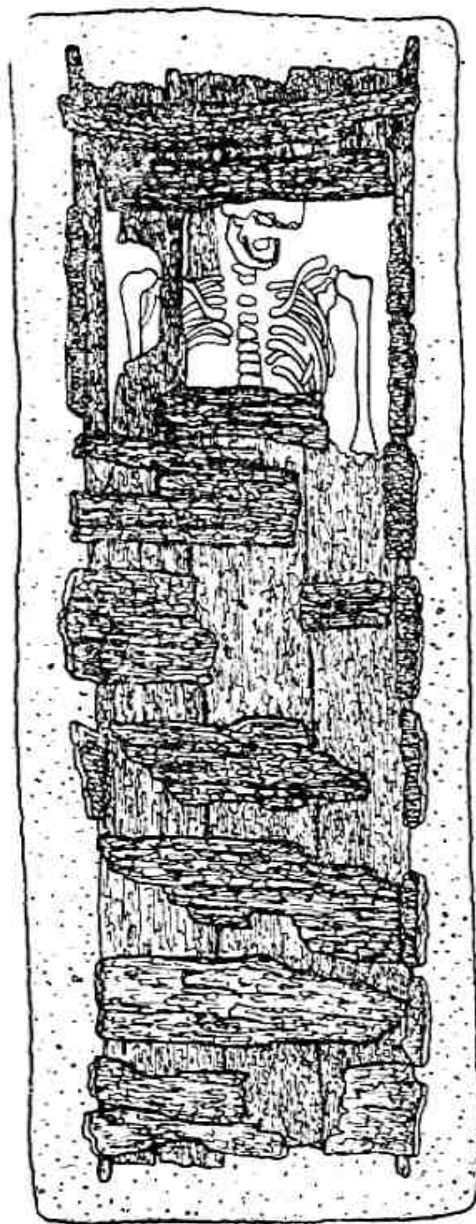
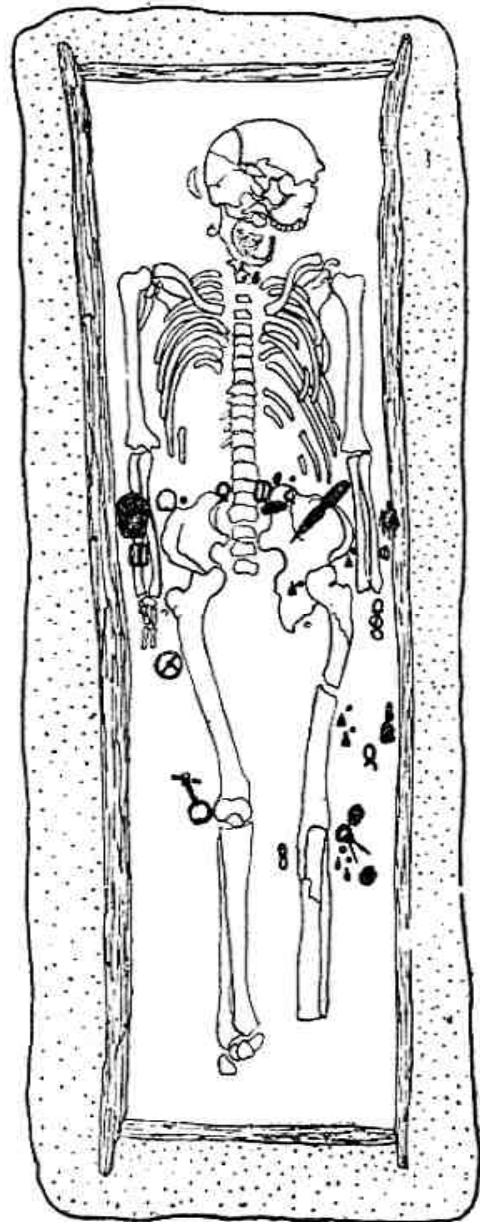

Рис. 99. ЧП-62. План погребальной камеры гроба для парного захоронения.

10 см

ДК-28

0 20

ДК-28 г

Рис. 100. ДК-28. План и разрез погребения.

Дэрестуйский Култук

Могильник был открыт в 1900 году Ю. Д. Талько-Грынцевичем на левом берегу р. Джиды в крутой излучине, в 8 км выше с. Дэрестуй. Ю. Д. Талько-Грынцевич раскопал там 26 могил¹⁹.

В 1929 году Г. П. Сосновский посетил Дэрестуйский Култук, но не обнаружил там новых погребений. Он опубликовал небольшую работу о могильнике, в которой впервые определил его место среди хуннских древностей Забайкалья и Монголии²⁰. В 1949—1950 годах поиски А. П. Окладниковым новых могил в Дэрестуйском Култуке снова были безуспешными, и был произведен лишь сбор подъемного материала.

В 1955 году места раскопок Ю. Д. Талько-Грынцевича посетила экспедиция Бурятского филиала СО АН СССР. Состояние памятника не давало повода к большим надеждам. Вся местность на левом берегу р. Джиды, представляющая пологий склон, обращенный к северо-востоку, в прошлом была неоднократно перепахана, а оставшиеся участки и ныне подвергнуты выветриванию. В обширных, уже заросших травой котловинах выдувания наблюдались россыпи камней — остатки разрушенных могил. Пробный раскоп, заложенный на одном из таких объектов — группе камней с чуть заметной западиной посередине — ничего не дал. По-видимому, все содержимое могилы выветрилось.

Казалось, подобная участь постигла все могилы Дэрестуйского Култука. Однако при повторном посещении этого места в 1968 году неожиданно нам удалось обнаружить на выдувах новые погребения, в том числе и неограбленные.

Погребение 28 находилось на старых выдувах²¹. Снаружи оно выглядело как незначительный бугорок диаметром 5×6 м, высотой до 50 см, из которого чуть-чуть выступали несколько мелких камней (см. рис. 100, разрез). Среди них найден железный наконечник лопаты (рис. 103; табл. XV, 9).

На глубине 135 см от поверхности бугорка появились каменные плиты, лежавшие плашмя в один ряд. Под ними выступили контуры погребальной камеры гроба (или сруба?), вокруг которой четко обозначалось прямоугольное пятно могильной ямы. После расчистки поверхности погребальной камеры было видно, что она не тронута человеком. По размерам ее следует назвать гробом, хотя сверху идут поперечные доски, как у срубов. Поперечные и продольные доски перекрытия местами пострадали от осевших на них камней.

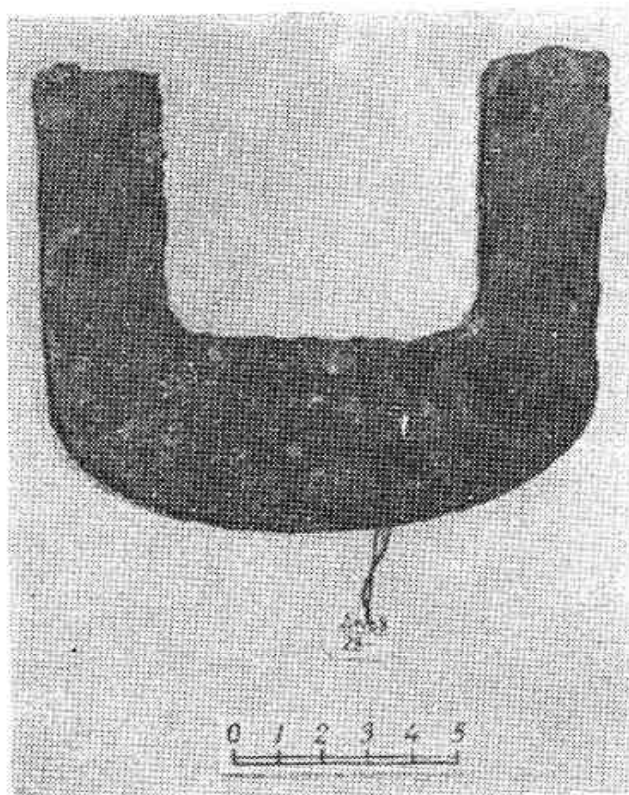

Рис. 103. ДК-28. Железный наконечник лопаты.

¹⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеознанию Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», т. III, вып. 2—3; 1900; т. IV, вып. 2. 1901.

²⁰ См.: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1—2

²¹ Погребение № 27, раскопанное нами в 1968 году, относится к более позднему (древнетюркскому) времени.

Стенка гроба — из тонких досок. Из-за плохой их сохранности не удалось проследить способ стыковки стенок, но было видно, что концы боковых выступают за поперечные, что говорит об общепринятом у хуннов способе скрепления стенок. На дне лежала плотная слежавшаяся труха — остаток сгнивших досок.

Расчистка захоронения была трудной из-за плохой сохранности костей и обилия железных предметов, легко рассыпавшихся под ножом и кистью; многие приходилось брать сразу же, зафиксировав их на плане.

Труп был положен головой на север, на спине, в вытянутом положении.

На правом боку ниже локтя из-под стенки гроба выступала тонкая золотая пластинка яйцевидных очертаний с усеченным узким краем, размерами приблизительно 8×10 см, с рельефным изображением (табл. XXI, 3). Рельефное тиснение на ней изображает сцену нападения грифона на горного козла (см. также рис. 101). Аналогичная пластина, но с изображением барана вместо козла, была найдена Ю. Д. Талько-Грынцевичем в погребении 21 этого же могильника. Таким образом, в Дэрестуйском Култуке пока найдены две пластинки со сходным сюжетом и стилем изображения.

Рядом с пластинкой лежали железная прямоугольная пряжка с язычком, круглое кольцо и мелкая круглая бусина. Другая бусина поменьше найдена с левой стороны над тазовой костью. Там же обнару-

Рис. 101. ДК-28. Золотая пластинка от поясной бляхи.

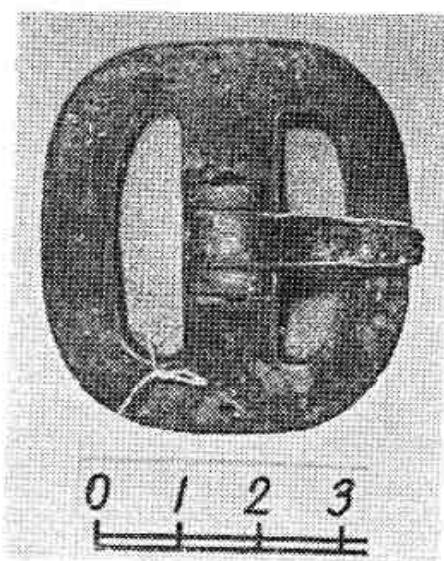

Рис. 102. ДК-28. Бронзовая пряжка.

жена раковина каури. На животе, между тазовыми костями, найдены прямоугольная пряжка с язычком, осколки железа в виде фрагментов колец с прилипшей тканью и мелкая бронзовая полукруглая пряжка с прямым основанием.

С правой стороны на уровне таза и головки бедра между рукой и тазом найдены два осколка тонкого бронзового колечка. Ниже, у середины правого бедра, на конце кисти руки у стенки лежала бронзовая пряжка овальной формы с перемычкой посередине, к которой прикреплен язычок (табл. XII, 26; рис. 102).

На левом боку на поясе был железный нож в кожаных (?) ножнах и в обертке из ткани (или просто приставшая ткань?). На этом же уровне у самой стенки гроба — группа железных наконечников стрел, два трехлопастных коротких, один плоский листовидный и один миниатюрный плоский с вогнутым основанием. На спекшихся между собой наконечниках были видны обрывки бересты, по-видимому, остатки колчана.

Ниже пояса, ближе к колену, с левой стороны были остатки кожаного изделия, напоминавшего мешочек или кошелек из мягкой темной кожи наподобие замши, и рядом с ним, чуть выше — какие-то узкие и тонкие (0,5 мм) ленты с крашеной (в черный и красный цвет) лакированной поверхностью. Когда среди множества бронзовых колокольчиков и связанных с ними попарно круглых полусферических бляшек с квадратными скобообразными петельками были найдены две бляхи, у которых под шляпками сохранилась кожаная прокладка, покрытая таким же слоем блестящего черного лака, стало ясно, что упомянутые цветные ленты были лаковой пленкой какого-то изделия.

Шесть бронзовых колокольчиков, соединенных с такими же бляхами, располагались по всему левому боку: начинались от пояса и кончались ниже колена, из них два — в области таза, рядом с ножом, два — на середине бедра у кошелька и два — ниже колена вместе с бесформенными кусками железа. Между наконечниками стрел и кожаным мешочком найдены две или три разные железные пряжки.

И, наконец, с обеих сторон у коленей и ниже найдено большое количество железа. Трудно было разобрать, что это такое. У левого колена — сплав каких-то круглых плоских пластинок с бесформенной спекшейся массой. В последней как будто бы различается сцепление двух половинок удил. У правого колена — тоже спекшаяся масса, в которой различается обломок, похожий на удила с плоским кольцом. Между коленями обнаружена железная петля с перехватом посередине. Аналогичные изделия встречены в Ильмовой пади. На кусках железа возле коленей покойника имеется прилипшая ткань.

Череп был частично раздавлен камнем, лицевая часть раздроблена, но черепной свод цел, хотя и деформирован. Бросается в глаза большая толщина черепных костей. Нижние зубы сохранились все.

При снятии черепа в области шеи найдены две мелкие бусины — одна бирюзовая, плоская, другая — сердоликовая, граненая, диаметром 5—6 мм, прозрачно-коричневого цвета. Здесь же найдены бирюзовая подвеска из естественного осколка с подшлифовкой острых граней, в целом продолговатая, неправильной формы с отверстием на узеньком конце; застежка от серьги (?) — тонкая свернутая кольцом проволока из нержавеющей белого сплава, на которой имеется петелька для подвески. Однако бирюзовая подвеска не надевается на эту застежку: маловато отверстие. По-видимому, она была нанизана на более тонкую нить, привязанную к застежке.

Кости в плохой сохранности. Левая кисть и стопа рассыпались при расчистке. Немногим лучше правая кисть, левое бедро и голень. По характеру костей (довольно тонкие, изящные) и по х-образной фигуре ног скелет кажется женским, но вызывает сомнение большая ширина плеч. В инвентаре погребения тоже есть противоречия: украшения, нож и наконечники стрел — в одном сочетании, но инвентарь в целом склоняет нас к мысли, что захоронение мужское. Возраст погребенного, по нашему предположению, 50—60 лет.

Погребение 29 расположено в 15 м к ССЗ от 28-го, снаружи это чуть заметный бугорок диаметром 2×2,5 м с несколькими едва выступающими камнями. Когда сняли насыпь, камни оказались мелкими и глубоко не залегали.

На глубине 70 см от поверхности насыпи выступили контуры гроба в виде коричневых линий, длиной около 170 см (ширину определить не удалось), ориентированного на ССВ—ЮЮЗ на 5—10°. Непосредственно над гробом было несколько камней средней величины. Обозначилось и пятно могильной ямы, которое оказалось немного темнее окружающей светлой плотной супеси.

Сохранность гроба очень плохая: прослеживались лишь крайняя задняя доска от крышки и остатки четырех поперечных досок над ней— две с концов и две посередине.

Под остатками перекрытия погребения оказался раздавленный и истлевший костяк. По хрупкости и тонкости костей, по черепу и зубам было видно, что это детское захоронение, возможно, подростка 12—13 лет, но довольно большого роста. Череп при расчистке и снятии весь развалился. Также не удалось в целости взять и скелет. Даже от длинных костей не осталось целых экземпляров.

Сразу же на уровне верхних досок показались железные изделия. В ногах было большое скопление железа, в котором после расчистки различались детали узды: трензеля пропеллеровидные и обломки удила с кольцами (табл. VI, 8).

На шее покойника найдены разнокалиберные бусы — 6 штук, среди них самая крупная, диаметром 7—8 мм, из зеленой яшмы или малахита (?), другая помельче из сероватого хрупкого материала. Здесь же с правой стороны черепа найдена мелкая бирюзовая подвеска из осколка с сохранением его естественной формы с подправкой острых граней, аналогичная таковой из погребения 28.

На животе, ниже груди, найдена большая железная полукруглая с прямым основанием и с язычком пряжка с прилипшей на ней тканью. Ниже пояса справа и слева — множество разных железных пряжек (прямоугольных, квадратных, полукруглых) с язычком. Слева ниже пояса лежал нож с узким клинообразным лезвием и деревянной рукояткой, весь обвернутый тканью. Фрагменты ткани наблюдались и на других железных изделиях и их обломках. Прослеживалась ткань двух сортов: мелкого плетения, тонкая, как шелк, и крупного плетения, грубая.

Дно погребения было отмечено тонкой коричневой прослойкой — следами истлевших досок.

Погребение 30 снаружи представляло собой группу камней, выступавших на кочковатой поверхности старых выдувов. При снятии верхнего слоя в 20 см открылась каменная кладка вокруг показавшегося гроба. Часть камней лежала непосредственно на нем и при их снятии обнаружилось, что они изрядно повредили сооружение (рис. 104).

Было ясно, что погребение потревожено и трудно сказать, как выглядело оно первоначально: была ли только боковая обкладка или сверху над гробом тоже были уложены камни.

Боковая обкладка гроба состояла из сплошного ряда камней, поставленных на ребро, причем мелкие плиты были сложены в два ряда. Ориентировка гроба почти строго меридиональная, размеры — 2×0,6 м. У северо-восточного угла за пределами гроба лежал череп, перевернутый основанием кверху. Челюсть отсутствовала. Высоко на уровне камней обкладки торчком выступала правая бедренная кость.

Перекрытие гроба сохранилось частично только в ногах, где оставались две поперечные плахи и концы продольных досок крышки. Под ней обнажились массивные стены гроба. Передняя стенка гроба сохранила свое вертикальное положение, без деформации, высота ее — 30 см. Внутри гроба найдены обломки длинных костей рук и ног, одна половина таза, ключица, грудная косточка, ребра, несколько разложившихся

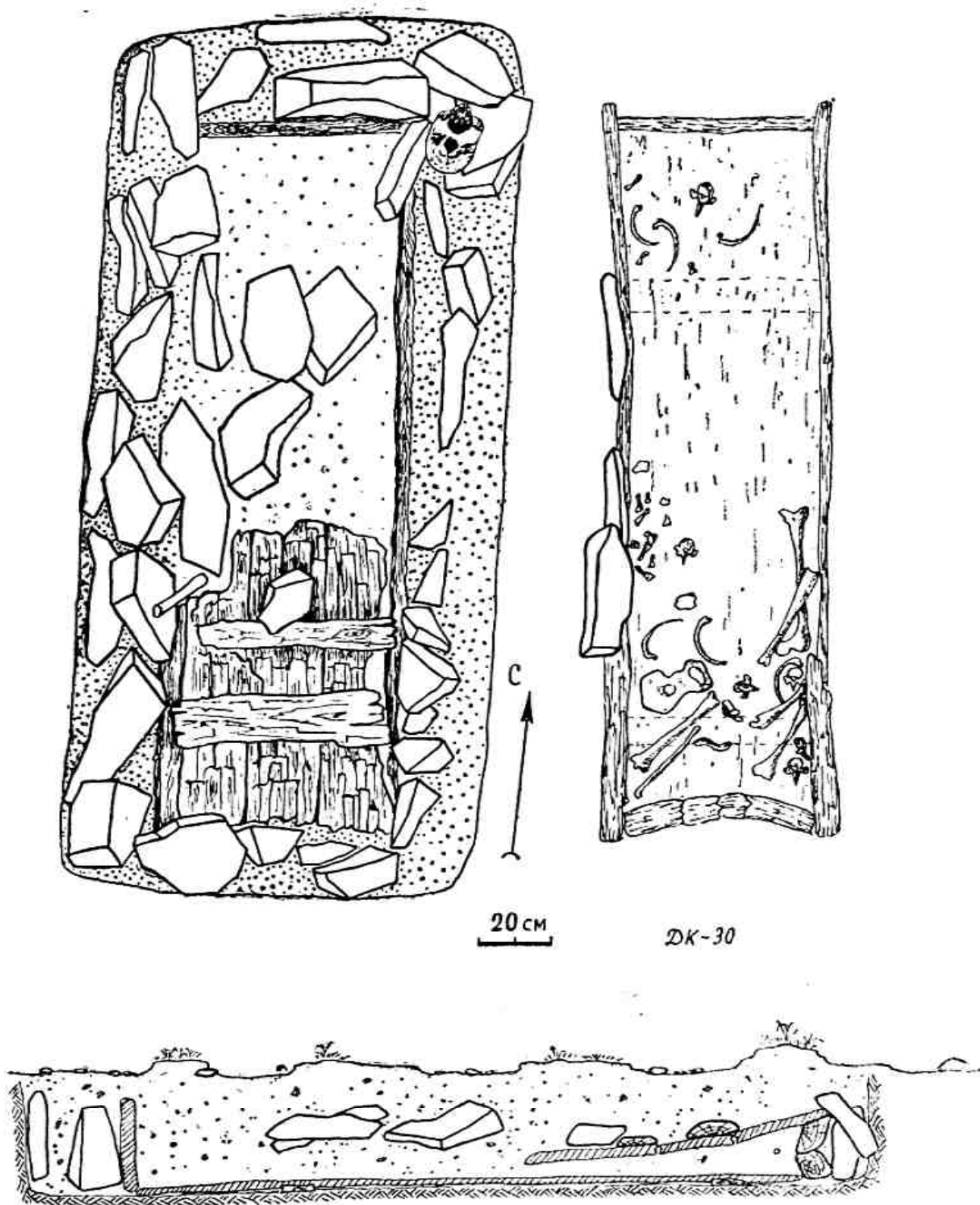

Рис. 104. ДК-30. План и разрез погребения.

позвонок. У западной стенки — часть костей стопы, где-то ближе к переднему концу гроба — обломки ребер, в разных местах — несколько фаланг.

Из вещей найден обломок плоского кольца из белой пасты (фрагмент украшения?). Иных находок не было.

При разборке гроба уточнены некоторые подробности его устройства. Несмотря на солидные размеры, погребальную камеру следует назвать гробом или гробовищем. Но в его устройстве сочетаются принципы, общие для суджинского (Ильмовая, Черемуховая пади, Эдуй и другие) и дэрестуйского типа (Дэрестуйский Култук, Гуджир-мыгэ

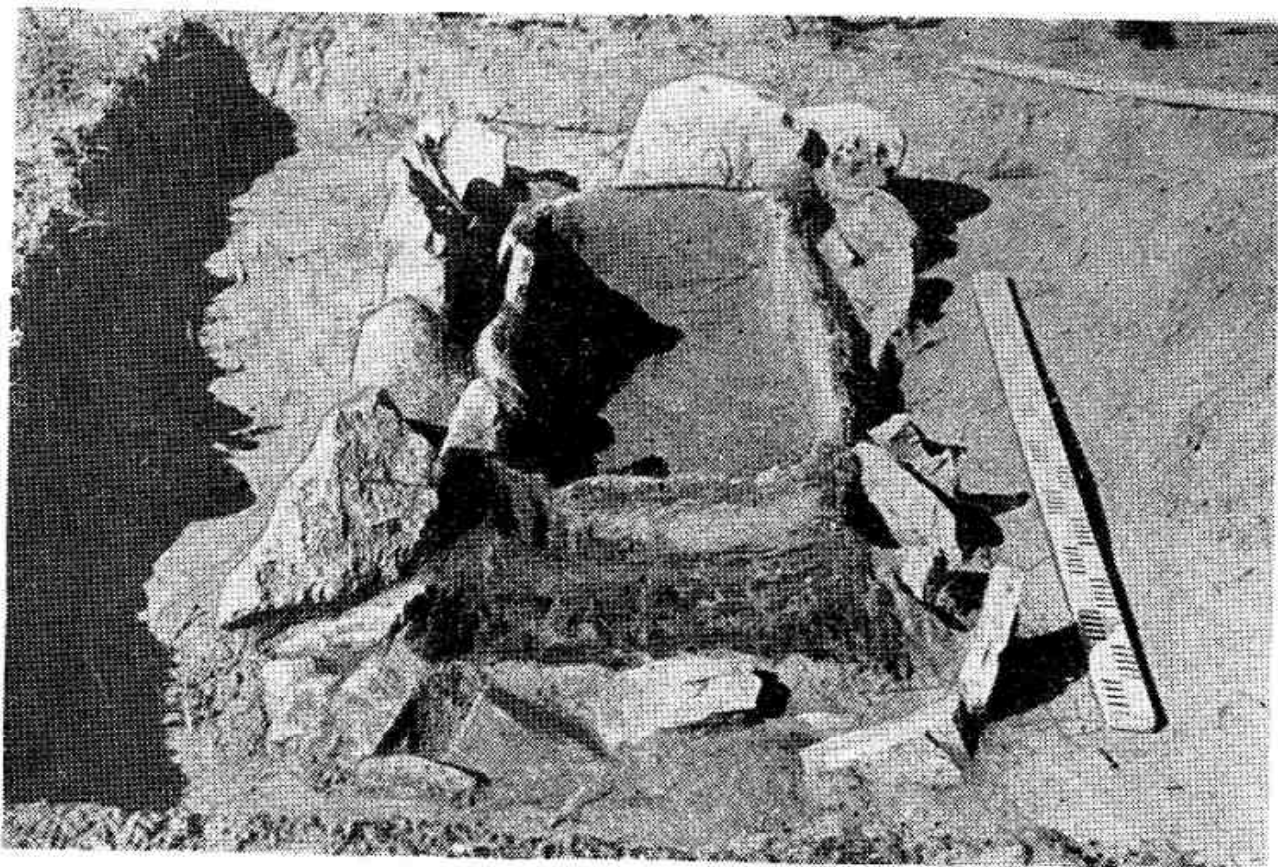

Рис. 105. ДК-30. Остатки гроба после расчистки.

и Нижняя Иволга). Во-первых, обкладка камеры сделана из плит, причем, довольно основательно и даже, можно сказать, фундаментально — иногда в два и три ряда. Во-вторых, однотипное перекрытие камеры — из поперечных плах (в одном случае над срубом, в другом — над гробом). В-третьих, прослеживается совершенно одинаковый принцип стыковки стен гроба: короткие стены двумя шипами на торцах вставлены в соответствующие отверстия на боковых стенах. В-четвертых, гроб установлен на двух поперечных планках.

В данном сооружении обнаружена одна деталь конструкции, ранее нигде не отмеченная. Внутри гроба у боковых стенок имеются ограничители — деревянные шипы, одним концом вставленные в специальные отверстия на дне гроба так, чтобы они предотвращали боковое смещение стен внутрь камеры. Такие шпеньки — ограничители прослежены на заднем конце гроба по бокам и посередине у западной стенки. Безусловно, они были до разрушения и в передней части.

Погребение оказалось сильно разрушенным. Не совсем ясна конструкция каменного сооружения. Но в целом это погребение среди обследованных могил Дэрестуйского Култука оказалось новым вариантом со своеобразными конструктивными деталями.

Погребение 31 расположено на старых выдувах под обрывом. На кочкообразных бугорках плотного погребенного горизонта оставалась группа камней, осевших, вероятно, сверху по мере выдувания песчаного грунта.

После удаления камней и расчистки площадки для раскопа обозначилось неопределенной формы темное пятно, вокруг которого на довольно большой площади беспорядочно залегали камни. По мере углубления контуры пятна менялись (блуждали). Лишь на глубине 80 см установились формы и размеры пятна: с прямыми боковыми линиями и слегка закругленными концами: длина — 2,4 м, ширина — 0,9 м. Ориентировано пятно длинной осью на СВ—ЮЗ на 20°. В пятне встречались камни, залежавшие беспорядочно на разных уровнях.

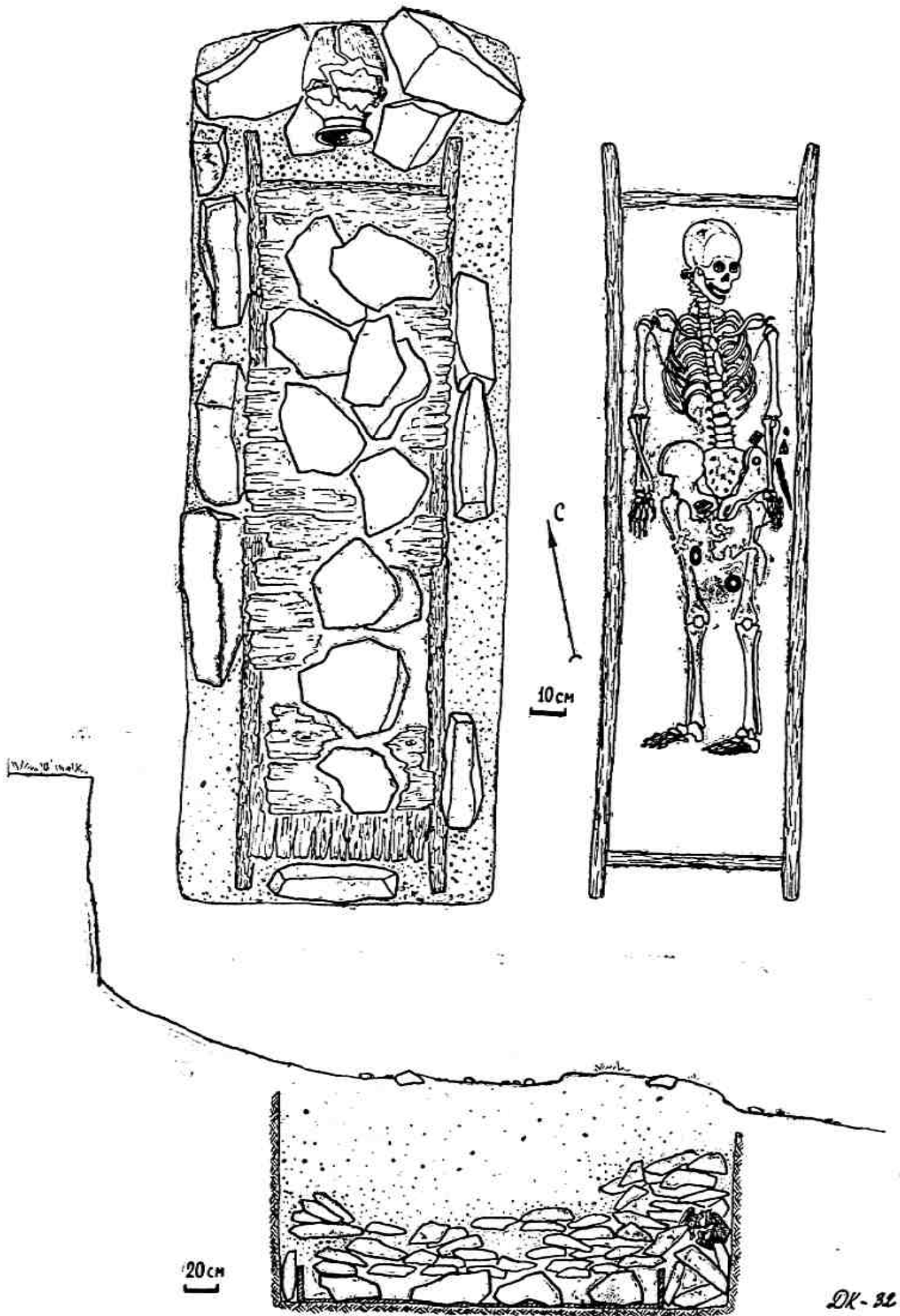

Рис. 106. ДК-32. План и разрез погребения.

На глубине 120—130 см по краям пятна на южном конце выступили поставленные в ряд плиты. На 30 см ниже показались такие же плиты по бокам. Стало ясно, что это каменная обкладка гроба. Но на северном конце ничего не было, по-видимому, в результате работы грабителей. На глубине 180 см четко обозначились контуры гроба в виде углисто-темных сверху, а глубже — коричневых тонких (2—3 см) линий. Над гробом, еще до появления его признаков, примерно в середине пятна найдены бедренная и большая берцовая кости человека и обломок черепа (лобная часть с глазницами). На этом же уровне у южного края пятна лежала трубчатая кость мелкого животного (барана?) с отпавшими эпифизами. В заполнении встречались мелкие чешуйки красного лака. Ближе ко дну найдены две-три фаланги ног и рук и осколки ребер человека. Других находок не было.

Расчистка не выявила полной конструкции погребальной камеры. Гроб размерами 180×65 см, крайне плохой сохранности: от его стенок и дна остался только тлен, лишь местами прослеживались волокна древесины, от перекрытия ничего не сохранилось. Темная окраска следов гроба напоминает обугливание (выше было отмечено, что верхние его контуры выглядели как углистые). На расстоянии 30 см от обоих концов гроба под дном обнаружены следы поперечных планок в качестве опоры.

Таким образом, как и в предыдущем погребении, гроб был обложен со всех сторон вертикальными плитами.

Погребение 32 расположено под обрывом выдува, рядом с предыдущим. В котловине выдувания на 2 м ниже поверхности обрыва выделялся слабый бугорок плотного невыветрившегося останца погребенной почвы (рис. 106). Когда срезали бугор и расчистили площадку для раскопа, наметилось продолговатое пятно неправильной овальной формы из буровато-серого песка с черным уплотненным заполнением посередине²².

По снятии слоя в 30 см пятно стало отчетливее и более правильной формы. Такая картина создавала надежду на то, что могила не ограблена, но после снятия еще одного слоя по краям появился слабый черный ореол, своим неравномерным распределением вызвавший подозрение в появлении грабительского хода.

На глубине 80—90 см размеры длины пятна достигли 270 см, наибольшая ширина — 100 см, ориентировано оно длинной осью на ССВ—ЮЮЗ. На северном конце — нагромождение камней, из-под которых как раз по границе пятна показалась горловина великолепного глиняного горшка. Горшок оказался раздавленным, но фрагменты все сохранились, и полностью уцелели венчик и дно. Сосуд узкогорлый, плоскодонный, довольно высокий, с не очень выпуклым туловищем, по плечу идет горизонтальная змеевидная линия, ниже по бокам — заглаженная ребристость, цвет серый, толщина стенок 0,5—1 см (рис. 107; табл. XXV, 8).

На южном конце выступала поперечная плита, стоявшая на ребре, и рядом по восточной границе пятна — такая же. При дальнейшей расчистке открылся сплошной завал камней по всей яме. Кроме набросанных сверху камней, по бокам была обкладка вертикальных плит. Распределение камней было неравномерным: гуще и выше в северной половине, реже и ниже — в южной. В головах выделялась большая плоская вертикальная плита (рис. 106, разрез), за которой и стоял упомянутый глиняный сосуд.

Камни, кроме боковой обкладки, были удалены. Самые нижние плиты лежали плашмя в виде реденькой вымостки над погребальной

²² От этого уплотненного заполнения и образуются обычно останцы на выдувах.

камерой. Из-под крайней плиты с севера показался человеческий череп. По бокам вдоль вертикальных плит обнажились концы поперечных плах перекрытия камеры.

Стало ясно, что погребение не ограблено. Перекрытие гроба, состоявшее из обыкновенных досок и поперечных плах над ними, было раздавлено камнями и раздроблено грубым щебенчатым заполнением ямы.

Костяк не был потревожен, лежал на спине в вытянутом положении, головой на ССВ. На шее находилось ожерелье из красных яшмовых бус. Там же, справа от шейных позвонков, — рассыпавшийся мелкий темно-синий бисер (табл. XX, 3). У правого уха найдена серьга из разноцветного бисера (36 мелких бусин, одна продолговатая цилиндрическая бусина и на конце снизу — железная подвеска).

На левом боку, ниже локтя, между рукой и телом, лежала бронзовая прямоугольная решетчато-ажурная пряжка (она почему-то не имеет никаких приспособлений для прикрепления и застегивания, табл. XXI, 4). По другую сторону предплечья на каком-то непонятном предмете оказалась раковина каури и рядом чуть ниже — бронзовый колокольчик с молоточком из белого камня, привязанный толстой ниткой двойного плетения. На левом боку, на уровне локтя и талии прослеживался мягкий черный материал, напоминавший истлевшую замшу — возможно, остатки кожаной сумочки (аналогичная находка сделана в погребении 28).

На запястье правой руки найдено ожерелье из мельчайшего темно-синего бисера (бусинки диаметром 1,5—2 мм), на бедрах — связка крупных красных бус (таких же, как на шее, табл. XX, 7), которая начиналась с левой стороны от кисти левой руки, цепочкой извиваясь, проходила через бедренную кость и кончилась между бедрами сложным сплетением. Между красными цилиндрическими и гранеными бусами через некоторые интервалы встречаются бусы других форм (из разных кварцевых пород) и изредка — раковины.

Между ног, ближе к коленям, найдены два великолепных кольца (украшения) из липаритовой лавы в желто-коричневую полоску с перламутровым отливом. Кольца плоские, диаметром 6 и 7 см, толщиной 0,5 и 0,6 см. Около каждого кольца между ног был рассыпан мелкий темно-синий бисер, по-видимому, имевший отношение к этим кольцам, причем у каждого оказалось примерно по равному количеству бусинок.

Железная масса с приставшей тканью и кожей, обнаруженная у левого локтя рядом с упомянутым выше бронзовым колокольчиком, при внимательном рассмотрении оказалась ножом с обломанной деревянной

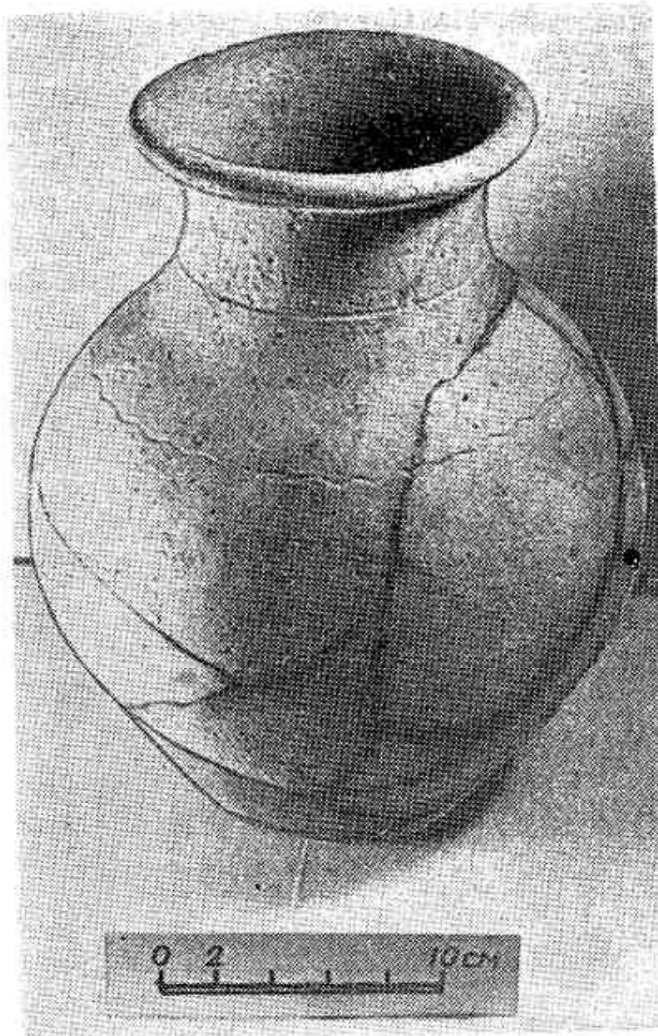

Рис. 107. ДК-32. Глиняный сосуд.

рукояткой. Именно на этой спекшейся массе были найдены раковины, о которых уже шла речь, и круглая стеклянная бусина желтого цвета.

На левой тазовой кости, в массе темного материала (предположительно — кожаном мешочке?) найдена бронзовая китайская монета (чоу) с квадратным отверстием посередине и со знаками «У-шу» на одной стороне.

Под черепом в развилке челюсти найден примерно такой же набор разноцветного бисера, как под правым ухом. Несомненно, это серьга, попавшая под подбородок вследствие незначительного смещения черепа при обрушивании перекрытия.

Сохранность костей средняя. Череп мезокантный, с низким переносом и прогнатизмом. Зубы крупные, мало стертые, наверху — 16, внизу — 14. По характеру костей скелет похож на женский, длина его 154—155 см.

Стенки гроба толстые — около 5 см. Состояли они из одной плахи каждая, соединялись с помощью двух шипов на торцах коротких плах и соответствующих отверстий на концах длинных. Боковые стенки и крышка выступали за концевые на 7—8 см (рис. 108). Высота их в местах лучшей сохранности была около 25 см (в состоянии сплюснутости). На дне гроба обнаружена тонкая темно-коричневая труха, досок не замечено. В головах и ногах снаружи наблюдались обугливание и мелкие кусочки угля. За пределами гроба в головах — отгороженное плитами пространство длиной в 40 см, в котором помещался найденный ранее горшок.

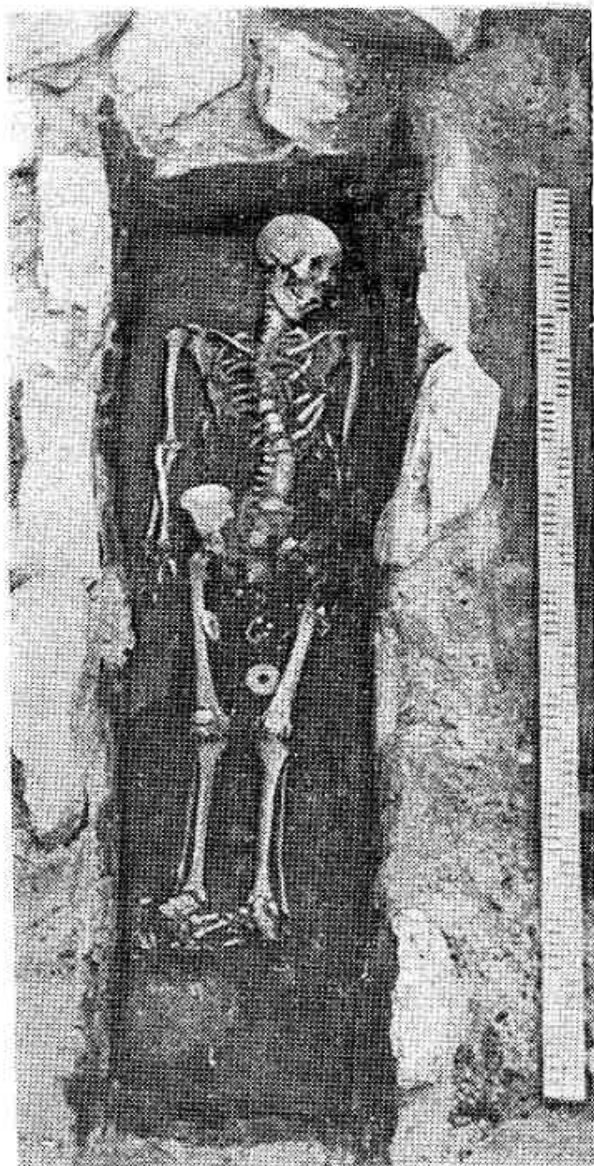

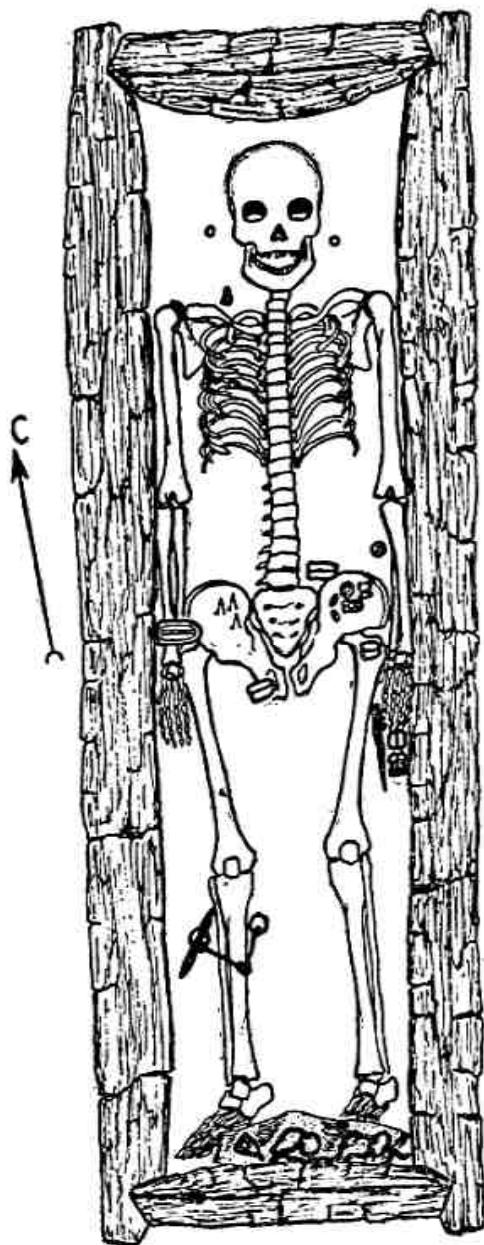
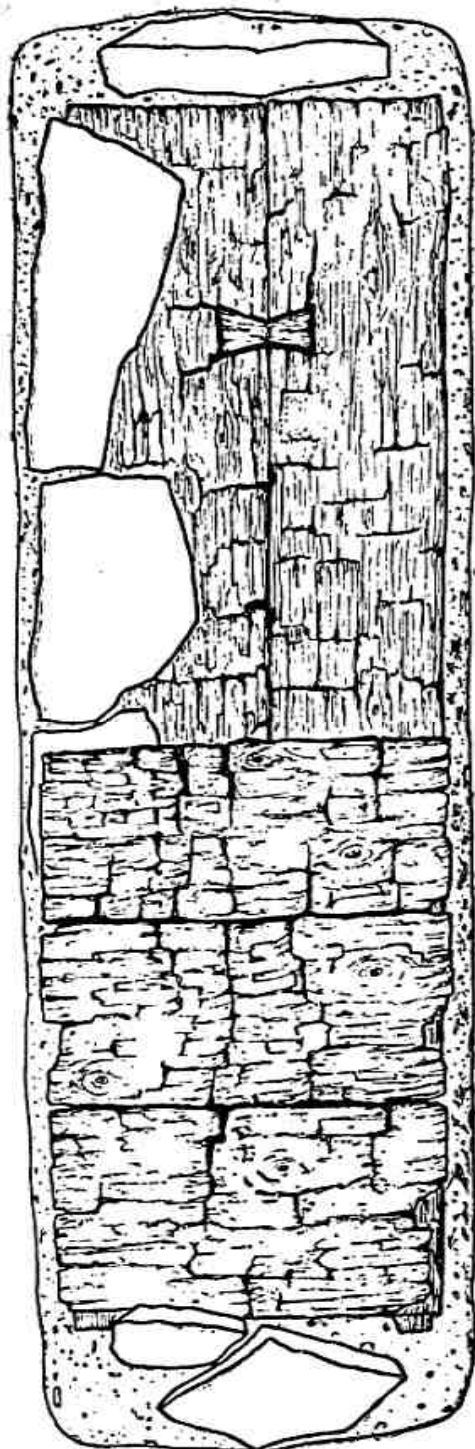
Рис. 108. ДК-32. Захоронение в гробе после расчистки.

Погребение 33 находилось в 7—8 м от обрыва, где кончается полоса свежего выдува, на заросшей травой поверхности, привлекавшей к себе внимание торчавшим камнем (см. рис. 109). Снятием слоя в одну лопату удалось обнаружить пятно яйцеобразной формы, ориентированное длинной осью на ССВ-ЮЮЗ на 5° и выделявшееся светло-желтым суглинком с примесью щебенки на фоне окружавшего буровато-серого песка. На северном конце пятна стояла поперек вертикальная плита.

На глубине 60 см пятно приняло правильную форму — стало иметь прямые бока и закругленные концы. На северном и южном концах залегало по одному-два камня.

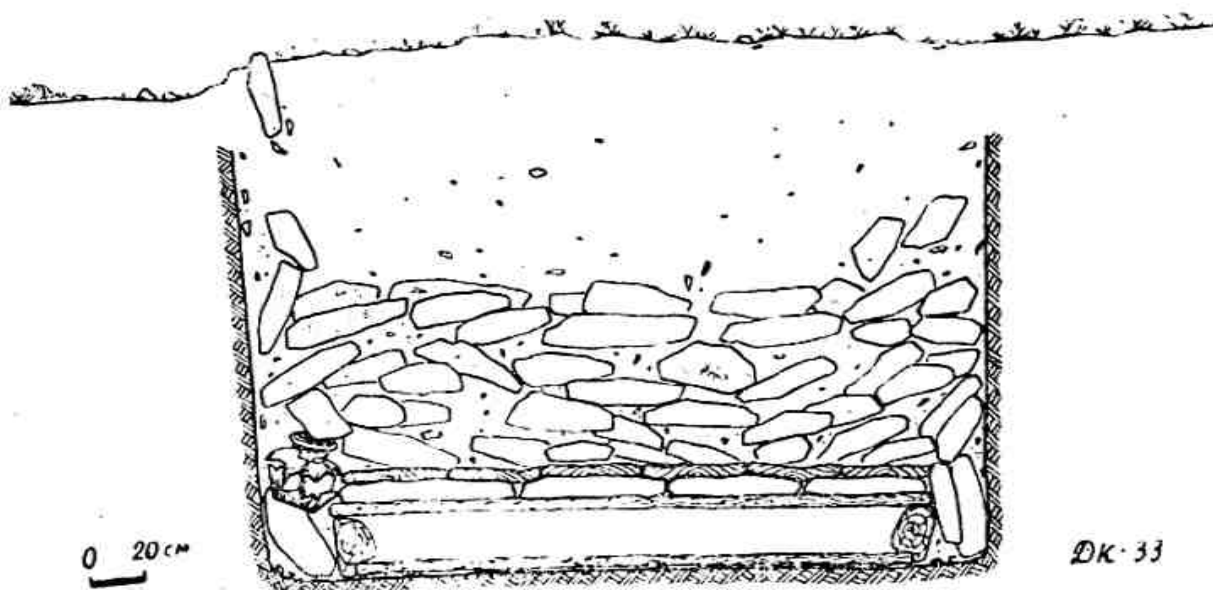
На глубине 90 см по пятну выступили камни, но на всю его ширину они не распространялись — восточная половина оставалась свободной.

На глубине 140 см завал камней сохранял прежнее положение. В головах стояла широкая плита на всю ширину пятна (ямы). Разобрали завал, оставив уходящие вглубь камни. В головах тесной кучей лежали

10cm

ДК-33

0 20cm

ДК-33

Рис. 109. ДК-33. План и разрез погребения.

четыре плиты, под которыми в пустоте виднелось горлышко глиняного сосуда. В ногах две-три плиты стояли по краю ямы на всю ее ширину. На остальной поверхности пятна беспорядочно размещались пять камней.

При дальнейшей расчистке после удаления камней в ногах выступили концы поперечных плах и под ними — концы продольных досок, резко прогибающихся вниз. В головах находилось сооружение из плит, в котором стоял раздавленный горшок (рис. 110). В северо-восточном

Рис. 110. ДК-33. Глиняный сосуд.

углу ямы встретился мелкий обугленный кусочек дерева. В заполнении изредка попадались мелкие комочки красной глины, в изломе по структуре и цвету напоминающие кирпич.

Убрав последние камни, лежавшие над самым перекрытием погребальной камеры, стали расчищать перекрытие гроба. Шесть мощных широких плах закрывали весь гроб длиной 2,2 м и шириной 0,75 м (см. рис. 109, 111).

По снятии поперечин обнаружилась интересная деталь устройства: по западной стороне гроба поверх крышки в один ряд плашмя были уложены плиты одинаковой толщины (8—10 см), на них опиралась одна сторона поперечного настила, отчего вся камера в целом сверху казалась накренившейся к востоку. Первоначально такое сооружение должно было имитировать односкатную

крышу, точнее чердак над гробом (см. рис. 112).

Под «чердаком» открылась крышка гроба из двух таких же мощных досок, соединенных между собой с помощью фигурных шпенок. Сам гроб был несколько уже перекрытия. Хотя плахи выглядели толстыми и крепкими, при разборке они раскрошились. Так как перекрытие было все же плотным, под ним, в гробе, не оказалось земляного заполнения.

Внутри царили затхлость, сырость и гниль. Кости рассыпались при малейшем прикосновении. Хотя погребение не тронута, все содержимое плохо сохранилось, истлело и разложилось.

Череп был раздавлен досками. На нем были остатки мехового головного убора, под ними — выцветшие, зачесанные в обе стороны с пробором волосы. Мех рыжий, прослеживался не только на лбу и макушке, но и по бокам черепа (очевидно, была шапка-ушанка). Около ушей найдено по одному бронзовому колечку (табл. XII, 15, 16, принадлежности головного убора?).

Вокруг скелета повсюду виднелись следы черной, хрупкой, покоровившейся подстилки непонятного происхождения. Поверх костяка ме-

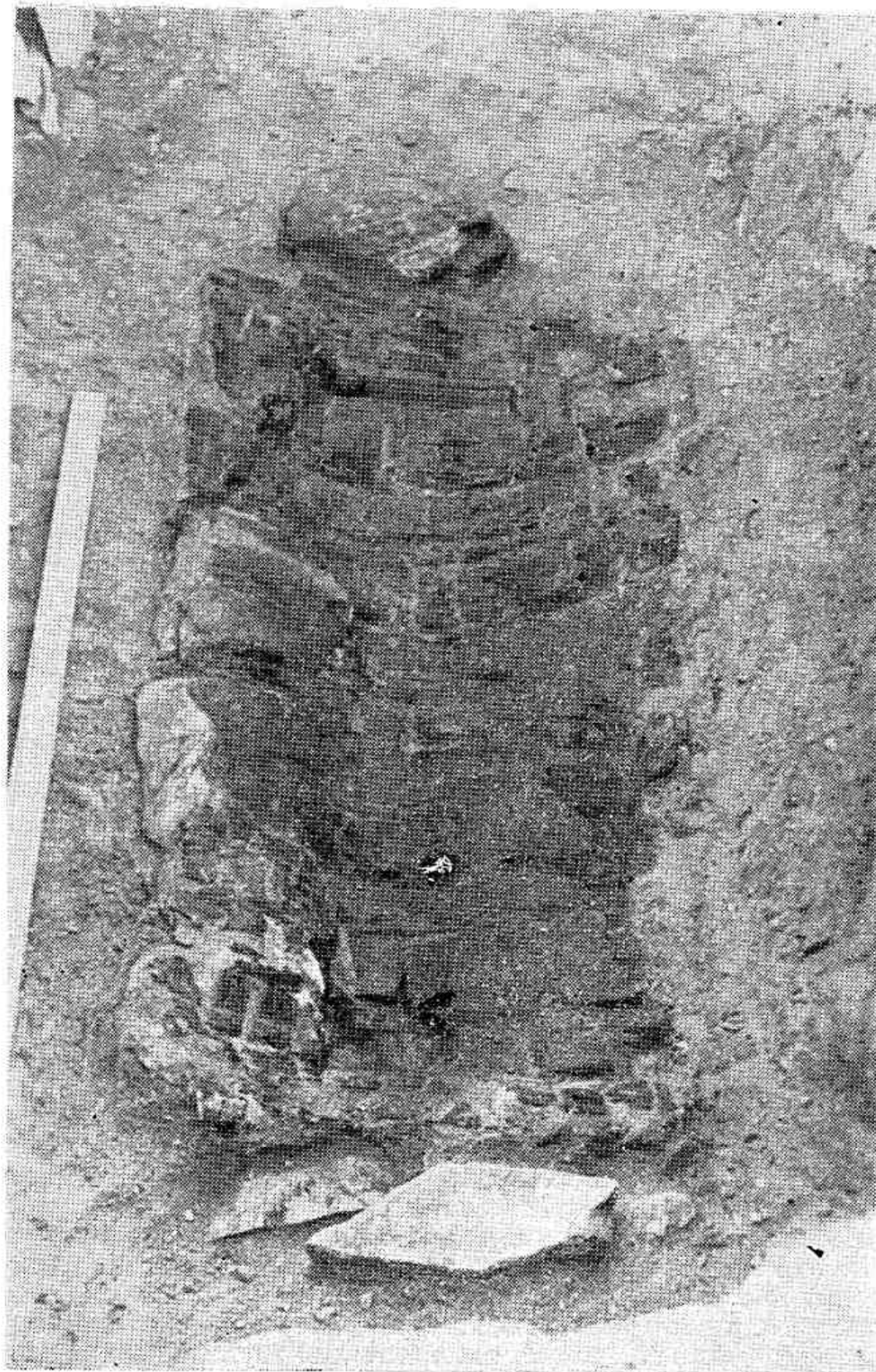

Рис. 111. ДК-33. Погребальная камера до снятия поперечного настила.

стами, между тазовых костей, на груди, около бедер и коленей — прослеживались остатки меха и грубой ткани типа холстины. Возможно, покойник был одет в холщовую рубаху или куртку и меховой халат. Особенно хорошо это сочетание холстины и меха прослеживалось на плечах, груди, поясе, над и под тазовыми костями и около бедер. Вокруг голеней наблюдалась уплотненная масса, напоминавшая войлок. Такая же масса была в ногах гроба у задней стенки вместе с принадлежностями сбруи (?).

Рис. 112. ДК-33. Погребальная камера после снятия поперечного настила, под которым видна крышка гроба из двух широких плах, соединенных фигурными шпёнками.

когда были вставки из цветных камней (зеленоватых тонов тальковые сланцы), прикрепленные к деревянной основе пластины. Между прорезами на золотых полосках имеется орнамент в виде выдавленных рельефных геометрических фигур—прямоугольников, квадратов, крестиков. Пространство между золотыми полосками покрыто роговыми накладками с естественной рельефной поверхностью. Изделие, по всей вероятности, первоначально было на поясе и лежало круглым концом наружу, то есть к стенке гроба и прямым концом к телу.

На животе, между тазовыми костями, обнаружены обрывки лакового покрытия тускло-красного цвета.

У левого бедра, примерно посередине его длины, обнаружен миниатюрный ножик с железным лезвием и деревянной рукояткой, лежавший лезвием книзу.

Ниже левой кисти и выше ножа найдены ажурная бронзовая пряжка (табл. XXI, 5) и сильно разложившиеся остатки деревянного изделия, напоминавшего миниатюрный ножичек с красной росписью зигзагом.

Последние состояли из двух бронзовых колец, перехваченных кожаными ремнями. Одно кольцо (целое) перехвачено сразу тремя ремнями, другое разломано на части (табл. VII, 10, 11). Ремни двойные, прошитые трубочкой. Здесь же были куски кожи, сшитые из отдельных отрезков. Не был ли положен в ногах войлочный потник, превращенный с помощью кожаных ремней-перетяжек в седло?

Ниже правого колена лежала перекинутая через ногу уздечка с железными удилами и костяными трензелями. К сожалению, железные детали узды крайне плохой сохранности. В юго-западном углу гроба найден бронзовый колокольчик с молоточком из розового кусочка камня с отверстием для подвешивания (табл. VII, 2).

На правом предплечье найдено украшение — деревянная пластина в форме погона с закругленным концом длиной 15 см, шириной 6 см, толщиной 0,6 см, украшенная накладками из полосок листового золота (табл. XXI, 3). Одна золотая полоса идет по краям пластины в виде каймы, другая полоска проходит посередине вдоль пластины. Полоски, шириной чуть больше 1 см, имеют прямоугольные прорезы в шахматном порядке, в которых не-

Выше их, на уровне таза, найдена железная пряжка, другая такая же пряжка покрупнее — между ног, ниже тазовых костей, и еще одна железная пряжка была на поясе слева. На левой тазовой кости, в складках ткани (шелка) найдены бронзовая монета и две раковины каури.

Над правым плечом возле уха найдена мелкая подвеска из осколка бирюзы с подшлифовкой острых граней и с просверленным отверстием для подвешивания.

Толщина стен погребальной камеры была около 10 см, высота — 20—25 см (за счет сплюсненности). Способ стыковки стен — врезание коротких стен в длинные с помощью косых срезов и угловых вырезов. Такой способ в Забайкалье встречен впервые. В низах боковых стен вставлены шипы-ограничители, фиксирующие дно в крайне нижнем положении. Дно гроба составлено из двух таких же мощных плах, как и крышка, скрепленных тем же способом — фигурными шпеньками посередине и на концах. Под дном — три поперечные планки в качестве опор. Таким образом, конструкция погребальной камеры в этой могиле, оставаясь в принципе такой же, как в предыдущих, была несколько сложнее, с использованием некоторых новых строительных приемов, ранее не встречавшихся.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ХУННУ

Из обширного круга вопросов, связанных с культурой хунну, пожалуй, менее всего изучен погребальный обряд и, в частности, устройство могил — этот существенный элемент погребального ритуала, проливающий свет не только на этнические особенности, социальную структуру и религиозные воззрения, но и направление хозяйства и технические достижения общества.

Со времени Ю. Д. Талько-Грынцевича в научной литературе утвердилось лаконичное определение двух типов могил — «в срубах» и «в гробах». Позднее Г. П. Сосновским была внесена поправка: вместо захоронений «в срубах» выявлены сооружения из двойных камер — гроб в срубе, чего не удалось заметить Ю. Д. Талько-Грынцевичу. Из исследований Г. П. Сосновского напрашивались выводы: во-первых, прежняя характеристика суджинских могил только как «в срубах» не отражает полной картины, и во-вторых, хотя определение дэрестуйских погребений «в гробах» и остается в силе, среди них возможны сооружения, которые следует называть срубам.

После ноинулинских открытий стали известны более крупные и сложные сооружения хуннской знати, в которых захоронения находились уже в тройных камерах (наружный сруб, внутренний сруб и гроб), опущенных, как правило, на большую глубину. Описание их, по данным экспедиции П. К. Козлова, дано Ц. Доржсурэном и С. И. Руденко¹. Последним впервые опубликованы все имеющиеся графические материалы по устройству могил из архива Института археологии АН СССР. В книге А. Н. Бернштама приведена музейная реконструкция (макет и рисунок) погребальной камеры одной из могил Ноин-улы². Но поскольку ноинулинские курганы принято считать «кряжескими» (а рядовые могилы в материалах козловской экспедиции не нашли своего стражения), они не дают полной картины.

Рядовые могилы хунну в Северной Монголии исследованы Ц. Доржсурэном³, который заметно продвинул изучение этой категории памятников. Его предварительными раскопками в Ноин-уле и на р. Хуни-гол, существенно дополнившими наши сведения о хуннских погребальных сооружениях, выявлено большое количество захоронений в «каменных ящиках», имеющих единичные аналоги среди забайкальских памятников.

¹ Ц. Доржсурэн. Умард хунну (Северные хунну). Улаанбаатар, 1961; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

² А. Н. Бернштам. Очерки истории туинов, с. 35—37.

³ Ц. Доржсурэн. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961; его же. Раскопки могил в горах Ноин-Ула на р. Хуни-гол (1954—1957 гг.). — «Мошгольск. археол. сб.», М., Изд-во АН СССР, 1962.

При всей определенности классификации погребальных камер — «в срубках», «в гробах», в «каменных ящиках» — в трудах наших предшественников детали устройства могил и обряда захоронений освещены слишком кратко, а иногда и ошибочно.

Новые раскопки в Ильмовой и Черемуховой падах выявили в целом бесспорные общие черты и закономерности всего погребального комплекса этих двух памятников: однотипная конструкция могил, единый обряд захоронения и характерный для них погребальный инвентарь, связанный с одинаковым образом жизни и общим представлением о загробном мире. Это дает нам право рассмотреть эти памятники вместе, в сравнении друг с другом. Устройство могил и погребальный обряд Дэрестуйского Култука будут рассмотрены отдельно.

Устройство могил и обряд захоронения в Ильмовой и Черемуховой падах

Наиболее трудно разрешимым вопросом является восстановление первоначального облика надмогильных сооружений. Ю. Д. Талько-Грынцевич не практиковал никакой расчистки поверхности и ограничивался внешним описанием могил. Мы уже приводили его высказывание о невозможности определить наружное строение могил дэрестуйского типа. Что же касается рядовых могил суджинского типа, он всюду отмечал их сходство с погребениями Ильмовой пади, где среди 32 могил форму которых можно было различить, преобладали квадратные (15) и прямоугольные (12) и гораздо меньше было круглых (5). Вот характерные отзывы Ю. Д. Талько-Грынцевича о могилах этого типа: «Меньшие могилы тоже четырехугольной формы, выложенные камнями с наугольниками, не возвышаются над поверхностью земли и почти с незаметным углублением посередине. Многие из этих могил не сохранили своего первоначального вида и представлялись неправильной формы с трудно определяемыми границами»⁴, или «Кроме больших, есть до 15 меньших, едва заметных, с внедренными вглубь камнями, представляющих форму четырехугольника с каменными наугольниками или круга с запавшей серединой»⁵.

Из отчетов Ю. Д. Талько-Грынцевича видно его стремление по возможности фиксировать формы и размеры могил. Однако нигде у него нет попытки воссоздать их конкретную наземную архитектуру, что в конечном счете является одной из важных задач наших исследований.

Не внес существенно нового в решение этого вопроса и Г. П. Сосновский, в чьем описании также не видно попытки разобраться в строении надмогильных кладок, а указаны лишь формы их⁶. Из одиннадцати раскопанных им могил четыре имеют кольцеобразную или круглую насыпь, три — прямоугольную, две — неясных очертаний, одна — округло-четыреугольную и одна — неопределенную.

Ц. Доржсурэн пишет: «После расчистки кладки подлинная форма могилы иногда выступала явственно. Судя по такому состоянию могил, можно сказать, что могильную яму простых людей засыпали камнями и землей и сверху обкладывали камнями. Хотя такие каменные кладки не одинаковы по размерам, но по форме они представляют четырехугольник и круг, первые большей частью имели по углам вертикально

⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1903, т. IV, вып. 2, с. 9. Наугольничков, о которых упоминает Ю. Д. Талько-Грынцевич, нами не замечено ни разу.

⁵ См.: Там же, 1898, т. I, вып. 3, с. 43.

⁶ Архив ЛОИА, архив Г. П. Сосновского, ф. 42, д. 11, 14.

стоящие камни»⁷. Это не просто описание форм и размеров могил, но уже попытка представить себе первоначальный облик каменных кладок или «вымосток» (по-монгольски — даланг).

О степени правильности реконструкции Ц. Доржсурэна позволяют судить результаты наших исследований.

При расчистке поверхности выявляется более или менее густой развал камней — остатки надмогильных сооружений, в которых нужно отыскать первоначальные формы кладки. Чаще трудно обнаружить какой-либо порядок, но иногда скорее угадывается, чем ясно просматривается основа кладки.

В Черемуховой пади из 18 раскопанных погребений в семи случаях кладки классифицируются нами как квадратные и прямоугольные (могилы 7, 12—15, 38, 48), в пяти случаях — как многоугольные (40, 49, 50, 51, 61), у пяти могил определить формы оказалось затруднительно (37, 39, 58, 59, 62), и в одном случае кладка нам кажется неправильной четырехугольной (могила 60). В Ильмовой пади у пяти могил расчищены многоугольные кладки (45, 47, 51—53), в пяти случаях кладки были неопределенными (54а, 54б, 55а, 56, 57), в четырех случаях пришлось раскапывать могилы с разнообразными кладками и у одной могилы (58) вымостка была подпрямоугольной.

Таким образом, при всем многообразии и неопределенности форм наружных кладок рядовых могил хунну мы имеем основание предположительно классифицировать многие из них как четырехугольные, будь то квадрат или прямоугольник, и как многоугольные, приближающиеся к кругу или овалу. Причем, мы допускаем, что многоугольники могли образоваться из круглых или овальных кладок в результате грабительских нарушений, однако нельзя не отметить угловатость их очертаний.

Что же представляли собой эти сооружения? Как расшифровать несколько неопределенное выражение Ю. Д. Талько-Грынцевича и Г. П. Сосновского: «выложенные камнями могилы»? Ц. Доржсурэн полагает, что их «сверху обкладывали камнями» в виде сплошной выкладки или вымостки. Наши наблюдения подтверждают такое мнение. Особенно выразительны в этом отношении кладки могил 38, 50, 59 Черемуховой пади, где камни лежат хоть и редко, но плашмя, как бы в нетронутом состоянии. Но наблюдаемое большей частью кольцеобразное нагромождение камней склоняет нас к мысли, не были ли здесь прежде ограды из камней, по подобию больших сооружений — курганов. В качестве примеров такой кладки может служить положение камней у могил 13, 15, 40, 49, 51, 61 Черемуховой пади и 45, 46, 47, 53 Ильмовой пади. В пользу этого говорит и определение Г. П. Сосновским внешнего вида могил 34, 36, 39, 40, 41 Ильмовой пади⁸, а также довольно уверенное определение Ю. Д. Талько-Грынцевичем их форм, раскапывавшим, вероятно, могилы с наиболее четко выраженными внешними признаками. И, наконец, есть основание предположить, что прототипом рассмотренных рядовых могил были крупные погребения с каменными оградами вокруг ям, принадлежащие хуннской знати.

Внешнее устройство больших курганов не было изучено в достаточной мере до самого последнего времени. Описания Ю. Д. Талько-Грынцевича и Г. П. Сосновского не дают ясного представления о конструкции надмогильных сооружений, и можно лишь предполагать, что над могилой была возведена какая-то «площадка» из камней с отвесными стенами⁹.

⁷ Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 14.

⁸ Архив ЛОИА, архив Г. П. Сосновского, ф. 42, д. 11, 14.

⁹ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджнское доисторическое кладбище, с. 56.

Экспедиция П. К. Козлова вела раскопки в Ноин-уле «колодцем», и лишь один курган был раскопан способом «открытой разработки». С. А. Теплоухову удалось выяснить, что края его квадратной насыпи размером 14×15 м были обложены камнями, лежащими на древней поверхности по краю могильной ямы. Последняя уходила крутыми уступами на глубину до 9 м. С южной стороны более отлогими уступами был вырыт длинный узкий выход в яму, снаружи также обрамленный каменной кладкой¹⁰. Этот курган не относится к числу самых крупных и сложных по конструкции.

Огромный интерес представляет вскрытый нами большой курган в Ильмовой пади. В свое время он был осмотрен А. П. Окладниковым, описавшим и запечатлевшим внешний вид кургана¹¹. Вот что представляло собой это сооружение до начала раскопок и после его вскрытия.

Издали сооружение смотрится как плоский курган высотой до 1,5 м с обширной впадиной диаметром 12—14 м и глубиной до 1,5 м посередине. В середине с северной стороны насыпи был выступ, напоминавший грабительский отвал. С южной стороны от насыпи, постепенно понижаясь, сужаясь и сходя на нет, отходит на 15—17 м шлейф. Длина кургана вместе со шлейфом — 34—35 м, без него — 21—22 м, ширина — 18—19 м, основание шлейфа — 8—9 м. На насыпи кургана видны редкие, выступающие наружу камни, а по краям его прослеживалось засыпанное землей каменное обрамление.

Вскрытие насыпи выявило оригинальную планировку сооружения (рис. 113). Оно имеет прямоугольную ограду размерами $16 \times 15,5$ м и

Рис. 113. ИП-54. Расчистка надмогильного сооружения.

высотой до 1 м, сложенную из крупных гранитных плит на древней поверхности. С южной стороны к ней примыкает в виде трапеции или усеченного конуса ограда длиной 14 м. Небольшая короткая пристройка имеется и с северной стороны кургана. Вместе с ней все сооружение

¹⁰ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов, с. 9—10.

¹¹ См.: А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1951, т. VIII, № 5.

простирается в длину на 33 м и ориентировано своей продольной осью на 27° к северо-западу.

Внутри основной ограды по всему ее периметру идет заполненный землей огромный котлован, разделенный каменными стенами-перегородками (четырьмя поперечными и одной продольной) на десять отсеков. Перегородки, сложенные искусственным сочетанием вертикальных и горизонтальных, а также продольных и поперечных плит, идут вглубь котлована до плах, перекрывающих сруб (см. рис. 114). По характеру

Рис. 114. ИП-54. Выборка заполнения погребальной ямы. Видны поперечные и продольные перегородки и их кладка.

кладки можно полагать, что они возведены одновременно с засыпкой ямы, иначе невозможно представить, как такая непрочная кладка, без всяких признаков закрепляющего раствора, могла бы держаться без земляной опоры.

Конусообразная пристройка с юга служит обрамлением входа — спуска (дромоса) в могильную яму и разделена в свою очередь пополам продольной перегородкой, которая имеет свое продолжение и в основной ограде. Вход из обеих половин дромоса в смежные с ними крайние отсеки наглухо перекрыт вертикальными плитами сверху донизу.

С северной стороны посередине наружной стены сделана выемка плит из кладки ограды в виде порога для выхода в северо-западный угловой отсек. От этого «порога» на соединение со следующим отсеком вдоль осевой перегородки идет узкий «проход» — возможно, грабительский ход, но скорее всего «запасной выход» из центра усыпальницы, сделанный строителями.

Таким образом, все сооружение в плане имеет четкие геометрические очертания, состоящие из прямоугольника, разделенного на десять равных частей, и смежной с ним трапеции, разделенной на две половины. Такая планировка сооружения представляется нам настолько же оригинальной, насколько загадочным остается пока ее смысл и внутреннее устройство захоронения¹².

¹² Раскопки закончены после сдачи книги в печать.

Связующим звеном между наземным сооружением могил и внутренней погребальной камерой является могильная яма. У всех исследованных нами рядовых могил она, как правило, более чем наполовину нарушена грабительским ходом и только внизу сохраняла свои границы (стены), почему и не удается полностью восстановить прежний профиль всех ям.

Тщательно прослеживая изменения контуров и характер пятен по мере углубления раскопа, можно проследить соотношение могильной ямы и грабительского хода. Полученные путем совмещения горизонтальной и вертикальной фиксации продольные и поперечные разрезы рядовых могил позволяют сделать вывод о том, что стены ям были ствесными у неглубоких могил или с боковым уступом при большей глубине, как это наблюдалось в погребениях 46 и 48 Ильмовой пади (рис. 10, 17).

Ямы всегда были прямоугольными, глубина их колебалась от 1,5 до 3,5 м, но чаще всего была 2—2,5 м, а по Ю. Д. Талько-Грынцевичу, 2,5—3 м. Ориентировка и размеры ям по дну соответствовали ориентировке и величине погребальной камеры, но обычно имели запас для обкладки ее вертикальными плитами.

Камни, встречающиеся в грабительском ходе иногда в большом количестве, к сожалению, не помогают выяснению внутренней обстановки могил. Констатация Ю. Д. Талько-Грынцевичем и Г. П. Сосновским того, что могилы были заполнены землей вперемешку с камнями, не дает никакого представления о первоначальном положении этих камней. Камни, оставшиеся в яме после грабителей или сброшены ими сверху, или сползли туда по мере заполнения грабительской воронки, что четко устанавливается по характеру залегания камней. То, что погребальные камеры часто бывают обложены по сторонам вертикальными плитами, не дает объяснения происхождению камней в яме. Не исключено, что какие-то каменные сооружения были и внутри ямы, над погребальными камерами, подобно тому, что встретилось нам в одной из нетронутых могил (54 б) Ильмовой пади (см. рис. 41).

Самые распространенные и характерные для суджинской группы могил погребальные камеры, следуя установившейся традиции, будем называть срубамн. Итак, на дне ямы ставили сруб из лиственничных полубревен в два, три и редко четыре венца, в зависимости от толщины бревен. Сборка сруба производилась, очевидно, непосредственно в яме из предварительно заготовленного материала. Внутренняя сторона бревен гладко затесана, а снаружи они оставлены горбылем. Стыковка стен произведена с помощью вырубов на концах длинных сторон, куда вставлены короткие.

Перекрытие срубов состояло из поперечных плах, настолько характерных для хуннских погребений, что их можно встретить не только на двойных камерах типа сруба с гробом внутри, но и на обыкновенных однокамерных гробах. Большой частью они пострадали от грабителей, но их тщательно расчищенных остатков вполне достаточно, чтобы представить себе характер настила. Это короткие, ровно обрезанные по ширине камеры плоские плахи, довольно часто — горбыли, настилающие сруб в один ряд с опорой на его боковые стены. Ю. Д. Талько-Грынцевич называет их в своих отчетах «бревенчатым накатником» и относительно могил Ильмовой пади пишет: «Сруб имел досчатое лиственничное дно, а сверху — накатник из толстых бревен, поперечно идущих на расстоянии 0,5 м от дна сруба»¹³. Это несколько расходится с нашей характеристикой. Однако и Г. П. Сосновский иногда называет настил, состоя-

¹³ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1893, т. I, вып. 2, с. 7.

щий «из лесин», перекрытиями, а в двух могилах Ильмовой пади он обнаружил «разрушенные накатники, состоящие из толстых продольно слеженных лесин»¹⁴. Причем, в погребении 44 под продольным настилом оказались еще поперечные плахи, так что перекрытие сруба было двойным. Двойное перекрытие срубов и гробов попадалось и нам, но только в обратном порядке: сверху всегда поперечные плахи, а снизу — продольные.

Таким образом, эти частные случаи придают лишь некоторое разнообразие устройству перекрытий, но не противоречат тому, что найдено в большинстве могил, а расхождения в описаниях разных исследователей следует считать не более, как терминологическими различиями. Более существенно другое: не соответствует истине замечание Ю. Д. Талько-Грынцевича о том, что срубы имели «досчатое листовичное дно». По нашим данным, сруб устанавливался в яме непосредственно на грунте, без дна, но внутрь помещался гроб, у которого было действительно дощатое дно. Так как величина сруба значительно превосходит размеры гроба, придвинутого обычно к его задней стенке, то спереди, между стенками наружной и внутренней камер, получалось свободное пространство, которое мы называем отсеком. Отсек предназначался для размещения в нем жертвенного инвентаря, но дно его не было устлано досками так же, как и зазоры между боковыми и задними стенками сруба и гроба.

Гроб сделан из обыкновенных досок — по одной на каждую стенку и по две-три на дно и крышку. Стенки гроба в углах соединены посредством специально вырезанных шипов на торцах коротких досок и соответствующих им прорезей на боковых. Такого способа стыковки, как у стен сруба, нам не встретилось, а упоминание Г. П. Сосновского о подобном способе соединения следует отнести не к внутренним гробам, а скорее к более массивным однокамерным сооружениям типа сруба.

Гроб закрывался продольной дощатой крышкой, остатки которой обычно прослеживаются под сохранившимися поперечными плахами перекрытия сруба. Полное отсутствие крышки у некоторых расчищенных сооружений можно объяснить грабительским разрушением.

Дно гроба лежит обычно на двух поперечных тонких планках. Г. П. Сосновским в двух погребениях Ильмовой пади под дном были найдены сосновые шишки с хвоей и ветками в качестве подстилки. Нечто подобное, кажется, мы находим нередко на дне гробов, где бывает плотный, пропитанный известью слой не совсем понятной древесной трухи темного цвета.

Двойная камера — гроб в срубе — является типичной, но не единственной конструктивной особенностью погребальных сооружений хунну. Погребальную камеру из могилы 41 Ильмовой пади Г. П. Сосновский классифицирует как гроб¹⁵ (это один случай из десяти раскопанных им могил). Нами там обнаружено 10 погребальных камер в виде срубов с гробами, 3 камеры в виде гроба (в могилах 54 а, 54 б, 55 а), и в двух могилах не найдено следов какого-либо сооружения. В Черемуховой пади из 18 раскопанных нами погребений в четырех обнаружены остатки сооружений, которые следует классифицировать не иначе, как гробы (могилы 12, 37, 39, 50).

Иногда встречаются камеры, которым трудно дать точное определение. Первое вскрытое сооружение в Черемуховой пади авторы раскопок называют саркофагом с двумя перегородками, разделяющими его на основную камеру посередине и два отсека на концах¹⁶. С подобным яв-

¹⁴ Архив ЛОИА, ф. 42, д. 11, 14.

¹⁵ См.: Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 59.

¹⁶ См.: Н. Н. Мамонова и Р. Ф. Тугутгов. Указ. соч.

лением столкнулись там и мы: при расчистке погребений 13 и 59. Но при разборке камеры 13-й могилы там оказались не просто перегородки, а передняя и задняя стенки внутреннего гроба. При большой сплюснутости и деформации всего сооружения бревна сруба плотно сливаются с боковыми стенками гроба, и в эту слежавшуюся массу кажутся врезанными поперечные стенки гроба, напоминая перегородки сруба. Возможно, аналогичное явление было и в могиле 59.

И все же в Черемуховой пади нами обнаружены два сооружения в виде тонкостенных срубов без внутренней камеры. Причем, у одного из них (погребение 60) была именно перегородка, разделяющая его на основную камеру для покойника и отсек для жертвоприношения. Вторая камера (погребение 58) по своим размерам и толщине стенок приближается к гробу, хотя сложена она из двух полубревен с каждой стороны и напоминает вышеупомянутое сооружение 41 из Ильмовой пади.

В связи с этим нельзя не привести следующее замечание Ю. Д. Талько-Грынцевича относительно могил Ильмовой пади: «Из 30 случаев в 5 срубах мы находим поперечные перекладины по одной, а иногда, смотря по длине сруба, и по две, разделяющие сруб на 2 или 3 камеры. Концы перекладин клином входили в длинные бревна сруба»¹⁷. Таким образом, камеры с перегородками, возможно, были не так уж редки и их надо, по-видимому, считать одним из вариантов погребальных сооружений хунну.

И наконец, в погребении 62 Черемуховой пади найдено сооружение несомненно в виде широкого дощатого гроба, разделенного пополам продольной перегородкой. В нем оказались остатки парного захоронения двух молодых женщин — возможно, родных сестер, по определению Н. Н. Мамоновой¹⁸. Специальных отсеков для жертвоприношения и инвентаря в этой камере не было, но в каждой половине среди разрозненных остатков железных вещей, ткани и керамики встречались отдельные кости крупного и мелкого рогатого скота.

Ю. Д. Талько-Грынцевичу принадлежит первый опыт описания погребального обряда Ильмовой пади¹⁹. Существенные дополнения в этот вопрос внес Г. П. Сосновский²⁰. И, наконец, очень интересный, богатый погребальный обряд Ноин-улы вырисовывается по материалам Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова²¹, использованным в трудах Ц. Доржсурэна и С. И. Руденко²².

Богатые хунну Ноин-улы украшали погребальные камеры роскошными коврами и узорчатой тканью. Такой же обычай, только без ковров, зафиксирован Г. П. Сосновским в Ильмовой пади, а именно в рядовых могилах 38, 40 и 43. Судя по прибитым на наружной стороне гроба трех- и четырехлепестковым бронзовым розеткам и остаткам ткани при них (из погребения 40), гроб первоначально был весь обшит плотной цветной шелковой материей и украшен на равном расстоянии друг от друга упомянутыми металлическими розетками. Кроме того, на дне гроба этой могилы были обнаружены обрывки легкой яркой красной шелковой ткани (кисеи), служившей внутренней обивкой гроба.

¹⁷ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2, с. 7.

¹⁸ См.: Н. Н. Мамонова. Палеоантропологические материалы из гуннских могильников Черемуховой и Ильмовой пади.—«Тезисы докл. на Отчетной сессии Ин-та археол.», Л., 1969.

¹⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.—«Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2.

²⁰ См.: Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади.

²¹ См.: «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова». Л., Изд-во АН СССР, 1925; П. К. Козлов. Дары Монголии.—Журн. «Советская Азия», 1930, № 3—4.

²² См.: Ц. Доржсурэн. Умард хунну; С. И. Руденко. Указ. соч.

Признаки обтягивания гробов тканью обнаружены нами в погребениях 14, 38, 49, 50 Черемуховой пади и 45, 46, 49, 50, 51, 52, 58 Ильмовой пади. Во всех этих случаях следы драпировки выражаются в наличии на стенках и крышках гробов мелких железных гвоздей кнопкообразных форм или с г-образно загнутыми шляпками. В некоторых могилах найдены круглые плоские железные пластинки в виде пяточков с гвоздеобразными стерженьками в центре. Сочетание их с приставшими к ним остатками дерева указывает на то, что пластины служили для прибавления драпировочной ткани к гробу, наподобие тех фигурных лепестковидных железных и бронзовых накладок, которые были найдены Г. П. Сосновским в 38- и 40-й могилах Ильмовой пади²³.

Кроме того, нами также, как и Г. П. Сосновским, обнаружены и сами остатки такой обивки гробов. Например, в погребении 50 Ильмовой пади на боковой стороне гроба снаружи была тонкая ткань. Вероятно, она была накинута на гроб, но, возможно, натянута и под крышкой. Сохранился лишь придавленный бревном сруба фрагмент шелковой ткани, первоначальный цвет которой трудно определить, теперь же она была однотонно-коричневой, под цвет истлевшей древесины. При совершенно аналогичной ситуации прослежены признаки драпировки и в 52-й могиле. Здесь плотно слежавшиеся стенки гроба и сруба четко разделялись промежуточной тканью (шелком), края которой свисали по бокам гроба на 20 см. Эта находка разъяснила назначение ранее замеченных на передней и задней стенках того же гроба мелких (длиной 1 см) плоских гвоздей с г-образно загнутыми навершиями. И пусть во многих других погребениях не найдено прямых свидетельств обтягивания гроба тканью, но нахождение в них подобных гвоздей, явно не пригодных для каких-либо иных целей, служит косвенным тому доказательством.

Вполне естественным и, возможно, не менее распространенным способом украшения погребальных камер было их окрашивание в различные цвета. Впервые следы окраски гроба в красный цвет нами обнаружены в могиле 49 Черемуховой пади, затем они встретились еще в двух погребениях (49, 58) Ильмовой пади. В одной из последних еще при расчистке сруба была замечена красная краска на его боковых стенках. При разборке выяснилось, что покрашен был не сруб, а наружная поверхность гроба. Когда мы отделяли плотно слежавшиеся стенки гроба и сруба друг от друга, в их промежутке на гробовище оказались остатки потрескавшейся краски. Особенно хорошо они наблюдались за задней стенкой гроба, где на чистом песке была видна потрескавшаяся и осыпавшаяся красная краска.

Определение положения костяка и его ориентировки не составляет больших затруднений. Несмотря на значительные грабительские нарушения, отдельные части скелетов нередко остаются на своих местах — обычно это кости ног и реже рук, лишь иногда сохраняются позвонки. Черепа в большинстве случаев отсутствуют. Но достаточно найти какие-либо непотревоженные кости, хотя бы стопы или кисти, не говоря уже о берцовых или лучевых, чтобы судить о первоначальном положении тела погребенного. Наконец, хотя и чрезвычайно редко, но встречаются мало или совсем не потревоженные скелеты.

Согласно хуннскому обычаю, покойника укладывали в гроб на спину в вытянутом положении, с прямыми ногами; руки вытягивались вдоль тела, а иногда были согнуты в локтях и кистью покоились на бедрах или тазовых костях. Основная ориентировка погребений мери-

²³ Подробно о драпировочных тканях см.: Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 59—62, рис. 11.

диональная, головой на север, или с некоторым отклонением в обе стороны, чаще вправо, то есть на северо-восток.

О захоронениях Ильмовой пади Ю. Д. Талько-Грынцевич писал: «Скелет покойного находим был чаще всего обращенным головой на север, иногда лежал на левой щеке, с вытянутыми руками и ногами»²⁴. Но если быть точным, то среди 33 раскопанных им захоронений в этом могильнике 3 имеют северо-восточную ориентировку, 1 — северо-западную и 4 — южную. Последняя ориентировка крайне необычна для хуннских могил, но она зафиксирована в дневнике Ю. Д. Талько-Грынцевича²⁵. Г. П. Сосновским в Ильмовой пади раскопано 5 могил с северной и 6 с северо-северо-восточной ориентировкой. Все погребения, раскопанные нами на этом памятнике, были ориентированы головой на ССВ от 0 до 35°. Из 20 погребений, раскопанных в Черемуховой пади, 10 имели меридиональную ориентировку продольной оси головой на север, 9 — на ССВ и 1 — на ССЗ. В некоторых из них, где не сохранилось почти ничего для определения положения скелетов, можно предполагать, по аналогии с данными Ю. Д. Талько-Грынцевича из Ильмовой пади, и обратную ориентировку головой, но ясно, что она была исключением из общего правила.

Следует также заметить, что, по всем имеющимся данным из Ильмовой и Черемуховой падей, не наблюдается какой-либо взаимосвязи между труположением, с одной стороны, и полом и возрастом умершего — с другой.

Как правило, в могилах встречались одиночные захоронения, но в некоторых (20, 24, 28, 29 и 38 Ильмовой пади) при костяках взрослых — в большинстве случаев при женских и один раз при мужском — были найдены кости ребенка. Останки женщины с ребенком нами обнаружены в погребении 12 Черемуховой пади и двух сестер — в погребении 62 этого же могильника.

В Ильмовой и Черемуховой падах до сих пор никем не найдено неграбленных погребений. Общую картину погребального ритуала мы воссоздаем лишь по совокупности наблюдений, полученных из могил с различной степенью сохранности. И вполне естественно, наибольший интерес в этом смысле представляют наименее разрушенные погребения.

В Черемуховой пади нам удалось найти лишь одно мало потревоженное захоронение. В 51-й могиле скелет оказался почти не тронутым. Лишь правая рука была резко согнута в локте и кистью обращена к плечу, да череп оказался немного сдвинутым. И то и другое сделано грабителями. Все остальное сохранилось в анатомическом порядке и подтверждает сказанное выше о труположении и ориентировке хуннских захоронений.

Другие могилы, хотя и разрушены больше, в сумме отдельных деталей дополняют общую картину погребального ритуала. Так, в могиле 40 Черемуховой пади была похоронена женщина, о чем нетрудно было догадаться по набору найденных украшений и отсутствию лука и стрел.

Таким образом, на примере двух погребений — мужского и женского (подробное описание находок в них дано в предыдущей главе), казалось бы, наметились некоторые естественные различия в ритуале захоронения: мужчина вооружен луком, у женщины он отсутствует, но зато украшения у нее богаче; в мужском погребении отсутствует глиняная посуда, но имеются принадлежности сбруи — удила и псалии от узды, в женском — наоборот. Однако статистика свидетельствует, что из указанных признаков лишь два — отсутствие у женщины лука со стре-

²⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2, с. 37.

²⁵ Там же, табл. III и IX.

лами и конского снаряжения — являются закономерными для подавляющего большинства исследованных погребений Черемуховой и Ильмовой падей²⁶.

Следует также добавить, что везде, где находки позволяют проследить этот обряд, наблюдается устойчивое сочетание в мужских погребениях предметов вооружения (лук и стрелы) и конского снаряжения (удила, псалии, железные и костяные пряжки, кольца, бляхи для перекрестия ремней и некоторых других деталей).

Что касается глиняной посуды, то отсутствие ее в мужском погребении является случайным и может быть связано с грабительскими действиями. На самом же деле глиняная посуда самых разных размеров, форм и назначения встречается одинаково как в женских, так и в мужских захоронениях.

Отдельные украшения из кости, рога, камня, бронзы, раковины, стекла и прочих материалов встречались в разных могилах, но попытка их дифференциации на мужские и женские представляется нам малоперспективной. В частности, если такие украшения, как бусы, подвески и броши (по данным Г. П. Сосновского и нашим), найдены только в женских погребениях 12, 39, 40 Черемуховой пади и 58 Ильмовой пади, то в могилах 34, 35 Ильмовой пади Г. П. Сосновским бусы обнаружены вместе с накладками лука и наконечниками стрел, то есть по нашему мнению, в мужских захоронениях (автором раскопок пол погребенных в этих случаях не определен). Кроме того, в мужских погребениях 47 Ильмовой пади и 49 Черемуховой пади, а также в женских погребениях 40, 59 и детском — 50 обнаружены костяные, каменные и перламутровые подвески, аналогичные по своему назначению, но несколько отличающиеся по форме, орнаменту и технике изготовления.

Общим правилом погребального ритуала хунну было снабжать умершего пищей, кухонной и бытовой утварью, вещами личного или развлекательного характера и также символического назначения.

Такой инструмент, как нож — обыкновенный железный нож с деревянной рукояткой, иногда в кожаном чехле — встречается одинаково у мужчин и женщин. Без ножей, а иногда и вместе с ними, находятся костяные и железные шилья. Так, из наших находок отметим одно костяное шило в женском погребении 13 Черемуховой пади, два (костяное и железное) — в мужском погребении 52 Ильмовой пади и железное шило, вложенное в один чехол вместе с ножом у женщины из 58-й могилы Ильмовой пади (см. табл. XVI, 11).

Наряду с обычными горшками кухонно-бытового назначения в некоторых могилах Ильмовой пади (45, 46, 47, 50 и 53) встречается несколько экземпляров миниатюрных ритуальных горшочков, вылепленных, по-видимому, специально для похоронного обряда. Вся манера грубой лепки, несовершенство форм и чересчур малая емкость этих сосудиков свидетельствуют о их символическом значении (см. табл. XXVI, 3—16).

Часто в погребениях встречаются остатки лаковых изделий. Если в Черемуховой пади нам попадались лишь мелкие обломки их, то в Ильмовой пади находки были удачнее. Г. П. Сосновским в двух могилах 38 и 43 найдены обломки трех лаковых чашек. Нам дважды, как в мужской, так и в женской могилах, удалось обнаружить по две чашки в одной и той же могиле, причем встречена новая форма этой

²⁶ Есть лишь два исключения: при женских костяках в погребениях 32 (раскопано Ю. Д. Талько-Грышцевичем) и 41 (раскопано Г. П. Сосновским) обнаружены соответственно остатки лука и принадлежности узды. Но здесь, нам кажется, допущена ошибка в определении Ю. Д. Талько-Грышцевичем инвентаря, а Г. П. Сосновским — костяка.

посуды — мискообразная, кроме традиционной овальной, известной по находкам из Ноин-улы. Судя по целым экземплярам и крупным фрагментам подобных чашек и мисок, надо полагать, что везде, где мы наблюдали осколки лакового покрытия, то есть в большинстве раскопанных нами погребений, были, по всей вероятности, изделия такого рода.

Одни и те же находки — костяные палочки для еды — сделаны Г. П. Сосновским и нами в могилах 40, 43, 44, 49, 50, 51 и 53 Ильмовой пади и 48, 53, 60 и 61 Черемуховой пади. Размеры этих изделий и комплектность из двух штук в одном погребении не вызывают сомнений в том, что они предназначены для приема пищи (см. табл. XVII).

Поначалу нам не совсем было понятно назначение встречающихся в погребальном инвентаре хунну таких предметов, как астрагалы крупных и мелких домашних животных. Например, в детских могилах 36 и 54 б Ильмовой пади обнаружено соответственно 8 и 6 бараньих астрагалов. Последние найдены нами в нетронутом захоронении лежащими тесной кучей у кисти левой руки мальчика 12—14 лет, причем на трех из них имеются просверленные сбоку сквозь одно ушко отверстия. Отверстия, по всей вероятности, сделаны для связки этих косточек с помощью шнура. Несомненно, это игральные кости (см. табл. XVIII, 1—7). Поэтому нам казалось несколько странным нахождение таких же одиночных косточек в могилах взрослых людей — женщины в 41-й и мужчины в 53-й (обе в Ильмовой пади) могилах. Объяснение этому явлению удалось найти в других находках: в захоронениях 7 и 48 Черемуховой пади, 43 и 44 Ильмовой пади встречены астрагалы крупных животных (быка или коровы) с такими же отверстиями для подвешивания. На двух из них (из 48 и 43-го), кроме отверстий, имеются еще круглые сферические ямки, высверленные на брюшках посередине костей, а косточка из могилы 7 представляет собой половину астрагала, его аккуратно вырезанную обточенную боковину (табл. XVIII, 10).

Аналогичные поделки описаны в книге С. И. Руденко «Культура хуннов и Ноинулинские курганы», где они интерпретируются как «накладки — упоры» на деревянный вращающийся стержень при добывании огня трением с помощью лучка с тетивой, служащего для приведения сверла во вращательное движение²⁷.

Несомненно, культовый смысл заключают в себе изредка встречающиеся в хуннских могилах обломки металлических зеркал (табл. XXII, 1—4). В Ильмовой пади их найдено четыре: два экземпляра — Ю. Д. Талько-Грынцевичем в могиле 3, один — Г. П. Сосновским в 38-й и одно — нами в 51-й могилах. Кроме того, в Черемуховой пади мы обнаружили еще два обломка таких зеркал (в погребениях 15 и 38). Все находки были из одинакового белого сплава, плохо или почти не поддающегося окислению. Одна сторона, лицевая, у них гладко отполирована, обратная же — орнаментирована²⁸.

За последнее время собран чрезвычайно интересный материал о жертвоприношениях во время погребальной церемонии.

Первые сведения о количестве и видовом составе животных, принесенных в жертву в могилах Ильмовой пади, имеются у Ю. Д. Талько-Грынцевича²⁹. Найденные им кости из 33 могил принадлежали 7 видам, а по числу животных — 47 экземплярам и распределялись по отдельным могилам следующим образом: барана — (*Ovis aries*) — 13 в могилах 5, 8, 9, 17, 19, 20, 26, быка (*Bos taurus*) — 19 в могилах 3, 4, 5,

²⁷ С. И. Руденко. Указ. соч., с. 52.

²⁸ Об орнаменте на зеркалах будет сказано ниже.

²⁹ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2, с. 14.

9, 19, 21, 22, 27, 28, 30, 31, 33 козы (*Capra hircus*) — 8 в могилах 19, 21, 25, 27, 29, кулана (*Asinus hemionus*) — 1 в могиле 25, оленя (*Cervus maral*) — 2 в могилах 1, 12, птицы — 1 в могиле 27 и собаки (*Canis domesticus*) — 3 в могилах 26, 27, 30.

Г. П. Сосновским всего в трех из одиннадцати раскопанных им могил обнаружены по две-три косточки разных животных, о которых в его публикации об Ильмовой пади сказано: «Из остатков домашних животных обнаружены кости овцы или козы, лошади, быка, а из диких — благородного оленя, кабана и антилопы»³⁰.

Мы пытались определить и подсчитать количество особей каждого вида животных во всех раскопанных нами могилах, хотя из-за ограбления могил и разрозненности костного материала это оказалось не легким. Без труда определить количество животного можно лишь по таким костям, как череп, первый или второй шейный позвонок (атлант или эпистроф), крестец и некоторые другие. Труднее, когда находятся парные кости или группы одноименных костей правой и левой половины скелета, и уже совсем сложно — при обнаружении разрозненных обломков единичных костей разных животных.

Тем не менее, с помощью палеозоолога Б. С. Кожамкуловой (Институт зоологии АН Казахской ССР) нам удалось определить собранный ископаемый остеологический материал из Черемуховой и Ильмовой падей. Результаты таковы: в Черемуховой пади в 16 могилах найдены кости 7 коров и быков (*Bos taurus*) и 21 козы (*Capra hircus*), а в 8 могилах Ильмовой пади — 24 коров и быков, 51 козы, 3 овец и баранов (*Ovis aries*), 7 лошадей (*Equus caballus*), 4 куланов (*Equus hemionus*), 4 косуль (*Capreolus* sp.), 1 антилопы-газели (*Gazella Subquitturosa*), 1 птицы (*Avies*) и 6 собак (*Canis familiaris*).

Сравнение этих данных свидетельствует о различиях в количестве и составе жертвенных животных в названных памятниках. Вместе с тем, и в том и другом наблюдается неравномерное распределение костей по погребениям, что отчасти объясняется вмешательством грабителей. Хотя последние несомненно исказили подлинную картину распределения жертвенной фауны, неодинаковость ее в разных погребениях бесспорна.

Вынужденные ограничиться суммарным подсчетом фауны и выявлением количества особей в каждом погребении, мы не можем сказать, как жертвенные животные или части их помещались в могилу — случайными кусками мяса или согласно разработанному ритуалу. Для выяснения этого вопроса необходимо внимательно изучить состав костей, обнаруженных в каждой могиле.

Приведем несколько примеров определения и подсчета фаунистических остатков. В погребении 40 Черемуховой пади все найденные кости принадлежат домашней козе и распределяются следующим образом: череп — 1, затылочная часть черепа — 1, нижние челюсти — 5, подъязычные кости — 9, атланты — 7, эпистрофы — 6, грудные позвонки — 11, ребра — 12, поясничные позвонки — 3, крестец — 1, хвостовой позвонок — 1, сезамовидные кости — 10, фаланга I — 50, фаланга II — 34, фаланга III — 39, челночная кость — 1. При явной диспропорции отдельных костей здесь представлен почти весь скелет упомянутого животного, за исключением длинных трубчатых костей, лопаток и тазовых. Но количество коз, принесенных в жертву погребенной здесь женщине, определяется не по остаткам двух черепов, а по числу атлантов (7), которое в данном случае удачно согласуется с количеством первых фаланг — 50 (поскольку у парнокопытных животных их должно быть

³⁰ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 64.

по 8 штук, то 50 фаланг, за утерей 6 штук, могут происходить от 7 особей).

По сравнению с этой могилей, самой богатой из раскопанных нами в Черемуховой пади, намного скромнее выглядят, например, мужские погребения 51 (с разрозненными костями одной домашней козы) и 61 (с остатками двух коз).

Имеются могилы со смешанным составом фауны. В женском погребении 48 найдены череп, два грудных позвонка и бедренная кость домашней козы, а также лопатка, ребра и трубчатая кость домашнего быка, что позволяет предполагать здесь наличие не более, чем по одной особи этих видов животных. В 60-й же могиле, где был похоронен мужчина, лежали три черепа, атлант, два эпистрофа, ребра, три поясничных позвонка, хвостовой позвонок, крестец, тазовая и берцовая кости, астргал и фаланги домашней козы, а также шесть резцовых зубов, три подъязычные кости, несколько ребер и хвостовых позвонков, шестнадцать первых, четырнадцать вторых и двенадцать третьих фаланг домашнего быка. Все это дает в подсчете не менее трех коз и двух быков.

Таким образом, в целом по перечню костного материала из разных захоронений видно, что в могилах встречаются практически все части упомянутых животных. Это обстоятельство как будто бы не вносит пока особой ясности в поставленный выше вопрос.

Значительно интереснее и богаче фауна в могилах Ильмовой пади. Рассматривая суммарно все кости из разных погребений, здесь также можно отметить наличие почти всех частей скелета тех или иных животных. Наряду со сравнительно скромными жертвоприношениями, нами обнаружены следы несравненно более обильных, возможно даже грандиозных тризн. Например, в погребении 53, по нашим подсчетам и определению Б. С. Кожамкуловой, оказалось 32 крестца домашней козы разных возрастов и соответственно удвоенное количество одноименных ребер этого же вида, фрагменты черепа, фаланги ног и хвостовые позвонки не менее чем двух особей (взрослой и молодой) домашнего быка, аналогичные кости домашней лошади, кулана и полный скелет собаки. При этом замечено, что в северо-западном углу ямы, не затронутым грабителями, два козлиных черепа лежали вместе с фалангами ног, что свидетельствует о первоначальном способе их укладки в могилу.

На эту последнюю находку мы хотели бы обратить особое внимание, прежде чем перейти к описанию следующих весьма удачных находок в Ильмовой пади, во многом прояснивших картину ритуальных действий.

В погребении 45 на глубине 170—180 см на южном конце могильной ямы, в ногах, обнаружена группа небольших плит, залегающих наклонно в виде очажной выкладки. Вместе с ними найден скелет собаки, сохранивший анатомический порядок расположения.

На глубине 190 см на северном конце ямы в головах погребения лежали рядом три черепа крупного рогатого скота (рис. 6, 7) (*Vos (a)nus*): справа в северо-восточном углу — самый большой, посередине — чуть поменьше и слева — маленький череп молодой особи. Возле каждого находились кости ног (только фаланги, иначе говоря, копыта) и хвостовые позвонки, причем у крайних черепов копыта лежали с боков, а хвост сзади, у среднего — и те и другие — сзади. При снятии черепов замечено, что своими челюстями они касались верхнего края сруба, значит, были положены непосредственно на сруб.

Это позволяет прийти к выводу, что в головах погребения над срубом были положены головы животных с копытами и хвостами или, скорее всего, вместе со шкурами, символизировавшие целых животных,

в ногах же лежал труп собаки — символ верного служения хозяину. Правда, в данном случае из-за грабительского вмешательства трупоположение собаки осталось несколько непонятным. Но зато в другом погребении (46) над поперечным перекрытием сруба в южной его части найден скелет собаки, лежавшей в естественной позе поперек сруба (рис. 11). Под ним оказались плоские плиты, положение которых говорило о том, что они первоначально составляли подобие ящика для трупа собаки. Кости других крупных и мелких домашних животных в этом погребении были почти полностью растащены при ограблении могилы и встречались выше — в заполнении ямы и на поверхности среди камней наружной кладки.

В погребении 50 над восточной стенкой сруба ближе к юго-восточному углу также были обнаружены кости собаки. По скоплению их в одну кучу было ясно, что это сдвинутый некогда в сторону труп собаки, первоначально лежавший на срубе сзади, в ногах.

По северному краю ямы над срубом вместе с тремя плоскими плитами выступал целый ряд черепов животных (рис. 20), залежавших в заполнении двумя рядами в следующем порядке: в правом северо-восточном углу голова лошади и кулана, затем пять бычьих и коровьих голов. В расположении черепов крупного рогатого скота соблюдена последовательность в величине и возрасте животных — справа налево в убывающем порядке, причем самый крупный, несомненно, принадлежит быку, а последний слева — совсем молоденькой особи. Второй верхний ряд черепов — 8 штук — принадлежит домашним козам, пять из них с рогами. Таким образом, всего здесь было 15 голов. Вместе с головами всех перечисленных животных были найдены фаланги ног, хвостовые и первые шейные позвонки (атланты) этих же животных, а выше в грабительском ходе встретились крестец и ребра лошади.

В погребении 52 была устроена специальная кладовая для останков жертвенных животных (рис. 29, 31). Она находилась за передней стенкой сруба (а не над ним), что не встречалось раньше в других погребениях, и заполнение его сверху ничем не отличалось от обычного заполнения ямы.

При расчистке этого заполнения перед срубом выявилась горизонтально выложенная кладка из плоских плит, а сверху лежала широкая плаха. Под ними оказалось еще большее, чем в предыдущем погребении, количество черепов крупных и мелких животных. Мы насчитали 19 черепов: из них два лошадиных, один — кулана, четыре — быка и коровы, три овечьих и девять — козьих.

В расположении черепов в этом погребении наблюдался обратный по сравнению с 52-й могилой порядок: слева лежали лошадиные, далее — крупного и мелкого рогатого скота. Возле каждого черепа также были положены копыта (фаланги) и хвосты тех же животных. К этому следует добавить, что отдельные кости: позвонки, обломки ребер и таза, лопатка, большая берцовая кость крупного рогатого скота, крестцы и тазовые кости лошади, обломки трубчатых костей мелкого рогатого скота — в небольших количествах встречались выше в заполнении ямы. Это говорит о том, что ритуал жертвоприношения в эту могилу не исчерпывался специально устроенной вне сруба кладовой, заполненной головами, копытами и хвостами животных, символизирующими целое стадо, сопровождающее умершего в потусторонний мир. Очевидно, другие кости тех же животных были сложены в самой погребальной камере, точнее, в особом отсеке, где вместе с остатками посуды и прочих предметов бытового назначения находятся, как правило, и остатки мясной пищи (костей), о чем упоминалось выше.

И наконец, заслуживает внимания обряд столь же обильного жертвоприношения в одном из женских захоронений Ильмовой пади. В погребении 58 над срубом в ногах также обнаружено захоронение собаки (рис. 48). Скелет ее был в полном анатомическом порядке. Положение трупа было близко к позе лежащей на животе собаки с подобранными под голову лапами. В изголовье обнаружился великолепный склад костей жертвенных животных. Как и в упомянутых выше могилах, здесь были черепа, копыта и хвосты домашних и диких животных: лошади, кулана, быка, коровы, овец и коз — всего 15—19 голов³¹. Судя по костям, принесенные в жертву животные были сравнительно молодого, возможно, даже и утробного возраста.

Большой интерес представляют следы обряда очищения могилы огнем, замеченные нами почти во всех могилах не только Черемуховой и Ильмовой падей, но и Дэрестуйского Култука. Если кусочки угля, а иногда обгоревшие обломки дерева, находимые в заполнении могильных ям, поначалу можно было связывать с грабительской работой, то легкое обугливание срубов и гробов изнутри, снаружи и даже снизу под днищем никак невозможно считать случайностью. Несомненно, это следы соответствующего ритуала обожжения огнем. Этот обычай был прослежен нами и при раскопке большого кургана 54, где в нетронутой грабителями части обширного котлована то и дело встречались чистые угольки и недотлевшие головешки. Создается впечатление, что во время засыпки могилы время от времени из ритуальных костров, горевших вокруг ямы, бросали в нее жарко тлеющие угли. Следы таких костров обнаружены нами по сторонам упомянутого кургана.

Что же касается процесса обожжения гроба и сруба, порядок осуществления этой процедуры остается невыясненным. Может быть, костер сгребался в могильную яму прямо на гроб, и воздух, сохранившийся в гробу и срубе, давал возможность огню жить некоторое время, несмотря на то, что могила была засыпана. Близкий к этому обычай поджигания срубных камер перед засыпкой ямы неоднократно зафиксирован в тагарских и таштыкских склепах Минусинской котловины³².

Устройство могил и обряд захоронения Дэрестуйского Култука

В предыдущей главе в связи с внешним видом и топографией дэрестуйских могил мы отметили трудности воспроизведения надмогильных кладок в силу их большей по сравнению с Ильмовой и Черемуховой падами разрушенности под действием ветровой эрсии. Снаружи они имели вид небольшой каменной кучи или разбросанных в беспорядке камней, около которых лежали обломки костей, железа и прочих остатков погребений. Тем не менее и Ю. Д. Талько-Грынцевич, и Г. П. Сосновский писали, что некоторые дэрестуйские могилы снаружи напоминали рядовые могилы Ильмовой пади. И действительно, в Дэрестуйском Култуке мы заметили единичные объекты, внешне похожие на обычные суджинские могилы — кольцеобразные насыпи с редкими камнями вокруг неглубоких западин. Но такое сходство могло возникнуть вследствие грабительских действий, когда камни, независимо от того, где они были первоначально — в наружной кладке, как это мы

³¹ К сожалению, фауна из данного погребения еще не определена специалистом-зоологом, почему и даем приблизительный подсчет костей.

³² См.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, с. 262, 278, 411, 421; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха Хакаско-Минусинской котловины. М., Изд-во МГУ, 1960.

предполагаем в Ильмовой и Черемуховой падах, или внутри ямы, как это мы увидим ниже в Дэрестуйском Култуке, оказались разбросанными по поверхности вокруг грабительской воронки. При этом по аналогии с дэрестуйскими погребениями не исключена возможность такого же завала камней и в ямах над срубами суджинских погребений. Кстати, в Ильмовой пади нами уже обнаружено одно такое захоронение (54 б) не просто с завалом камней внутри ямы, а с аккуратно сложенной кладкой над дощатым гробом (рис. 41). Таким образом, все это еще раз говорит о том, что некоторые, порою интересные детали устройства хуннских погребений остаются пока еще невыясненными. В частности, остается открытым вопрос о надмогильных кладках дэрестуйских могил.

Что касается выяснения внутренней их обстановки, то благодаря обнаруженным нами нескольким неграбленным погребениям дело обстоит значительно лучше. Погребальные камеры на дне могил оказались не только с боков, но и сверху заложены камнями, заполняющими иногда почти половину ямы (рис. 106, 109)³³. В свете этих находок становятся понятными краткие замечания Ю. Д. Талько-Грынцевича относительно следующих раскопанных им могил: 5-я — «оказалась выложенною внутри каменными плитами»; 7-я — «гроб обставлен каменными плитами»; 10-я — «сверху большие каменные плиты и глыбы»³⁴. Следы обкладки гроба вертикальными плитами на наших чертежах видны у могил 30, 31 и 32 (рис. 104, 105, 106), а кладки с камнями сверху — у могил 28, 32 и 33 (рис. 100, 106, 109).

Во всех раскопанных нами могилах покойники были захоронены в гробах, пять из которых были обыкновенными дощатыми, размерами от $1,8 \times 0,5$ м до $1,95 \times 0,65$ м, а один самый крупный, размерами $2,2 \times 0,75$ м, состоял из мощных, толстых и широких плах. Ю. Д. Талько-Грынцевичем в семи могилах обнаружены деревянные гробы, в двух были замечены только их следы, в остальных ничего не сохранилось. Гробы имели прямоугольную форму или несколько расширились в головах. Средняя величина гробов взрослых по длине равнялась 1,75—2 м, при ширине в головах — 0,6 м и в ногах — 0,3—0,45 м. В 9-й могиле гроб отличался необычайно крупными размерами — длиной 3 м, шириной в головах 1,75 м, в ногах — 1,5 м. В могилах 10 и 16 они также были достаточно большими — длина — соответственно 2,12 и 2,5 м, ширина в головах — 0,91 и 0,95 м, в ногах — 0,72 и 0,6 м.

Интересно, что один из гробов, причем не самый крупный, а обыкновенный, из могилы 7, длиной 1,9 м, шириной в головах 0,58 м, в ногах — 0,45 м, Ю. Д. Талько-Грынцевич как бы случайно называет срубом. Возможно, он сделал это под впечатлением толщины плах, из которых была устроена камера³⁵. Но другую такую же камеру из могилы 10 он почему-то не называет срубом, так же как не применяет этого термина и по отношению к самой большой погребальной камере из могилы 9. Надо сказать, что большие размеры некоторых гробов и упомянутые чертежи Ю. Д. Талько-Грынцевича, ничем не отличающиеся от его же рисунков срубов Ильмовой пади, ввели в заблуждение Г. П. Сосновского, который склонен был предположить наличие здесь настоящих срубов. Однако после новых раскопок мы можем сказать, что в Дэрестуйском Култуке таких срубов, как в Ильмовой и Черему-

³³ Они-то и могли быть набросанными грабителями вокруг ям, создавая сходство с суджинскими могилами.

³⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, с. 22, 23.

³⁵ См. его чертеж: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник, с. 170.

ховой падах, пока не обнаружено. При этом мы имеем в виду не столько габариты погребальных камер, сколько принцип их устройства, то есть в Дэрестуйском Култуке не найдено двойных камер в виде наружного бревенчатого сруба в 2—4 венца и помещенного в него дощатого внутреннего гроба.

Каковы же они, дэрестуйские погребальные камеры? В могиле 28 обнаружен обыкновенный дощатый гроб (рис. 100). Перекрытие его состояло из продольных досок и поперечных плах над ними. Из-за плохой сохранности не удалось проследить способ стыковки стенок, но было видно, что концы боковых выступают за поперечные.

Зато в погребении 32 удалось восполнить недостающее (рис. 106). Здесь оказался точно такой же гроб с аналогичным перекрытием из продольных досок и поперечных плах. Стенки состояли из одной доски каждая и соединялись с помощью двух шипов на торцах коротких стенок и соответствующих отверстий на концах длинных. Гроб со всех сторон был обложен вертикальными плитами, а сверху заложен большим количеством камней, заполнявших нижнюю половину ямы.

В 33-й могиле завал камней над погребением был мощнее, соответственно крупнее была и погребальная камера, устроенная с использованием некоторых новых, ранее не встречавшихся строительных приемов (рис. 109). Под завалом камней выступил поперечный настил из шести широких и толстых плах, а под ними — гроб, плотно закрытый двумя мощными продольными плахами, скрепленными друг с другом фигурными бантикообразными шпеньками. Между крышкой и поперечным настилом по западной боковой стороне гроба были уложены в ряд плоские одинаковой толщины плиты, отчего все перекрытие в целом напоминало односкатную крышу с уклоном к востоку. Стены гроба выглядели очень толстыми из-за сильной расплюсченности под давлением столь тяжелого перекрытия, имеющего к тому же каменную кладку сверху. Стыковка стен, кроме обычного применения шипов и отверстий, была усовершенствована посредством остроугольного вреза коротких стен в длинные. Дно гроба тоже состояло из двух толстых плах, скрепленных между собой тем же способом, что и в крышке. В низы боковых стен были вставлены шипы-ограничители, фиксирующие дно в крайне нижнем положении. Под дном гроба — три поперечные планки в качестве опор.

В отличие от Ильмовой и Черемуховой падей в Дэрестуйском Култуке, по-видимому, реже встречается обряд жертвоприношения животных. Из шести раскопанных могил лишь в одном начисто разграбленном погребении 31 нам попала трубочатая кость мелкого домашнего животного (овцы или козы). Из 26 раскопанных Ю. Д. Талько-Грынцевичем могил кости животных обнаружены в четырех: в могиле 4 — кости лошади и быка, в могиле 5 — позвонки и голени барана, в могиле 9 — четыре черепа барана и четыре черепа лошади, и в могиле 26 — обломки костей быка. Однако утверждать, насколько закономерна такая частота появления костей животных (один раз из шести) трудно, поскольку большинство могил здесь не только ограблено, но и подвергнуто выдуванию. Ведь то, что остатки захоронений находятся на самых разных глубинах от 0,25 до 2 м говорит о степени выветривания грунта вместе с заполнениями могильных ям. Поэтому там, где остатки захоронений обнаружены на небольшой глубине, а таких здесь большинство, кости жертвенных животных, вывернутые грабителями, могли развеяться ветрами.

Однако и при приблизительно равных условиях в четырех случаях из шести костей животных не оказалось (см. табл. 3).

Могила	Глубина, на которой залежали	
	кости животных, м	остатки захоронения, м
5	0,5	2,0
9	0,1	2,0
10	Не обн.	2,0
28	»	1,5
32	»	1,5
33	»	Не обн.

Это склоняет нас к гипотезе о том, что для погребального обряда Дэрестуйского Култука не было характерно столь обильное жертвоприношение животных, какое мы наблюдали выше в Ильмовой и Черемуховой падах.

В ориентировке и положении костяков дэрестуйских захоронений не обнаруживается отличий от суджинских. По данным Ю. Д. Талько-Грынцевича, в семи могилах, где представилась возможность установить положение погребенных, они лежали на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на север. Примерно такая же ориентировка костяков с небольшим отклонением к ССВ зафиксирована здесь и нами. Выше мы видели, что аналогичным образом ориентированы могилы Ильмовой и Черемуховой падей.

Благодаря сохранившимся в Дэрестуйском Култуке неограбленным погребениям, дело с фиксацией погребального инвентаря обстоит здесь значительно лучше. Этот могильник дал науке полноценные вещественные материалы, в том числе замечательные образцы искусства хунну. И если в Черемуховой и Ильмовой падах почти не было возможности фиксировать первоначальное расположение вещей в могилах, то в Дэрестуйском Култуке такая возможность имеется (см. табл. 4).

В могилах 7, 9 (женская), 21 (мужская) пол погребенных определен Ю. Д. Талько-Грынцевичем, в остальных мы определяем его предположительно по сопровождающему инвентарю. Из табл. 4 видно, что общим в мужских и женских могилах является наличие глиняной посуды, железных ножей, конского снаряжения, представленного удилами, псалиями, колечками, пряжками, бляхами от перекрестия ремней, колокольчиками, потниками и пр. (В Ильмовой пади снаряжение верховой лошади в женских могилах обычно не встречается). Различия выражаются в отсутствии у женщин наконечников стрел, а у мужчин — пучка волос или заплетенных кос. Интересно, что в Дэрестуйском Култуке наконечники стрел найдены лишь в трех могилах (по нашему мнению, мужских), а роговых накладок лука пока не было найдено ни разу. Это говорит, по-видимому, о том, что луки здесь были, в отличие от суджинских, простыми деревянными без усилителей-накладок.

Нет большой разницы в атрибутах одежды мужчин и женщин Дэрестуя. При тех и других находят роскошные художественно сработанные бляхи — пряжки, представляющие собой подлинные произведения искусства, и обыкновенные простые железные и бронзовые пряжки (костяных и роговых не встречено), разного рода бусы, подвески, серьги и нашивки на одежду. Однако если у женщин встречаются литые ажурные бляхи, то у мужчин пока обнаружены иного рода бляхи: сложные, комбинированные из золота и дерева или золота и рога. Назначение всех этих блях одно и то же — украшение пояса. Если в женских по-

гребенях мы находим большое количество бус, составляющих, по-видимому, различные по калибру и цвету наборы, то в мужских встречены одиночные бусы. Причем, у женщин основной, самый многочисленный набор бус сосредоточен, как правило, в области пояса и ниже, как бы свисая с пояса, у мужчин же отдельные бусинки рассеяны по разным местам верхней половины погребальной камеры.

Дополнением женского наряда являются различного рода кольца-круги, найденные по два экземпляра в трех захоронениях. В одном (32) они лежали ниже пояса у бедер (табл. XX, 8, 9) и были сделаны из липаритовой лавы коричневого цвета; в другом (10) — еще ниже, у голени, и были отлиты из бронзы с ажурными прорезями; в третьем — оба костяных (по определению Ю. Д. Талько-Грынцевича) кольца обнаружены у левой кисти³⁶. Надо полагать, что они каким-то образом прикреплялись к одежде. Такие кольца в качестве нагрудных украшений известны в энеолитических погребениях глазковского времени в Прибайкалье во II тысячелетии до н. э.

Сережки и раковины равно использовались в женских и мужских украшениях: остатки серег находятся в обычных местах около ушей, а немногочисленные раковины каури и их имитации из обыкновенных пластин ракушек или меди обнаруживаются большей частью в области пояса с левой стороны. Возможно, они тоже украшали пояс.

Находимые в могилах бронзовые монеты, по-видимому, не случайно соседствуют с раковинами каури (см. табл. 4, ДК-32, ДК-33), они, вероятно, использовались и как раковины для украшения одежды.

По составу погребального инвентаря и расположению вещей дэрестуйские погребения ближе всего стоят к некоторым погребениям Иволгинского могильника. А. В. Давыдова в связи с находками на Нижней Иволге бронзовых изделий «в зверином стиле», привлекая к ним обширный сравнительный материал, прежде всего останавливается на дэрестуйских аналогиях.

Надо сказать, что находка в одной из могил Иволгинского могильника двух бронзовых пластин с ажурным изображением борьбы животных положила конец спорам о назначении аналогичных изделий не только из Дэрестуйского могильника, но и из различных музейных собраний и частных коллекций: вряд ли теперь можно сомневаться, что это поясные пряжки³⁷. Именно так (или, точнее, бляхами-пряжками) следует называть рассмотренные нами выше бронзовые и сложно-составные украшения мужских и женских поясов.

Захоронение с бронзовыми пряжками принадлежало женщине с богатым набором украшений на одежде и головном уборе. На уровне пояса или талии с обеих сторон обнаружены различные бусы, каменные кольца, когтевидные подвески и нашивки — имитации раковин каури; последние найдены и под скелетом на линии пояса. Под левой половиной тазовых костей и рядом с ней обнаружены одна железная и две бронзовые полусферические пуговицы, а на крестце лежала маленькая четырехугольная бронзовая пряжка с железным язычком. Все это, по мнению А. В. Давыдовой, прикреплялось к двум поясам на нижней и верхней одежде. Нижний пояс застегивался маленькой бронзовой пряжкой, верхний — большими ажурными пластинами из бронзы.

Таким образом, один только богатейший набор поясных украшений этого прекрасно сохранившегося погребения хорошо иллюстрирует

³⁶ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, с. 27.

³⁷ См.: А. В. Давыдова. К вопросу о хунских художественных бронзах. — «Сов. археол.», 1971, № 1, 101, рис. 7.

сказанное нами выше о поясных украшениях дэрестуйцев. Но по общему и разнообразию украшений оно превосходит их.

Сходство нижеволгинского погребения с дэрестуйскими не ограничивается украшениями. Оно обнаруживается и в погребальном сооружении и обряде захоронения. Захоронение совершено в таком же, как и в Дэрестуе, деревянном гробу размерами 2,05×0,55 м на глубине 1,55 м, закрытом сверху поперечными плахами. На крышке у передней стенки лежал череп барана. Внутри гроба в изголовье находились три глиняных горшка, ребра и позвонки барана, с левой стороны ниже пояса погребенного — два железных ножа. Среди вещей, положенных «про запас», было железное шило. Эти элементы погребального обряда имеют свои аналогии не только в Дэрестуйском могильнике, но и в Ильмовой и Черемуховой падах.

Сопоставляя погребальные комплексы хунну, прежде всего необходимо очень коротко остановиться на Иволгинском могильнике в целом³⁸. Он расположен на небольшом возвышении недалеко от впадения р. Иволги в Селенгу, в полукилометре от одноименного городища. Обнаруженные здесь погребения никаких внешних признаков не имеют. К настоящему времени исследовано 216 погребений в грунтовых ямах глубиной от 0,2 до 2,55 м. Примерно в 80 из них не сохранилось внутримогильных сооружений, в 14 — зафиксировано полное отсутствие таковых: погребенные лежали просто на дне могильной ямы, а в двух случаях — без ямы, на уровне погребенной почвы. На могильнике обнаружено 13 неграбленных захоронений. Основной вид погребальных сооружений — деревянные гробы из тонких досок (в 62 могилах). В 31-й могиле найдены гробовища из толстых, грубо подтесанных досок, по одному захоронению обнаружено в двойной камере (гробовище, внутри которого стоял гроб), в долбленной колоде и в каменном ящике.

Детей-подростков хоронили в дощатых гробах на небольшой глубине, детей от одного до трех лет — в глиняных сосудах на уровне погребенной почвы. Есть детские погребения, совершенные вместе со взрослыми.

подавляющее большинство исследованных погребений ориентировано головой на север и северо-восток, 49 — на восток с отклонением в обе стороны, 7 — на запад, в трех случаях ориентация не установлена. Но трупоположение является общим для всех могил независимо от ориентации: на спине, с вытянутыми ногами и руками вдоль тела.

Погребальный инвентарь Иволгинского могильника в целом подчиняется общему для хунну ритуалу и отражает достаточно высокую степень имущественной дифференциации населения городища. Мужчины обычно снабжены луком со стрелами, ножом или кинжалом, но иногда лук со стрелами отсутствует или наблюдаются различия в составе предметов вооружения. Женщины погребены обычно с набором украшений, красноречиво отражающих материальное положение погребенной, с некоторыми орудиями труда (нож, шило, ложило для выделки шкур и т. д.). Инвентарь детских захоронений сравнительно беден. Общим для всех обрядов было наделение умерших заупокойной пищей в горшках и кусками мяса, при этом количество оставленной в могиле пищи находилось в прямой зависимости от материального достатка умершего.

Даже эти самые общие сведения об Иволгинском могильнике, а также отмеченные выше некоторые его параллели с Дэрестуйским об-

³⁸ Кроме кратких публикаций А. В. Давыдовой (см.: Бурят-Монгольская археологическая экспедиция в 1956 г. — «Записки БМПИИК» 24, 1957; Раскопки Иволгинского могильника. — «Археол. открытия 1970 г.», М., «Наука», 1971), мы располагаем сводными данными по этому памятнику, любезно предоставленными нам автором.

наруживают заметную культурную близость названных могильников. Однако столь же очевидна несомненная общность их обеих с Ильмовой и Черемуховой падыми. Все могильники, несмотря на своеобразие каждого из них, объединены единым погребальным обрядом. Единство это выражается в ориентировке, в ритуале очищения огнем, в снабжении умершего погребальным инвентарем и пищей (в соответствии со степенью богатства и знатности), в единых технических приемах изготовления гробов и срубов и обкладки их камнями и, наконец, в идентичности инвентаря во всех комплексах.

Но выше нами отмечены и особенности могильников суджинского и дэрестуйского типов. В ряде могильников суджинского типа наряду с рядовыми могилами имеются крупные и сложные погребальные сооружения с пышным обрядом захоронения особо знатных лиц, каковых пока не встречено в других местах. В Ильмовой и Черемуховой падах преобладают двойные погребальные камеры (гроб в срубe), в которых захоронены люди среднего достатка или довольно состоятельные, со следами богатого убранства, в то время, как в Дэрестуйском Култуке и Иволгинском могильнике все, независимо от имущественного положения, захоронены в однокамерных гробах, различающихся, правда, своими габаритами. В Ильмовой и Черемуховой падах встречается много костей животных — остатков заупокойной пищи, а также и символов самих животных, домашнего скота, сопровождающего владельца в потусторонний мир. В Ильмовой и Черемуховой падах гораздо чаще, чем в Иволгинском и Дэрестуйском могильниках, встречаются остатки вооружения (луков и стрел), лаковых изделий и костяных палочек как приспособлений для еды и, наконец, бронзовые зеркала (в обломках) в могилах встречены только в Ильмовой и Черемуховой падах.

Объяснение этих различий будет дано ниже. А пока коснемся еще одного обстоятельства, создающего ложное впечатление о положении вещей. Существовало мнение, что одной из особенностей дэрестуйского могильника является наличие и даже обилие в нем бронзовых вещей. Это обстоятельство повлияло даже на датировку самого памятника Г. П. Сосновским, признавшим его несколько древнее по сравнению с Ильмовой падою³⁹.

Нисколько не возражая против этого, хотелось бы обратить внимание на то, что в Ильмовой и Черемуховой падах, хоть и редко, но попадаются бронзовые вещи, совершенно идентичные находкам из Дэрестуйского Култука. Не значит ли это, что не будь эти могилы меньше разграблены, в них было бы много больше бронзовых изделий? А ведь в Дэрестуйском Култуке и Иволгинском могильнике они найдены в неограбленных или мало потревоженных могилах, каких почти не встретить в Ильмовой и Черемуховой падах. А ограблены они в различной степени, возможно, потому, что первые находятся в открытых местах, вблизи рек и поселений, а вторые — в глухих отдаленных уголках, более благоприятных для работы грабителей.

Все это склоняет нас к мысли, что в характере инвентаря этих могильников в целом, по-видимому, не было существенной разницы, в частности, в содержании бронзовых вещей. В следующей главе мы увидим, что в названных могильниках встречаются одинаковые бронзовые бляхи-перекрестья и колокольчики от сбруи, железные удила и костяные псалии, железные ножи и наконечники стрел и некоторые другие предметы.

Но некоторые указанные выше различия в устройстве могил и обряде захоронения, а также в содержании в них импортных изделий (лак, костяные палочки для еды, зеркала и монеты), видимо, объясня-

³⁹ См.: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1—2, 173.

ются обстоятельствами социального порядка. Очевидно также, что на таком поселении, как Иволгинское городище, проживало разношерстное в социальном отношении население (ремесленники, земледельцы, охотники, воины, начальники, предводители и т. д.). Вполне возможно, что и Дэрестуйский могильник был связан с такого же рода оседлым поселением, которое еще ждет своего открытия и исследования.

Такие могильники, как Ильмовая и Черемуховая пади и им подобные, по-видимому, являются родовыми кладбищами. Однообразие обряда захоронения при заметном социальном разграничении на богатых, средних и бедных, да еще с промежуточными прослойками, может свидетельствовать о патриархально-родовой общности населения, строго соблюдавшего местные погребальные обряды и обычаи.

Имущая часть таких общин владела основными богатствами, в том числе и предметами импорта, через торговый обмен с другими странами, в особенности с Китаем. По случаю мирных соглашений и дипломатических взаимных визитов хуннская и китайская стороны обычно сбменивались большим количеством подарков друг другу. Этим и объясняется, очевидно, наличие в могилах Ильмовой и Черемуховой падей таких предметов, как лаковые чашки, костяные палочки для еды, бронзовые зеркала и монеты.

Глава IV

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ХУННУ

Существующее представление о материальной культуре хунну сложилось, как уже отмечалось нами выше, скорее из рассмотрения наиболее ярких и эффектных вещей, в то время как основная масса вещественного материала не подвергалась подробной систематизации и изучению.

Попытки описания отдельных локальных комплексов вещей предпринимались и ранее. Еще Ю. Д. Талько-Грынцевич систематизировал первые находки из Ильмовой пади, избрав принцип деления их по материалу, из которого они сделаны, то есть на металлические, костяные, глиняные изделия и т. д.⁴⁰

Находки Ноин-улы квалифицированно исследованы С. И. Руденко⁴¹, но уже по другому принципу — по отраслям хозяйства и быта (например, домашняя утварь, одежда и украшения, средства передвижения, военное дело, изобразительное искусство и т. д.).

По такому же принципу охарактеризован вещественный материал из рядовых могил хунну Ц. Доржсурэн⁴². Разнообразный инвентарь Иволгинского городища описан А. В. Давыдовой⁴³, сгруппировавшей материал по классификации Ю. Д. Талько-Грынцевича.

В настоящей работе мы хотели бы уделить больше внимания не столько принципу систематизации и классификации, сколько полноте охвата материала, то есть описанию его на основе больших типологических серий изделий. По мере накопления материала в этом ощущается все большая необходимость. Поэтому в обзоре взяты на учет все доступные нам материалы из хуннских погребений Бурятии и Монголии с привлечением данных из Иволгинского поселения.

При описании инвентаря возникают известные затруднения в определении некоторых вещей. Почти в любом культурном комплексе обычно встречаются непонятные предметы. Плохая сохранность и фрагментарность находок часто усугубляют эти затруднения. И от того, насколько удастся определить назначение отдельных вещей, будет зависеть и конкретная их классификация по видам.

Предметы вооружения и доспехов

Наконечники стрел. Вооружение хунну в погребениях представлено остатками луков и стрел. По имеющимся данным, из хуннских

⁴⁰ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. — «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2.

⁴¹ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.

⁴² См.: Ц. Доржсурэн. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961.

⁴³ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище. — «Сов. археол.», XXV; A. V. Davydova. The Ivolga Gorodishche — a monument of the Hiung-nu culture in the Trans-Baical region. — «Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae», 20. Budapest, 1968.

погребений происходят 70 наконечников стрел, из коих подавляющее большинство (52 экземпляра) найдено в результате новейших раскопок в Черемуховой и Ильмовой падах и Дэрестуйском Култуке. Находки распределяются следующим образом: в Черемуховой пади — 31 наконечник, Ильмовой пади — 24, Дэрестуйском Култуке — 4, Бурдуне — 2, Бору — 3, Ноин-уле — 3, Хуни-голе — 6.

Число наконечников из Ильмовой пади и Дэрестуйского Култука, а также Ноин-улы, при наибольшем количестве раскопанных там могил, весьма невелико. В материалах П. К. Козлова из Ноин-улы не значится ни одного наконечника, и лишь два наконечника найдено там Ц. Доржсурэном. Точно так же нет наконечников из Ильмовой пади у Ю. Д. Талько-Грынцевича (кроме одной роговой свистунки), а в Дэрестуйском Култуке им зарегистрированы только два наконечника — железный и бронзовый. Это обстоятельство вряд ли следует рассматривать как доказательство отсутствия названных предметов, а объясняется оно, по-видимому, плохой сохранностью находок и, может быть, неточным определением найденных предметов.

После работ Г. П. Сосновского в литературе сложилось следующее представление о хуннском наконечнике стрелы, который издает при полете свист. Он писал: «Железные наконечники стрел из Ильмовой пади имеют трехлопастную форму, заостренный конец и отличаются некоторой массивностью. У насада они снабжались костяными «свистунками» боченкообразной формы с 3—4 отверстиями посередине. При полете стрела с таким приспособлением издавала свист»⁴⁴. Но это была лишь одна из форм наконечников.

Последующими исследованиями выявлено большое их разнообразие. На Иволгинском городище и могильнике обнаружены преимущественно костяные наконечники, небольшое количество бронзовых и несколько экземпляров железных⁴⁵.

Наши новые находки составили любопытную коллекцию наконечников стрел (табл. I и II), в которой представлены следующие типы и формы (все железные): трехлопастные ступенчатые с черенком (табл. I—II, 12—28), трехлопастные ромбовидные (табл. II, 20, 26), трехлопастные пирамидальные (табл. I, 8, 9), листовидные или ромбовидные плоские (табл. I—II, 2—7), плоские с расширенным полукруглым острием (табл. I, 10). Самые многочисленные из них — трехлопастные ступенчатые — характеризуются сложной конфигурацией: круто расширяющиеся от основания (шейки) лопасти ступенчатообразно переходят в узкое пирамидальное (в сечении также трехлопастное) острие, причем ступенчатый переход сделан под большим, часто до 90°, а иногда отрицательным углом к оси наконечника, так что общая боковая конфигурация наконечника напоминает фигуру летящей птицы. У некоторых экземпляров на лопастях имеются отверстия — по одному на каждой (табл. I, 14, 15). Аналогичной формы наконечник найден Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Бурдуне⁴⁶, по своим пропорциям он занимает среднее положение между наконечниками из погребений 50 и 52 Ильмовой пади (табл. II, 17—21, 24, 25, 28).

Трехлопастные ромбовидные наконечники по своей форме просты и понятны: наибольшей ширины лопасти достигают примерно в середине наконечника и под острым углом или слегка закругленно переходят к

⁴⁴ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 62.

⁴⁵ См.: А. В. Давудова. The Ivolga Gorodishche..., табл. 12, 16, 17.

⁴⁶ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1901, т. IV, вып. 2, с. 51, табл. II, p.

острию, в профиль имеют копьевидную форму. Близкий к этому типу наконечник найден в том же Бурдуне⁴⁷.

Трехлопастные пирамидальные наконечники — это те, у которых лопасти достигают наибольшей ширины у основания или близко к нему, как у наконечника из погребения 49 Черемуховой пади (табл. I, 1), или лопасти оттянуты назад в виде жалец, как у наконечников из погребения 28 Дэрестуйского Култука (табл. I, 8, 9). Аналогичный первому варианту наконечник известен в одном из курганов Ноин-улы⁴⁸.

Листовидные плоские наконечники встречаются часто. По своим пропорциям они приближаются к ромбу или, не имея выраженных углов по бокам, приобретают листовидную форму. Подобный экземпляр имеется в коллекции иволгинских наконечников⁴⁹.

Аналогию плоскому наконечнику типа «срезни» (табл. I, 10) пока в хуннских материалах мы не нашли.

Кроме описанных выше наконечников в материалах Ю. Д. Талько-Грынцевича значатся в одном случае «четырёхгранный» из Дэрестуйского Култука⁵⁰, в другом — «четырёхугольный» из могильника в Бору⁵¹, облик которых для нас не совсем ясен.

Не совсем ясны также и формы шести так называемых «трехгранных» (по описанию Ц. Доржсурэна, без иллюстраций) наконечников стрел, обнаруженных им в одной из могил местности Гол-мод на р. Хуни-гол⁵². К сожалению, автором не назван материал, из которого сделаны эти наконечники.

Бронзовые наконечники в погребениях хунну встречаются очень редко. Отчасти это можно объяснить ограблением могил: бронза по сравнению с железом лучше сохраняется, и наконечники из нее могли быть взяты грабителями для дальнейшего использования. Тем не менее, у хунну их было, по-видимому, немного. Небольшая серия бронзовых наконечников происходит из Иволгинского городища⁵³, где большинство их имеет узкую трехгранную форму так называемого скифского облика, кроме одного копьевидного и одного трехлопастного наконечников⁵⁴.

Совершенно аналогичный последнему трехлопастный пирамидальный с отверстиями на лопастях наконечник был найден Ю. Д. Талько-Грынцевичем в одной из могил Дэрестуйского Култука. Стрела с этим наконечником была снабжена костяной усеченно-биконической свистункой⁵⁵. Другой трехлопастный пирамидальный с оттянутыми назад лопастями бронзовый наконечник, аналогичный по форме железному наконечнику из могилы 28 Дэрестуйского Култука (табл. I, 8), происходит из могилы в Бору⁵⁶. На лопастях его также имеются отверстия.

Рассматривая серию железных наконечников хунну, нельзя не заметить преобладания крупноразмерных трехлопастных фигурных или ступенчатых. Именно этой формы наконечники являются типичными для хунну и сравнительно мало известны из других культур, близких к ним по времени и территории.

⁴⁷ См.: там же, с. 51, табл. II, p.

⁴⁸ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXX, 3.

⁴⁹ А. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche..., табл. 16 (45).

⁵⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II, o.

⁵¹ Там же, 1900, том. III, вып. 1, табл. XI, k.

⁵² Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-ула на р. Хуни-гол, с. 43, могила 14.

⁵³ А. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche..., табл. 17 (29—35).

⁵⁴ Там же, табл. 17 (34).

⁵⁵ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II, n.

⁵⁶ Там же, 1900, т. III, вып. 1, табл. XI, d.

Наиболее близкие аналогии к ним имеются в погребальных памятниках хуннского времени Тувы, а именно больше всего в могильнике Кокэль I века до н. э.—III века н. э.⁵⁷. В отличие от хуннских лопасти кокэльских стрел, пожалуй, несколько мельче и уже.

Подобный ступенчатый наконечник был найден на могильнике Ближние Елбаны (пункт XIV) близ с. Большая речка, относящемся к одинцовскому этапу (II—IV века н. э.) истории племен Верхней Оби⁵⁸. Находка сделана на территории могильника, характеризующегося обрядом захоронения в грунтовых ямах с неопределенными остатками деревянных сооружений типа гробовищ, с труположением на спине головой на СВ, с глиняными горшками в изголовье и прочими предметами быта и вооружения, а также со следами надмогильных тризн, выраженных в находках черепов и костей нсг лошади. По заключению М. П. Грязнова, шкура жертвенного животного с оставленным в ней черепом и копытами укладывалась в могилу или оставлялась на месте пиршества⁵⁹.

Столь же отдаленную по времени и расстоянию аналогию нашим наконечникам мы имеем в серии железных наконечников из погребений середины I тысячелетия н. э. Томского могильника⁶⁰.

Что касается трехлопастных листовидных или ромбовидных железных наконечников, многочисленные аналогии к ним мы имеем прежде всего в том же могильнике Кокэль в Туве, где они по количеству преобладают над остальными формами наконечников⁶¹.

В связи с этой и другими формами хуннских наконечников стрел небезынтересно обратиться к данным из Кенкольского могильника (II—IV века н. э.) в предгорьях Тянь-Шаня, на границе Южного Казахстана и Киргизии. По сводке С. С. Сорокина, для района расположения Кенкольского могильника была установлена следующая схема хронологической последовательности типов железных наконечников стрел: «III в. до н. э.—I в. н. э.—наиболее характерны мелкие трехперые черешковые наконечники; возможно появление более крупных, тоже черешковых; II—III вв. н. э.—мелкие наконечники исчезают совершенно, наиболее характерными становятся крупные трехперые черешковые с треугольной боевой частью; IV—V вв. н. э.—крупные трехперые черешковые наконечники с треугольной боевой частью продолжают бытовать; появляются аналогичные, но с боевой частью лавролистной формы; с VI в. (не ранее) появляются плоские ромбические наконечники, но продолжают бытовать и трехперые»⁶².

Пренебрегая разницей в терминологии, в размерах наконечников и некоторых деталях их форм можно отметить следующие параллели: пирамидальные наконечники, называемые нами трехлопастными, с оттянутыми назад жальцами соответствуют среднеазиатским образцам последних веков н. э.; такой же наконечник, но с тупым срезом в основа-

⁵⁷ См.: К. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль...; С. И. Вайнштейн. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году; В. П. Дьяконова. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль.—В кн.: «Труды ТКАЭЭ», т. II, М.—Л., «Наука», 1966, табл. III, 13, 29, 43, 44; т. III, рис. 40 (10), 42 (4); табл. I, 7, 25, 26, 36, 52, 53, табл. III, 43—47, 68, 70.

⁵⁸ См.: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби.—МИА, 48, М.—Л., 1956, с. 100—106, табл. XXXVIII, 15.

⁵⁹ См.: там же, с. 107.

⁶⁰ См.: М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.—МИА, 24, с. 48, рис. 27 (18—27).

⁶¹ См.: С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Указ. соч., табл. III, 5—8, 20—21 и др., С. И. Вайнштейн. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году, с. 78. В. П. Дьяконова. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль, табл. I, 1—6, 18—24 и др., табл. III, 1—25 и др.

⁶² С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника, с. 10—11, рис. 2.

нии лопастей аналогичен среднеазиатскому наконечнику VI—VII века н. э.; наши трехлопастные ромбовидные и плоские листовидные можно сравнить со среднеазиатскими трехперыми лавролистными и плоскими ромбическими, появляющимися там в середине I тысячелетия н. э. и позднее.

В памятниках Алтая тюркского времени характерны трехлопастные наконечники, как узкие, так и широкие. Широколопастные стрелы Кудыргинского могильника сравниваются А. А. Гавриловой с хуннскими, но, к сожалению, плохая сохранность большинства находок не позволяет судить об этом достаточно полно. По нашему мнению, сходство с хуннскими можно усмотреть в немногих экземплярах кудыргинской коллекции⁶³, большинство же наконечников оттуда имеет тенденцию к трапецевидной форме лопастей, обнаруживая этим ближайшее сходство с наконечниками тюркского времени из Тувы⁶⁴.

В целом же надо признать, что типология наконечников стрел не разработана. У хунну, как видим, существовали и плоские, и трехлопастные наконечники. Попытаться установить хронологическую последовательность появления того или иного типа — дело трудное. В связи с этим высказанная С. В. Киселевым мысль о том, что в хунно-сарматскую эпоху в Северной Монголии и Южной Сибири плоские овальные или ромбовидные наконечники уступают место трехгранным пирамидальным⁶⁵, требует подробного обоснования.

Редки в хуннских погребениях и костяные наконечники стрел. Думается, что это также связано отчасти с грабительскими действиями. Ю. Д. Талько-Грынцевицем в Ильмовой пади обнаружен лишь один костяной наконечник, плоский, листовидной формы с вилообразно вытесненным насадом, представляющий по своей форме пока единственный образец⁶⁶.

Нами также найден всего один костяной наконечник (табл. I, 11) и тоже в Ильмовой пади (причем вместе с пятью железными наконечниками). Это продолговатый узкий копьевидный наконечник (в сечении уплощенный шестигранник) с расщепленным надвое черенком, в который вставлялся и заматывался сухожилиями клинообразный конец древка стрелы. По типу он вписывается в большую серию наконечников из Иволгинского городища⁶⁷, отличаясь от них лишь шестигранным сечением. Подобные наконечники встречались в Бору (могила 2) и в бывшем Троицкосавске (раскопки П. С. Михно)⁶⁸.

Что касается коллекции костяных наконечников Иволгинского городища, в ней различаются несколько типов: 1) листовидной или копьевидной формы, ромбовидного сечения, с расщепленным черенком; 2) стрельчатой формы (плоские пирамидальные), ромбовидного сечения, с расщепленным черенком; 3) стрельчатой формы, ромбовидного сечения, без черенка, со втульчатым насадом; 4) копьевидной формы, ромбовидного сечения, клинообразно заточенным черенком. Среди стрел на городище нередко встречаются наконечники с тупым концом, что дает возможность А. В. Давыдовой говорить об охотничьем назначении

⁶³ См.: А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., «Наука», 1965, табл. VIII, 2; табл. XI, 12; табл. XXII, 3.

⁶⁴ См.: А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — «Труды ТКАЭЭ», т. I. М.—Л., «Наука», 1960, с. 132, рис. 75.

⁶⁵ См.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 317.

⁶⁶ Ю. Д. Талько-Грынцевиц. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XIV, 8.

⁶⁷ А. В. Давыдова. The Ivolga Gorodishche..., табл. 12 (1—9).

⁶⁸ Хранятся в Кяхтинском музее.

костяных наконечников вообще. Эту мысль подтверждает и С. И. Руденко⁶⁹.

Основная масса хуннских костяных наконечников имеет, таким образом, расщепленный насад (по материалам Иволгинского городища — 75 экземпляров из 90). В одновременных памятниках Южной Сибири, Монголии, Дальнего Востока таких наконечников стрел нет. Но они были известны в Прибайкалье еще в энеолитическое (глазковское) время⁷⁰. Очевидно, подобный способ насадки наконечника на древко стрелы представляет местную традицию, уходящую своими корнями в глубь веков.

Наконечники с клинообразным насадом-черенком из Иволгинского городища имеют свои ближайшие аналогии в предшествующей культуре плиточных могил Забайкалья⁷¹, и из других территорий дохуннского и послехуннского времени они известны у племен Большереченской и Верхнеобской культур верховьев Оби (VII—I века до н. э. и I—VIII века н. э.)⁷² и тагаро-таштыцкого населения лесостепной части Южной Сибири (верхнее Причулымье)⁷³.

Свистунки к стрелам. Выше упоминалось, что хуннские стрелы снабжались свистунками. Они представляют собой бочонкообразные или биконической формы полые трубочки с тремя отверстиями по бокам, надеваемые на древко стрелы у основания наконечника для того, чтобы стрела при полете издавала звук. Такие приспособления к стрелам найдены в Ильмовой пади, Дэрестуйском Култуке и Иволгинском городище и могильнике⁷⁴. В хунносарматскую эпоху они были распространены широко — в Туве, на Алтае, в Минусинской котловине и Средней Азии, но у хунну они появились, пожалуй, раньше всех.

Накладки на лук. Это роговые пластины для усиления упругости лука. Интересно, что Ю. Д. Талько-Грынцевич часто находимые им обломки этих изделий не признавал принадлежностями лука, а считал неким подобием ножей или относил к разряду непонятных вещей⁷⁵.

Г. П. Сосновский на этот счет не ошибался. Ему удалось установить, что «сложный лук, имевшийся у населения, оставившего могильник Ильмовой пади, состоял из 7 костяных накладок (4 концевых и 3 срединных) и достигал около 1,40 м длины. Он был дугообразно изогнут (с наибольшим изгибом посередине и слегка отогнутыми концами)»⁷⁶.

В Черемуховой и Ильмовой падах нам удалось сделать ряд удачных находок остатков лука (табл. III—V), позволяющих заключить, что хуннский лук состоял из десяти накладок — четырех концевых, четырех промежуточных и двух срединных. Все они располагались попарно. Срединные накладки представляют собой сегментовидной формы пластины, слегка вогнуто-выпуклые в сечении, длиной в среднем около

⁶⁹ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 26.

⁷⁰ См.: А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, 43. М.—Л., 1955, с. 48, 65, рис. 19.

⁷¹ См.: Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. X, 1—12.

⁷² См.: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 48. М.—Л., 1956.

⁷³ См.: А. И. Мартынов. История тагаро-таштыцкого населения лесостепной части Южной Сибири. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1973, с. 15.

⁷⁴ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XIV, 2; его же. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II, л; Фонды Гос. Эрмитажа, колл. 1354 (55—56); А. В. Давыдова. Новые данные об Иволгинском городище, с. 159, рис. 13 (4—7); А. В. Давыдова. The Ivolga Gorodishche..., табл. 12 (26).

⁷⁵ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, с. 10, табл. XIX, XXV.

⁷⁶ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 62, рис. 13.

35 см, наибольшей шириной около 4 см. Концевые накладки представляют собой узкие, слегка изогнутые пластины длиной до 40 см, полукруглые в сечении, с плоской внутренней и выпуклой внешней сторонами и с выемкой для тетивы на расширенном и закругленном конце. Промежуточные пластины короткие — до 22—25 см, прямые, также полукруглые в сечении, но с расширенными и уплощенными концами. Внешняя выпуклая сторона всех пластин гладко отполирована, внутренняя же сторона обработана шероховато и с насечками для прочного сцепления с деревянной основой лука. Если все эти пластины расположить последовательно на луке, длина его при отпущенной тетиве может достигнуть 155—160 см, натянутой — около 150 см.

Характерная особенность хуннских луков — большие размеры, по сравнению с луками поздних кочевников. Относятся они к типу слабо изогнутых с длинными концевыми накладками. Несмотря на крупные размеры, роговые накладки хуннских луков отличаются особой изящностью отделки.

Близкие к ним экземпляры встречаются лишь в одном из погребений хунно-сарматского времени в Туве, в местности Кара-Холь⁷⁷. Принципиально сходные с хуннскими, но почему-то явно грубой работы, накладки луков встречаются иногда в погребениях того же времени (II век до н. э. — V век н. э.) на могильнике Кокэль в Туве⁷⁸.

Хуннские традиции в изготовлении луков на Алтае, как считает А. А. Гаврилова, продолжали тюрки-тугу и берельские племена (V—VI века н. э.), делавшие луки с почти прямыми концевыми накладками, в то время как их современники кудыргинцы придерживались другой традиции, сильно изгибая концевые накладки, что характерно для луков Тянь-Шаня первой половины I тысячелетия до н. э. и Подунавья аварского времени⁷⁹.

Поножи. Из единичных находок, предположительно связываемых нами с вооружением и доспехами, несколько затруднительно определить продолговатую плоскую железную пластину (табл. XV, рис. 10) длиной 28 см, шириной с одного конца 6,5 см, с другого — 3 см, толщиной 0,3 см (из погребения 46 Ильмовой пади). На закругленных концах предмета имеются остатки либо петелек, либо шпеньков для прикрепления его к чему-нибудь. Весь облик предмета, его форма и размеры наводят на мысль об аналогии с бронзовыми изделиями из ноин-улинского кургана⁸⁰, определяемыми С. И. Руденко как «наручья-латы». Это определение кажется вполне правдоподобным, но наша пластина несколько длиннее ноинулинских бронзовых и может быть определена как «поножи», подобно находкам деревянных поножей из алтайских курганов скифского времени (VII—VI веков до н. э.)⁸¹. В пользу этого говорит также и местонахождение предмета — в ногах погребения, на уровне правой голени (см. рис. 11, справа). Возможно, аналогичное назначение имели и две другие, правда узкие, пластины, также имеющие на концах какие-то приспособления для прикрепления (табл. XV, рис. 11).

⁷⁷ См.: А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, с. 99, рис. 32.

⁷⁸ См.: С. И. Вайнштейн. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году, рис. 20, 21, 52, 111 и с. 78; В. П. Дьяконова. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. — «Труды ТКАЭЭ», т. III. Л., 1970, с. 235, табл. I, 32—38.

⁷⁹ См.: А. А. Гаврилова. Указ. соч., с. 59.

⁸⁰ С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 63—64, рис. 53, табл. XXX, 4, XXXI.

⁸¹ См.: С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 123—124, табл. X, 1, 2.

Удила и псалии. Образцы удил и псалиев, впервые найденных Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Ильмовой пади и Дэрестуйском Култуке, приведены в его работах⁸². Г. П. Сосновским они найдены дважды (по его описанию). Обнаруженные в Ноин-уле и Гол-моде удила и псалии описаны в работах С. И. Руденко и Ц. Доржсурэна⁸³. Нами найдены в Ильмовой пади остатки 7 уздечек, в Дэрестуйском Култуке — 3-х, в Черемуховой пади — 1 уздечки⁸⁴. Всего, таким образом, в хуннских погребениях зарегистрированы остатки 21 узды.

Полученная серия находок показывает, что хуннские уздечки имели двусоставные кольчатые удила и двухдырчатые псалии. Последние продевались в кольчатые навершия удил и фиксировались там с помощью развилок нащечных ремней, продеваемых в отверстия псалиев.

Псалии в подавляющем большинстве случаев железные, прямые, с двумя утолщениями в местах отверстий, на концах либо постепенно заостряются (табл. VI, 2), либо веслообразно уплощены (табл. VI, 1). Последние находят свою аналогию в находках из Ноин-улы⁸⁵. Примечательно, что костяные псалии, найденные нами в Ильмовой пади, почти повторяют форму железных с заостренными концами (табл. VI, 13). Аналогичные находки были сделаны ранее в Дэрестуйском могильнике и Иволгинском городище⁸⁶.

Разновидностью форм железных псалиев являются слегка S-образно изогнутые псалии с широкими уплощенными концами, найденные нами в Дэрестуйском Култуке (табл. VI, 8). Подобные псалии, получившие название «пропеллеровидных», упоминаются в работах Ц. Доржсурэна и А. В. Давыдовой, однако последний из них, найденный на Иволгинском городище⁸⁷, представляет собой нечто отличное от наших. Более близкую аналогию нашей находке мы имеем в псалиях из плиточной могилы на Ихерике⁸⁸, датируемой Г. П. Сосновским и Н. Н. Диковым первыми веками до н. э.

К принадлежностям узды, по-видимому, относятся обнаруженные нами в Ильмовой и Черемуховой падах железные продолговатые узкие, а также закрученные в виде восьмерки петельки (табл. VI, 3, 9, 11). Подобные узкие продолговатые петельки имеются на удилах из находок Ц. Доржсурэна в Ноин-уле⁸⁹.

Узды с удилами из двух звеньев и двухдырчатыми псалиями получили широкое распространение еще в скифское время. Такого типа бронзовые удила и псалии известны из позднемайэмйского кургана у с. Туяхта на Алтае (VI век до н. э.), в районе г. Семипалатинска и далее к западу на территории Скифии⁹⁰. S-образно изогнутые псалии

⁸² См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище, табл. XIX, 3, XX, 22 в; его же. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. III, 10.

⁸³ С. И. Руденко. Культура хуннов., с. 35, рис. 27; с. 49, рис. 43 б, табл. XXI, 8; Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-ула на р. Хунн-гол, с. 37, рис. 7 (1, 3).

⁸⁴ Обращает на себя внимание редкость находок удил в Черемуховой пади, что, впрочем, согласуется с отсутствием там костей лошади.

⁸⁵ С. И. Руденко. Культура хуннов., с. 49, рис. 43 б; Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну., с. 37, рис. 7. (1, 3).

⁸⁶ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. III, 10; А. В. Давыдова. Новые данные об Иволгинском городище, с. 159, рис. 13 (20—21).

⁸⁷ См.: А. В. Давыдова. The Ivolga Gorodishche., табл. 16 (11).

⁸⁸ См.: Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья, с. 37, 41—42, табл. XI, 6, 7.

⁸⁹ См.: Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну, с. 37, рис. 7 (1, 3).

⁹⁰ См.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, с. 295, табл. XXVIII, 18; XXIX, 14.

появляются несколько позднее и в различных парадных вариантах больше всего известны из Пазырыкских курганов⁹¹. Найдены они в Туве скифского времени (уюкская культура, II этап, V—IV века до н. э.)⁹². Следующие по времени аналогии хуннским удилам отмечены у тыштыкцев на Среднем Енисее. «По своей форме они двусоставные кольчатые, ближайшим образом напоминающие железные удила из хуннских погребений Ноин-улы и удила из погребений типа Пазырык и Шибэ на Алтае⁹³. Поздние аналогии нашим удилам и псалям имеются в памятниках Тувы и Алтая тюркского времени (вторая половина I тысячелетия н. э.)⁹⁴. Примечательно, что и в Туве, и на Алтае встречаются роговые псалии⁹⁵, живо напоминающие некоторые хуннские образцы этих изделий, например, из погребения 52 Ильмовой пади (табл. VI, 13) и погребения 10 Дэрестуйского Култука⁹⁶.

Таким образом, о бытовании описанного типа удил и псалий в Южной Сибири можно говорить, по крайней мере, начиная с пазырыкского по кудыргинское время (VI век до н. э.—VII век н. э.), что было уже отмечено в литературе⁹⁷. Но, очевидно, правы и те исследователи, которые намечают более широкий ареал распространения их — от Северного Причерноморья до Забайкалья и Монголии, включая в этот промежуток Казахстан, Семиречье и Памир⁹⁸.

Бляхи и колокольчики. Как в монгольских, так и в забайкальских погребениях хунну, а особенно часто в Дэрестуйском Култуке, встречаются бронзовые колокольчики, полусферические бляхи и крестообразные обоймы. Если бляхи и обоймы без особых сомнений определялись как принадлежности сбруи, то смысл колокольчиков в могилах оставался неясным. Однако в одной из могил Дэрестуйского Култука (28) нами установлена взаимная связь между колокольчиками и полусферическими бляхами. Через скобу бляхи проходило перекрестие кожаных ремней, а на специальной петельке на головке бляхи висел колокольчик, привязанный тонкой кожаной тесемочкой за имеющееся на нем ушко. В погребении оказалось 6 таких спаренных комплектов (табл. VII, 4—9) и расположены они были вдоль левой ноги погребенного там мужчины. Таким образом, вероятнее всего, что весь этот комплект колокольчиков и блях является принадлежностью, если не узды, то нагрудных или подхвостных седельных ремней. На Алтае, близ с Каракол, в погребении пазырыкского времени бронзовый колокольчик был обнаружен, по-видимому, «на ошейнике» возле седла захороненной лошади⁹⁹.

В других могильниках хунну бронзовые полусферические бляхи встречаются реже и в небольшом количестве, вероятно, вследствие ограбления могил. Интересно, что иногда можно встретить костяные или

⁹¹ См.: М. П. Грязнов. Первый пазырыкский курган. Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 55, рис. 20 и др.

⁹² См.: М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время. М., «Наука», 1970, с. 64—65, рис. 17, 18.

⁹³ С. В. Киселев. Указ. соч., с. 434.

⁹⁴ См.: А. Д. Грач. Археологические раскопки в Сут-холе и Бай-тайге, с. 104, рис. 30 (6); С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.—«Труды ТКАЭЭ», т. II. М.—Л., 1966, табл. III, 6; VI, 3, 16; А. А. Гаврилова. Указ. соч., табл. VII, 1; VIII, 8; X, 9 и др.

⁹⁵ См.: А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-тайге.—«Труды ТКАЭЭ», т. I, М.—Л., 1960, с. 38, рис. 38; С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины тысячелетия., табл. VI, 3; А. А. Гаврилова. Указ. соч., табл. VII, 1; XX, 36.

⁹⁶ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы палеознологии Забайкалья.—«Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1—3, табл. III, 10.

⁹⁷ См.: А. А. Гаврилова. Указ. соч., с. 80.

⁹⁸ См.: М. Х. Маннай-оол. Указ. соч., с. 63.

⁹⁹ См.: С. В. Киселев. Указ. соч., с. 347, табл. XXXII, 2.

роговые заменители этих блях в виде цилиндрических обоек с выпуклым верхом и со сквозными крест-накрест отверстиями для ремней (табл. VIII, 3). Аналогичные приспособления для перекрестия уздечных ремней были найдены на Алтае в упомянутых курганах у с. Туяхта (позднемайэмирское время, VI век до н. э.)¹⁰⁰, и в Туве скифского времени (уюкская культура, VII—III века до н. э.)¹⁰¹.

В погребении 46 Ильмовой пади вместе с железными удилами и псалями от двух уздечек обнаружены четыре бронзовые бляхи (таб. VIII, 1, 2, 5, 6). От дэрестуйских они отличались отсутствием петелек на головке, что согласуется с отсутствием в этой могиле и соответствующих бляхам колокольчиков: значит, бляхи из Ильмовой пади были без колокольчиков. Ранее такие бляхи были найдены Ю. Д. Талько-Грынцевичем в могиле 27 и Г. П. Сосновским в могиле 34 Ильмовой пади¹⁰², а также П. К. Козловым в курганах 6 и 25 Ноин-улы¹⁰³.

В Черемуховой пади, в могиле 14, нами обнаружен изящный бронзовый колокольчик с ребристой орнаментацией по бокам (табл. VII, 1). Сходный с ним колокольчик вместе с крестообразными обоями от перекрестия ремней известен из Дэрестуя (могила 5)¹⁰⁴. В погребении 33 Дэрестуйского Култука мы нашли вместе с удилами, псалями и кольцами широкий пирамидальный колокольчик с четырьмя отверстиями по бокам (табл. VII, 2), аналогия которому имеется из могилы 16 этого же могильника¹⁰⁵. И наконец, завершают серию два разных по форме экземпляра, происходящие из Иволгинского городища¹⁰⁶, один из которых похож на колокольчик из могилы 33 Дэрестуйского Култука.

Ворворки (костяные кружочки-застежки). О назначении этих выпуклых или конусообразных кружочков с отверстием посередине (табл. VIII, 11—15) существуют различные мнения. Ю. Д. Талько-Грынцевич и Г. П. Сосновский не смогли определить их назначение; А. В. Давыдова считает обнаруженный ею на Иволгинском городище кружочек с отверстием кольцом для натягивания тетивы лука¹⁰⁷. С. И. Руденко такие изделия из Ильмовой пади называет ворворками — приспособлениями к передним и задним лукам седельных подушек, в отверстия которых продевался ремень¹⁰⁸.

В Черемуховой и Ильмовой падах нами найдено еще пять таких предметов. Форма у них одинакова — круглая или овальная и обязательно односторонне выпуклая в сечении. Размеры бывают разные — диаметром от 2,2 до 4,5 см и толщиной от 0,6 до 1,5 см, диаметр отверстия — от 0,8 до 1,2 см. Примечательно, что кружочки, как правило, бывают сильно изношенными, с заглаженной поверхностью, особенно в отверстиях. Этот признак с учетом односторонней выпуклости изделий дает нам основание согласиться с определением С. И. Руденко и назвать их ворворками.

Поясним, как нам представляется способ применения их. Кружочки служили приспособлением, своего рода шайбочками, для прикрепления кожаного ремня или шнура к седлу или потнику. Например,

¹⁰⁰ См.: там же, табл. XXVIII, 4, 18.

¹⁰¹ См.: М. Х. Маннай-оол. Указ. соч., рис. 18 (5, 6).

¹⁰² Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XIII, 27; Фонды Гос. Эрмитажа, колл. 1354, (64).

¹⁰³ С. И. Руденко. Культура хуннов., табл. XXI, 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10.

¹⁰⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. I, к. л.

¹⁰⁵ Там же, 1901, т. IV, вып. 2, табл. II, с.

¹⁰⁶ А. В. Давыдова. The Ivolga Gorodishche., табл. 17 (24, 26).

¹⁰⁷ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище, с. 291, рис. 21 (9).

¹⁰⁸ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов., с. 49, табл. XXII, 1, 3.

концы седельных ремней (нагрудных, подбрюшных, подхвостных) сначала продевались в соответствующие отверстия на деревянном каркасе седла или на войлочном потнике, затем — в отверстия кружочков и завязывались в узел, который и застопоривал ремень при натяжении. Концы ремней с другой стороны прикреплялись уже с помощью пряжек. При таком применении эти кружочки в известном смысле можно было бы назвать просто застежками седельных и подпругных ремней.

Предметы сбруи и одежды

Костяные и роговые пряжки и кольца. Эти и подобные им изделия из рога и кости в хуннских погребениях встречаются часто. Замечено, что они большей частью попадают не в одиночку, а группами, как бы в комплекте, то есть в одном погребении встречается сразу несколько штук разных размеров и форм, часто в сопровождении других костяных изделий. Так, в Ильмовой пади в погребении 48 найдено сразу четыре разных пряжки, в погребении 32 — три, в погребении 12 — две, в погребении 40 Черемуховой пади — две, в погребении 3 Ургун-хундуя — две пряжки и т. д.

При достаточном разнообразии форм и размеров пряжек бросается в глаза повторяемость некоторых образцов из разных могил, иногда почти до полного совпадения. Так, две пряжки из погребения 48 Ильмовой пади (табл. VIII, 16, 18) идентичны пряжкам из погребения 3 Ургун-хундуя¹⁰⁹. Почти одинаковы пряжки из могил 12, 33, 35 Ильмовой пади¹¹⁰. Близки к ним по формам и одинаковы по назначению пряжки из погребений 45 и 54а Ильмовой пади и 40 Черемуховой пади (табл. XIII, 8—11).

Различного типа роговые пряжки, в той или иной степени похожие на перечисленные выше, найдены на Иволгинском городище. Например, пряжка из Иволгинского городища¹¹¹ аналогична плоским усеченно-грушевидным пряжкам из могил 12, 33, 35 Ильмовой пади, указанным выше, с железными штырями по краям в качестве застежек; пряжки прямоугольных форм с отверстиями и прорезями по краям¹¹² однотипны с нашими находками из Черемуховой и Ильмовой падей, с той лишь разницей, что у всех сравниваемых экземпляров разные конфигурации и различная степень обработки поверхности; одинаков способ застегивания ремня с помощью клювообразного шпенька на широкой закругленной стороне у пряжек из Ильмовой пади (табл. VIII, 16), Ургун-хундуя¹¹³ и Иволгинского городища¹¹⁴, небольшая кольцевидная пряжка (кольцо?), изготовленная из основания рога¹¹⁵, имеет себе аналогии в подобных же изделиях из Иволгинского городища¹¹⁶.

Оригинальны дисковидные кружочки из рога с широкими прорезями для ремней по краям¹¹⁷, предназначенные, по-видимому, для распределения лучеобразно расходящихся ремней, подобно упомянутым выше металлическим кольцам аналогичного назначения (табл. VII, 10)

¹⁰⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. I, табл. I, т. в.

¹¹⁰ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XVI, 12, 33; Фонды Гос. Эрмитажа, coll. 1354 (69).

¹¹¹ См.: А. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche, табл. 13 (11).

¹¹² См.: там же, табл. 13 (2, 10, 12, 14).

¹¹³ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. I, табл. I, т.

¹¹⁴ См.: А. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche., табл. 13 (3, 5).

¹¹⁵ Находка Г. П. Сосновского. Эрмитаж, coll. 1354 (47).

¹¹⁶ См.: А. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche., табл. 14 (21, 22).

¹¹⁷ Находки Ю. Д. Талько-Грынцевича. См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище, табл. XVI, 32.

Интересен вопрос о способе применения столь различных роговых и костяных изделий. Полагаем, что некоторые из них одинаково могли применяться и в сбруе, и в одежде, но определить, какие где использовались, не легко. По мнению С. И. Руденко, цельнопластинчатые грубоватые пряжки с железными штырями сбоку (табл. XIII, 8—11) являются подпружными, а двухдырчатые блоковидные — уздечными блоками¹¹⁸. По нашим же наблюдениям, наметилась несколько странная закономерность: если изящные пряжки с клювовидным шпеньком-застежкой, а также блоковидные пряжки без застежек (табл. VIII, 16—19), найдены в мужских захоронениях с конским снаряжением, то грубые пряжки с железным штырем (табл. XIII, 10, 11) встретились нам в женских могилах без остатков сбруи. Так что назначение и способ применения костяных и роговых пряжек и им подобных изделий требуют уточнения.

Однако есть немало аналогий хуннским костяным пряжкам с других территорий, правда не синхронных, а относящихся к до- и послехуннскому времени. Прежде всего достаточно сравнить блоковидные и цельнопластинчатые пряжки с железным или роговым шпеньком-застежкой сбоку из Ильмовой пади¹¹⁹ с такими же в принципе изделиями из Туяхтинских, Туэктинских, Катандинских и Башадарских курганов пазырыкского времени Алтая¹²⁰, чтобы убедиться если не в полном совпадении по форме, то в их однотипности. Между тем все алтайские аналоги квалифицируются именно как уздечные блоки и подпружные пряжки. Позднее, в тюркское время, на Алтае и в Туве были широко распространены более изящные фигурные роговые пряжки, по форме аналогичные нашим находкам из Ильмовой пади (табл. VIII, 16) и Ургун-хундуя¹²¹, но отличающиеся от них наличием язычка, насаженного на поперечную железную ось, вставленную в роговую основу пряжек¹²². Причем, клинообразно заостренная нижняя сторона некоторых кудыргинских (на Алтае) пряжек очень напоминает хуннские образцы¹²³.

Железные и бронзовые кольца и пряжки могли иметь разное применение — и в сбруе, и в одежде. Например, в одной из могил Дэрестуйского Култука (33) два массивных бронзовых кольца (табл. VII, 10, 11) найдены в ногах вместе с остатками войлочного потника. Одно из них, с тремя пришитыми ремнями, очевидно, служило нагрудным распределительным кольцом, другое — выполняло, очевидно, точно такую же функцию под брюхом коня, но у него утерян ремень. Одно аналогичное кольцо происходит из кургана 23 Ноин-улы¹²⁴. Три бронзовых кольца найдены вместе с колокольчиками в могиле 7 Дэрестуйского Култука¹²⁵.

Чуть ли не самой многочисленной категорией погребального инвентаря хунну являются железные кольца и пряжки. При надлежащей реставрационной обработке сильно ошлакованных, порою бесформен-

¹¹⁸ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 200, табл. XXII.

¹¹⁹ См.: там же, табл. XXII, 4, 7, 9.

¹²⁰ См.: С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 297, табл. XXVIII, 2, 3, 14; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая..., с. 133, рис. 81 а, г, д, табл. XXI, 10, 11, 14, 15; табл. XII, 1—9.

¹²¹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1, табл. I, 7.

¹²² См.: А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве, с. 38, рис. 38; с. 126, рис. 65 (обломок пряжки); С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины..., табл. III, 14; табл. VI, 9—11; табл. VIII, 1—2; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, табл. VIII, 7; табл. XV, 13; табл. XX, 37; табл. XXI, 8, 9.

¹²³ См.: А. А. Гаврилова. Указ. соч., табл. XXI, 8—9.

¹²⁴ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXX, 7.

¹²⁵ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II, 7e.

ных кусочков железа выявляется удивительное многообразие форм различных пряжек, колец, блях, подвесок и прочих изделий. Смешанность находок в результате ограбления могил делает невозможным разделить пряжки и кольца по их принадлежности к одежде и сбруе, да и нет в этом острой необходимости, как нет и принципиальных различий между ними.

Кольца бывают больших и маленьких размеров, круглые, овальные и даже треугольные, шайбообразно уплощенные или круглого сечения; на большинстве их — остатки или следы кожаных ремней и ткани разных сортов. Например, треугольное кольцо (табл. X, 8) с остатками ремня на каждой стороне, подобно упомянутому выше бронзовым, очевидно, было распределителем нагрудных седельных ремней верховой лошади. Большое круглое кольцо с остатками кожаного ремня с одной стороны и намотанного матерчатого шнура — с другой (табл. IX, 12) относится уже не к сбруе, а к одежде: оно было найдено на поясе погребенного в могиле 51 Черемуховой пади вместе с несколькими такими же кольцами (о чем упоминалось выше, когда речь шла о погребальном обряде). Аналогичное кольцо с намотанным матерчатым шнуром было обнаружено и в Ильмовой пади, также в мужском погребении 52 (табл. X, 16).

Пряжки бывают массивные и легкие, прямоугольные и овальные, круглые и полукруглые, вытянутые вдоль и поперек ремня, большей частью с язычком, но иногда и без него. Излюбленная форма пряжек — полукруглая с прямым основанием и закругленной дужкой. Если дужка бывает расширенной, пряжки выглядят полуовальными (табл. XII, 3, 13). Разновидностью полукруглых пряжек являются экземпляры грушевидной формы (табл. XI, 15). Меньше пользовались квадратными и круглыми пряжками. Круглые чаще встречаются на Иволгинском городище и по аналогии с верхнеобскими находками датируются А. В. Давыдовой II — I веками до н. э.¹²⁶

Функцию ременных блях-пряжек, вероятно, выполняли туфелькообразные пластинки со следами прикрепления к ним кожаного ремня (табл. XIII, 6, 7). Аналогичное применение могли иметь петлеобразные плоские пластины (табл. XIII, 1, 2, 4, 5), найденные в могилах Черемуховой пади: на такую мысль наводит нас, кроме их формы, прилипшая к ним ткань разных сортов. Образец целого (реставрированного) такого изделия мы имеем из Иволгинского могильника (назначение его А. В. Давыдовой не определено)¹²⁷.

В одной из могил Ильмовой пади найдено изделие, которое хочется назвать бляхой-пряжкой (табл. XIII, 3). Это тонкая широкая железная пластина длиной 14 см, шириной 8 см, с остатком на одной стороне кожаного ремня, пропущенного через поперечную широкую скобу на пластине. К сожалению, плохая сохранность предмета не позволяет охарактеризовать его полнее. Обращает на себя внимание форма этого изделия, перекликающаяся с формами сложносоставных комбинированных поясных блях, о которых речь пойдет позднее.

Предметы одежды и украшения

Бронзовые и золотые бляхи и пряжки. При реконструкции погребального обряда было выяснено, что они являлись принадлежностью одежды. Встречались такие бляхи и пряжки чаще в Дэ-

¹²⁶ См.: А. В. Давыдова. Новые данные об Иволгинском городище, с. 153, рис. 8 (2).

¹²⁷ См.: А. В. Давыдова. Бурят-Монгольская экспедиция в 1956 году. — «Записки БМНИИК», 24, 1957, с. 267, рис. 15 (3).

рестуйском Култуке. На Иволгинском могильнике найдены только бронзовые бляхи и пряжки, из Ноин-улы известны серебряные бляхи и ряд мелких украшений из золотых пластин (фольги)¹²⁸. Фрагменты различных украшений из листового золота встречаются в находках Ю. Д. Талько-Грынцевича из Ильмовой пади и Ургун-хундуя¹²⁹.

В Дэрестуйском могильнике найдены две бляхи с деревянной основой и золотым покрытием на внешней лицевой стороне. Первая была обнаружена Ю. Д. Талько-Грынцевичем в погребении 21. «На нижней передней стороне левого предплечья лежала бляха из листового золота, прибитая к деревянной дощечке соответствующей формы. Она продолговатая, в более широком конце края закруглены, а в более узком ровно срезаны. На бляхах находится эстампованное в длину изображение аргали (*Sargeolis argali*), на котором сидит мифическая птица (?). Длина бляшки 95 мм. Наибольшая ширина 69 мм, наименьшая в узком конце 48 мм»¹³⁰.

Добавим к этому, что изделие это имеет форму яйца с усеченным узким краем; деревянная основа его немного шире и длиннее золотой накладки. Изображение на бляхе, несколько схематичное и стилизованное, передает, по-видимому, сцену нападения грифона на горного барана. Явной небрежностью и стилизацией отличается фигура птицы, у которой клюв, глаза и уши сильно расчленены и увеличены, корпус непропорционально уменьшен и искажен, а крылья и хвост переданы в виде концентрических кругов. Баран изображен более реалистично, но морда у него тоже искажена (табл. XXI, 1).

Вторая бляха (табл. XXI, 2) аналогичной формы, найденная нами в могиле 28, длиной 98 мм, наибольшей шириной 74 мм, наименьшей в узком конце — 62 мм; деревянная основа ее сгнила. Сохранилась тонкая золотая пластинка-накладка (фольга) с рельефным эстампованным изображением сцены нападения грифона на горного козла. Мощный ушастый грифон, вцепившись когтями в круп и хвост козла, изогнув шею, вонзил свой клюв в спину животного, перехватив его лопатки. У козла уже подвернуты ноги, но напряженное туловище и высоко поднятая голова свидетельствуют о стремлении животного подняться.

В целом изображение вполне реалистичное, но с элементами условной передачи отдельных деталей. К последним относятся изображение рогов козла в виде последовательных кружочков и его копыт острыми треугольниками, изображение крыльев и хвоста грифона с расчлененными и волотообразно закрученными перьями, а также условные знаки в виде запятых на теле птицы.

Третья бляха (табл. XXI, 3) представляет собой сложносоставное комбинированное изделие в форме погона с закругленным на одном конце краем, длиной 130 см, шириной 50—55 мм, толщиной 5 мм. По краям деревянной пластины-основы были прибиты золотые тонкие ленточные полоски фольги с прямоугольными прорезями, в которых находились цветные камешки, вставленные, по-видимому, в соответствующие гнездышки на деревянной основе. Такая же золотая ленточка с самоцветами в прорезях была и посередине вдоль пластины. Кроме прямоугольных прорезей на золотых ленточках, имеются выдавленные геометрические узоры в виде крестиков, квадратиков и пирамидок. Промежутки между золотыми полосками были заполнены пластинками рога, также прибитыми к деревянной основе. Естественная рельефная по-

¹²⁸ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXV, XXXVI, XXXVII.

¹²⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., табл. XII; его же. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. I.

¹³⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1901, т. IV, вып. 2; с. 38, табл. II, в.

верхность роговых пластинок в сочетании с золотыми полосками, с цветными камешками была эффектным украшением этой оригинальной поясной бляхи.

Последняя находка по сюжету, стилю и технике изготовления является оригинальной новинкой среди художественных изделий хунну. Аналогий к ней мы не знаем.

Первые две бляхи тоже своеобразны, и прямых аналогий к ним нет, если не рассматривать их в рамках общих закономерностей художественного творчества ранних кочевников Евразии. Общность же эта сводится к следующему.

В главных культурных очагах степей и предгорий Южной Сибири, Средней и Центральной Азии для изготовления украшений издавна применялось листовое золото (фольга), а именно способ наложения его на деревянную основу—барельеф или скульптуру. Славилась этим искусством и Скифия, и пазырыкский Алтай, и минусинский Таштык, и среднеазиатские саки, и древняя Тува, и, наконец, центрально-азиатские хунну. По сюжету столь же всеобъемлющее и даже большее распространение получил мотив борьбы зверей или нападения хищных на травоядных, ставший общим от Северного Причерноморья и Кавказа до Забайкалья и Ордоса.

Стилистические и композиционные особенности наших золотых пластин заключаются в том, что объектом нападения являются горный баран на пластинке ДК-21 и горный козел на пластинке ДК-28, характерные для Центральной и Средней Азии, Южной Сибири. Нападает на них в обоих случаях мифическая птица — грифон. Своеобразная манера изображения ушастого грифона с закрученными вперед крыльями и таким же хвостом, прослеживаемая не только на золотых пластинах, но и на дэрестуйских и ордосских бронзовых бляхах-пряжках, а также на ноинулинских аппликациях на коврах. В качестве примера можно сослаться на бронзовую ажурную бляху из Дэрестуя (находка Ю. Д. Талько-Грынцевича) из могилы 7¹³¹ со сценой борьбы из-за добычи и на аппликацию на ковре из 6-го кургана Ноин-улы с изображением нападения грифа на лося¹³². На всех указанных изделиях грифон изображен в одной манере, достаточно ясно проглядывающей несмотря на различие в материале и, следовательно, в технике изготовления. Грифон, с ушами и хищно изогнутым клювом, спиралью закрученными вперед крыльями и хвостом, или налетает сзади на свою жертву (козла, барана и лося), или оспаривает ее в борьбе с другим животным, в данном случае с тигром, напавшим на горного козла.

Интересно, что описанные собственно хуннские произведения искусства имеют замечательные аналогии из других мест. Прежде всего, совершенно идентичная бронзовая пластина со сценой борьбы грифона с тигром из-за козла известна из Ордоса (из работы Андерсона)¹³³. Точно такой же грифон нападает в одном случае на тигра, в другом на горного козла, на этот раз уже раздельно на двух разных бронзовых пластинках из Ордоса¹³⁴.

Далее, имеются еще две золотые пластины из Сибирской коллекции Петра I, одна—со сценой нападения грифа на яка, другая — с изобра-

¹³¹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II, 7а; С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXVIII, 1.

¹³² См.: С. И. Руденко. Культура хунну..., табл. XLI; М. И. Артамонов. Сокровища саков М., «Искусство», 1973, с. 153, рис. 204.

¹³³ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 73, рис. 54, и; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 150, рис. 197.

¹³⁴ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 78, рис. 57 е; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 150, рис. 198.

жением схватки тигра, волка и грифа из-за добычи¹³⁵. На этих отличной сохранности пластинах особенно хорошо переданы стилистические приемы изображения животных, в частности грифонов. Примечательно еще и то, что на совершенно разных изделиях из разных мест, а именно на ковровой аппликации из Ноин-улы, золотых пластинах из Дэрестуя и Сибирской коллекции и бронзовой пластине из Ордоса, виден один и тот же способ изображения оснований перьев грифона в виде каплевидных ячеек. На золотых бляхах Сибирской коллекции эти ячейки предназначены для бирюзовых вставок.

Попутно можно коснуться еще одной особенности, отмечающей родство художественных изделий из Дэрестуя и Ордоса: на трех бронзовых пластинах из числа упомянутых выше, а именно в сцене терзания горного козла грифом и на двух идентичных изображениях схватки грифона с тигром из-за козла, козлиные рога изображены в одинаковой манере — изогнутой цепью вогнутых кружочков. И точно так же изображены рога горного козла на вновь найденной золотой пластине из Дэрестуя.

Сохранность нашей новой находки и четкость ее изображений местами оставляют желать лучшего. Поэтому несколько неясной остается правая нижняя часть изображения, где, возможно, есть еще одно, третье действующее лицо, может быть голова какого-то крупного представителя семейства кошачьих. Если такое предположение подтвердится, то сюжетное родство дэрестуйской золотой бляхи с уже упомянутой золотой бляхой из Сибирской коллекции со сценой нападения грифа на яка, у которой имеется еще и третье животное из семейства кошачьих, вцепившееся в хвост грифона¹³⁶, окажется полным.

И наконец, в связи с изображениями грифонов хуннами интересно еще одно сравнение, которое проводит С. В. Киселев между находкой в одном из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса (Хакасия) — деревянной бляхой в виде хищной птицы и золотой пластинкой из погребения 21 Дэрестуйского култука (находка Ю. Д. Талько-Грынцевича)¹³⁷. Сходство между уйбатской птицей и дэрестуйским грифоном нам представляется весьма относительным, но одинаковую манеру передачи хвоста и крыльев концентрическими кругами, получившимися в результате обобщения и стилизации, здесь можно усмотреть.

Интересные художественные изделия из бронзы в Дэрестуе были найдены Ю. Д. Талько-Грынцевичем. В погребениях 7, 9, 10, 14 и 22 было обнаружено в общей сложности 16 предметов с изображениями различных животных и сцен борьбы зверей: 4 прямоугольные пряжки с ажурным изображением дерущихся лошадей (могилы 9 и 10)¹³⁸, 2 ажурные бляхи со сценой борьбы тигра, грифона и горного козла (могила 7)¹³⁹, 2 пряжки с ажурным изображением головы быка (могила 14)¹⁴⁰, 6 бляшек с рельефным изображением кошачьей головы (могила 22)¹⁴¹ и 2 ажурных кружочка с растительным орнаментом (могила 10)¹⁴².

Эти находки вошли в широкий научный оборот, найдя себе поразительные аналоги среди вещей из Южной Сибири, Монголии, Ордоса. Они достаточно хорошо исследованы в искусствоведческом отноше-

¹³⁵ См.: М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 130, рис. 176; с. 129, рис. 175.

¹³⁶ См.: там же, с. 130, рис. 176.

¹³⁷ См.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 442, табл. XXXVIII, рис. 8.

¹³⁸ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. III, 10 д.

¹³⁹ Там же, табл. II, 7, а.

¹⁴⁰ Там же, табл. II, II, т, т,

¹⁴¹ Там же, 1901, т. IV, вып. 2, табл. II, 22, i.

¹⁴² Там же, 1900, т. III, вып. 2—3, табл. III, 10, т.

нии¹⁴³. В результате новейших исследований к этой серии художественных изделий прибавилось несколько новых находок.

В Дэрестуйском Култуке нами обнаружены две небольшие бронзовые литые ажурные пряжки. Одна, из погребения 33 (табл. XXI, 5), построена на противопоставлении двух s-образных фигур с грифоньими головами на концах каждого завитка. Грифоны ушастые, с миндалевидными глазами, изображенными выемками, с сильно загнутыми длинными и притупленными клювами. Полуовальная пряжка с полукруглой дужкой снабжена клювовидным шпеньком-застежкой и прямым основанием — прорезью для ремня.

Ближайшей аналогией этой пряжке нам представляется золотая ажурная пряжка из коллекции сибирского золота с изображением грифоньих головок, ежа и, возможно, еще змеи¹⁴⁴. Форма и способ застежки пряжек одинаковы, но есть и отличия: на нашей пряжке нет ежа со змеей, кроме того, головки птиц соединены между собой s-образной фигурой и смотрят в противоположные стороны, а на сибирской золотой пряжке нижние головки изображены на концах полукруглой дужки.

Подобное оформление грифоньих головок на конце изогнутых ветвей рогов и грив фантастических животных и в иных композиционных вариантах встречается и в других образцах сибирского и ордосского¹⁴⁵, а также тагарского и алтайского искусства¹⁴⁶.

Вторая пряжка (табл. XXI, 4) прямоугольной формы, рельефно-решетчатая, с ямочками на перекрестьях решетки и без каких-либо приспособлений для застегивания. Две пряжки из погребения 28 (табл. XII, 17, 26) — простые, без декоративного оформления. Одна большая, массивная, овальной формы, двусторонняя, с поперечной перемычкой посередине, на которой прикреплен вертящийся язычок; другая — меньше, кольцеобразная блоковинная с прямым основанием. Подобная пряжка найдена в Ноин-Уле¹⁴⁷.

Выше, говоря о погребальном обряде, мы упоминали о новых находках А. В. Давыдовой на Иволгинском могильнике — ажурных бронзовых поясных пряжках. Две из них парные, по форме и размерам близки дэрестуйским прямоугольным пряжкам из могил 9 и 10, но изображение у них другое — сцена борьбы между двумя тиграми и драконом¹⁴⁸. Такой сюжет в хуннских памятниках встретился впервые. Вторая пряжка иной формы с изображением двух противостоящих тигров также является пока единственным произведением искусства хунну на такой сюжет¹⁴⁹.

Сюжетные, композиционные и стилистические аналогии этим пряжкам приведены в публикации А. В. Давыдовой. Они имеются среди тех же сибирских золотых и бронзовых пластин с изображениями в «зверином стиле», хранящихся в Государственном Эрмитаже и в коллекции Лео.

Кроме того, на Иволгинском могильнике найдены две бронзовые пуговицы, выпуклые, полусферические с рельефным изображением го-

¹⁴³ См.: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник; С. И. Руденко. Культура хуннов..., «Сибирская коллекция Петра I». — САИ, Д. 3—9, М. — Л., 1962.

¹⁴⁴ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов...; «Сибирская коллекция Петра I», табл. II, 4; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 165, рис. 217.

¹⁴⁵ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов... табл. IV, 2; VI, 3, 4; VIII, 3, 4; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 148, рис. 195.

¹⁴⁶ См.: М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 93, рис. 119; с. 149, рис. 196; с. 230, рис. 303.

¹⁴⁷ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 45, рис. 40, а.

¹⁴⁸ См.: А. В. Давыдова. К вопросу о хуннских художественных бронзах, с. 96, рис. 2.

¹⁴⁹ См.: там же, с. 95, рис. 1.

ловы медведя¹⁵⁰. Мотив этот, навеянный, вероятно, сибирской тайгой, отражает сугубо местные корни хуннского изобразительного искусства.

Сравнительное изучение новых находок на фоне достаточно широкого круга аналогичных изделий из различных музейных собраний и частных коллекций выявило удивительную повторяемость многих изделий, иногда вплоть до полного совпадения их сюжетов и композиций, форм и размеров порой в значительно отдаленных друг от друга областях Центральной Азии и Сибири.

Вместе с тем, вся серия находок с изображением животных и зверей позволяет выделить основные излюбленные сюжеты и стиль изобразительного искусства хунну и говорить об образах и идеях, заложенных в них.

Бусы, подвески, брошки, серьги и прочие украшения. Из погребального инвентаря хунну предметы украшения больше всех пострадали от ограбления. По всему Забайкалью только Дэрестуйский и Иволгинский могильники, где изредка встречаются неграбленные захоронения, дали полноценные наборы украшений одежды. Из ряда остальных могильников Забайкалья и Монголии пока известны лишь разрозненные их остатки. Но и они говорят о том, насколько были бы интересны полные комплекты украшений из этих могил. Только по нескольким образцам янтарных бус, не говоря уже о золотых и серебряных вещах, из курганов Ноин-улы¹⁵¹ можно представить себе роскошные украшения захороненных там знатных людей. Также единичные остатки разнообразных бус, подвесок и брошек из могилы 40 Черемуховой пади показывают, насколько богат был набор украшений захороненной там женщины.

Типичны для рядовых могил монгольских хунну находки в местности Гол-мод на р. Хуни-гол в могиле 8: «Около шейных позвонков найдены два маленьких куска малахита от какого-то инкрустированного украшения, кусок листового золота и две бусинки из желтоватой пасты». В могиле 12 немного богаче: «Около черепа найдено 15 бусин из мягкого желтоватого камня, 4 бусины из прозрачного красного камня, 2 плоские продолговатые бусины из камня желто-красного цвета и стилизованная фигурка свернувшегося зверя из желто-зеленого нефрита»¹⁵².

В качестве поделочного материала из погребений Хуни-гола и Ноин-улы, кроме названных камней, упоминаются бирюза, лазурит и стекло. Если неполная информация о вещах из этих погребений позволяет говорить лишь о наборе цветных камней, использованных для изготовления украшений, то новые, пусть немногочисленные, материалы из Забайкальских погребений могут быть рассмотрены подробнее.

В Ильмовой и Черемуховой падах бус очень мало. По двум-трем бусинам, изредка обнаруживаемым в отдельных могилах, трудно что-либо сказать, кроме простого перечисления материалов, из которых они сделаны (сердолик, серпентин, халцедон, опал, яшма, тальковые породы, раковина и др.). Однако и по единичным образцам можно отметить достаточное разнообразие форм и высокую технику сверления и шлифовки изделий. Наряду с тончайшей обработкой бус, хунну умело использовали для украшений естественные формы предметов. Так, например, мелкие бирюзовые подвески (табл. XIX, 2) всегда сделаны из естественного осколка путем минимальной подправки острых граней и сверления отверстия в самом узком месте. Такую же минимальную

¹⁵⁰ См.: там же, с. 105, рис. 9.

¹⁵¹ См.: С. И. Руденко. Культура хунну..., табл. XXXV, XXXII, XXI

¹⁵² Ц. Доржсүрэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-ула, на р. Хуни-гол, с. 42, 43.

обработку прошли раковинные бусы из погребения 58 Ильмовой пади (табл. XIX, 9, 10). Наконец, никакой обработке, кроме сверления, не подверглись бусы из астрагалов тарбагана, найденные в могиле 2 Черемуховой пади (табл. XIX, 11).

В Черемуховой и Ильмовой падах найден ряд интересных подвесок из различных материалов (кости, камня, раковины). В погребении 59 Черемуховой пади — подвеска из зеленого камня (табл. XIX, 16). Плоская, яйцевидной формы, величиной с голубиное яйцо, с отверстием на узком конце, она украшена ровно нанесенными по краям косыми насечками. Интересно, что точно такая же подвеска, но только из розовато-серого в крапинку камня, была найдена нами на дюнной стоянке со смешанными культурными остатками эпохи неолита, бронзы и раннего железа на р. Брянке, притоке р. Уды¹⁵³. Не исключена возможность, что традиция изготовления подобных украшений идет из неолитической культуры Прибайкалья с ее высокой техникой обработки камня.

В погребении 40 этого же могильника обнаружена перламутровая подвеска, вырезанная из тонкой пластины — створки раковины яйцевидной формы, с отверстием на узком конце. Высота подвески — 4 см, ширина — 2,5 см (табл. XIX, 15). Аналогию этому украшению мы не знаем.

В погребениях 49 и 50 найдены почти одинаковые костяные подвески (табл. XIX, 13, 14) оригинальной формы (в плоскости напоминает падающую бомбу со стабилизатором), с отверстием для подвешивания. На одной из них имеется незамысловатый прочерченный рисунок в виде неровной вертикальной волнистой линии, прикрытой сверху аркой (табл. XIX, 14).

Аналогичные по форме, но золотые, штампованные рельефным орнаментом пластинки имеются в материалах Ноин-улы 9 (курган 23)¹⁵⁴.

Близкая к ним по форме, но меньше по размерам, костяная подвеска найдена в погребении 47 Ильмовой пади (табл. XIX, 12). В анфас она скорее каплевидной формы, в профиль — несколько сложнее, на слегка выпуклой лицевой стороне нанесен тончайший орнамент неизвестного нам происхождения.

Аналогичная ей по форме и размерам золотая пластинка, но без орнамента, имеется из кургана 24 Ноин-улы¹⁵⁵.

Вместе с этой подвеской в одном погребении найден роговой предмет, напоминающий плоскую пуговицу с одним отверстием в центре (табл. XIX, 17) и с тонкой резьбой, выполненной в тех же мотивах; диаметр украшения — около 2 см, диаметр отверстия около — 0,3 см.

Такого же примерно размера круглая роговая бляшка с муфтой для плоского ремня сзади (табл. XIX, 21) найдена в одной из могил Черемуховой пади. На лицевой стороне — выполненный снова в том же стиле и технике резной орнамент в виде свастикоподобного завихрения с четырьмя лучами.

Аналогичные изображения имеются на изящной костяной пластине — накладке неизвестного назначения (табл. XIX, 22), обнаруженной в этой же могиле.

В Черемуховой пади обнаружены два металлических украшения (для одежды). Одно из них (из могилы 39) — комбинированная брошь из спаянных в одной плоскости тонких медных кольчатых гнезд, куда вставлялись цветные камни (табл. XIX, 20). В центре самое крупное гнездо, по сторонам к нему припаяны по гнездышку средних размеров,

¹⁵³ См.: П. Б. Коновалов. К вопросу о дюнных стоянках Забайкалья. — «Краткие сообщ. БКНИИ», вып. 4. Улан-Удэ, 1962.

¹⁵⁴ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXV, 7, 10

¹⁵⁵ Там же, табл. XXXV, 8.

сверху и снизу — спайки из тройных мелких колечек-гнездышек, с обратной стороны — застежка из железной проволоки; камешки-вставки частично отсутствовали.

Судя по описи коллекций Г. П. Сосновского, фрагмент подобного изделия имеется в материалах Ильмовой пади (погребение 40) в Эрмитаже¹⁵⁶.

Другое украшение (из могилы 2) — золотая брошь, тоже первоначально со вставными самоцветами (табл. XIX, 19). Сделана она следующим образом: на небольшую золотую квадратную очертаний с фигурными краями пластинку размером 1,5×1,5 см с одной стороны напаяны мельчайшие капельки золота в форме четырехлепесткового цветка с гнездами в каждом лепестке для цветных камней; центральное гнездо самое большое, между четырьмя боковыми гнездами напаяны капельки покрупнее; самоцветы не сохранились. По технике изготовления эта брошь, по-видимому, того же типа, что и круглое полусферическое украшение со вставками самоцветов из кургана 23 Ноин-улы¹⁵⁷.

Еще одной находкой бронзовой с позолотой фигурки коня пополнилась небольшая коллекция этих украшений. К двум таким экземплярам из Ильмовой пади и шести экземплярам из Ноин-улы¹⁵⁸ мы присоединяем аналогичную находку из кургана 54 Ильмовой пади (табл. XIX, 18). Назначение этих схематических фигур лошадок нам непонятно, так как никаких приспособлений для пристегивания у них не имеется.

Четырехлепестковая бронзовая розетка, найденная в этом же кургане (табл. XIX, 25), также пополняет набор ранее известных аналогичных предметов из Ильмовой пади и Ноин-улы¹⁵⁹. Такие розетки (бронзовые и железные) служили в качестве набойки на матерчатую драпировку гроба, выполняя одновременно и декоративную функцию.

О значительной части предметов украшения из Дэрестуйского Култука (золотых и бронзовых бляхах и пряжках) шла речь в предыдущем разделе. Еще выше, говоря о погребальном обряде дэрестуйцев, мы достаточно описали такие украшения, как раковины каури и их имитации из обыкновенных речных ракушек или меди, а также каменные и бронзовые кольца.

Здесь мы подробнее остановимся на бусах и серьгах. Наборы бус из богатых женских погребений Дэрестуйского Култука, найденные Ю. Д. Талько-Грышцевичем¹⁶⁰ можно свести к четырем типам (пользуясь его терминологией): 1) сердоликовые желто-красного цвета; крупные, диаметром до 17 мм и помельче, граненые; 2) красные и темно-красные средних размеров; 3) разнокалиберные мелкие рассыпающиеся бусинки со следами окраски и позолоты; 4) стеклянные лилового цвета бисеринки.

Нами в неграбленном погребении женщины (32) найдены (табл. XX, 2—7): на поясе и частично на шее — многочисленный набор бус из красной яшмы округлых и цилиндрических форм (те, что выделены во 2-й тип); возле ушей — разноцветные хрупкие бусинки из слюдоподобного минерала (3-й тип); на поясе и ниже его по бокам — темно-синие и серовато-синие бисерные бусинки из естественного стекловидного минерала типа опала (4-й тип)¹⁶¹.

¹⁵⁶ Фонды Гос. Эрмитажа, колл. 1354 (20, 21).

¹⁵⁷ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXV, 1.

¹⁵⁸ См.: Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 56, 65, рис. 6 (2).

¹⁵⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грышцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., табл. XIII, 24; С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXII, 3, 5.

¹⁶⁰ Ю. Д. Талько-Грышцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II и III.

¹⁶¹ Предварительное определение материалов сделано Г. Ч. Туговиком (Геологический институт БФ СО АН СССР, г. Улан-Удэ).

Интересно, что разноцветные хрупкие бусинки из стекловидной массы использовались в серьгах (погребение 32). По Ю. Д. Талько-Грынцевичу, аналогичные бусинки обнаружены в головах погребения 16, а в погребении 10 такие бисеринки найдены вместе с тонкими продолговатыми бусинками из яшмы возле золотой проволочной спирали от серьги с малахитовой бусинкой-подвеской. Осколки бирюзы, возможно, от подвесок аналогичной серьги найдены нами в мужских погребениях 28, 29 и 33 Дэрестуйского Култука.

Спиралевидные проволочные серьги имели весьма широкое распространение в ранних кочевых обществах Центральной и Средней Азии и Южной Сибири. Наиболее ранние образцы их известны из Тувы, из погребений Казылганской культуры (VII—III века до н. э.)¹⁶². Серьги, аналогичные хуннским, в виде проволочной спирали с подвешенными к ней бусиной или кусочком коралла (у хунну — обычно кусочек бирюзы), бисером или золотым листочком найдены в позднеагарском кургане у с. Тесь Минусинской котловины (III век до н. э.), в курганах на р. Курота и у с. Каракол на Алтае (II—I века до н. э.)¹⁶³. Такие же, но только бронзовые серьги обнаружены в погребениях березовского этапа (II—I века до н. э.) на верхней Оби в местности Ближние Елбаны¹⁶⁴. Могила, в которых найдены последние, характеризуются, кстати, обрядом захоронения в срубках, покрытых поперечными досками и сверху заваленных несколькими рядами продольных бревен¹⁶⁵, то есть напоминающих своим устройством хуннские могилы.

Аналогичные золотые и бронзовые серьги бытовали у усуней долины р. Или в Юго-Восточном Казахстане (III век до н. э.— III век н. э.)¹⁶⁶. По некоторым данным, там они восходят к более ранним формам, возможно, даже к височным подвескам эпохи бронзы, но сложившиеся типы спиральной формы в полтора оборота с различными подвесками относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э. и широко представлены в памятниках Илийской долины конца I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н. э.¹⁶⁷.

Предметы быта и культа

Глиняная посуда. Глиняная посуда из могил хунну многочисленна и своеобразна. По самым скромным подсчетам, в 60 раскопанных могилах Ильмовой пади найдено около 60 различных сосудов, в 20 могилах Черемуховой пади — 13, в 33 могилах Дэрестуйского Култука — 8, в 37 могилах из разных мест Бурятии обнаружено около 30, из 30 могил Ноин-улы насчитывается около 10, из 26 могил в местности Гол-мод в бассейне р. Хуни-гол извлечено 9 сосудов.

Количество глиняной посуды из Иволгинского городища не поддается точному учету из-за сильной раздробленности керамики, однако, по свидетельству А. В. Давыдовой, остатки глиняной посуды преобладали над другими находками¹⁶⁸. К сожалению, нам также неизвестно количество посуды из Иволгинского могильника (полные данные не опубли-

¹⁶² См.: С. И. Вайнштейн. Памятники Казылганской культуры, табл. IX; 2—3; X, 7.

¹⁶³ См.: С. В. Киселев. Указ. соч., с. 280—281, 350, табл. XXXII, 4, 9.

¹⁶⁴ См.: Н. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. XXVI, 3, 4.

¹⁶⁵ См.: там же, с. 94.

¹⁶⁶ См.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. I, 5—8.

¹⁶⁷ См.: там же, с. 176, 205.

¹⁶⁸ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище, с. 274.

кованы), не закономерность нахождения керамики здесь приблизительно такая же, как и на других могильниках хунну.

Уже давно было замечено своеобразие хуннской керамики на фоне местных керамических комплексов предшествующих культур. По первому общему впечатлению фрагменты отличались большой плотностью, свидетельствующей об изготовлении их из хорошо отмученной глины превосходного обжига, с гладкой или лощеной поверхностью темно- и светло-серого цвета, а также правильностью форм. По мере накопления материала обнаружилось большое разнообразие керамики как в технике изготовления, так и в ее формах. В особенности это относится к керамике Иволгинского городища, где обнаружен целый ряд специфических форм посуды, начиная от мисок и чашек и кончая большими, высотой до 1 м урнами для хранения запасов пищи¹⁶⁹.

В погребениях глиняная посуда менее разнообразна, хотя практически по мере расширения раскопок в них можно встретить те же виды и формы сосудов, что и на поселениях.

Еще Ю. Д. Талько-Грынцевич о сосудах Ильмовой пади писал: «Находим большое различие как в качестве материала и в способе приготовления, так равно в изяществе отделки, от самых неуклюжих и тяжелых до хорошо отделанных с тонкими отделками горшков. Вместимость их колеблется от $\frac{1}{4}$ стакана до 2 ведер»¹⁷⁰. По размерам он разделил сосуды на три группы: большие — высотой 47—28 см и наибольшей окружностью 136—50 см, средние — высотой 24—12 см и наибольшей окружностью 62—33 см, маленькие — высотой 11,5—7 см и наибольшей окружностью 39—20 см.

Г. П. Сосновский¹⁷¹ отметил наличие двух групп глиняной посуды в Ильмовой пади: горшков плохого обжига со значительной примесью песка в тесте, с широкой шейкой и сосудов из хорошо отмученной глины, превосходно обожженных, с блестящей, лощеной поверхностью, «более совершенных» форм по сравнению с первыми. На эти же особенности в характере изготовления посуды Иволгинского городища указывают и А. В. Давыдова и В. П. Шилов¹⁷², но в отношении форм и ornamentации А. В. Давыдовой разработана более подробная классификация¹⁷³.

Изобилие керамики на Иволгинском поселении вполне понятно, и попытка А. В. Давыдовой систематизировать все разнообразие ее форм и ornamentации чрезвычайно важна. Однако в ее классификации обращает на себя внимание иногда, на наш взгляд, чрезмерное увлечение внешними формами сосудов, в результате чего, например, в одну группу включены сосуды разного назначения, или, наоборот, в сущности одинаковые по назначению сосуды отнесены к разным группам¹⁷⁴. Например, сосуды с отверстиями на дне для процеживания молочных продуктов оказались в двух разных группах, а сосуды для хранения продуктов, несмотря на сходство их форм, только из-за размеров разделены на две группы.

Нам представляется целесообразным в дополнение, но не в опровержение существующей классификации керамики, положить в основу систематизации не формы и размеры, а назначение сосудов. Согласно этому принципу вся глиняная посуда из погребений, в том числе и наши

¹⁶⁹ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище, с. 274—285; е е же. Новые данные об Иволгинском городище, с. 153—155.

¹⁷⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., с. 12—13.

¹⁷¹ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 62—69.

¹⁷² А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища, с. 106—109.

¹⁷³ А. В. Давыдова. The Ivolga Gorodishche..., с. 221—229.

¹⁷⁴ А. В. Давыдова. The Ivolga Gorodishche..., табл. 6, формы 1 и 2, 3 и 4.

новые находки, делятся на три категории: сосуды для хранения продуктов, для приготовления еды и для приема пищи

Для хранения продуктов предназначены сосуды разные по размерам, но однотипные по форме (табл. XXIII, XXIV): в целом это грушевидные, с коротким и узким горлом, с округлым туловом с наибольшим расширением в плечах и плавным сужением ко дну. Пропорции сосудов могут варьироваться по степени выпуклости плеч, некоторым удлинением и сужениям шейки, или наоборот. При внимательном осмотре можно различить заметную выпуклость корпуса, приближающегося к шарообразности, у сосудов Ильмовой и Черемуховой падей, несколько меньшую выпуклость и приподнятость плеч у сосудов Иволгинского городища, заметное удлинение горлышка и приземистость корпуса у сосудов Дэрестуйского Култука. Дно всех сосудов плоское с отпечатком шипа от гончарного станка, венчик отогнут наружу и оформлен красивым круглым ободком или воротником исключительно правильных форм. Сосуды этого типа изготовлены преимущественно из серой разных оттенков глины, всегда гладкостенны, снаружи, как правило, до блеска залощены.

Украшены сосуды различными вариантами одного и того же по существу орнамента: горловина имела обычно ритмичные разреженные вертикальные лощеные полосы, а туловище покрывалось сплошным полосатым лощением в вертикальном и горизонтальном направлениях. Плечики украшались двойными горизонтальными врезными линиями в два яруса друг над другом, или между двумя прямыми горизонтальными линиями пропущена волнистая линия «змейкой». У наиболее крупных сосудов вместо врезных линий наносились параллельные накладные валики, между которыми часто проходит волнистый валик (Ноин-ула, курган 1; Иволгинское городище, жилище 9). Интересно, что такой валик, проходящий по границе шейки и плечиков, как бы закрывая шов, характерен для нескольких дэрестуйских горшков, хотя последние, как и вся глиняная посуда из этого могильника, не отличаются крупными размерами, напротив, несколько меньше, чем сосуды Ильмовой и Черемуховой падей. В одной из могил там найден типично дэрестуйского облика сосуд, отличающийся от остальных особой нарядностью внешней отделки и четкостью вертикально-полосатого лощения; между строчек горизонтальных линий по его плечикам нанесены строгие ряды ямочек (табл. XXV, 9).

Сосуды лепили из ленточных заготовок глины сначала на неподвижном станке без вращения, о чем свидетельствует неровная бугорчатая внутренняя поверхность со следами отбивания ладонью; затем снаружи их заглаживали зубчатой лопаточкой в вертикальном направлении. В дальнейшем при вращении станка отделявали горлышко и венчик и выправляли форму и пропорцию всего сосуда, добиваясь почти полной симметрии, плавности и изящества линий.

Рассмотренного типа сосуды из погребений и поселений хунну составляют самую большую серию. Кроме наших новейших находок (табл. XXIII, XXIV), они обнаружены на Иволгинском городище и поселении в Дуренах¹⁷⁵, Ильмовой пади¹⁷⁶, Бурдуне¹⁷⁷, Липовском¹⁷⁸,

¹⁷⁵ См.: Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя. КСИИМК, XIV. 1947; А. В. Давыдова. Иволгинское городище рис. 9, 12; A. V. Davydova. The Ivolga Gorodishche... табл. 6, формы 3 и 4.

¹⁷⁶ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеознологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2, табл. XVIII, 13, 28 а; Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи..., с. 63.

¹⁷⁷ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеознологии Забайкалья — «Труды ТКОРГО». 1901, т. IV, вып. 2, с. 47—50, табл. III.

¹⁷⁸ См.: там же — «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 3, табл. XIII.

Хара-Усу¹⁷⁹, Ургун-хундуе¹⁸⁰, в Ноин-улс¹⁸¹, на городище Баруун-дороо¹⁸² и в других местах Бурятии и Северной Монголии, а также в незначительном количестве в Туве¹⁸³.

У больших, а иногда и средних сосудов (табл. XXIII, 1; XXIV, 1, 4) на стенке внизу имеется отверстие диаметром 1—2 см, напоминающее сливное отверстие. Сначала Г. П. Сосновский, а затем А. В. Давыдова, С. И. Руденко и другие предполагали, что эти сосуды использовались для приготовления спиртного напитка из риса¹⁸⁴. Ц. Доржсурэн считает, что в таком сосуде хранили зерно и что отверстие в нем служило для доступа воздуха, дабы предохранить содержимое от порчи. И действительно, горшки с подобным отверстием находили в больших и малых могилах хунну нередко с остатками зерна¹⁸⁵. Нам удалось дважды (в Черемуховой и Ильмовой падах) найти сосуды с отверстием у дна, содержащие внутри остатки зерен проса. Оба раза рядом с ними стояли аналогичные сосуды, но поменьше размером, без отверстия и без зерен. Они, очевидно, были наполнены жидкой пищей, а первые — сыпучим продуктом. Это обстоятельство, на наш взгляд, вполне убедительно подтверждает мнение Ц. Доржсурэна. Впрочем, не исключено также, что в этих сосудах держали жидкость (с применением затычек), отверстие в этом случае расположено как раз там, где удобно сливать ее. Предположения о том, что это перегонный аппарат, представляется маловероятным, потому что отверстие в этом случае должно было быть значительно выше.

Для приготовления еды встречается посуда двух видов — для варки и для процеживания жидкости. Для варки пищи хунну делали кринковидные горшки красноватого и бурого цвета, с рельефной бороздчатой или рифленой поверхностью (табл. XXV, 1—6). Они легко узнаются по корочке нагара внутри, следам прокаливанию снаружи в нижней половине и закопченности верхней части. По форме и размерам эти сосуды сравнительно однообразны и равновелики; они широкогорлые, с отогнутыми наружу и утолщенными венчиками, слабо выраженными шейками и плечиками, округлым и суженным книзу корпусом, плоскодонные, с отпечатками шипа от гончарного станка. Орнаментированы они, как правило, по шейке горизонтальной и волнистой врезной линией «змейкой» в один или два ряда. Снаружи поверхность горшков, за исключением венчика и шейки, покрыта косыми, резко выраженными бороздами от зубчатой лопаточки. Внутренняя поверхность от обработки вручную посредством тиснения ладонью неровная, бугорчатая.

Судя по отпечаткам шипов на дне, эти сосуды делались на тех же станках, что и сосуды предыдущего типа, тем же ленточным способом. Об этом же говорит и горизонтальная заглаженность шейки и венчика посредством вращения. Но при последующем нанесении на поверхность сосуда довольно глубоких косых борозд ее симметрия часто нарушалась.

Бороздчатая поверхность горшков имеет до некоторой степени орнаментальный смысл, но больше всего, кажется, — практическое значение:

¹⁷⁹ Погребение обследовано А. П. Окладниковым. Материалы не опубликованы.

¹⁸⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. I, с. 14, табл. IV, h.

¹⁸¹ См.: «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова». Л., Изд-во АН СССР, 1925, с. 9—10.

¹⁸² Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-ула на р. Хуни-гол, с. 39, рис. 8; его же. Умард хунну, с. 74.

¹⁸³ Л. Р. Кызласов. О памятниках ранних гуннов. — В сб.: Древности Восточной Европы (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1969, с. 115—124.

¹⁸⁴ Архив ЛОИА, фонд 42, дело 22.

¹⁸⁵ См.: Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 20.

такая поверхность более способствовала быстрому нагреву сосуда, нежели гладкая.

Керамика с ребристой поверхностью в Забайкалье известна с неолитических времен и очень часто встречается на многочисленных дюнных стоянках. Этот способ отделки можно видеть на совершенно иной формы и типа сосудах Посольской стоянки на Байкале эпохи ранней бронзы. Там же найдена керамика с так называемой «вафельной» поверхностью, которая является ранним прототипом единственного пока хуннского сосуда из Черемуховой пади (табл. XXV, 6).

Описанная категория посуды также многочисленна и типична для хунну¹⁸⁶, но, пожалуй, несколько уступает по числу первой группе. Подобные сосуды известны в Бурятии, кроме Ильмовой и Черемуховой падей, в Иволгинском городище и поселении Дурены¹⁸⁷, Дэрестуйском Култуке¹⁸⁸, а также Хара-усу¹⁸⁹, Ургун-хундуе¹⁹⁰, в Монголии — на р. Хуннигол¹⁹¹, а также в Хакасии во дворце хуннского наместника¹⁹².

Для процеживания молочных продуктов применялась соответствующая посуда, снабженная многочисленными отверстиями в днище (табл. XXVI, 23). По форме эти сосуды корчагообразны или, скорее, ведеркообразны — невысокие, суженные ко дну и расширенные к устью, без шеек, с резко отогнутым под прямым углом или просто утолщенным без перегиба венчиком, встречаются с незначительным сужением шейки и отгибом венчика. По отделке они относятся к гладкостенным, с лощеной наружной поверхностью. Орнаментированы в той же манере, что и сосуды, описанные выше.

По размерам такие сосуды значительно варьируют. На Иволгинском городище найдены сосуды высотой от 45 до 12 см, диаметром в устье от 50 до 13 см¹⁹³. Приблизительно с такими же минимальными параметрами сосуд обнаружен нами в одном из погребений Эдуя (табл. XXVI, 23). Еще более мелких размеров аналогичный сосудик был найден здесь же Ю. Д. Талько-Грынцевичем¹⁹⁴. Кроме перечисленных мест, сосуды аналогичного типа найдены на поселении Дурены¹⁹⁵, на р. Саве в выдувах¹⁹⁶ и в Ноин-уле¹⁹⁷.

Посуда для приема пищи встречается чрезвычайно редко, но имеющиеся в нашем распоряжении образцы позволяют говорить об ее существовании. Самая скромная пока серия находок представлена величелепной миской из Иволгинского городища¹⁹⁸, фрагментом баночной формы, с прямыми расширяющимися кверху стенками, сосуда из кургана 54 Ильмовой пади (табл. XXVI, 1), фрагментами из могилы 5 в

¹⁸⁶ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., табл. XVII, 3, 4а, 4в, 6; табл. XVIII, 17, 18. Г. П. Сосновский. Указ. соч., с. 64, рис. 14.

¹⁸⁷ Г. П. Сосновский. О поселении хуннской эпохи в долине р. Чикоя.— КСИИМК, 1947, XIV, с. 37, рис. 26; А. В. Давыдова. Иволгинское городище.— СА, XXV, 1956, с. 278, рис. 10.

¹⁸⁸ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, с. 23—24; его изображение см.: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 171, рис. 4 справа.

¹⁸⁹ Найден А. П. Окладниковым в 1949 г. Материал не опубликован.

¹⁹⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1, табл. IV, д, к.

¹⁹¹ Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну..., с. 39, рис. 8.

¹⁹² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, с. 481, табл. XLV, 6.

¹⁹³ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище, с. 275, рис. 8.

¹⁹⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1, табл. IV.

¹⁹⁵ Кяхтинский музей, сборы П. С. Михпо, инв. № 1881, 193.

¹⁹⁶ Кяхтинский музей, сборы М. А. Решикова, инв. № 3229/8.

¹⁹⁷ Хранится в Гос. Эрмитаже вместе с коллекциями Ноин-Улы, инв. № отсутствует.

¹⁹⁸ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище, с. 283, рис. 16.

Цараме¹⁹⁹ и двумя чашечками из Эдуа (табл. XXVI, 17, 18)²⁰⁰. Первые две находки характеризуются тщательностью отделки с характерным лощением поверхности и обычной орнаментацией «змейкой» (у иволгинской миски). Эдуйские чашечки отличаются грубостью отделки, наскоро слеплены без применения гончарного круга и производят впечатление как бы ненастоящих сосудов, не бывших в употреблении, а моделей, изготовленных для похоронного обряда.

В связи с только что сказанным следует отметить определенную группу символических сосудов или сосудов-моделей, находимых нередко в погребениях Ильмовой пади (табл. XXVI, 3—16)²⁰¹, Черемуховой пади²⁰², в Бурдуне²⁰³ и Эдуе²⁰⁴. Помимо небрежности исполнения, свидетельствующей как бы о недействительности этих сосудов, бросается в глаза миниатюрность их размеров, нечеткость и приблизительность форм, имитирующих те или иные типы и категории хуннской глиняной посуды. Вследствие этого мы не включаем эту группу в типологический ряд, выделяя однако в особую категорию ритуальных сосудов или сосудов-моделей.

Лаковая посуда. Лаковые чашки встречаются в погребениях Ноин-улы, Ильмовой и Черемуховой падей, но ни разу не были найдены в Дэрестуйском Култуке и Иволгинском могильнике.

Примечательно появление новой формы этого изделия. Так, в погребении 53 Ильмовой пади мы обнаружили остатки большой лаковой миски, с круглым плоским дном диаметром 17—18 см и конусообразно расширяющимися стенками высотой около 10 см. В мужском погребении 50 найдены остатки двух чашек, одна из которых по форме аналогична предыдущей, но почти вдвое меньше, другая — по форме и размерам похожа на ноин-улинские чашки из находок П. К. Козлова и А. Д. Симукова. Последняя — овальной формы, неглубокая, с уменьшенным плоским дном, ручками-ушками по бокам. Наружная поверхность ее покрыта коричневым лаком и украшена черно-красным геометрическим орнаментом (сочетание прямых и зигзагообразных линий, ромбовидных фигур, концентрических кружочков и завитушек). Внутренняя поверхность окрашена в красный цвет и не орнаментирована. По форме и величине, а также по орнаменту она близка к чашке из ноинулинского кургана²⁰⁵. На дне снаружи имеется вырезанный знак, клеймо.

Остатки двух чашек обнаружены нами и в погребении 58 (женское). Одна из них — лучшей сохранности, традиционной формы, с красной росписью по черному фону²⁰⁶. По сюжету и композиции роспись имеет полную аналогию с росписью чашки из кургана 6 Ноин-улы²⁰⁷. На ней изображены птицы-фениксы — композиция из четырех пар, в каждой из которых птицы стоят хвостами друг к другу. Между парами птиц — перекрещивающиеся х-образные линии, а между сти-

¹⁹⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1903, т. VI, вып. 2, с. 11, по описанию.

²⁰⁰ См.: там же. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1, табл. IV.

²⁰¹ Кроме наших находок, такие сосуды в Ильмовой пади найдены Ю. Д. Талько-Грынцевичем. — См.: Суджинское доисторическое кладбище..., табл. XVIII, 22, 26 а, 27 а, 27 в, с, 27 е, 28, 28 а, 29 в.

²⁰² В некоторых могилах Черемуховой пади нами замечены мелкие фрагменты таких сосудов.

²⁰³ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1901, т. IV, вып. 2, табл. III, 2, в, с, d, e.

²⁰⁴ См.: там же, т. III, вып. 1, табл. IV, а, b, с, d, e.

²⁰⁵ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XLVIII, 1.

²⁰⁶ Другую чашку не удалось собрать: слишком мелкие и хрупкие фрагменты.

²⁰⁷ См.: «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова», табл. 1, рис. 2.

лизованными в виде спиральных завитушек хвостами птиц нанесены такие же спирали. Венчик расписан сочетанием геометрических линий и мелких спиралевидных и концентрических узоров. По бордюру дна чашки имеется тонкая резная иероглифическая надпись, к сожалению, сильно поврежденная и частично утерянная вместе с мелкодробленными фрагментами изделия.

Костяные и деревянные палочки и ложечки в погребениях Ильмовой и Черемуховой падей встречаются часто. Одна такая находка найдена в Иволгинском городище²⁰⁸. В Дэрестуйском Кулгуке их не найдено. У Ю. Д. Талько-Грынцевича обнаруживаемые им палочки ассоциировались с вязальными спицами (они действительно похожи на них), а миниатюрные ложечки — с аналогичными предметами, употребляемыми монгольскими ламами для приема лекарств²⁰⁹. Г. П. Сосновский впервые дал объяснение обнаруженным им в нескольких могилах парным экземплярам подобных предметов, назвав их палочками «для еды риса и других растительных продуктов». Но он не смог объяснить назначение продолговатой костяной лопаточки с длинной тонкой ручкой и костяных же палочек с миниатюрной трубкой на конце, напоминающей, по словам Ю. Д. Талько-Грынцевича, курительную трубку «ганзу»²¹⁰.

В результате наших раскопок к коллекции описываемых вещей прибавились новые находки из Черемуховой и Ильмовой падей. Причем, если палочки для еды везде примерно однообразны (табл. XVII), то ложечки встречаются разные. Например, ручка у ложечки из могилы 15 Черемуховой пади (табл. XVII, 9) почти вдвое длиннее, чем у ложечки из могилы 51 того же могильника; с последней одинакова по размеру ложечка из погребения 55 в Ильмовой пади, но она сделана из камня (табл. XVII, 10); такая же короткая ручка у ложечки, найденной Ю. Д. Талько-Грынцевичем²¹¹, но у нее довольно большая черпающая часть. К этому же ряду вещей можно присоединить упомянутую костяную лопаточку из находок Г. П. Сосновского и похожую на нее деревянную лопаточку из ноинулинского кургана, которые С. И. Руденко склонен считать ложечками для еды²¹². Возможно, это и так, но остальные ложечки (табл. XVII, 9—11) явно предназначены для какой-то другой цели. Может быть, был близок к истине Ю. Д. Талько-Грынцевич, уподобляя их «лекарственным ложечкам». Возможно также, что это ухвертки: размеры их вполне соответствуют такому назначению. Что же касается предметов в виде «ганзы»²¹³, мы также затрудняемся дать им какое-либо объяснение.

И наконец, к серии кухонных принадлежностей мы присоединяем найденную в погребении 60 Черемуховой пади настоящую деревянную ложку, точнее даже черпак или уполовник (табл. XVIII, 13). В свое время черпак был расколот и его починили, зашив по трещине кожаным шнурком. К сожалению, мы не знаем, какой длины была у него обломанная ручка, но в таком виде он очень похож на аналогичный уполовник из кургана 24 Ноин-улы²¹⁴. По мнению С. В. Киселева, сходные деревянные ложки находятся в таштыкских грунтовых могилах и скле-

²⁰⁸ А. В. Давудова. The Ivolga Gorodishche... табл. II (49).

²⁰⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., с. 10—11, табл. XIV.

²¹⁰ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. с. 56, рис. 6 (5—7), с. 63.

²¹¹ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., табл. XIV, 10.

²¹² См.: С. И. Руденко. Культура хуннов... с. 36, табл. VIII, 1, 8.

²¹³ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., табл. XIV, 1а; С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. VIII, 5, 6.

²¹⁴ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. VII, 4.

пах²¹⁵, но судя по изображению деревянной ложки из Оглахтинского могильника, найденной Г. П. Сосновским, они не похожи на находки из Черемуховой пади и Ноин-улы²¹⁶.

Ножи и шилья. В работах Ю. Д. Талько-Грынцевича имеются лишь упоминания об обломках железных ножей²¹⁷. Об одном «железном кинжале с деревянной рукояткой» пишет Ц. Доржсурэн²¹⁸. Целая коллекция железных ножей происходит из Иволгинского городища²¹⁹.

В результате новых раскопок в Черемуховой пади найдены 16 железных ножей, в Ильмовой — 6, в Дэрестуйском Култуке — 4 ножа. Образцы находок лучшей сохранности представлены на табл. XVI. Ножи все однотипные — однолезвийные, клиновидного сечения, преимущественно с прямым лезвием и выпуклой спинкой, с заостренным узким черенком, с деревянной или костяной рукоятью. Последние делались либо из цельного куска рога, либо из двух роговых или костяных пластин, которые накладывались на черенок с двух сторон и закреплялись при помощи железных шпонок с заклепкой²²⁰. Одна половина такой пластинчатой рукоятки нам встретилась в Черемуховой пади (могила 58, табл. XVI, 10). Многочисленные и разнообразные образцы рукояток ножей и их заготовок можно видеть в коллекции Иволгинского городища²²¹.

В целом ножи из погребений аналогичны большинству ножей из Иволгинского городища. Но на городище встречаются так называемые кольчатые ножи, имеющие аналогии в тагаро-таштыкских памятниках Минусинской котловины, в находках из Большого кургана у с. Тесь на р. Тубе (III в. до н. э.) и в развалинах дворца хуннского наместника на р. Абакане (I век до н. э. — I век н. э.)²²², в погребениях березовского этапа (II—I века до н. э.) Верхней Оби, в местности Ближние Елбаны (пункт III)²²³ и в тагарских памятниках Обь-Чулымской лесостепи²²⁴.

В связи с этими аналогиями интересно отметить два обстоятельства. По наблюдениям А. И. Мартынова, этот тип ножей имеет большее распространение в лесостепных, нежели в степных районах Южной Сибири, по находкам в упомянутом Тесинском кургане С. В. Киселев отмечает, что «уже в конце тагарского времени разрабатывалось дотоле неизвестное черешковое скрепление ножа с рукояткой, получившее широкое распространение в позднейшее время»²²⁵.

Большинство же хуннских ножей, представленных в нашей коллекции, по своему облику, очевидно, и являются образцами именно этого типа ножей, сложившегося независимо от минусинских, а может быть, и раньше их и ставшего в дальнейшем общим для многих степных и таежных племен Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего

²¹⁵ См.: С. В. Киселев. Указ. соч., с. 430.

²¹⁶ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. — ПИМК, 1933, № 7—8, с. 39.

²¹⁷ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеознологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1, табл. XI, е, с. 7, 15.

²¹⁸ Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну..., с. 42, могила 8.

²¹⁹ См.: А. В. Давудова. The Ivolga Gorodishche..., табл. 16 (23—36); ее же. Иволгинское городище, с. 288, рис. 19 (4).

²²⁰ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеознологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1898, т. I, вып. 2, табл. XVI, 13, 17.

²²¹ См.: А. В. Давудова. The Ivolga Gorodishche..., табл. II (1—9); ее же. Новые данные об Иволгинском городище, рис. 12; ее же. Иволгинское городище, рис. 22.

²²² См.: С. В. Киселев. Указ. соч., с. 279, табл. XXIII, 25, 26; XLV, 11.

²²³ См.: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. XXVI, 12, 13.

²²⁴ См.: А. И. Мартынов. История тагаро-таштыкского населения лесостепной части Южной Сибири. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1973, с. 12.

²²⁵ С. В. Киселев. Указ. соч., с. 279—280.

железа, а также позднейших аборигенов этих территорий, например, монголов, бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов, якутов, эвенков и других.

Ближайшие по времени и территории аналогии хуннским ножам в большем количестве обнаружены в Туве, в памятниках сыын-чюрексской или шурмакской культуры (II век до н. э.— V век н. э.), в частности в могильнике Кокэль, основные комплексы которого датируются рубежом и первыми веками н. э.²²⁶. Там, кстати, встречаются и кольчатые ножи, но гораздо реже. Из материалов тюркского времени Тувы отметим аналогичные ножи, обнаруженные в Кара-холе²²⁷ и в том же Кокэле²²³, а из поздних археологических памятников Тувы XVI—XIX веков укажем на находки таких же ножей в Монгун-Тайге²²⁹.

В большом количестве этого типа ножи известны из могильника Кудыргэ на Алтае, где они представлены во всех позднекочевнических комплексах, начиная от IV века н. э. до XIV века н. э.²³⁰. Интересно, что и на Алтае, в Кудыргинском комплексе VI—VII веков, встречен кольчатый нож²³¹.

И наконец, такие же в принципе ножи найдены в поздних археологических памятниках Якутии²³². Форма якутских ножей, обнаруженных в погребениях XVIII века, находит близкие аналогии среди ножей южных культур, в частности курыканской и тувинской²³³.

Шилья железные в погребениях встречаются редко и, как правило, в виде мелких обломков. Лишь однажды в Ильмовой пади могиле 52 нам встретилось кольчатое навершие шила (табл. XVI, 12). Таково же шило из могилы I в Цараме²³⁴. Это наиболее характерное навершие железных шильев. Вероятно, так же выглядело обломанное на части шило из погребения 58 Ильмовой пади, найденное в одном кожаном чехле вместе с ножом (табл. XVI, 11). Аналогичная находка (нож с шилом в одном чехле, сильно фрагментированные) сделана и в Черемуховой пади (погребение 40). Образцы целых экземпляров железных шильев имеются в коллекции Иволгинского городища и могильника²³⁵.

Оттуда происходит и многочисленная коллекция костяных шильев, проколов и иголок²³⁶. Костяные шилья изготовлялись обычно из тонкой лучевой кости крупных и мелких животных, имеющей естественную заостренную форму с расширенной «пяткой» на одном конце, или из специально вырезанных из трубчатой кости стержней-заготовок. В погребениях Черемуховой и Ильмовой падей нам удалось найти образцы и тех и других (табл. XVI, 13, 14). Более мелких инструментов — про-

²²⁶ См.: статьи С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой в кн.: «Труды ТКАЭЭ», т. II. М.—Л., 1966, табл. VIII; т. III, с. 15, 19, 26, 40, 53 и др.; табл. X, с. 205.

²²⁷ См.: А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-тайге, с. 102, 35.

²²⁸ См.: С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве. «Труды ТКАЭЭ», II, 1966, с. 330, рис. 44; табл. I, 8; табл. II, 10; табл. VII, 12 и др.

²²⁹ См.: В. П. Дьяконова. Поздние археологические памятники на территории Тувы. «Труды ТКАЭЭ», том I, 1960, с. 160, 163, 165; том II, табл. I, 19.

²³⁰ См.: А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, табл. IV, 1, 3, 9; табл. XI, 17; табл. XVII, 2; табл. XXV, 1; табл. XXVI, 2; табл. XXX, 1 и др.

²³¹ Там же, табл. XXIV, 10.

²³² И. В. Константинов. Материальная культура якутов XVIII века. Якутск, 1971, с. 105—106, табл. III, 3; табл. XVIII, 1.

²³³ Е. Ф. Седякина. Могильник Усть-Талькин. «Труды БКНИИ СО АН СССР», 1965, вып. 16, рис. 1 (2).

²³⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды ТКРГО», 1903, т. VI, вып. 2, с. 9.

²³⁵ А. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche, табл. 16 (12—19), 1971, рис. 8 (32).

²³⁶ Там же, табл. 12 (32—51).

колок и иглоков нам не попадалось. Интересно, что характерной формы шилья из лучевой кости употреблялись кочевыми и охотничьими племенами и народами с древнейших времен до современности. Еще совсем недавно они были в употреблении у бурят, тувинцев, алтайцев, якутов, эвенков и других.

Детали прибора для добывания огня трением. Полный комплект прибора для добывания огня восстановлен по находкам из Ноин-улы²³⁷. Он состоял из деревянной дощечки, деревянной палочки-сверла, деревянного или костяного лучка из ребра крупного животного с тетивой, которым вращали сверло, и костяного упора для сверла.

Деревянные детали такого прибора обычно не сохраняются, но зато остаются костяные упоры для палочек, изготовленные, как выяснилось, чаще всего из астрагалов крупных животных (табл. XVIII, 9, 10). Одна такая находка сделана Ю. Д. Талько-Грынцевичем²³⁸, две — Г. П. Сосновским²³⁹, и четыре экземпляра обнаружены нами в Черемуховой и Ильмовой падах. Причем два из них из Черемуховой пади (табл. XVIII, 9, 10) точь-в-точь повторяют находки Г. П. Сосновского из Ильмовой пади: и там и здесь один упор сделан из целого астрагала, другой — из разрубленной половины. Остальные два из обоих могильников также схожи между собой тем, что сделаны они из кусков рога (табл. XVIII, 11, 12). На всех перечисленных предметах, кроме отверстий для подвешивания, имеется характерный признак, определяющий их назначение, — это круглые высверленные ямочки со следами черного нагара от трения. Возможно, такого типа изделие из куска рога мы видим среди находок из Ургуи-Хундуя²⁴⁰.

Из других мест приборы для добывания огня сверлением известны из Тувы, из могильника Кокэль, причем как в комплексе хуннского времени (около рубежа н. э.), так и в комплексе тюркского времени (вторая половина I тысячелетия н. э.)²⁴¹. Они в деталях несколько отличаются от хуннских, но в принципе одинаковы. На Алтае такие приборы найдены на могильнике Кудыргэ (в Кудыргинском комплексе VI—VII века н. э.)²⁴². Реконструируя один из них, А. А. Гаврилова пишет: «Приборы для добывания огня сверлением многократно находились в памятниках раннего железа, вплоть до хуннских, но для периода позднего железа описанный прибор пока единичен. Усовершенствованием с хуннского времени можно считать дополнение желобков для горючего вещества на нижней дощечке, у хуннов такие желобки не делались»²⁴³.

Игральные кости — овечьи или козьи астрагалы — пока найдены только в Ильмовой пади в трех детских захоронениях и двух взрослых, женском и мужском. В детской могиле 36 Г. П. Сосновским было обнаружено 8 астрагалов, а в могиле 41 с останками женщины — один. В детских погребениях 546 и 56 нами было найдено соответственно 6 и 2 штуки, а в мужском погребении 52 — один. Очевидно, игральные косточки клались в могилу комплектом, от которого сохранилась

²³⁷ См.: С. И. Руденко. Указ. соч., табл. XXV.

²³⁸ Ю. Д. Талько-Грынцевич Суджинское доисторическое кладбище, табл. XVI, 3.

²³⁹ Опубликованы в кн. С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 53, рис. 46.

²⁴⁰ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 1, табл. I (к).

²⁴¹ С. И. Вайнштейн и В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль. «Труды ТКАЭЭ», т. II, 1966, с. 227, рис. 51; С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве. Там же, с. 332; В. П. Дьяконова. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль. «Труды ТКАЭЭ», т. III, с. 93, рис. 13.

²⁴² А. А. Гаврилова. Указ. соч., табл. XII, 5, 6.

²⁴³ Там же, с. 37.

лишь часть костей. Лишь однажды в нетронутой могиле 54 б, например, они сохранились полностью — 6 штук (табл. XVIII, 1—6). Все они лежали кучей у левой кисти руки ребенка 12—14 лет, опущенной вдоль тела. У двух из них с края были просверлены отверстия для подвешивания. Судя по другим находкам, количество косточек в могилах было разным, возможно, даже клалось по одной штуке.

Если это так, то несколько усложняется решение вопроса о назначении астрагалов. В связи с этим следует упомянуть об астрагалах из Иволгинского городища с прочерченными на них различными знаками и рисунками²⁴⁴. Обоснованного объяснения этим находкам нет, знаки и рисунки на них расшифровать трудно. На астрагалах из могил каких-либо изображений не замечено.

Аналогии нашим находкам известны из древнего Хорезма, из памятника погребального и астрального культа Кой-Крылган-кала IV века до н. э.— IV века н. э.²⁴⁵. В различных помещениях этого величественного сооружения встречались таких же размеров астрагалы, группами и в одиночку, частично просверленные и подвергнутые различной обработке — с обточенными гранями и сторонами, прочерченными изображениями и т. п. Исследователи памятника пишут, что в Средней Азии бараний астрагал называют «альчик» или «ашик» и до сих пор употребляют для игры. «Возможно, найденные на Кой-Крылган-кале комплекты астрагалов также служили игральными костями... Не исключено, что с ними были связаны и какие-то ритуальные действия, первоначальный смысл которых был впоследствии забыт, а форма сохранилась в игре. Это тем более вероятно, что до недавнего времени с альчиками в Средней Азии были связаны различные поверья, они часто служили амулетами-оберегами: альчик подвешивали над детской люлькой для предохранения от злых духов; иногда с той же целью альчики вешали на шею домашним животным»²⁴⁶.

Добавим к этому, что игра в альчики (шагай наадан) в нескольких вариантах до сих пор распространена у бурят, монголов, тувинцев, алтайцев, киргизов, казахов и, возможно, других народов, связанных со скотоводческим бытом.

Зеркала. В погребениях хунну бронзовые зеркала встречаются, как правило, в обломках, причем, по одному в каждой могиле, и лишь однажды в Ильмовой пади в могиле 3 Ю. Д. Талько-Грынцевичем были найдены два обломка двух разных зеркал²⁴⁷. На одном из них имеется неизвестная, еще не прочитанная никем надпись. По одному фрагменту зеркал было найдено Г. П. Сосновским²⁴⁸ в могиле 38 и нами в могиле 51 (табл. XXII, 1) этого же могильника. На первом из них имеется изображение льва, на втором — нероглифы. Один обломок зеркала происходит из кургана 25 Ноин-улы²⁴⁹; считают, что на нем изображены ящерицы²⁵⁰. Одно обломанное зеркало — фрагмент более половины целого — найдено Ц. Доржсурэном в могиле 25 на р. Хуни-гол²⁵¹: на нем имеется геометрический орнамент в виде квадрата посередине с полусферической петлей в центре, концентрических кружочков и прямоугольных знаков в виде латинских букв T, L, V вне квадрата. И нако-

²⁴⁴ А. В. Давудова. The Ivolga Gorodishche..., табл. 15.

²⁴⁵ См. в кн.: Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. Труды Хорезмской археол.-этнографич. экспедиции, V, М., «Наука», 1967.

²⁴⁶ Кн.: Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», V, М., «Наука», 1967, с. 158.

²⁴⁷ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище..., Труды, I, 2, 1898, табл. XII, 3 с, 3 в.

²⁴⁸ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, с. 62, рис. 12.

²⁴⁹ С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 92, рис. 65, г.

²⁵⁰ Ц. Доржсурэн. Умард хуину, с. 67.

²⁵¹ Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну..., с. 37, рис. 7 (7).

нец, еще три обломка от разных зеркал обнаружены в Черемуховой пади в могиле 2 Р. Ф. Тугутовым (табл. XXII, 3) хранятся в Кяхтинском музее) и в могилах 15 и 38 — нами (табл. XXII, 2, 4). На одном из них сохранилась только внешняя орнаментальная кайма — двойной ряд зубчатых поясов. На втором обломке внешняя утолщенная кайма орнаментирована одним рядом зубчатого пояса, посередине — квадрат, а промежуточное пространство разделено по углам квадрата v-образными фигурами на четыре сектора, в каждом из которых имеются разные изображения, например, в одном — стилизованный лев, в другом, по-видимому, — птица. У третьего обломка из Черемуховой пади (табл. XXII, 3) внешняя кайма орнаментирована тонкими s-образными фигурами, на внутреннем поле видна лишь часть фигуры льва (?), аналогичная предыдущему. Интересно, что под брюхом льва на этом зеркале имеется геометрическое изображение в виде латинской буквы L, а на предыдущем зеркале такой же знак в виде буквы T был над спиной льва.

Датировке бронзовых зеркал из хуннских погребений большое внимание уделил Ц. Доржсурэн²⁵². Опираясь на исследование М. П. Лавровой²⁵³, он пишет, что «зеркала с изображениями TLV связаны с периодом Ханьской империи. Хотя Хань существовала с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э., всего свыше 400 лет, зеркала TLV следует связывать с периодом ранней Хань или с I в. до н. э. Однако нельзя к периоду Ханьской империи относить только зеркала TLV, в ханьскую эпоху были различные зеркала и среди них сделанные по образу и подобию TLV». И далее: «Все зеркала с подобными изображениями зверей и животных М. П. Лаврова относит к Ханьскому времени. Так как точно такие зеркала встречаются в материальной культуре Восточной Хань, их можно отнести к I—II вв. н. э.»²⁵⁴.

К серии бронзовых зеркал из могильников необходимо прибавить коллекцию зеркал из Иволгинского городища. А. В. Давыдова датирует их III—I веками до н. э.²⁵⁵.

Монеты найдены пока только в погребениях Дэрестуйского Култука: Ю. Д. Талько-Грынцевичем — четыре монеты²⁵⁶, нами — две. Интересно, что находились они по одной или две штуки, вероятно, в кожаных или матерчатых мешочках, положенных в области пояса или бедер погребенного.

Первые находки монет из Дэрестуя были определены Марковым в 1900 году и Фасмером в 1929 году как китайские монеты «У-шу (5 шу), выпускавшиеся несколько раз в период от 118 года до н. э. до 618 года н. э.»²⁵⁷.

Подробный анализ бронзовых монет в связи с находками из хуннских могил сделал Ц. Доржсурэн. Он пишет: «Китайских монет типа «У-шу» было несколько, и они связаны с периодом с I в. до н. э. по VI в. н. э. ... Специфическим признаком принадлежности монеты типа «У-шу» к I в. до н. э. является знак в виде трезубца, обращенного вверх, на лицевой стороне монеты с правой стороны знака «шу»... Монеты «У-шу», связанные с периодом VI в. н. э., хотя по форме и схожи с монетами «У-шу» I в. н. э., все же имеют небольшие различия, например: 1) наружная кайма таких монет бывает шире; 2) правый край-

²⁵² Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 67—68.

²⁵³ М. П. Лаврова. Китайские зеркала Ханьского времени (из собрания Русского музея). «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 1, Л., 1927.

²⁵⁴ Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 67—68.

²⁵⁵ А. В. Давыдова. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. Автореф. канд. дис. Л., 1965; A. V. Davudova. The Ivolga Gorodishche..., с. 241.

²⁵⁶ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, табл. II, 7 д; табл. III, 10, о.

²⁵⁷ См.: Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник, с. 170.

ний зуб трезубца, находящегося справа от знака «шу», входит в край квадратного отверстия и сливается с ним. Исходя из вышесказанного, монеты «У-шу» из хуннских курганов мы относим к I веку до н. э. ... Имеются сведения, что монеты «У-шу», относящиеся к эпохе до нашей эры, были отлиты в 73, 63 и 60 гг. до н. э.»²⁵⁸. Этим же временем, по-видимому, датируются и наши новые находки монет.

Неопределенные предметы. К ним мы относим самые разнообразные единичные находки, а также некоторые группы предметов, определение которых для нас затруднительно. Среди них есть предметы совершенно целые и сильно фрагментированные, более или менее понятные и весьма неопределенные.

Наконечником лопаты условно называем мы клинообразный массивный наконечник со слегка закругленным рабочим краем из Дэрестуйского Култука (табл. XV, 9). Ширина его — 13 см, высота — 10,5 см, толщина в основании клинообразного насада — 2,6 см. Наконечник насаживался на деревянный черенок, следы которого видны внутри клина. Точно такая же вещь происходит из Иволгинского городища и определена как наконечник лопаты²⁵⁹. Находка этого орудия на городище понятна, но в погребении оно встречается впервые. В данном случае лопата, вероятно, не была связана с погребальным обрядом, а была случайно утеряна на могиле и попала таким образом в ее засыпку, о чем свидетельствует факт нахождения ее вверху заполнения ямы.

Из наших раскопок имеется целая серия железных пластин-наконечников, привязываемых, по-видимому, к концу кожаного ремня (табл. XIV, 1—14). С одного конца они полукруглые, с другого — прямые и с прорезью для ремня. В прорезях у некоторых пластин сохранились остатки кожаного ремня. Поэтому мы и называем их также условно наконечниками ремня, хотя точные аналогии им нам неизвестны.

Мало понятен нам смысл круглых и тонких железных пластин-подвесок, с петельками для продевания кожаного шнура (табл. XV, 1—8). Отпечатки ткани на некоторых из них говорят, очевидно, о том, что они имеют отношение к одежде.

Совершенно непонятны тонкие круглые или овальные железные кружочки с квадратным отверстием посередине (табл. XIV, 18—21). Некоторые из них слегка выгнуты полусферой.

Принадлежностями сбруи, возможно, являются коротенькие костяные трубочки (табл. VIII, 7—10), обнаруженные большей частью в мужских захоронениях с остатками конского снаряжения или вооружения. Близкие к ним предметы известны из так называемых курганов — кладбищ могильника Кокэль в Туве, датируемые II веком до н. э. — V веком н. э. Однако назначение этих предметов из Тувинских погребений также не определено²⁶⁰.

В одном из погребений Черемуховой пади нами обнаружен цилиндрический футляр (табл. XVIII, 8), сделанный из трубчатой кости крупного животного, с костяной же крышечкой с оригинальным способом закупорки; дно футляра выпало и не найдено. По-видимому, фрагмент аналогичного футляра имеется в находках Г. П. Сосновского из погребения 37 Ильмовой пади²⁶¹. Не предназначены ли эти футляры для каких-нибудь лекарственных снадобий и не связаны ли таким образом с описанными выше миниатюрными ложечками?

²⁵⁸ Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 66.

²⁵⁹ А. V. Давудова. Указ. соч., табл. 16 (49).

²⁶⁰ В. П. Дьяконова. Большие кладбища-курганы на могильнике Кокэль. — «Груды ТКАЭЭ», III. Л., 1970, с. 208, табл. XIII.

²⁶¹ Фонды Гос. Эрмитажа, колл. 1354 (80).

Не смогли мы определить и ряд других одиночных предметов, таких, как миниатюрная чашечка, сделанная из основания рога косули, костяная пластина с отверстиями на концах и корытообразно выдолбленной полостью на одной стороне, полусферическая срезанная головка бедренной кости крупного животного с просверленным насквозь отверстием, изделие из трубчатой кости мелкого животного с просверленными отверстиями на концах, восьмигранная призма из агальматолита с высверленными с торцов ямками и некоторые другие.

И наконец, в погребениях не сохранилось в удовлетворительном состоянии разнообразных изделий из дерева, бересты, кожи, меха и ткани. Но следы и остатки их, особенно остатки кожи и ткани различных сортов, встречаются очень часто.

Более удачными были находки изделий из дерева, войлока, ткани и меха в ноинулинских погребениях. Подробное описание их имеется в работе С. И. Руденко «Культура хуннов и ноинулинские курганы».

Глава V

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с новыми исследованиями памятников хунну в Забайкалье нами предпринята попытка обобщить материалы хуннских погребений вообще. Как того требовало состояние проблемы, мы стремились систематизировать, описать и рассмотреть их в палеоэтнографическом отношении и сравнительно-историческом плане. Надеемся, что проделанная работа в некоторой степени восполнит соответствующий весьма существенный пробел в археологии хунну.

Подводя итоги изучения погребальных комплексов хунну, свою задачу мы видим не в написании общего очерка о хунну, — таковые имеются не только в специальной, но и в учебно-справочной литературе¹, — а в определении, интерпретации и оценке основных черт культуры хунну. Как уже отмечалось, хуннская тема настолько обширна, что рамки настоящей работы не позволяют вместе с описанием и исследованием материала дать развернутое историко-культурное его обобщение. Поэтому в настоящей заключительной главе целесообразно ограничиться пока главными аспектами проблемы — характеристикой экономики хунну и сложившейся на ее основе культуры.

До открытия археологических памятников взгляды на культуру хунну формировались всецело под влиянием письменных источников, согласно которым это были дикие варвары степей и пустынь Центральной Азии, не знавшие ни постоянного местожительства, ни земледелия, ни, тем более, городов, но удивительно воинственные. Для науки, знакомой с военной и политической историей хунну, но не знавшей еще археологических памятников, оставались загадкой секреты их могущества и чрезвычайной активности.

После ноннулинских археологических открытий мир узнал о монументальных гробницах хуннских вождей и знати со всеми атрибутами роскоши и богатства. Будучи яркой иллюстрацией былого величия и процветания хунну, курганы Нонн-Улы служили опровержением сложившихся представлений о примитивном, извечно кочевом быте населения Центральной Азии. Дальнейшее знакомство с памятниками хунну все более и более обнаруживало несостоятельность подобных взглядов.

Большинство современных ученых считает основой хозяйства хунну скотоводство при значительном распространении земледелия и ремесленного производства, главным образом, металлообработки. В свое время Г. П. Сосновский назвал хунну полукочевниками.

¹ А. Н. Бернштам. Очерки истории гунов. Л., 1951; Ц. Доржсүрэн. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноннулинские курганы. М.—Л., 1962; «Всемирная история», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1956; «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956; «История Сибири», т. I. Л., «Наука», 1968; «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Улан-Удэ, 1954; И. И. Кириллов, М. И. Рижский. Очерки истории Забайкалья. Чита, 1973.

«В эпоху около нашей эры,—пишет Г. П. Сосновский,—преобладал, по-видимому, полукочевой вид скотоводческого хозяйства с сезонной оседлостью»². О существовании полукочевого хозяйства у хунну, оставивших кладбища в Забайкалье и Северной Монголии, по его мнению, говорят находимые в могилах деревянные срубы, свидетельствующие об умении населения делать прочные деревянные жилища, которые могли сооружаться в местах зимних стоянок, а также большое количество малоподвижного крупного рогатого скота в стаде. Г. П. Сосновский обращал внимание и на то обстоятельство, что хуннские могильники почти всегда имеют помногу могил; это кладбища населения, жившего долгое время на определенной и сравнительно небольшой территории. И наконец, находки в могилах Ильмовой пади и Ноин-улы зерен проса служили ему основанием предполагать, что вблизи зимников возделывались участки земли, засеваемые просом.

По мнению Г. П. Сосновского, «наличие зимней сезонной оседлости не мешало гуннам в остальную часть года кочевать в более широких размерах, «смотря по времени..., по приволью в травах и воде...». Летние, осенние и весенние передвижения у гуннов могли совершаться, приближаясь к типу скачкообразного кочевания... Этот расширенный вид кочевания по всей вероятности преобладал в южных частях страны, где больше было простору для передвижений и открытых пространств. У северных же границ Монголии, в бассейне р. Селенги, степные котловины перемеживаются с горными хребтами, покрытыми лесом, и природным условиям здесь больше соответствует полукочевая форма скотоводства»³.

Есть и другая интерпретация социально-экономической структуры хуннского общества, основанная, с одной стороны, как будто на признании хунну кочевниками, оставившими могильники типа обнаруженных в Ильмовой и Черемуховой падах, с другой — на том, что Иволгинское городище — это поселение оседлых жителей. «Следовательно,—пишет А. В. Давыдова,—надо говорить не о том, что они были полукочевниками, надо рассматривать общество хунну, как состоящее из двух частей — оседлой и кочевой — видя в этом отражение своеобразного общественного разделения труда внутри общества хунну»⁴.

Нам думается, что вряд ли такое высказывание существенным образом противоречит тому пониманию жизни хунну, которое вкладывал в свое определение Г. П. Сосновский.

А между тем, весь материал погребального комплекса, в особенности новый, все больше теперь подтверждает прежние соображения относительно образа жизни хунну и заставляет нас признать хуннское общество в целом, для данного места и времени, полукочевым.

Добавим попутно, что физико-географические условия этих областей, то есть Северной Монголии и Южной Бурятии, мало чем отличаются, например, от тувинских или алтайских, где издавна, в том числе и в хуннское время, преобладало именно полукочевое скотоводство.

Вместе с тем заслуживает внимания и та мысль Г. П. Сосновского, что в более южных землях хунну, где больше было открытых пространств, могло иметь место «расширенное» кочевание, приближающееся к «скачкообразному». По этому поводу надо сказать, что археологические данные с этих территорий не позволяют пока решить вопрос не только о форме хозяйства. Здесь пока известно гораздо меньше памятников, оставленных хунну, чем в Забайкалье и Северной Монголии.

² Архив ЛОИА, архив Г. П. Сосновского, ф. 42, д. 220.

³ Там же.

⁴ А. В. Давыдова. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 15.

В указанных же районах погребальные сооружения, обряд захоронения и инвентарь могильников хунну демонстрируют удивительное сочетание элементов скотоводческой, земледельческой, оседлой и строительной культуры. Совершенство выделки изделий из железа, бронзы, кости, рога, дерева, глины, камня и других материалов свидетельствуют о высокой культуре производства. Приемы и навыки строительства деревянных сооружений, а также утонченное плотническое мастерство, обнаруживаемые в погребениях, никак не согласуются с представлением о примитивном кочевом быте, связанном только с войлочной юртой и не знавшем оседлости. Великолепной выделки, достаточно крупные и порою огромных размеров плоскодонные глиняные сосуды, по-видимому, несовместимы с постоянным кочеванием их владельцев; содержащиеся в них просо доказывает существование земледелия, требующего оседлости, пусть даже частичной, сезонной. В то же время обилие костей домашних животных и конского снаряжения говорит об основном богатстве и главных занятиях хунну — скотоводстве и, в особенности, коневодстве.

«Из домашнего скота у них более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород»⁵, — говорится в «Исторических записках» Сыма Цяня. Но в эту фразу В. С. Таскиным внесена поправка: вместо «лошадей лучших пород» в тексте «Записок» имеются в виду одомашненные дикие лошади и куланы⁶.

Интересно в связи с этим сопоставить фаунистические остатки из могильников и поселения. На Иволгинском городище обнаружены кости овец — 22%, крупного рогатого скота — 17, свиней — 15, лошадей — 12, коз — 4, верблюдов, яков — 1 и собак — 29%⁷.

В Ильмозей пади выявлен следующий состав жертвенных животных: козы — 39,8%, коровы и быки — 29, овцы и бараны — 10,9, лошади — 4,7, куланы — 3,4 и оставшиеся 12,2% приходятся на собак — 6,1 и диких животных (косули, олени, антилопы и птицы) — 6,1.

Некоторая разница в видовом и количественном составе животных вполне естественна и объяснима. На городище, надо полагать, представлено действительное соотношение поголовья скота у хунну, принесение же в жертву того или иного вида скота при похоронах регулировалось религиозным обрядом.

При совершении жертвоприношения и поминального обряда в основном использовали, как видно, крупный и мелкий рогатый скот, больше всего коз. Это подтверждается данными из Черемуховой пади, где в общей сложности найдены кости 7 коров и быков и 21 козы. Что касается лошади, то она как ценное животное, обслуживающее хозяйственные и бытовые нужды человека, может быть, приносилась в жертву в минимальном количестве, в то время как рогатый скот — в количестве, соответствующем материальному достатку умершего.

Любопытно в связи с этим следующее совпадение письменных и археологических данных. В источниках сообщается, что в годы благополучия и процветания хунну на одного человека приходилось 19 голов скота, а в годы, климатически неблагоприятные, сопровождающиеся падежом скота, обеспеченность доходила до 4 голов⁸. Именно в этих пределах

⁵ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, с. 39.

⁶ В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну. М., 1968, вып. I, с. 34, 117.

⁷ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье, с. 10.

⁸ См.: Egami Namio. The economic activities of the Hsiung-nu (Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов). — В кн.: Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. V. М., 1963, с. 353—354.

часто встречались нам остатки домашних животных, положенных в рядовые могилы, принадлежащие средним слоям населения.

Археология, таким образом, дает нам убедительное подтверждение письменному свидетельству о том, что хунну, «начиная от правителя, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока»⁹.

Не менее убедительны археологические данные о земледелии хунну. Просо как зерновая культура было весьма характерно для кочевников, особенно на ранних ступенях их развития. Зерна проса обнаружены в двух курганах Ноин-Улы¹⁰, в трех могилах Ильмовой пади (40, 41, 48), в погребении 40 Черемуховой пади и в жилище 14 Иволгинского городища.

Интересно, что остатки проса дважды были найдены нами в больших глиняных сосудах с отверстиями сбоку чуть выше дна. Как указано выше, вряд ли такие сосуды служили для приготовления рисовой водки. Ц. Доржсурэн пишет: «В некоторых местах на юге Монголии, где сеют хлеб и живут оседло, зерно хранят в больших глиняных сосудах, для вентиляции содержимого там зерна сбоку возле дна специально проделывают отверстия. Исходя из этого, ясно, что упомянутые выше хуннские сосуды специально изготовлены для хранения зерна»¹¹. Новейшие находки из Черемуховой и Ильмовой падей дают нам основание согласиться с утверждением монгольского ученого.

Знакомясь с письменными источниками о хунну, нельзя не заметить следующего противоречия. В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится, что хунну не знали ни городов, ни земледелия. В то же время в разных сочинениях неоднократно упоминается о наличии пашен, о том, что они сеяли хлеб¹². Дело здесь в том, что первые сведения относятся к ранней поре развития кочевников, к так называемому легендарному периоду их истории, уходящему в глубь веков II и даже III тысячелетия до н. э., а последующие упоминания относятся к I веку до н. э. — I веку н. э.

Ясно, что сведения о легендарных хунну следует принимать условно: они отражают самые общие представления китайцев о многочисленных «варварах», обитавших к северу от них, иными словами, представляют собой, по-видимому, пересказ древнейших известий. И столь же очевидно, что более поздние свидетельства о земледелии хунну, нашедшие беспорное подтверждение в археологическом материале, связаны с возвышением и расцветом хуннского племенного союза.

Но это не значит, что появление земледелия связано лишь с возвышением хунну. Имеется ряд заслуживающих подробного изучения в будущем данных о начале земледелия за Байкалом и в Монголии в более раннее время¹³. Это каменные зернотерки с курантом или пестом из Юго-Восточной Монголии и Приморья эпохи неолита, бронзовые и чугуновые сошники из Забайкалья и Северной Монголии и, может быть, даже каменные лемеха из Дунбэя и Северной Кореи и Приморья.

А. П. Окладников полагает, что если со временем климат Центральной Азии становится все более засушливым, то даже самые пустынные и малоизученные области Монголии в древности были благоприят-

⁹ В. С. Гаскин. Указ. соч., вып. I, с. 34.

¹⁰ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 19, 121; Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 40.

¹¹ Ц. Доржсурэн. Умард хунну, с. 74—75.

¹² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, с. 39—40, 76, 106.

¹³ См.: А. П. Окладников. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии. — В кн.: Древний мир. Сб. статей, посвященных академику В. В. Струве. М., 1962; А. П. Деревянко. Ранний железный век Приморья. Новосибирск, «Наука», 1973.

ны для жизни человека. Первичное земледелие, по его мнению, могло возникнуть в степях Монголии значительно раньше, чем можно думать, судя по современному ландшафту этой страны. Перечисленные выше находки позволяют думать, что на указанных территориях уже в неолитическое время и в начале бронзового века, по-видимому, существовало не только мотыжно-палочное земледелие, но и более развитая его форма: обработка земли плугом с применением в качестве тягловой силы домашних животных.

«Более того,— пишет А. П. Окладников,— учитывая наличие больших каменных лемехов для плуга в неолите и бронзовом веке в Дунбэс и Монголии, т. е. в тех странах, где уже во II и I тысячелетиях до н. э. развивается скотоводческая культура, можно высказать предположение, что плуг и пахота с применением тягловой силы возникли раньше в зоне, которая издавна была областью контакта между земледельцами Китая и охотниками-собирающими Монголии и Дунбэя, перешедшими затем к разведению домашних животных»¹⁴.

Что касается территории и времени, близких к хуннским, то населению бронзового века Забайкалья не было чуждо земледелие, косвенным доказательством чего являются находимые в плиточных могилах сосуды-триподы, употребление которых связывается с земледельческим хозяйством¹⁵.

В свете этих фактов достижения хунну в земледелии следует рассматривать не как исключительное, только им присущее явление, а как естественное закономерное развитие столь же древней, как и само скотоводство, традиции центральноазиатских племен.

В период своего возвышения хунну, по-видимому, больше, чем когда-либо ранее, нуждались в земледельческо-ремесленных поселениях. Военная добыча и торговый обмен не в состоянии были покрывать нужды кочевников, напротив, именно военные предприятия хунну более всего требовали организации подобных оседлых баз. Основывая их, они пытались преодолеть односторонность кочевого хозяйства и обеспечить себе постоянный источник продуктов ремесла и земледелия. В прямой связи со сказанным надо рассматривать сообщение «Исторических записок» под 66 г. до н. э. о том, что хунну «отправили восточного и западного Великих предводителей, каждого с 10 000 конницы, для заведения земледелия в Западной стороне, чтоб впоследствии стеснить Усунь и Западный край»¹⁶.

Если о стремлении хунну создавать свои города упоминают письменные источники, то о самих поселениях рассказывает археология. В Бурятии пока известны два поселения — Иволгинское и Дурены, в Монголии — одиннадцать. Из них лучше всего исследовано Иволгинское городище, вписавшее замечательную страницу в историю и культуру хунну, остальные — подвергнуты только разведочному обследованию.

Исследование Иволгинского городища познакомило нас с ранее неизвестной стороной культуры хунну — оседлостью, строительством жилых и производственных помещений, культивированием различных злаков (не только проса, но и ячменя, и пшеницы) и ремесленным производством. На городище плавил железо и занимались резьбой по кости и камню¹⁷.

¹⁴ А. П. Окладников. Указ. соч., с. 428.

¹⁵ См.: Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1956, с. 59; А. П. Окладников. Триподы за Байкалом. — «Сов. археол.», 1959, № 3.

¹⁶ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, с. 83—84.

¹⁷ См.: А. В. Давыдова. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1965; е е же. The Ivolga Gorodishche — a monument of the Hiung — nu Culture of the Trans — Baical region. Budapest, 1968.

Сам факт существования подобных поселений с производящим хозяйством во многом проясняет вопросы, связанные с происхождением и технологией изготовления вещественного материала из хуннских могильников. Идентичность большинства находок из погребений и поселений, в чем мы не раз убеждались при разборе инвентаря, не оставляет никаких сомнений в том, что именно в таких оседлых «центрах» создавались они хуннскими мастерами.

Ремесленное производство хунну возникло не на пустом месте. Обработка кости и рога имеет корни еще в каменном веке и идет, очевидно, от охотников и скотоводов эпохи неолита и бронзы Прибайкалья и смежных с ним районов Монголии. А. П. Окладников в свое время доказал, что сложно-составной лук — важнейшее изобретение эпохи неолита, имел своей родиной прибайкальскую тайгу¹⁸. Традиция их изготовления с использованием роговых накладок-усилителей, равно как и манера изготовления костяных наконечников с расщепленным насадом, дошла до хунну, у которых они были доведены до совершенства.

В эпоху бронзы в Забайкалье сложился крупный район медно-бронзовой индустрии. Интересно, что, по исследованию Ю. С. Гришина, забайкальские бронзы некоторыми особенностями химического состава сближаются с прибайкальскими глазковскими, в то время как своими формами (карасукского типа), несмотря на своеобразие, обнаруживают сходство с изделиями Минусинско-Красноярского района и, главным образом, Монголии¹⁹.

Прямых связей в формах изделий хуннских и плиточных могил мы пока не находим, но по относительно высокому содержанию олова в своем составе большинство хуннских бронз, как нам кажется, приближается к забайкальским. Хотя в нашей небольшой серии из 30 предметов наблюдается заметное различие в содержании основных компонентов, характеризующих качество бронзы — олова, свинца и мышьяка — подавляющее большинство изделий относится, по-видимому, к разряду высококачественных оловянисто-мышьяковистых и просто оловянистых бронз. Однородность ноинулинских и забайкальских хуннских бронз отмечает и С. И. Руденко, который склонен на этой основе считать, что они, за исключением китайских зеркал, местного производства²⁰. Добавим к этому, что новейшие находки зеркал из Черемуховой и Ильмовой падей, выделяющихся самым высоким содержанием олова и свинца по сравнению с другими бронзовыми и медными предметами, подтверждают свое импортное происхождение.

Производство железа население Забайкалья освоило, по-видимому, до «появления» здесь хунну, ибо железные изделия встречаются в поздних плиточных могилах. «Железные удила и железный пропеллеровидный трензель из могилы № 8 на Ихерике. — пишет Н. Н. Диков, — имеют близкие аналогии в Пазырыкских курганах, датируемых по-разному, но так или иначе относящихся к раннему железу Алтайского края (с V—I вв. до н. э.). Кроме Алтая, эти удила имеют аналогии и в так называемых «гуннских» погребениях Забайкалья, например, в Дэрестуйском Култуке»²¹. Появление железоделательного производства у забайкальских племен и, следовательно, приблизительную границу между бронзовым и железным веками в Забайкалье Н. Н. Диков счи-

¹⁸ См.: А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. — МИА, 18, 1950.

¹⁹ См.: Ю. С. Гришин. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы. — САИ, ВЗ-12. М., «Наука», 1971, с. 37—38.

²⁰ См.: С. И. Руденко. Культура хунну..., с. 60—62.

²¹ Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья, с. 42.

тает возможным датировать IV—III веками до н. э., хотя дату последних плиточных могил в долине Селенги, Чикоя и Джиды отодвигает до середины II века до н. э.— времени полного господства здесь хунну²².

Какого совершенства достигли в обработке железа хунну, показывает знакомство с инвентарем погребений. Хотя плохая сохранность железа не позволяет подробно исследовать технологию изготовления вещей, видно, что хунну владели техникой литья иковки, заклепки и воронения, что их изделиям присущи изящество и иногда усложненность форм.

Погребальный комплекс хунну самобытен и своеобразен. Своеобразно устройство могил с их довольно сложными, до конца еще не восстановленными надмогильными сооружениями и оригинальными двойными или даже тройными погребальными камерами. Строительное искусство хунну имеет свои аналогии прежде всего в погребальных сооружениях Алтая пазырыкского времени (по своему устройству наиболее близких к хуннским), в тагарских и таштыкских склепах Минусинской котловины, в срубовых захоронениях Тувы скифского времени и, наконец, в подкурганых наземных бревенчатых склепах саков Юго-Восточного Казахстана, хотя в деталях устройства могильных ям и надмогильных сооружений, в форме и размерах срубов, в способах связки стен и перекрытий, а также в ориентировке и размещении покойников и сопровождающего инвентаря в каждом из упомянутых районов имеются свои особенности.

Самобытна обрядовая сторона захоронений с жертвоприношением большого количества разных домашних животных, почти всех видов разводимого забайкальскими хунну скота. Дополняемый жертвоприношением собаки (стражем и помощником человека), этот обряд приобретает у хунну ясную логическую завершенность, редко встречаемую среди других археологических комплексов.

Самобытны и своеобразны основные категории погребального инвентаря, начиная от вооружения и конского снаряжения и кончая приборами для добывания огня и игральными костями. Есть основания полагать, что некоторые типы и формы изделий, такие, как ступенчатые железные наконечники стрел, сложносоставной слабо изогнутый крупноразмерный лук и железные ножи являются, возможно, древнейшими среди подобных изделий из сопредельных территорий.

Вместе с тем многочисленные аналогии хуннским вещам, приведенные нами из других археологических памятников до и после хуннского времени, достаточно убедительно говорят об общих чертах материальной культуры степных племен, в первую очередь Монголии, Забайкалья, Тувы, Алтая и Минусинской котловины. Сравнительное изучение погребальных комплексов этих районов показывает, что культура хунну по своему облику в целом органически вписывается в круг одновременных и предшествующих ей степных культур Центральной Азии, Южной Сибири, Средней Азии. Во многом сходные физико-географические условия этих областей и одинаковый уклад жизни их обитателей сформировали у них сходную материальную культуру независимо от этнических и языковых различий.

Одним из ярких проявлений широкого культурного взаимодействия различных племен является искусство «звериного стиля», типичное для ранних кочевников евразийских степей от Северного Причерноморья до Северного Китая, в основе которого лежит изображение реальных или мифических животных в определенной позе или в борьбе между собой.

²² Н. А. Диков. Бронзовый век Забайкалья, с. 42.

Существовало оно у скифов, сарматов, саков, юэчжей, населения Южной Сибири, Забайкалья, Монголии и, в частности, у хунну.

Сравнительное изучение хуннских образцов «звериного стиля» на фоне большого количества аналогичных изделий из различных музейных собраний и частных коллекций выявило удивительную повторяемость многих из них, иногда вплоть до полного совпадения сюжета и композиции, формы и размера.

Не вдаваясь в дискуссионный вопрос о происхождении «звериного стиля», обратимся к наиболее распространенной и обоснованной концепции, согласно которой искусство звериного стиля уходит своими корнями в культуру классического Переднеазиатского Востока, а точнее в шумеро-вавилонскую древность. Оттуда, из Двуречья, оно распространилось через Ассирию в Скифию и через ахеменидский Иран в Среднюю Азию и далее в Южную Сибирь и Центральную Азию. В процессе распространения повсеместно происходило переосмысление тех или иных сюжетов борьбы животных, появились изображения представителей местной фауны и разнообразился стиль²³.

Различают три области скифо-сибирского искусства, а вместе с тем и культуры. Одна из них связана с культурой скифов и сарматов Северного Причерноморья и Северного Кавказа, другая — с сако-массагетскими и сако-юэчжийскими племенами Средней Азии и прилегающей к ней западной части Южной Сибири, а третью составляли наиболее восточные окраины скифского мира, включающие Минусинскую котловину, Забайкалье, Монголию и Ордос.

По мнению М. И. Артамонова, одного из крупных скифоведов, в искусстве Сибири (имеются в виду находки из алтайских курганов, коллекции минусинских и ордосских бронз, а также сибирского золота, происходящего, вероятно, не только из Западной, но и Южной и Восточной Сибири) сцены борьбы зверей занимают большое место. «Они отличаются сложным построением и трудными ракурсами и появляются в таком виде, который требовал длительного подготовительного пути. Они не могли возникнуть самостоятельно в результате непосредственного наблюдения природы, вылившись сразу в формы, характерные для высокой художественной культуры с длинной историей развития подобных мотивов и форм»²⁴. Такие композиции в сибирском искусстве хотя и носят признаки местного художественного стиля, в «основе их, однако, лежат переднеазиатские, скорее всего, греко-персидские образцы, вошедшие в сибирское искусство в сильно переработанном виде. Переработка выразилась прежде всего в замене иноземных персонажей местными, например, льва — тигром или волком, быка — лосем. Кроме этого, сцены борьбы зверей в сибирском искусстве, обогащенные реалистическими привнесениями, становятся экспрессивнее, выразительнее своих застывших в монументальной неподвижности иранских образцов»²⁵. Образцы такой переработки на центральноазиатской почве мы видели в золотых и бронзовых изделиях, ковровых аппликациях хунну, а также Сибирской коллекции, рассмотренных в предыдущей главе.

Возникновение, расцвет и распространение звериного стиля приходятся на I тысячелетие до н. э. и связываются с культурой скифов Северного Причерноморья, саков и юэчжей Средней Азии и Алтая, то есть ираноязычным населением этих областей, а угасание этого искусства, по мнению того же М. И. Артамонова, «связано с культурой тюр-

²³ См.: С. В. Киселев. Древняя культура Южной Сибири. М., 1951, с. 383—392; С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 79—80; М. И. Артамонов. Сокровища саков М., «Искусство», 1973, с. 219 и др.

²⁴ Там же, с. 228.

²⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 232.

коязычных хунну, проиизанной, однако, той же иранской художественной традицией и только начинавшей создавать самобытные формы»²⁶ (под самобытностью имеются в виду образцы ноннулинских серебряных блях).

Распространение памятников «звериного стиля» у хунну связывается, таким образом, с проникновением в Центральную Азию юэчжей — одного из подразделений саков (народа сэ, по китайским источникам), не позднее V века до н. э. продвинувшихся до Ордоса, к Великой Китайской стене²⁷, но к концу III века до н. э. изгнанных оттуда хунну и ушедших обратно в Среднюю Азию. Принесенное ими искусство «в огрубевших репликах ранее созданных образцов» еще некоторое время живет якобы на восточной окраине своего распространения — у хунну Забайкалья, Монголии и Ордоса²⁸.

Трудно в принципе возразить против такой концепции, то есть против того, в какой среде сложился, где и кем распространялся звериный стиль. Можно лишь оставить для дальнейшего подробного изучения и, может быть, для дискуссии вопрос об огрубевших формах или репликах этого искусства у хунну. На наш взгляд, у последних оно представлено в достаточно чистых и тонких формах и, главное, со следами переработки применительно к местным условиям. Хунну внесли, следовательно, свой вклад в развитие скифо-сибирского искусства и не явились той средой, в которой произошло лишь угасание его.

В самом деле, почему бы не рассматривать как дальнейшее творческое развитие звериного стиля на хуннской почве целый ряд произведений, пусть пока и не столь многочисленных, но разнообразных по содержанию, стилю и технике исполнения. Основные персонажи хуннских и подобных им ордосских и минусинских памятников изобразительного искусства — козел, баран, бык, як, лошадь, верблюд, лось, орел (грифон) и некоторые нереальные мифические животные.

На наш взгляд, невозможно считать деградирующим произведением искусства изображение на золотой бляхе из Дэрестуя (новая находка из погребения 28, см табл. XXI, 2) с ее сюжетным композиционным и стилистическим своеобразием, оригинальным, по-своему совершенным, техническим исполнением. Ее аналог из погребения 21 этого же могильника (см. табл. XXI, 1), несколько уступающий ей по качеству, свидетельствует, очевидно, лишь об индивидуальном мастерстве исполнителя, но не об упадке того стиля, о котором идет речь.

Нельзя рассматривать как грубую реплику неким отдаленным западным оригиналам бронзовые бляхи-застежки из Дэрестуя и аналогичные им из Ордоса и Минусинской котловины с изображениями на одной из них борьбы трех животных (козла, терзаемого тигром, на которого в свою очередь нападает грифон), на другой — схватки двух лошадей²⁹. Оба сюжета посвящены теме, тесно связанной с природной средой и хозяйством хунну. Если в первом есть доля фантазии и привнесения инородного элемента (тигр), то во втором запечатлены персонажи, очень близкие к хунну (лошади). И то, что подобные сюжеты пока встречены только в областях обитания и влияния хунну — в Забайкалье, Ордосе и Минусинской котловине, говорит как раз о самостоятельной восточной провинции скифо-сибирского звериного стиля.

²⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 217.

²⁷ См.: Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, с. 27, 63, 70, 190—191 и др.

²⁸ М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 236.

²⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынецвич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — «Труды ТКОРГО», 1900, т. III, вып. 2—3, с. 33, табл. II, 7а, III, 10а; С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXVIII, 1 и 2, с. 73—74, рис. 54 и 55д; М. И. Артамонов. Указ. соч., илл. 153, 197, 205.

Справедливо ли будет считать ноинулинские аппликации на войлочных коврах, изображающие в одном случае нападение грифа на лося, в другом — схватку яка с фантастическим рогатым львом, «грубым воспроизведением трафаретной схемы» соответствующих «хорошо известных в скифо-сибирском искусстве»³⁰ сюжетов? На наш взгляд, это вполне оригинальные по композиции и стилизации и предельно выразительные по содержанию и экспрессии самобытные произведения. Сравнение их с пазырыкскими аналогами справедливо, но не дает права считать их грубым подражанием алтайским образцам.

И вообще, говоря о грубости или совершенстве искусства хунну в сравнении с искусством более ранних скифо-сибирских культур, можно впасть в ошибку, ибо мы судим о нем по сравнительно небольшому пока материалу, в то время как лучшие образцы хуннского искусства, быть может, еще не найдены.

Однако и имеющийся в распоряжении исследователя материал свидетельствует о достаточном многообразии жанров и стилей изобразительного искусства хунну. Правда, многие из находок в силу своей фрагментарности или малочисленности не поддаются надлежащему искусствоведческому анализу. Хотя они являются изображением животных, их нельзя, по-видимому, с полной уверенностью относить к числу произведений звериного стиля.

Наряду с памятниками скифо-сибирского звериного стиля у хунну известны произведения иного стилистического направления. Это прежде всего три серебряные пластины из Ноин-Улы с рельефными изображениями яков и оленя. Они полно описаны в работе С. И. Руденко «Культура хунну и ноинулинские курганы», к которой мы и отсылаем читателя. Один из яков изображен на круглой пластине, другой так же, как и олень, — на грушевидной. У всех животных одинаковая своеобразная поза в профиль с повернутой в фас головой, закинутой назад на спину. С. И. Руденко, отмечая необычность позы, композиции и стиля этих изображений, готов был не признать их «подлинно хуннскими»³¹, если бы не некоторые детали, связывающие их все же с хуннскими вещами, а М. И. Артамонов, исходя из тех же особенностей указанных пластин, признает в них «произведения самобытного характера, свидетельствующие о сложении самобытной хуннской культуры»³².

Добавим, что этим отнюдь не ограничивается самобытность и самостоятельность хуннской культуры. Заслуживают внимания пока еще очень немногочисленные серии маленьких бронзовых фигур лошадок, бычьих голов, запечатленных в ажурных бронзовых пряжках или просто в бронзовых и золотых фигурках, изображений медведей на бронзовых пуговицах и другие единичные предметы из хуннских памятников Забайкалья и Монголии, а также из различных музейных и частных коллекций мира, происходящие большей частью из Ордоса.

Таким образом, анализ основных форм и направлений изобразительного искусства хунну еще раз приводит нас к выводу об органическом сочетании в нем самобытных черт и заимствований извне в рамках широкой культурно-исторической общности кочевников и полукочевников евразийских степей и предгорий. Если говорить о материальной культуре этих племен в целом, то эта общность выражается в так называемой «скифской триаде», означающей единство и сходство у них оружия, конского снаряжения и искусства звериного стиля.

³⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 160.

³¹ С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 81—82.

³² М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 121.

С другой стороны, при всей своей самобытности и тесных связях с родственными и степными культурами запада у хунну существовали разнообразные контакты с юго-восточным соседом — Китаем.

Культурные взаимовлияния соседних народов — явление естественное и неизбежное. Аналогии в некоторых типах глиняной посуды дают нам основание говорить, как и прежде, о заимствовании хуннами форм и технологии изготовления этих сосудов или, скорее всего, об изготовлении их пленными китайскими мастерами³³. Правда, по-видимому, А. В. Давыдова, когда писала о самой распространенной и характерной для хунну керамике из Иволгинского городища, имеющей аналогии во всех известных хуннских памятниках: «...на территории Сибири подобной керамики нет, некоторое сходство можно лишь отметить с керамикой из плиточных могил (Забайкалья.— П. К.), причем оно выражается в наличии на керамике обеих культур орнаментации волнистыми линиями.. Волнистые линии — излюбленный прием и наиболее частый орнамент на хуннской керамике; не исключено, что этот орнаментальный мотив воспринят хуннами от населения, оставившего плиточные могилы. Аналогии иволгинской керамике имеются в ханьской керамике, в которой мы находим и значительную часть форм и отдельные приемы обработки поверхности и орнаментации сосудов. Таким образом, керамика отразила слияние местных традиций с влиянием внешним»³⁴.

Некоторые факты, свидетельствующие как будто бы о преемственной связи некоторых типов хуннской керамики с керамикой неолита и бронзового века Забайкалья, требуют дальнейшего подробного изучения. Но приведенные нами аналогии из местных стоянок и могильников предшествующих эпох дают ясное представление о восприятии и дальнейшем развитии хуннами местных забайкальских и, вероятно, монгольских традиций в керамическом производстве.

Следы проникновения элементов китайской культуры прослеживаются и в искусстве хунну. Таковыми можно признать: 1) изображения борьбы ящерообразного дракона с двумя тиграми на бронзовой пряжке из Иволгинского могильника³⁵, 2) возможно, трафаретные в «китайском» стиле условные обозначения на теле животных на поингулинских коврах³⁶, 3) изображения рогатого и крылатого волка на костяной трубочке из Ильмовой пади³⁷, 4) вероятно, орнамент на миниатюрной костяной подвеске из Ильмовой пади (см. табл. XIX, 12) и на деревянном навершии из Ноин-улы³⁸.

Из них только две вещи, на наш взгляд, могут рассматриваться как произведения искусства, отражающие некоторый синтез скифо-сибирского и китайского элементов, остальные же, вероятно, являются просто привозными из Китая вещами. Причем, изображение волка на костяной трубочке, скорее является одним из примеров обратного влияния скифо-сибирского «зверинного» стиля на китайское искусство. Вряд ли можно сомневаться в том, что заимствование китайцами элементов культуры хунну имело место, но этот вопрос требует специального изучения.

³³ См.: А. В. Давыдова. Новые данные об Иволгинском городище, с. 162; С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 60.

³⁴ А. В. Давыдова. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье, с. 11.

³⁵ См.: А. В. Давыдова. К вопросу о хуннских художественных бронзах, рис. 2; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 164—166, илл. 213.

³⁶ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 80, табл. XLII—XLV; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 162, илл. 203, 204.

³⁷ См.: С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 82—83, табл. XXXVI, 1 и 2.

³⁸ См.: там же, с. 84, табл. XXXIV, 3; М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 162.

Этим, по-видимому, и ограничивается воздействие китайского искусства на хуннское. Что же касается прочих изделий китайского производства, встречающихся в хуннских могилах, присутствие их становится понятным в свете военных, политических и торговых взаимоотношений хунну с Китаем. По письменным источникам известно, как в результате частых военных столкновений между хунну и китайцами каждой стороне доставались трофеи и пленные, как затем по случаю дипломатических визитов друг к другу и мирных соглашений стороны обменивались обильными подарками и как в мирные годы время от времени устраивались между ними торговые ярмарки.

В результате таких сношений из Китая к хунну попадали, кроме проса, риса и вина, главным образом шелк и шелковая вата, вышитые шелком ткани и готовое платье, слитки золота и медные монеты. В обмен на это хунну давали китайцам скот и продукты скотоводства. Через щедрые подарки Срединной империи хуннские шаньюи и знать получали большое количество самых различных вещей, начиная от одежды и мелких бытовых предметов, кончая колесницами и балдахинами и даже сбруей и вооружением, которые у самих хунну были, конечно, в избытке.

Хунно-китайская торговля, а также обмен подарками и, если угодно, политика задаривания хуннских шаньюев китайскими императорами, которая с хуннской стороны расценивалась как замаскированная дань Китая, а с китайской стороны — как подкуп правящей верхушки хуннского общества, являются предметом особого разговора и уже получили достаточное освещение в литературе³⁹.

Однако все это не затрагивало рядовых хунну, их народной культуры. Еще С. И. Руденко подчеркивал ту мысль, что проникновение элементов китайской материальной культуры в хуннскую среду не было столь глубоким⁴⁰.

Между хунну и Китаем вопреки издревле пропагандируемой китайскими правителями великодержавно-шовинистической концепции «Чжунго и варвары» («Срединное государство и варвары»), в основе которой лежала идея культурной и политической гегемонии Китая над окружающими народами, не было и не могло сложиться той культурной общности, какая существовала между степными племенами, которых китайцы называли варварами.

Вне нашего обозрения остались некоторые вопросы, такие, как социальные отношения, верования и культ, идеологические воззрения и, наконец, этно-лингвистическая характеристика хунну. Надо сказать, что эти вопросы в той или иной мере уже освещены в литературе, а появившиеся новые материалы нуждаются в дальнейшем подробном изучении.

Так же недостаточно пока изучен новый антропологический материал из погребений. Имеющиеся данные свидетельствуют об относительной однородности хуннских черепов и о принадлежности их к азиатскому расовому стволу, с преобладанием палеосибирского антропологического типа, характерного еще для неолита Прибайкалья⁴¹. Но есть

³⁹ См.: А. П. Бернштам. Очерки истории гуинов. Л., 1951; Л. Н. Гумилев. Хунну. М.—Л., 1960; С. И. Руденко. Культура хуннов и юннуцзинские курганы. М.—Л., 1962.

⁴⁰ С. И. Руденко. Культура хуннов..., с. 96.

⁴¹ См.: Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.— «Труды Ин-та этнографии», новая сер., 1948, IV, с. 121; И. И. Гохман. Антропологическая характеристика

надежда, что эта предварительная характеристика вскоре будет расширена, уточнена и конкретизирована антропологами.

Исследование хуннских погребальных комплексов продолжается. С накоплением материала автор продолжит свою работу над историко-археологическим очерком о хунну.

черепов из Иволгинского городища.— «Труды БКНИИ», 1960, вып. 3, с. 166.
Н. Н. Мамонова. К антропологии гуннов Забайкалья.— Сб. «Расогенетические процессы в этнической истории», М., «Наука», 1974, с. 201—228.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИОН — Бурятский Институт общественных наук.
БКНИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт.
БМНИИК — Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры.
БФ СО АН СССР — Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР.
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Географического общества.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МИА — Материалы и исследования по археологии.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
САИ — Свод археологических источников.
ТҚАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ТКОРГО — Троицко-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского Географического общества.
ШУХБ — Шинжлэх ухааны хурээлэнгийн бүтээл.
ШУХХ — Шинжлэх ухааны хурээлэнгийн хэвлэл.

ТАБЛИЦЫ
ИЛЛЮСТРАЦИЙ

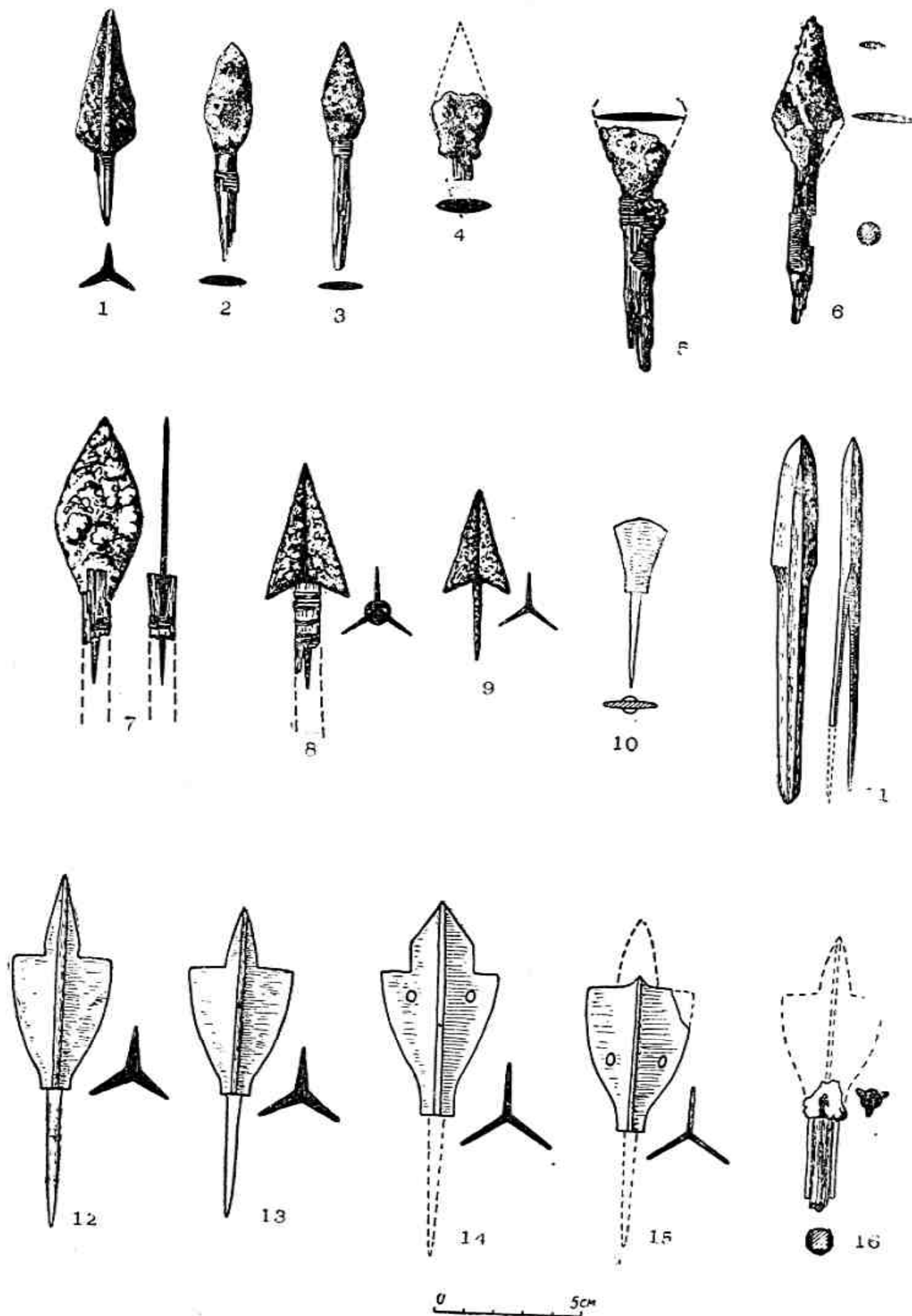

Табл. I. Наконечники стрел: 5, 6, 11 — из Ильмовой пади; 1—4, 10, 12—16 — из Черемуховой пади; 7—9 — из Дэрестуйского Култука; (11 — костяной, остальные — железные).

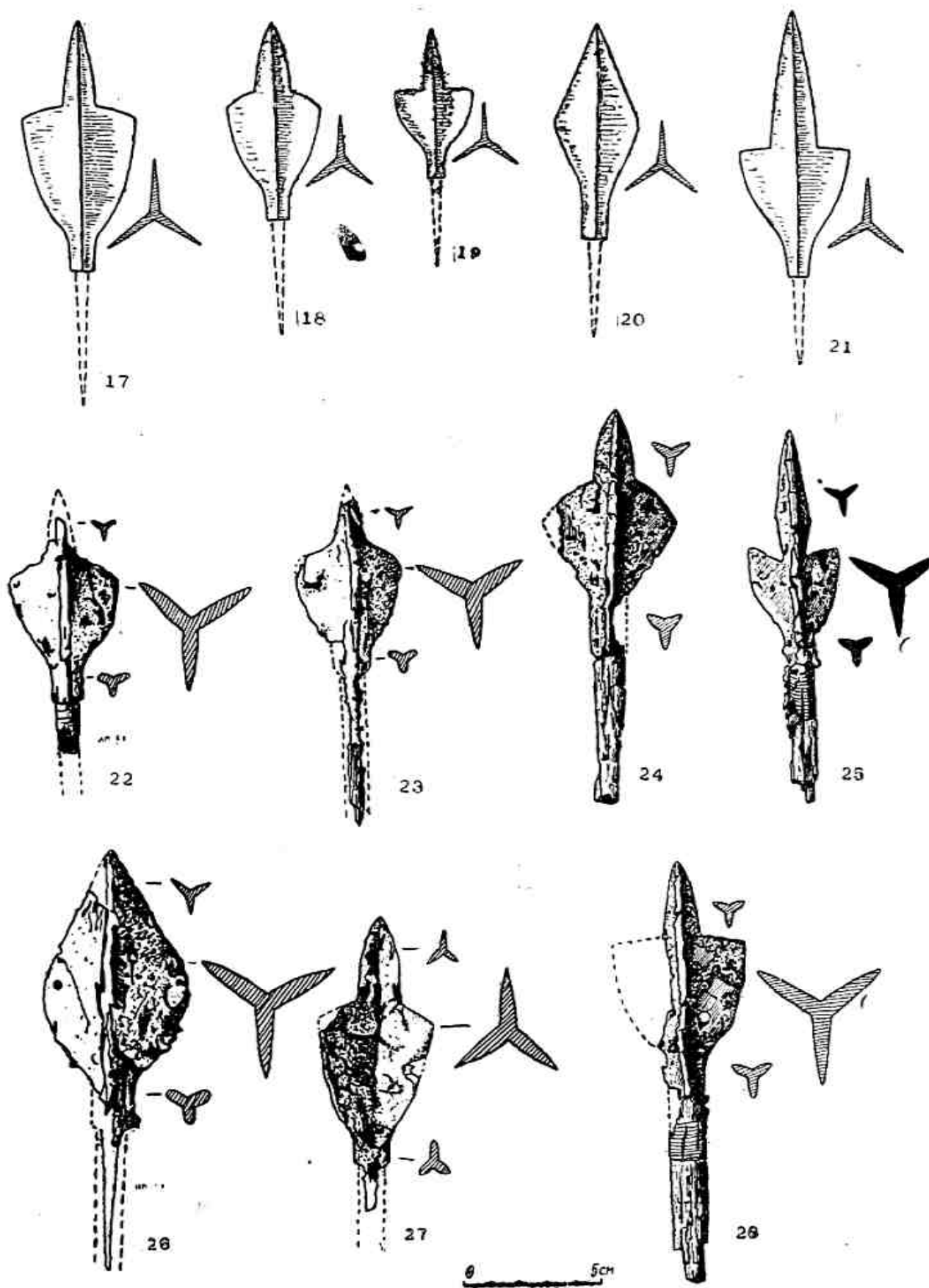

Табл. II. Наконечники стрел (железные) из Ильмовой пади.

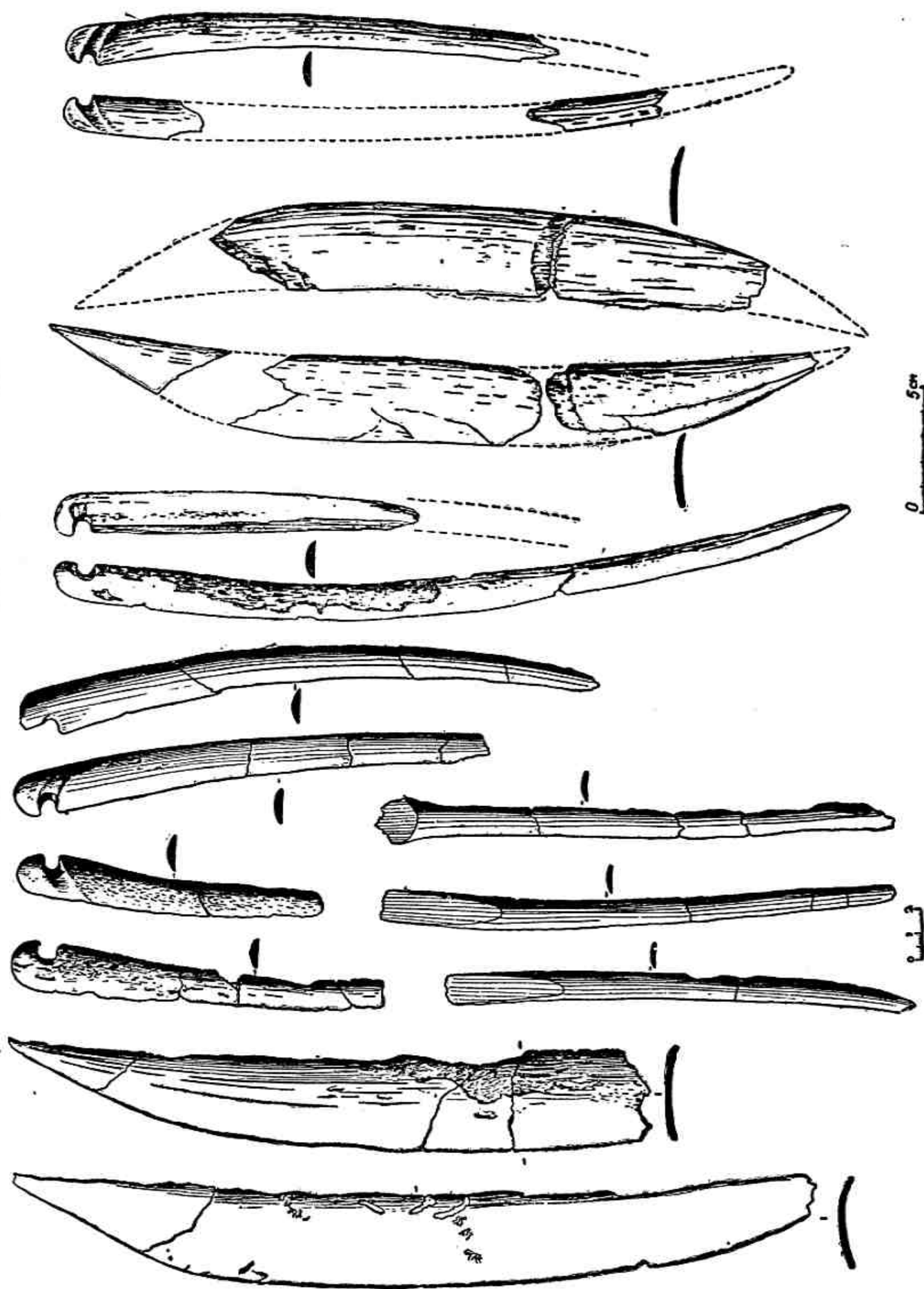

Табл. III. Роговые накладки лука из Ильмовой и Черемуховой падей.

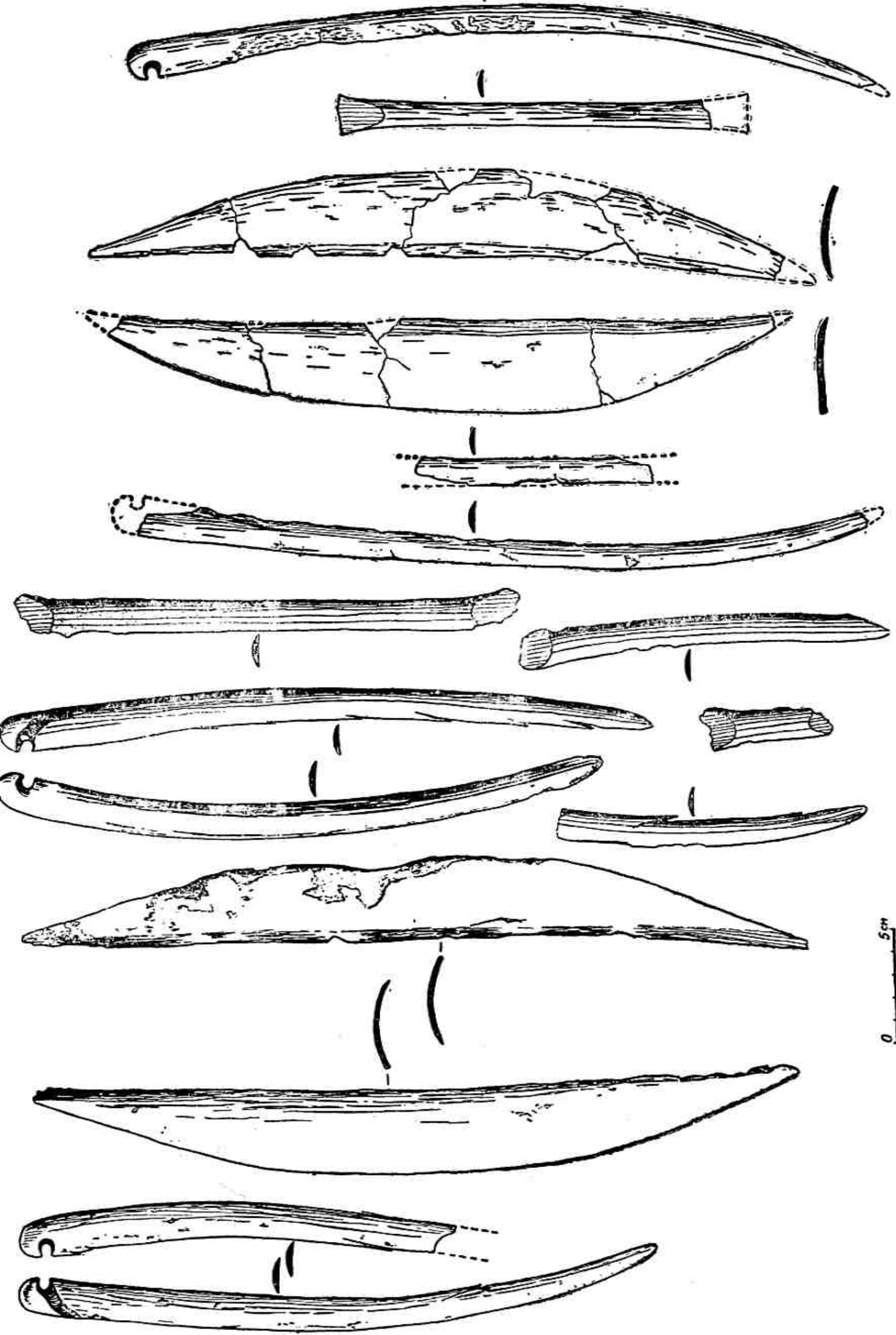

Табл. IV. Роговые накладки лука из Ильмовой и Черемуховой падей.

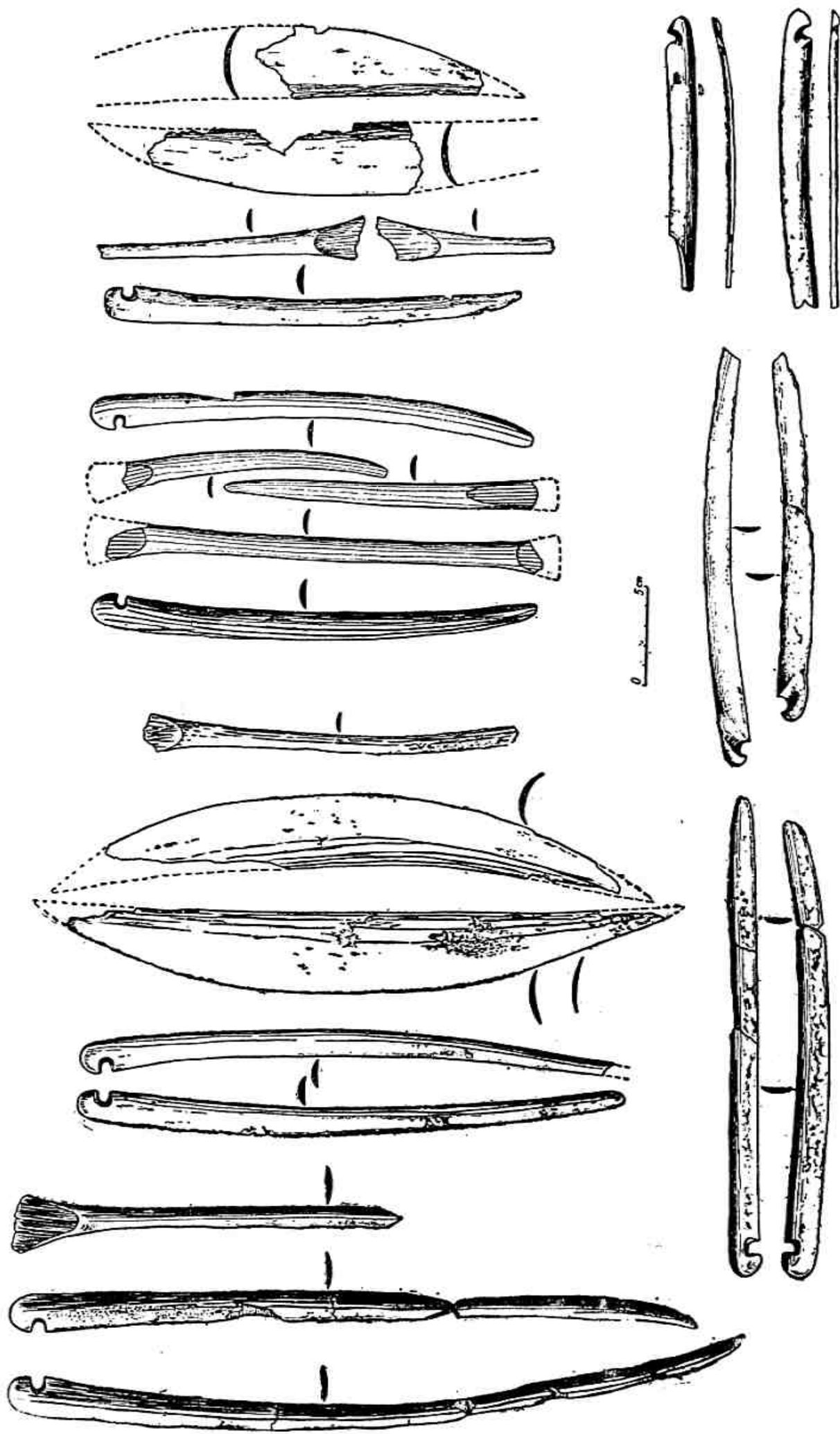

Табл. V. Роговые накладки лука из Ильмовой и Черемуховой падей.

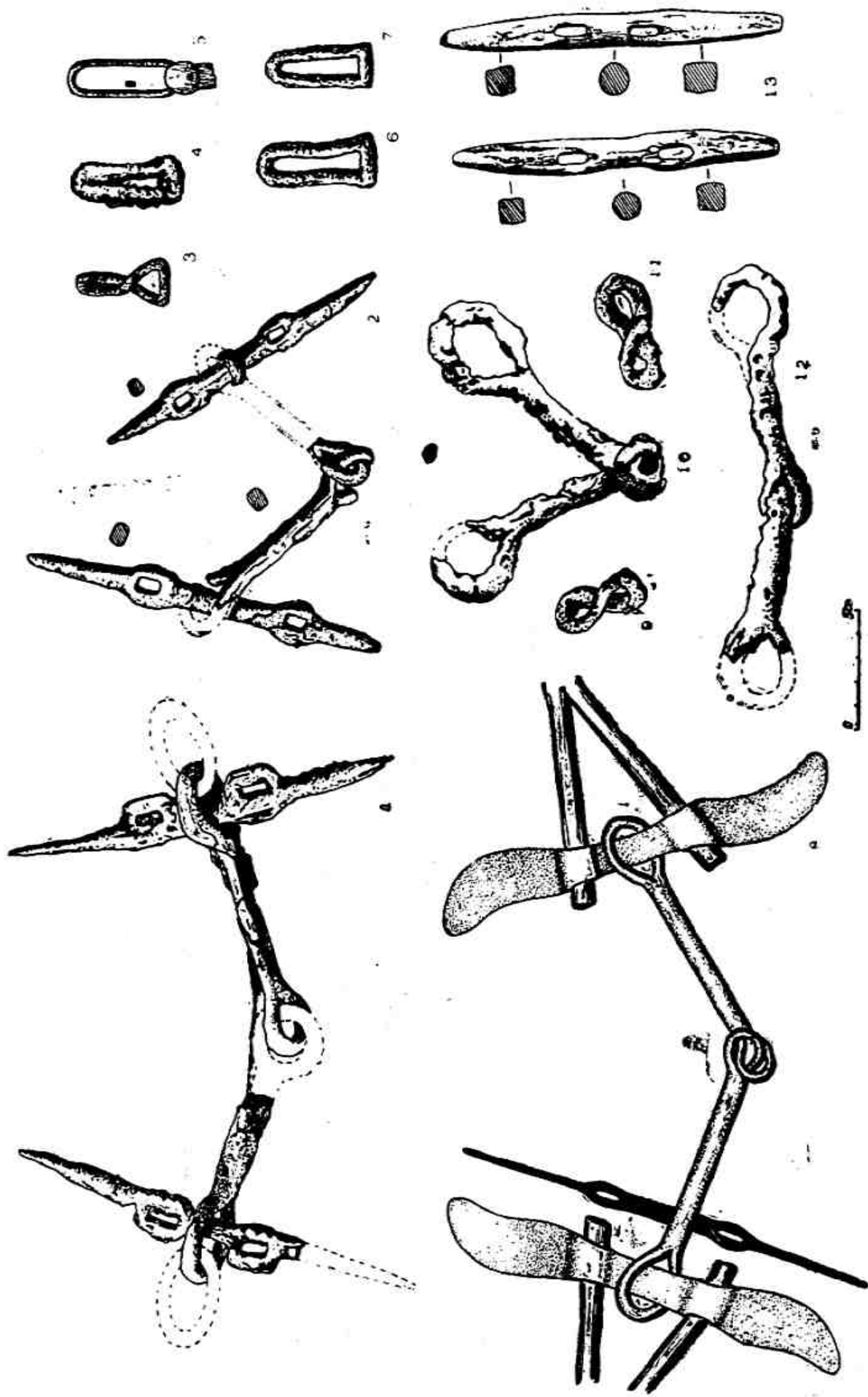

Табл. VI. Принадлежности конской узды: 1—4, 6, 7, 9—13—из Ильмовой пади; 5—из Черемуховой пади; 8—из Дарестуйского Култука.

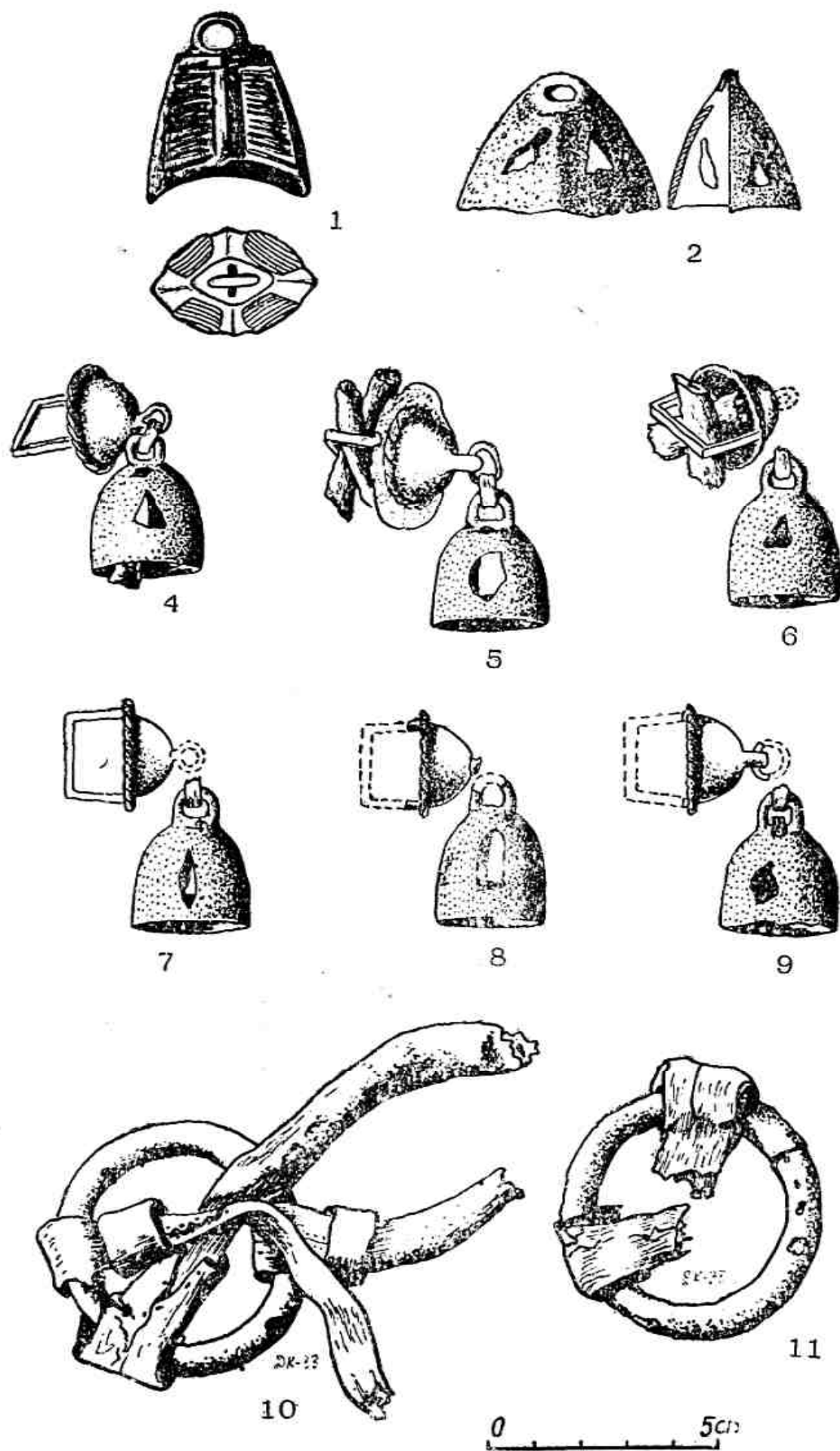

Табл. VII. Принадлежности сбруи и одежды (бронза, кожа):
 1—из Черемуховой пади; 2—11—из Дэрестуйского Култука.

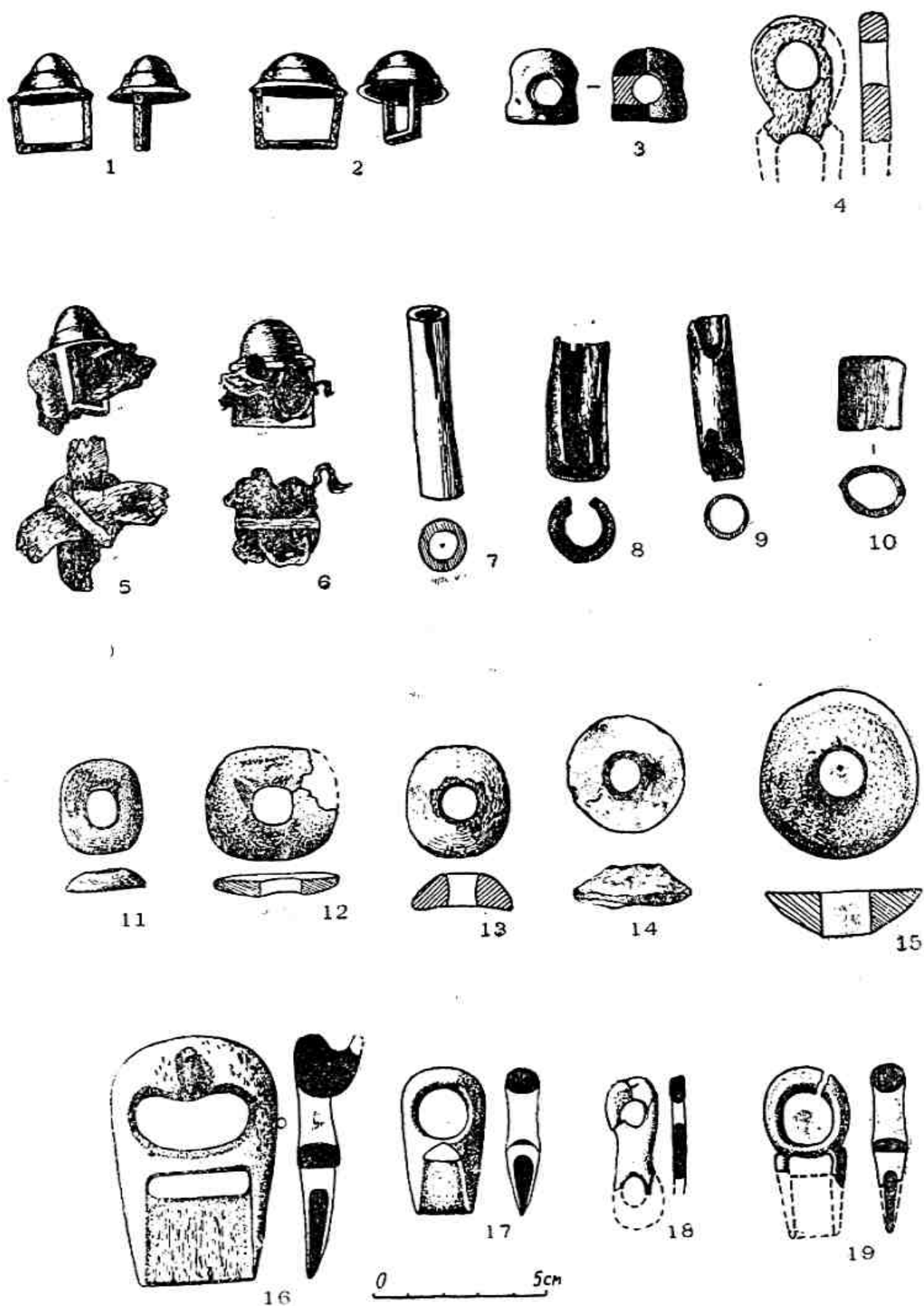

Табл. VIII. Принадлежности сбруи и одежды (бронза, кость, рог, кожа):
 1—3, 5—9, 11—13, 15—19 — из Ильмовой пади; 10—14 — из Черемуховой пади;
 4 — из Дэрестуйского Култука.

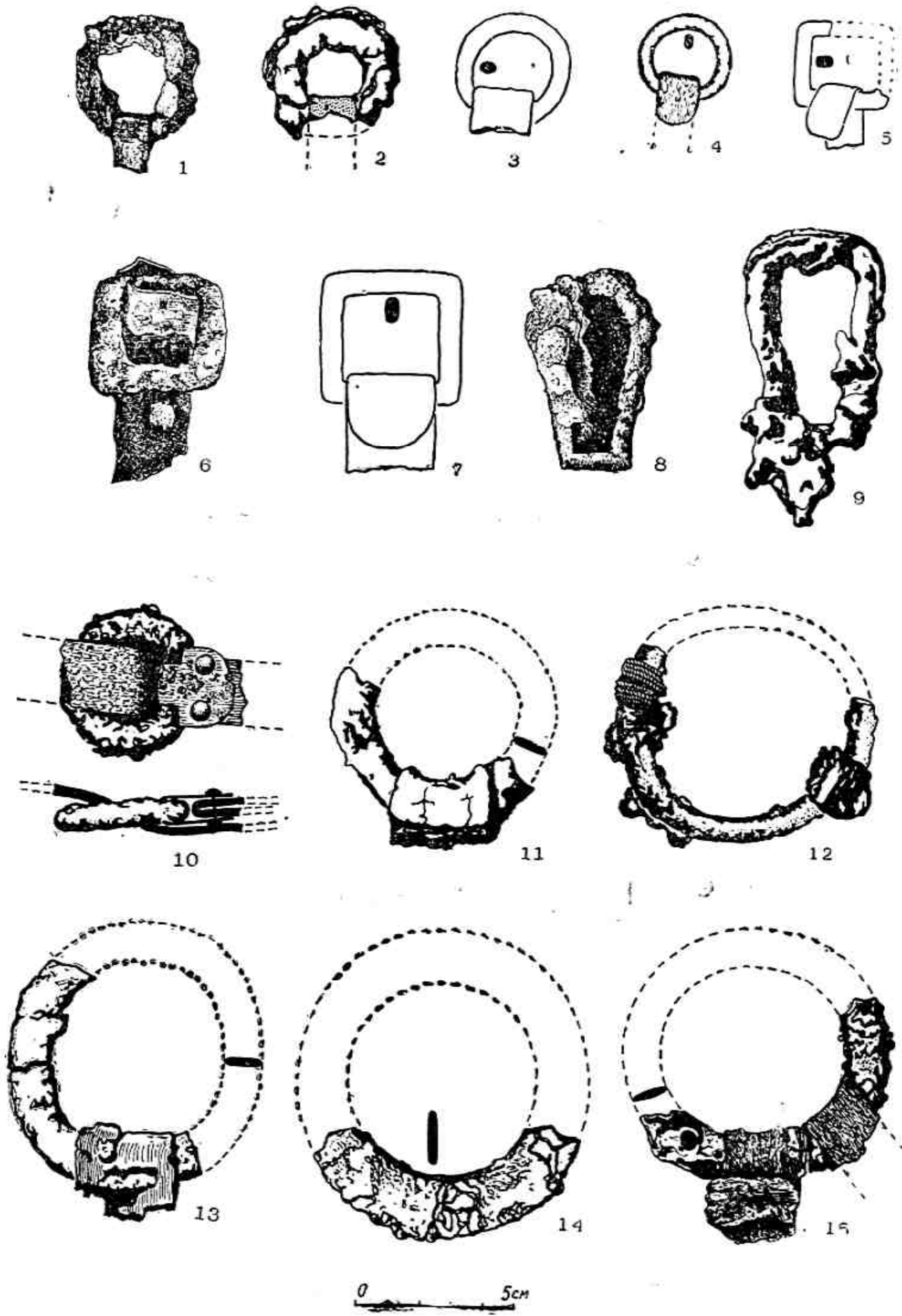

Табл. IX. Принадлежности сбруи и одежды (железные пряжки и кольца) из Черемуховой падьи.

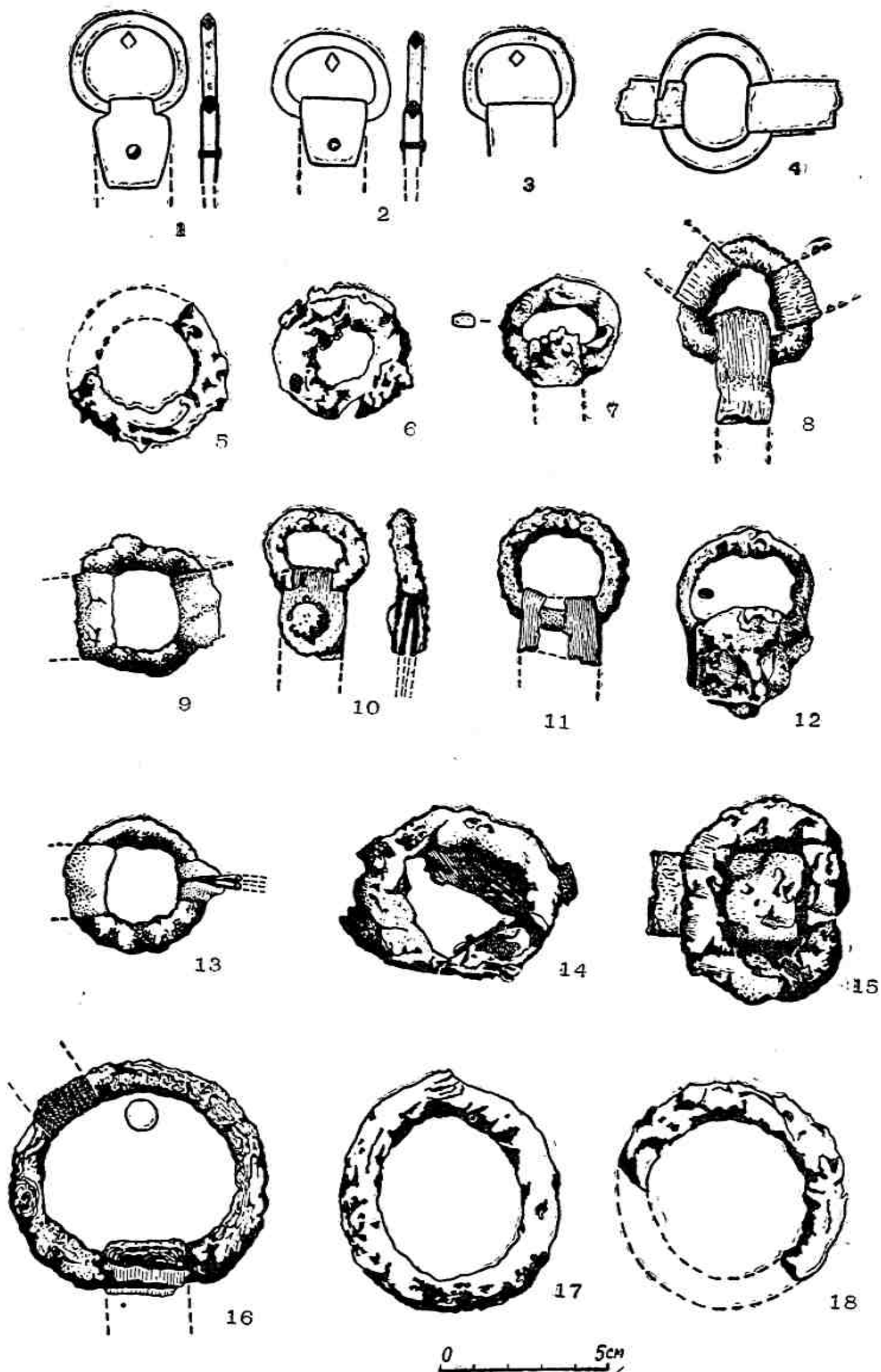

Табл. X. Принадлежности сбруи и одежды (железные пряжки и кольца) из Ильмовой пади.

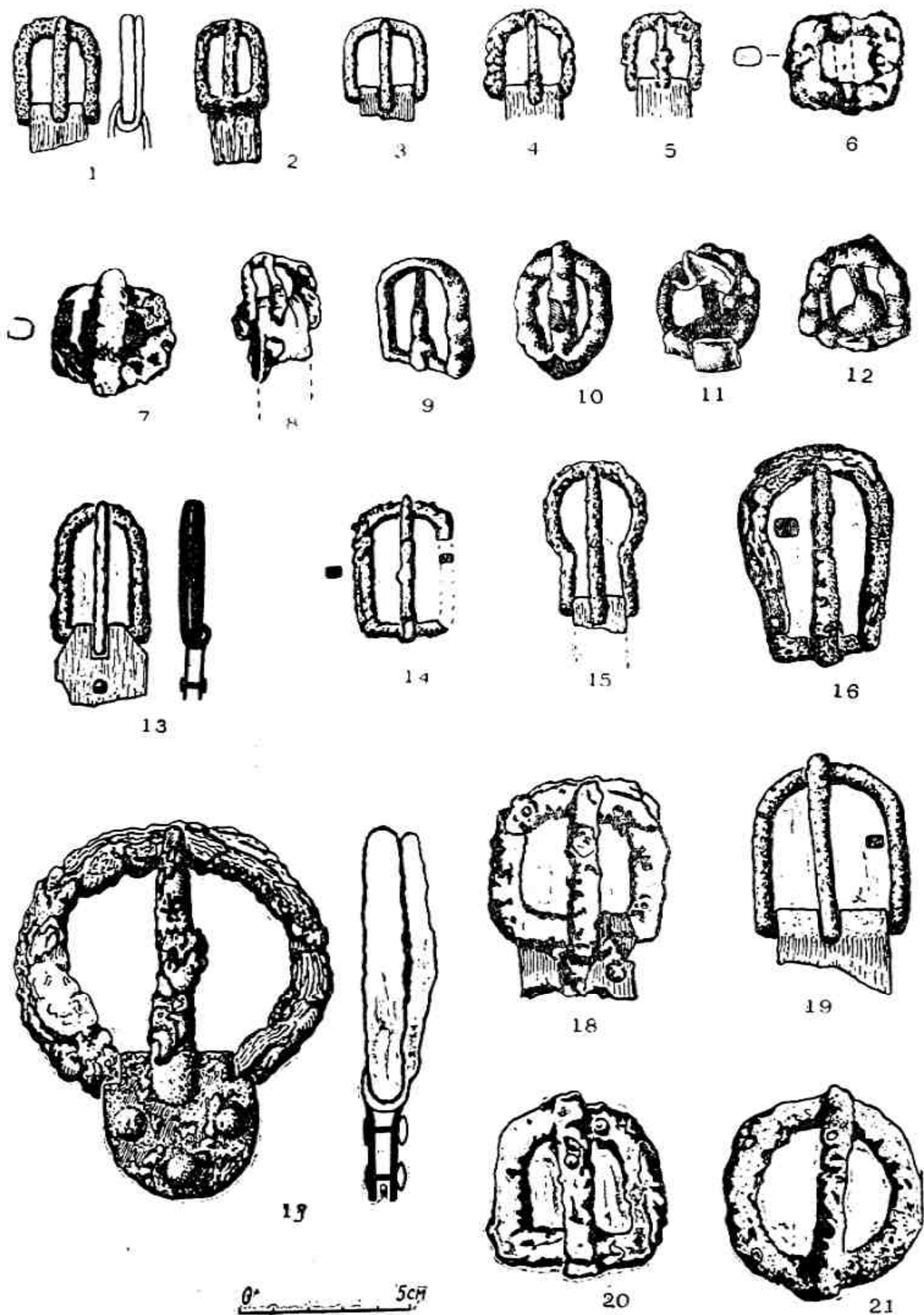

Табл. XI. Принадлежности сбруи и одежды (железные пряжки) из Ильмовой пади.

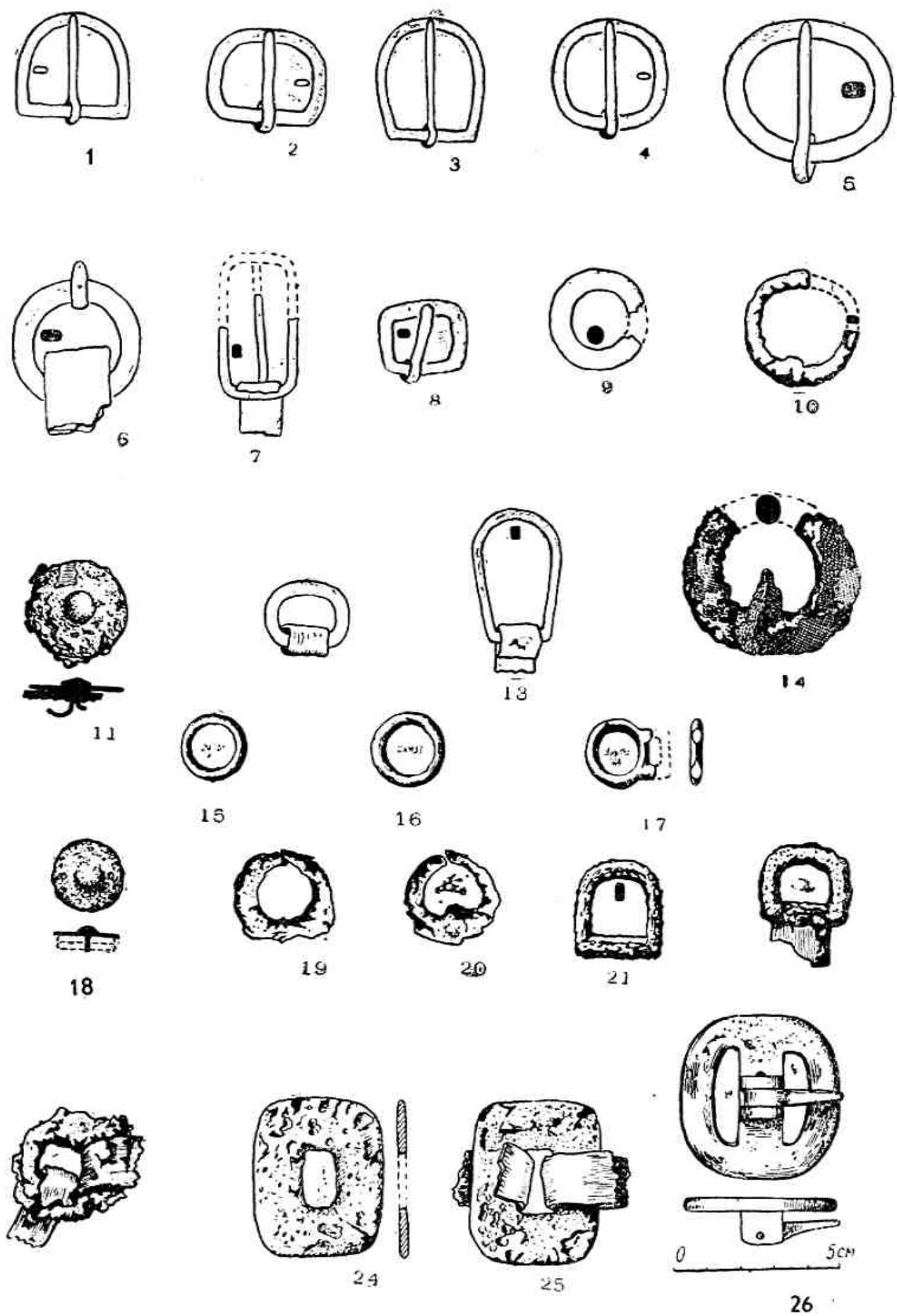
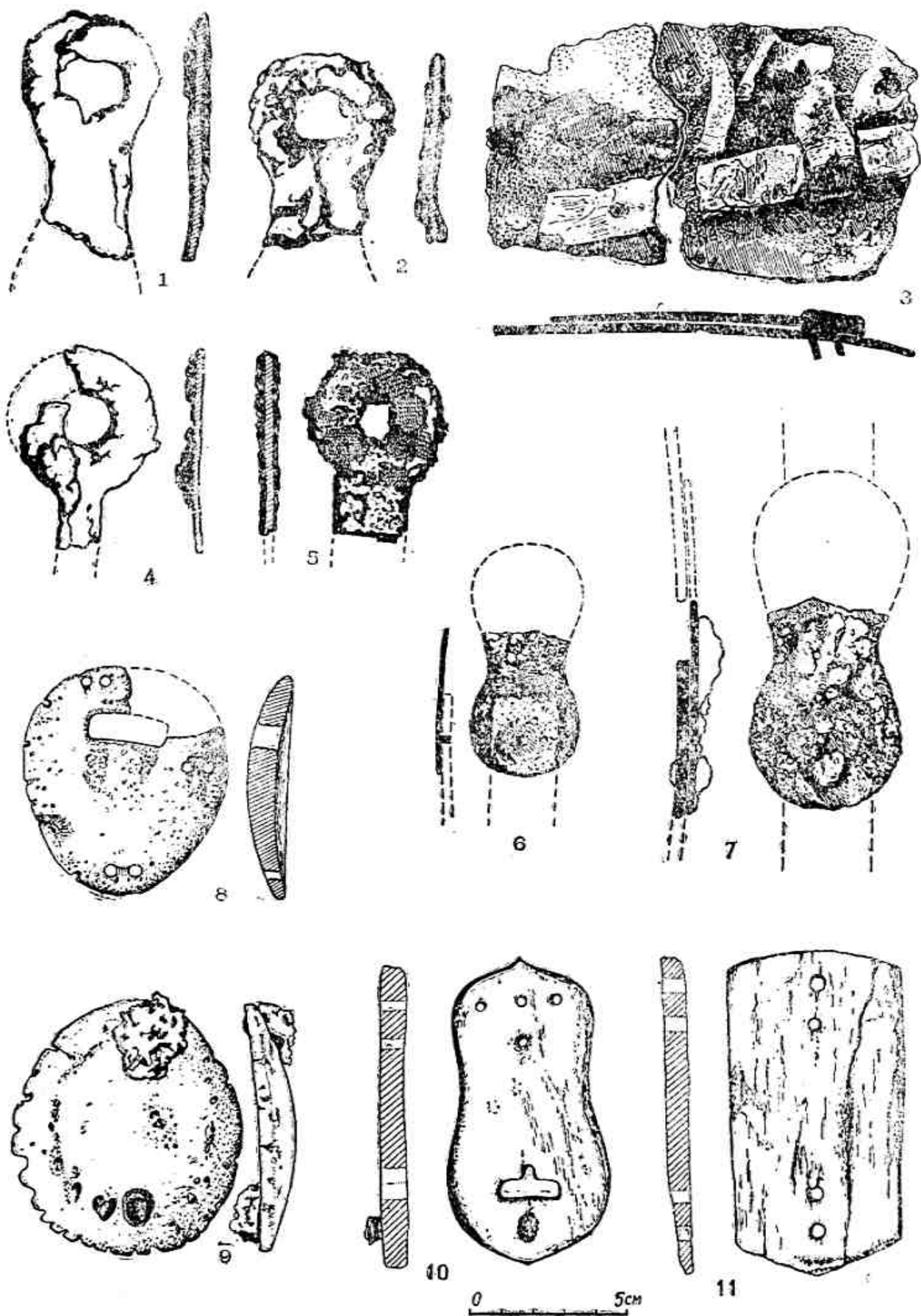
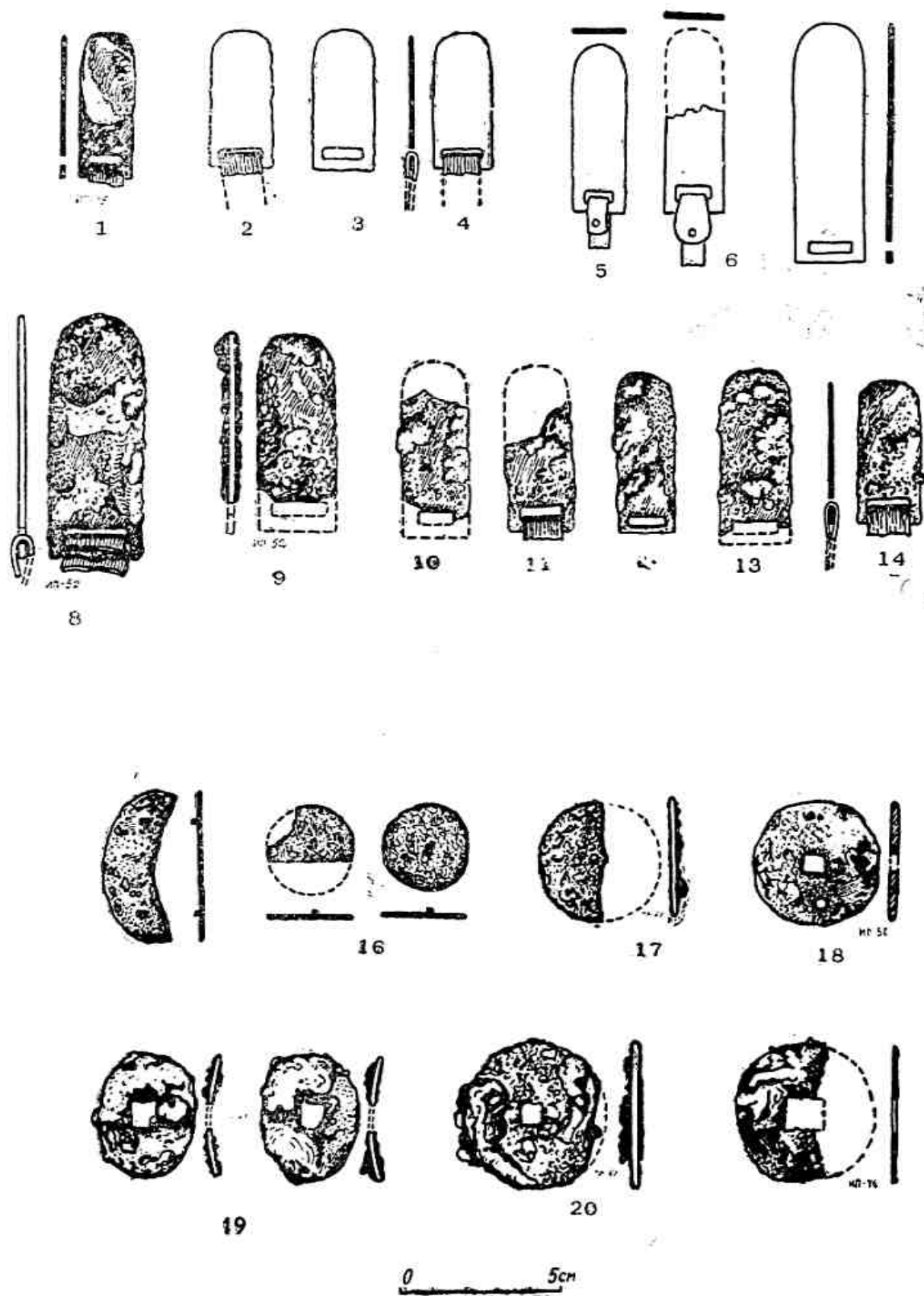

Табл. XII. Принадлежности сбруи и одежды (железные пряжки): 8—25 — из Ильмовой пади; 5—14 — из Черемуховой пади; 1—4, 15—17, 26 — из Дэрестуйского Култука.

Т а б л. XIII. Принадлежности сбруи и одежды (пряжки и бляхи): 1—5, 10, 11— из Черемуховой пади; 6—9— из Ильмовой пади; (1—7— роговые, 8—11— железные).

Т а б л. XIV. Наконечники ремней и непонятные предметы (железо): 1—4, 8—14, 18, 21 — из Ильмовой пади; 5—7, 15—17, 19, 20 — из Черемуховой пади.

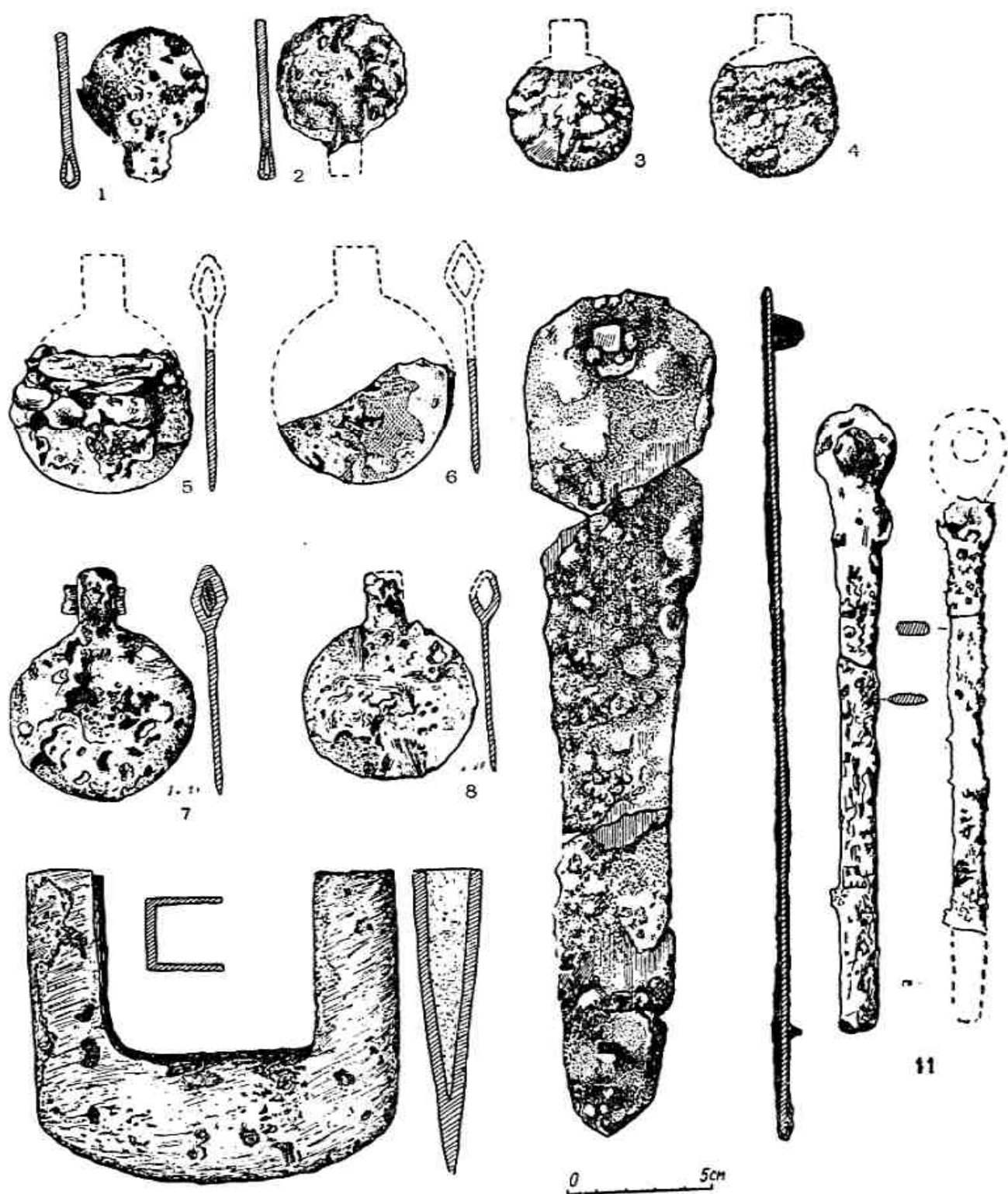

Табл. XV. Разные предметы (железо): 1—4, 10, 11 — из Ильмовой пади; 5—9 — из Дэрестуйского Култука.

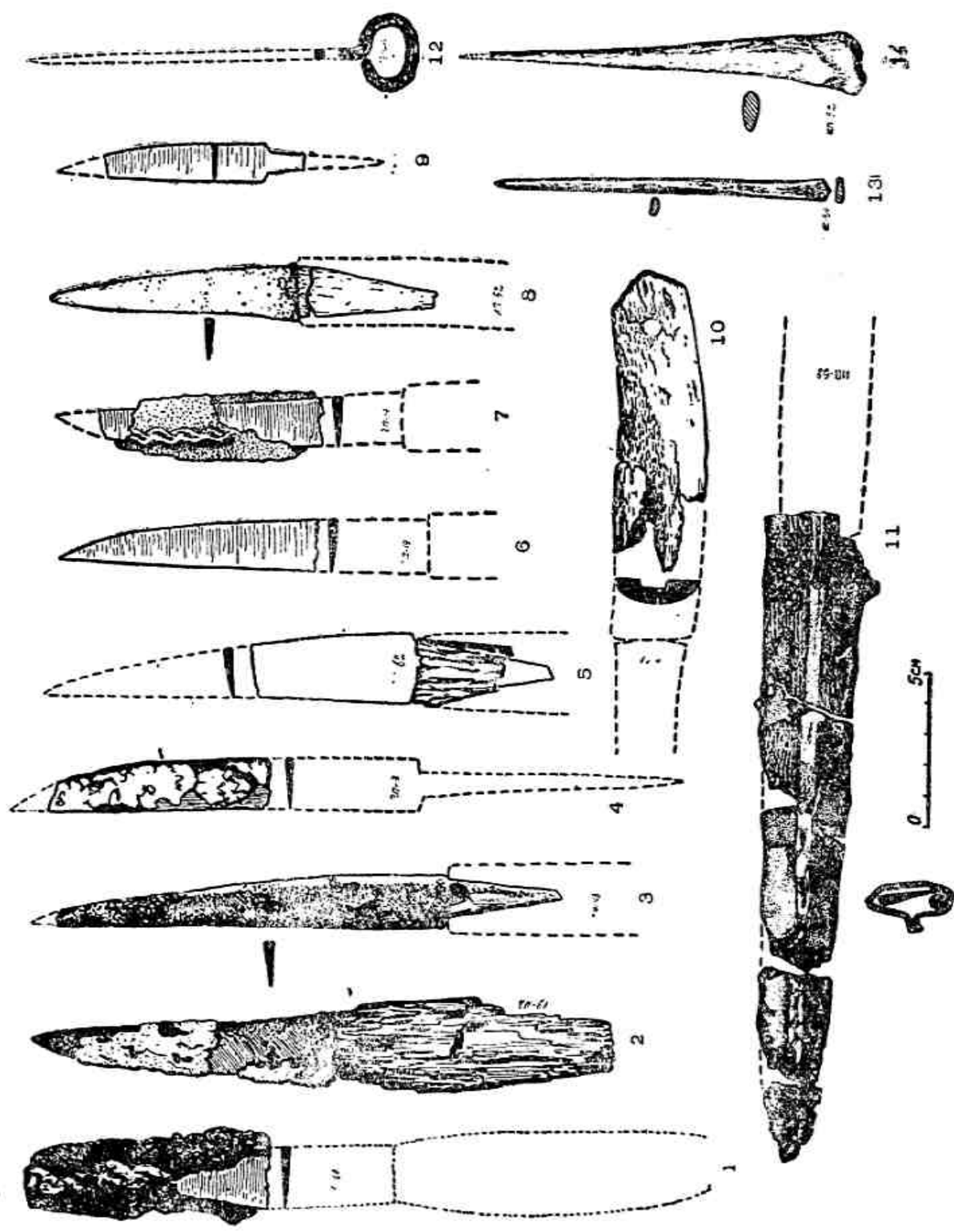

Табл. XVI. Ножи и шилья (железо и кость): 8, 11—14—из Ильмовой пади; 1—7, 9, 10—из Черемуховой пади.

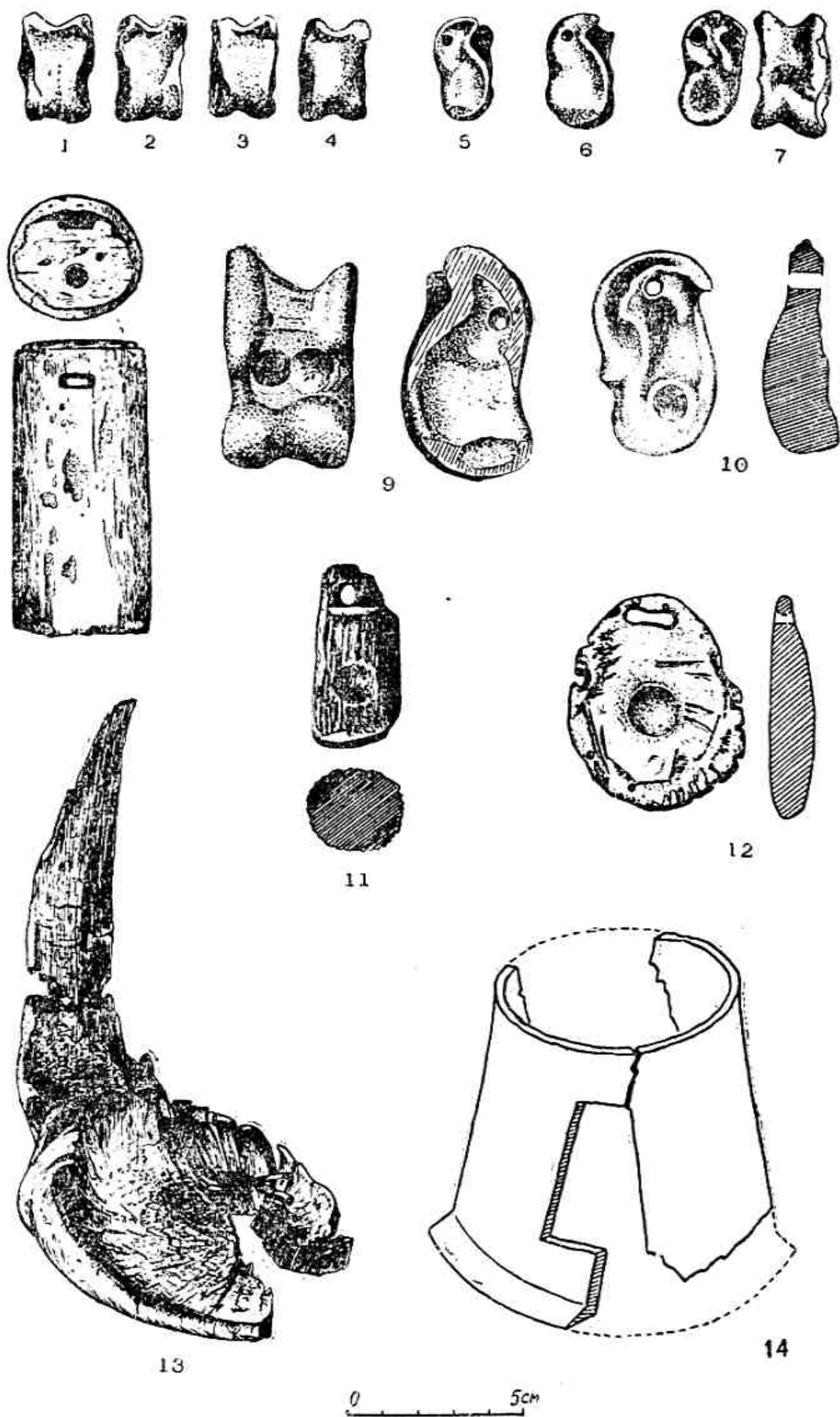
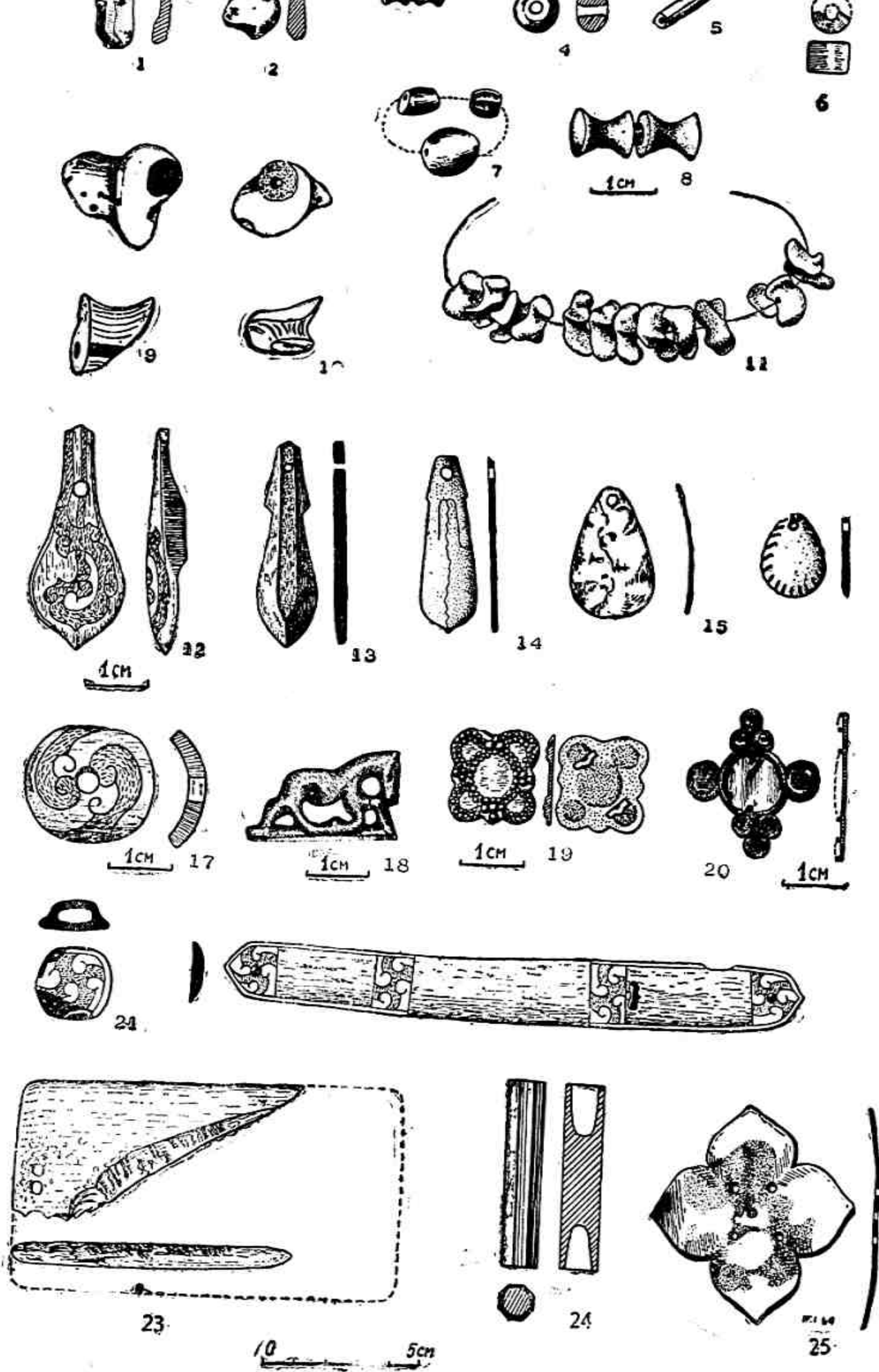
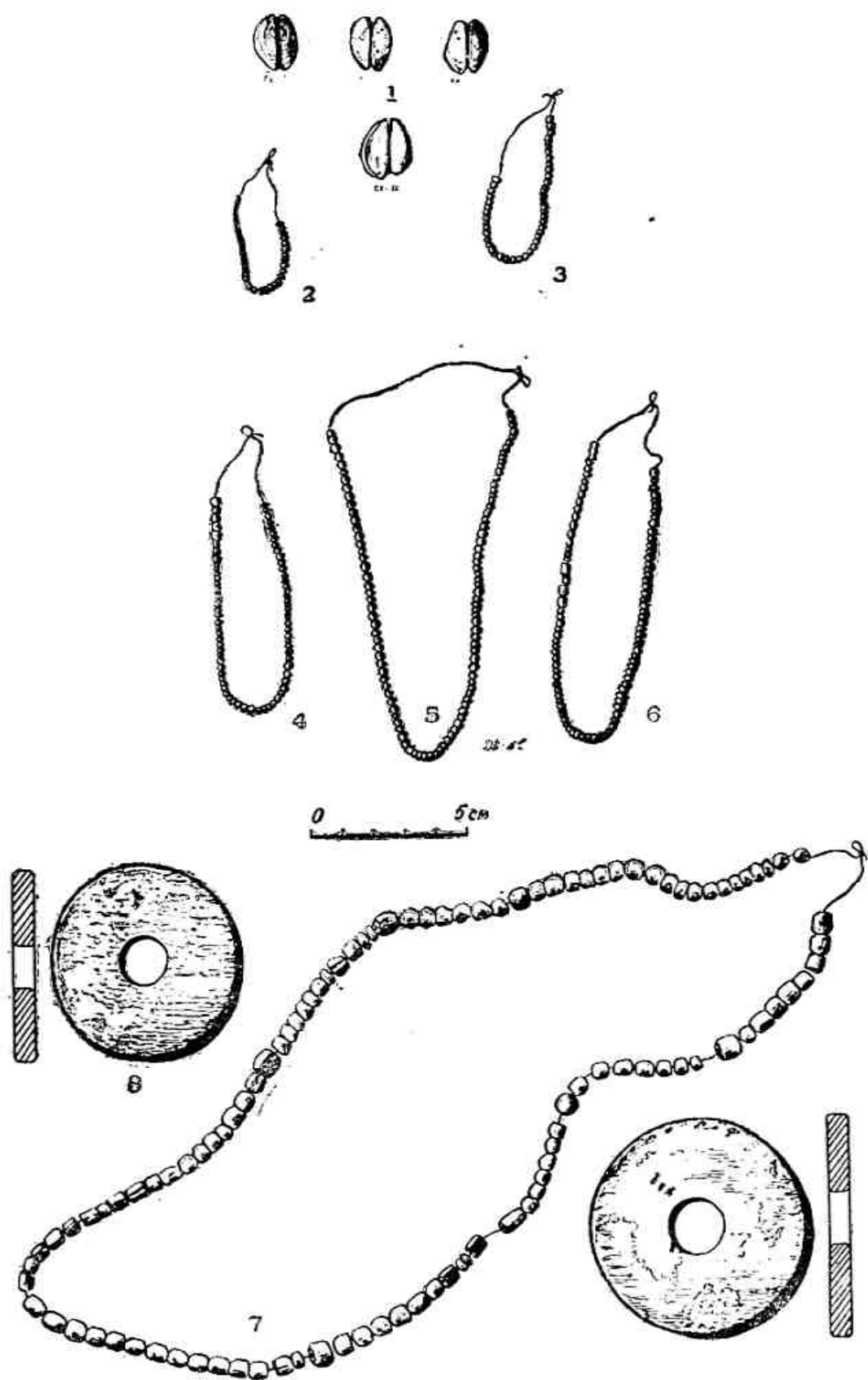

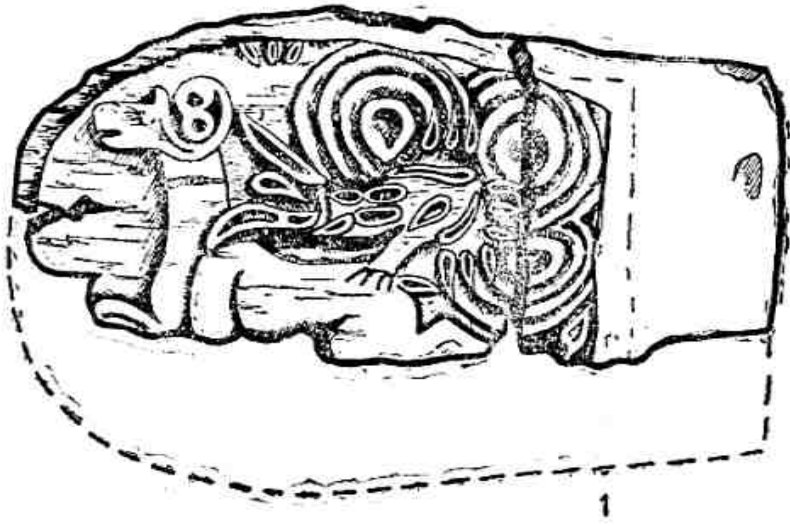
Табл. XVIII. Предметы быта (кость, дерево, железо): 1—7, 12 — из Ильмовой пади; 8—11, 13, 14 — из Черемуховой пади.

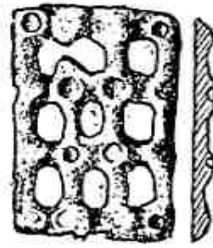
Т а б л. XIX. Предметы и украшения: 1, 9, 10, 12, 17, 18, 23—25 — из Ильмовой пади; 2—8, 11, 13—16, 19—22 — из Черемуховой пади; (1, 2, 4—6, 7, 16, 24 — камень; 3, 8, 11, 12, 13, 14, 17, 21, 22 — кость, рог; 9, 10 — раковина, перламутр; 18, 20, 25 — бронза; 19 — золото; 23 — богхед.

Т а б л. XX. Предметы украшения (камень, раковина) из Дзержинского
Култука

1

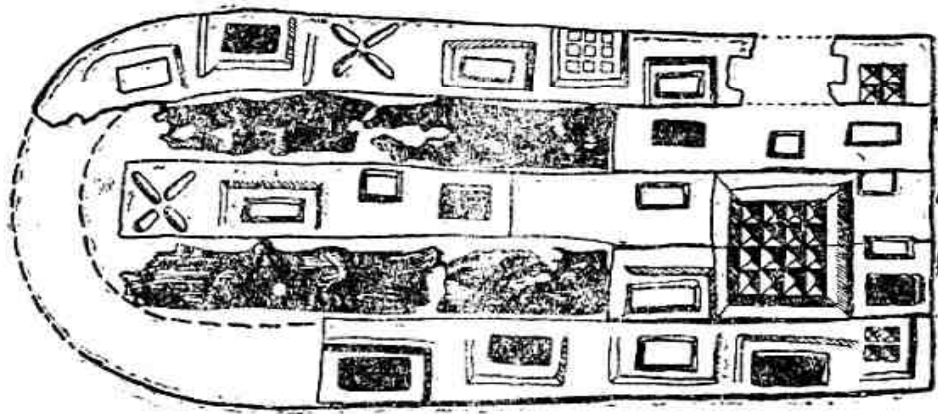
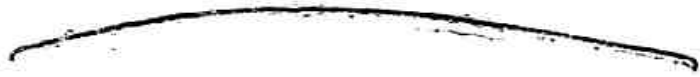
4

2

5

3

Табл. XXI. Пряжки и бляхи из Дэрестуйского Култука.

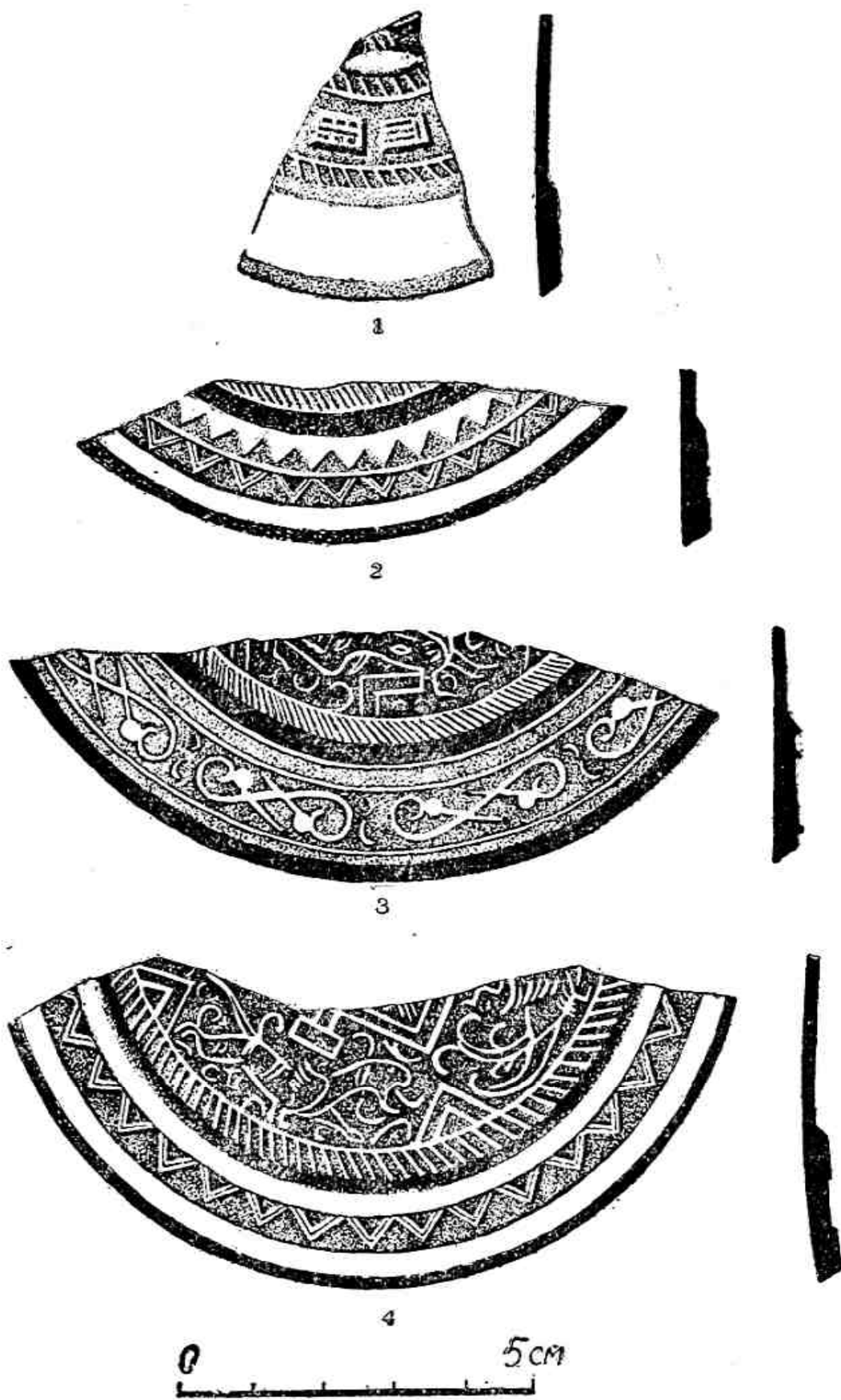

Табл. XXII. Бронзовые зеркала: 1 — из Ильмовой пади, 2—4 — из Черемуховой пади.

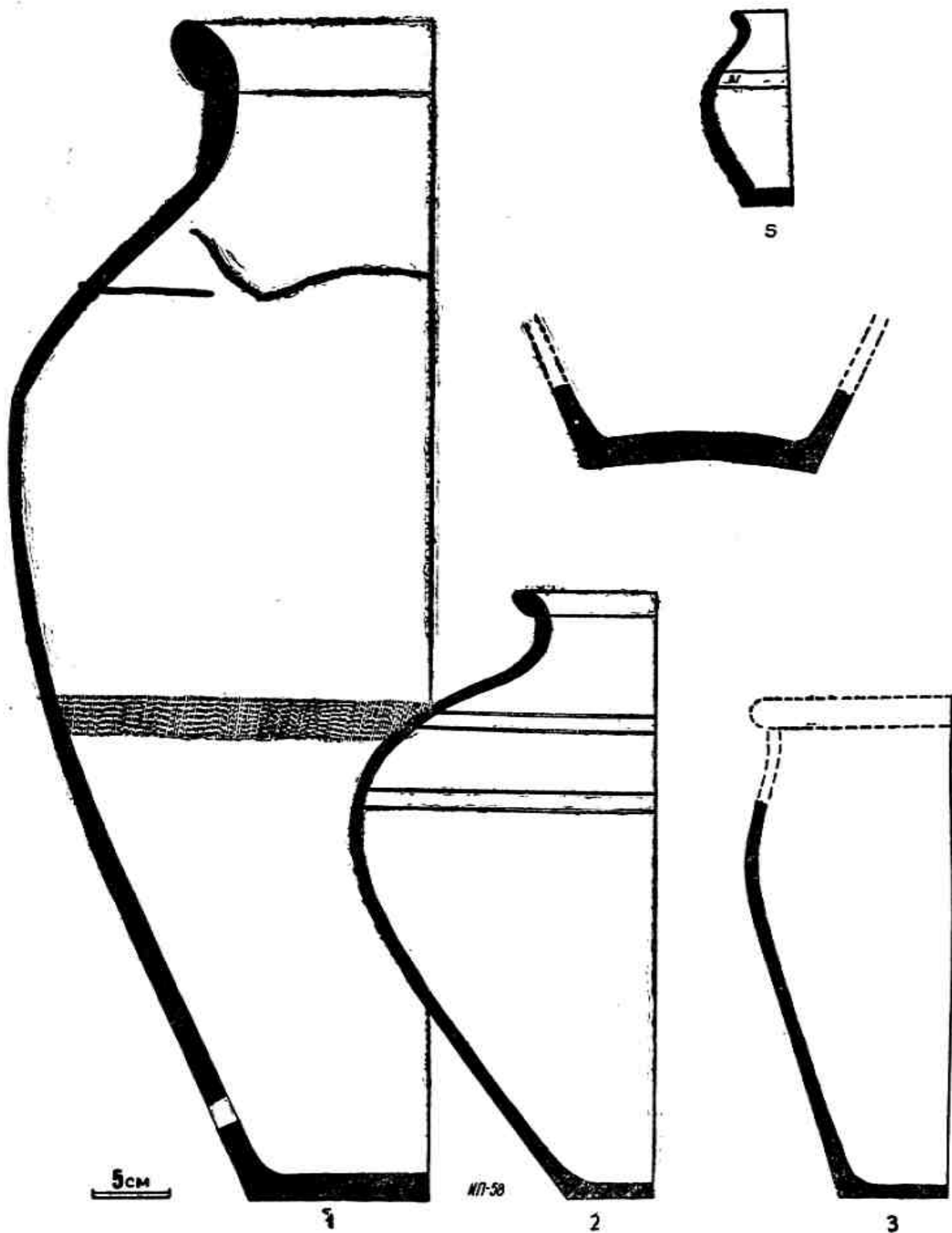

Табл. XXIII. Глиняные сосуды из погребения 58 Ильмовой пади.

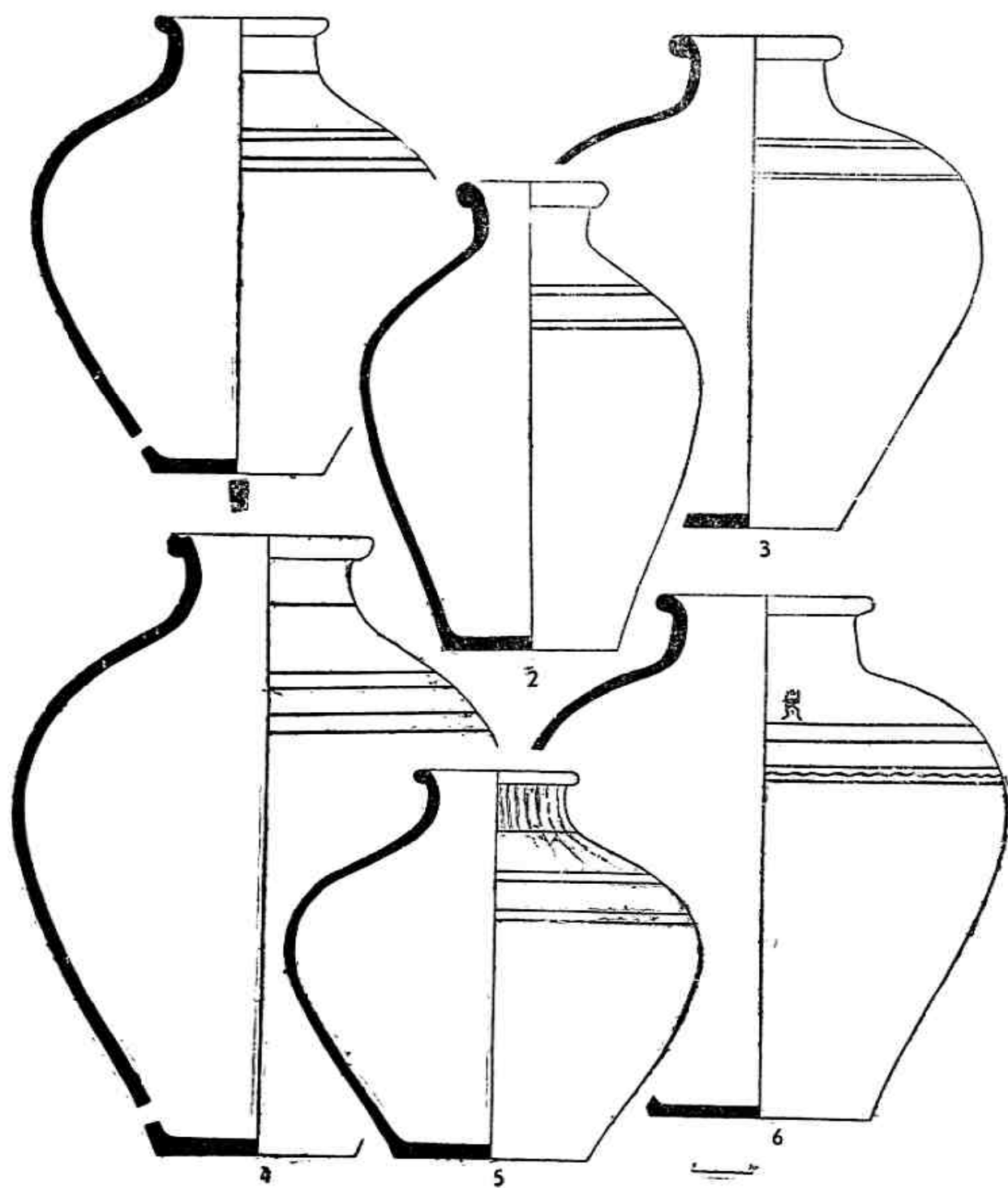

Табл. XXIV. Глиняные сосуды: 2, 3, 6 — из Ильмовой пади; 1, 4, 5 — из Черемуховой пади.

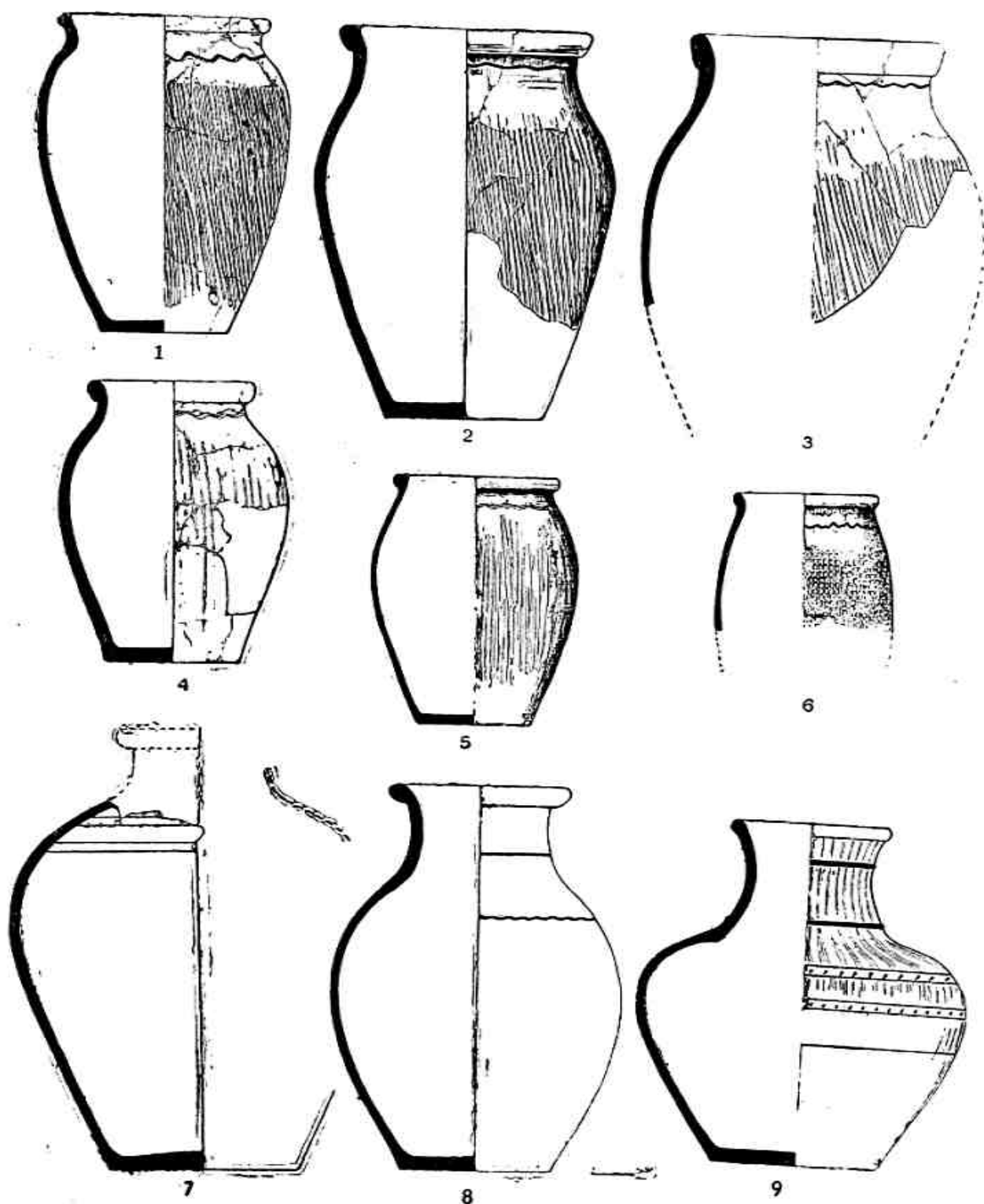

Табл. XXV. Глиняные сосуды: 1, 2—из Ильмовой пади; 3—7—из Черемуховой пади; 8—9—из Дэрестуйского Култука.

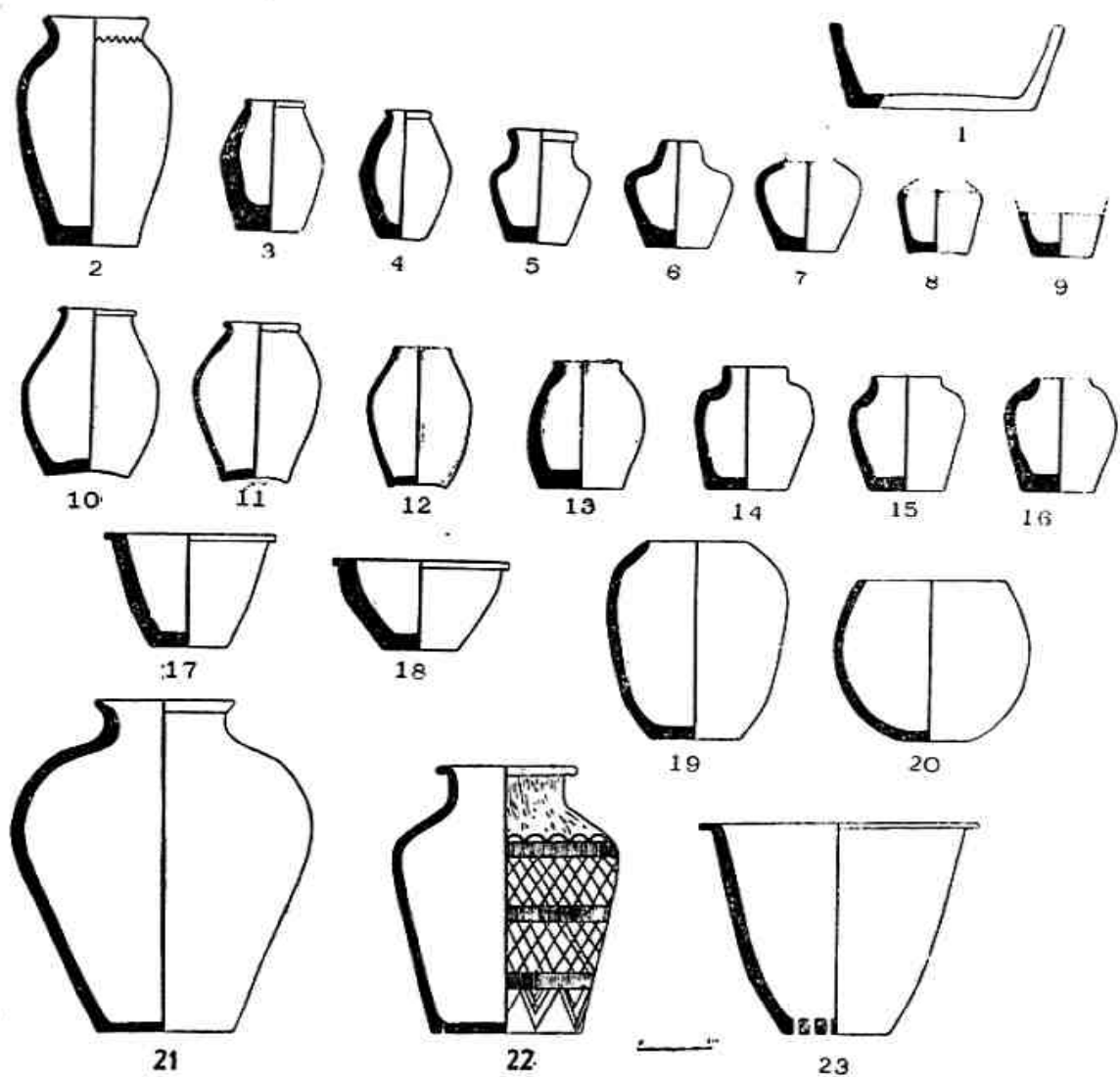

Табл. XXVI. Глиняные сосуды: 1—16 — из Ильмовой пади; 17—23 — из Эдуя.